107

ОСНОВА

ЮЖНО-РУССКІЙ ЛИТЕРАТУРНО-УЧЕНЫЙ

ВѢСТНИКЪ

«Добра хочю братьи и Руськѣй Земли.»
Владимiръ Мономахъ.

1861

МАЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. ТИБЛЕНА И КОМП.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, Мая 30-го дня, 1861 года.

Ценсоръ *Ст. Лебедевъ.*

1007(28)

КОБЗАРЬ.

ПРЕДСМЕРТНІ ДУМИ (*).

XIV.

Мину́ли літа молодіі...
Холо́днимъ вітромъ одъ надіі
Уже́ повіяло... Зі́ма́!...
Сиди́ оди́нъ въ холо́дній ха́ті...
Нема́-съ-кимъ ти́хо розмовля́ти
А ні пора́дити́сь... Нема́!
А нікогі́сінько нема́!
Сиди́ жъ оди́нъ, поки́ надія
Оду́рить ду́рня, осміе...
Моро́зомъ о́чі окуе́,
А ду́ми го́рдіі розвіе,
Якъ ту сніжи́ну по степу́...
Сиди́ жъ оди́нъ-собі въ кутку́,
Не жди́ весни́—святóі до́лі!
Вона́ не зійде вже ніко́ли
Садо́чокъ твій позелени́ть,
Твою́ надію онови́ть—

(*) Прочита́вши оці *предсмертні думи*, всякъ зрозуміе—що́ голу́била, на оста́нку життя́ свого́, вели́ка душа́ Тара́сова,—и ко́жному невірі бу́де я́сно—чому́-то такъ ви́соко стано́вимо ми, Украі́нці, свого́ еди́ного, всенаро́днёго, Кобзаря́.

И ду́му во́льную на во́лю
Не при́йде ви́пустить.... Си́ди—
И нічогі́сінько не жди!...

18 октября, 1860 р.
Петербургъ.

XV.

И тутъ, и всю́ди—скрізь пога́но!...
Душа́ убога вста́ла ра́но,
Напря́ла ма́ло, та й лягла́
Одпочива́ть собі небо́га.
А во́ля ду́шу стерегла́...
«Проки́нься», ка́же: «плачъ, убо́га!
Не зі́йде́ со́нце!.. тьма и тьма!
И пра́вди на землі́ нема́!»
Леда́ча во́ля одури́ла
Мале́ньку ду́шу: со́нце йде
И за собою день веде́!..
— — — —

30 октября, 1860 р.
Петербургъ.

XVI.

— — — —
Въ ночі и о́желедь и мря́ка,
И снігъ, и хо́лодъ... и Нева́
Тихе́сенько куди́сь несла́
Тоне́ньку кри́гу попідъ мо́стомъ.
А я, ото́-жъ-таки́ въ ночі,
Иду́ та ка́шляю йдучи.
Дивлю́сь:-нина́че ті ягня́та,
Иду́ть задрі́пані дівча́та,
А дідъ (серде́шний инвали́дъ)
За ни́ми гне́тця—шкандиба́е,
Мовъ у кошу́ру загая́е
Чужу́ худо́бу.... Де́жъ той світъ!.?

И дé та прáвда?!... Гóре! гóре!
Ненагодóваних и гóлихъ
Дівчáточокъ, якъ ту отáру,
Женýть!... Чи бýде судъ и кáра
Усімъ непрáвдамъ на землі?
Чи бýде прáвда міжъ людьмú?..
Повúнна буть!.. бо сóнце стáне
И осквернéнну зéмлю спáлить.

3 ноября, 1860 р.
Петербургъ.

XѴII.

И день идé, и нічъ идé...
И, гóлову схопúвши въ рýки,
Дивýєсся—чомý не йдé
Апóстолъ прáвди и наýки?!

5 ноября 1860 р.
Петербургъ.

XѴIII (*).

Чи не покúнуть намъ, небóго,
Моя́ сусідонько убóга,
Вíршú нíкчéмні віршувáть,
Та заходúтьця рештувáть
Возú въ далéкую дорóгу?—
На *тóй світъ*, дрýже мій, до Бóга,
Почимчикýемъ спочивáть...
Втомúлися и підтопта́лись
И рóзуму-таки набрáлись,—

(*) Стихú оці, (мабуть—*Дó Музи*), здаєтця, остáнне поетúчне слóво нáшого вічно-пáмьятного Тарáса. На пóдлиннику, підъ пéрвою ёго половúною (після́ стихá: *Слáвою святóю*), стоїть «14 февраля»; підъ другою половúною—дня не означено.

То й бýде зъ насъ!—ходíмо спать—
Ходíмо *въ хáту* спочивáть...
Весéла хáта, щобъ ти знáла!...

Ой не йдíмо, не ходíмо,
Рáно, дрýже, рáно;
Похóдимо, посидимó—
На *сей свíтъ* поглянемъ!
Поглянемо, моя дóле...
Бачъ, який ширóкий,
И ширóкий та весéлий,
Ясний та глибóкий...
Похóдимо жъ, моя зóре!
Зійдемо на гóру—
Спочинемо... а тимъ-чáсомъ
Твоі сéстри-зóрі,
Безвíчніі, попідъ нéбомъ
Попливýть, засяють...
Підождíмо жъ, моя сéстро,
Дружино святáя!
Та нескверними ýстами
Помóлимось Богу,
Та й рýшимо тихéсенько
Въ далéку дорóгу...
Надъ Лéтою бездóнною
Та каламутнóю
Благослови менé, дрýже,
Слáвою святóю!...

А пóки тé, да сé, да óне,
Ходíмо прóсто—навпростéць
До Эскулáпа на ралéць—
Чи не одýрить вінъ Харóна
И Пáрку-прялку?... И тогді,
Пóки бъ химéривъ мýдрий дідъ,
Творили бъ, лéжа, эпопéю—
Парили бъ скрізь по-надъ землéю—
Та все бъ гекзáметри плели,
Та на горище бъ однесли

Мишáмъ на снідання.... А пóтімъ
Співáли бъ прóзу—та по нóтахъ,
А не якъ-нéбудь...

Дрýже мій,
О мій сопýтниче святий!
Покú огóнь не захолóнувъ,
Ходíмо лýчче до Харóна—
Черезъ Лéту168 бездóнную,
Та каламутнýю
Перепливéмъ, перенесéмъ
И слáву святýю—
Безвічнюю—молодýю...
Абó—цýръ ій, дрýже!
И безъ нéі обійдýся—
Та якъ бýду здýжать,
То надъ сáмимъ Флегетóномъ
Абó надъ Стúксомъ у раю,
Нинáче надъ Дніпромъ ширóкимъ,
Въ гаю—предвічнёму гаю,
Постáвлю хáточку,—садóчокъ
Кругóмъ хатúни насажý:
Прилúнешъ ти у холодóчокъ,
Тебé, мовъ крáлю, посажý:
Дніпрó, Украíну згадáемъ,
Весéлі сéлища въ гаяхъ,
Могúли-гóри на степáхъ—
И веселéнько заспівáемъ....

14—26 февраля 1861 р.

Т. Шевченко.

ДНЕВНИКЪ Т. ГР. ШЕВЧЕНКА (*).

Первый отрывокъ.

Іюня 12, 1857 г.

Первое замѣчательное происшествіе, которое я вношу въ мои записки, суть слѣдующее: обрѣзывая сію первую тетрадь для помянутыхъ записокъ, я сломалъ перочинный ножъ. Происшествіе, повидимому, ничтожное и незаслуживающее того вниманія, которое я ему оказываю внося его какъ что-то необыкновенное въ сію пеструю книгу. Слу-

---

(*) Въ-увѣренности, что всякое слово нашего незабвеннаго поэта дорого и любопытно каждому читателю «Основы,» помѣщаемъ отрывокъ изъ дневника. Шевченка,—дневника, который не предназначался къ печати и задуманъ имъ съ цѣлью — сократить время въ ожиданіи разрѣшенія—возвратиться къ друзьямъ, послѣ 10-лѣтней разлуки. Дневникъ этотъ занимаетъ 102 большихъ полулиста и представляетъ драгоцѣнныя біографическія данныя съ 12 іюня 1857 по 13 іюля 1858 года, и не многія, но высшей степени любопытныя, воспоминанія поэта о своей молодости. При жизни Тараса Григорьевича, дневникъ его почти никому не былъ извѣстенъ; онъ былъ подаренъ, за тайну, ближайшему другу покойнаго, М. М. Л—скому, которому всѣ почитатели поэта обязаны, вмѣстѣ съ нами, благодарностью за позволеніе — взглянуть поближе на эту простую, сильную, истинно-художественную натуру, на эту глубоко-печальную, но поучительную, геройски-выдержанную, жизнь. Только изъ «дневника» можно узнать, сколько дѣтской искренности и мужественнаго само сознанія, сколько человѣчности, можно-сказать—благости, было въ чистомъ сердцѣ *нашего Тараса*. Изъ «дневника» и нѣкоторыхъ поэтическихъ его откровеній становится ясно—что́ дало ему силы—вынести горестную свою *долю:* безграничная любовь, къ народу, непрестанное сочувствіе *ко всему страждущему* въ этомъ чудномъ мірѣ, красота котораго была неизмѣнно присуща ему, какъ художнику: вотъ-что увлекало его до забвенія о себѣ-самомъ, о своей собственной участи...

. . . вінъ не про́сить,
Не пла́че, не сто́гне:
Ра́зъ добро́мъ нали́те се́рце
Ввікъ не прохоло́не.

Онъ былъ добръ тою возвышенною добротою геніальнаго ума и сердца, безъ которой *для человѣка* не возможно истинное величіе. — Геніальность природы Шевченка видна и въ томъ, что онъ такъ-много понималъ, и та́къ-вѣрно угадывалъ *правду*, почти безъ всякого научнаго, школьнаго, образованія: до послѣдней своей минуты, онъ не зналъ русскаго правописанія; его «дневникъ» наполненъ ошибками въ историческихъ именахъ, техническихъ названій, въ словахъ изъ иностранныхъ языковъ; но много ли у него ошибокъ въ пониманіи природы, искуства, человѣка, родины и—себя-самого?

чись этотъ казусъ въ столицѣ или даже въ порядочномъ губернскомъ городѣ, то, натурально, онъ не попалъ бы въ мою памятную книгу. Но это случилось въ Киргизской Степи, т. е. въ Новопетровскомъ укрѣпленіи, гдѣ подобная вещица для грамотнаго человѣка, *какъ напримѣръ—я*, дорого стóитъ; а главное—что не всегда ее можно достать и даже за порядочныя деньги. Если вамъ удастся растолковать свою нужду армянину-маркитанту, который имѣетъ сообщеніе съ Астраханью, то вы все-таки не ближе какъ черезъ мѣсяцъ — лѣтомъ, а зимою—черезъ пять мѣсяцевъ, получите прескверный перочинный ножикъ и, разумѣется, не дешевле *монеты*, т. е. рубля серебромъ. А случается и тáкъ,—и весьма часто,—что вмѣсто ожидаемой вами съ нетерпѣніемъ вещи, онъ васъ попотчуетъ или московской бязью, или кускомъ верблюжьяго сукна, или, наконецъ, кислымъ—какъ онъ говоритъ—*дамскимъ* чихиремъ. А на вопросъ вашъ, почему онъ вамъ не привезъ именно то, чтó вамъ нужно, онъ вамъ пренаивно отвѣтитъ,— что «мы люди комерческіе, люди неграмотные,—всего не упомнишь.» Чтó вы ему на такой резонный доводъ? Ругнете его,—онъ усмѣхнется,— а вы все-таки безъ ножа останетесь. Теперь понятно, почему въ Новопетровскомъ укрѣпленіи утрата перочиннаго ножа—событіе, заслуживающее бытописанія. Но Богъ съ нимъ—и съ укрѣпленіемъ, и съ ножомъ, и съ маркитантомъ; скоро, дастъ Богъ, вырвуся я изъ этой тюрмы и тогда подобное происшествіе не будетъ имѣть мѣста въ моемъ журналѣ.

Сегодня уже второй день, какъ сшилъ я себѣ и акуратно обрѣзалъ тетрадь для того, чтобы записывать, чтó со мною и около меня случится. Теперь еще только девятый часъ; утро прошло, какъ обыкновенно, безъ всякаго замѣчательнаго происшествія; увидимъ, чѣмъ кончится вечеръ? а пока—совершенно нѣчего записать; а писать— охота страшная, и перья есть очиненныя. По милости ротнаго писаря, я еще не чувствую своей утраты. А писать все-таки не о чемъ! А сатана такъ и шепчетъ на ухо— пиши чтó ни попало, ври сколько душѣ угодно: кто тебя станетъ повѣрять? И въ шкапичныхъ журналахъ врутъ, а въ такомъ—въ домашнемъ—и Богъ велѣлъ.

Если бы я свой журналъ готовилъ для печати, то—чего доброго— пожалуй, и искусилъ бы лукавый врагъ истины, но я, какъ сказалъ поэтъ нашъ,

Пишу не для мгновенной славы,
Для развлеченья, для забавы,

Для милыхъ искреннихъ друзей,
Для памяти минувшихъ дней.

Мнѣ слѣдовало бы начать свой журналъ со времени посвященія моего въ новый санъ, сирѣчь съ 1847 года. Теперь бы то̀ была претолстая и прескучная тетрадь. Вспоминая эти прошедшіе грустные десять лѣтъ, я сердечно радуюсь, что мнѣ не пришла тогда благая мысль обзавестись записной тетрадью. Что̀ бы я записалъ въ ней? Правда, впродолженіи этихъ десяти лѣтъ я видѣлъ даромъ то, что̀ не вся̀кому удается видѣть; но какъ я смотрѣлъ на все это? какъ арестантъ смотритъ изъ тюремнаго рѣшетчатаго окна на веселый свадебный поѣздъ. Одно воспоминаніе о прошедшемъ и видѣнномъ впродолженіи этого времени приводитъ меня въ трепетъ; и что̀ же было бы, если бы я записалъ эту мрачную декорацію и грубыхъ лицедѣевъ, съ которыми мнѣ привелось разыгривать эту мрачную, монотонную, десятилѣтнюю драму! Мимо пройдемъ, мимо минувшаго моего, моя коварная память! Не возмутимъ сердца любящаго друга недостойнымъ воспоминаніемъ, забудемъ и простимъ темныхъ людей, какъ простилъ милосердый Человѣколюбецъ...— — — Обратимся къ свѣтлому и тихому, какъ нашъ украинскій осенній вечеръ, и запишемъ все видѣнное и слышанное, и все, что̀ сердце продиктуетъ.

Отъ 2-го мая получилъ я письмо изъ Петербурга отъ Михаила Лазаревскаго съ приложеніемъ 75 р. Онъ извѣщаетъ меня — или, лучше, поздравляетъ съ свободою. До-сихъ-поръ однакожъ нѣтъ ничего изъ корпуснаго штаба, и я, въ ожиданіи распоряженій помянутаго штаба, собираю свѣдѣнія о волжскомъ пароходствѣ. Сюда пріѣзжаютъ иногда астраханскіе флотскіе офицеры (крейсера отъ рыбной экспедиціи); но... по ихъ разсказамъ... я, при всемъ моемъ желаніи, не могу до сихъ поръ составить никакого понятія о волжскомъ пароходствѣ. Въ статистическихъ свѣдѣніяхъ я не имѣю надобности, но мнѣ хочется знать, ка̀къ часто отходитъ пароходъ изъ Астрахани въ Нижній-Новгородъ, и какая цѣна мѣстамъ для пасажировъ. Но увы! при всемъ моемъ стараніи, я узналъ только, что мѣста разныя, и цѣна разная, а пароходы изъ Астрахани въ Нижній ходятъ очень часто. Не правда ли — точныя свѣдѣнія?

Не смотря однакожъ на эти точныя свѣдѣнія, я уже успѣлъ (разумѣется, въ воображеніи) устроить свое путешествіе по Волгѣ уютно, спокойно и—главное — дешево. Пароходъ буксируетъ (одно, единственное, вѣрное свѣдѣніе!) нѣсколько барокъ, или, ка̀къ ихъ

называютъ, подчалками, до Нижняго-Новгорода съ разнымъ грузомъ. На одной изъ такихъ барокъ я думаю устроить свою временную квартиру и пролежать въ ней до нижегородскаго дилижанса. Потомъ въ Москву, а изъ Москвы, помолившись Богу за фультонову душу, черезъ 22 часа и въ Питеръ,—не правда ли, яркая фантазія? Но на сегодня—довольно.

Нынѣшній вечеръ ознаменованъ прибытіемъ парохода изъ Астрахани. Но какъ событіе сіе совершилось довольно поздо, въ девятомъ часу, то до слѣдующаго утра я не получу отъ него никакихъ извѣстій. Важнаго я ничего и не ожидаю отъ астраханской почты. Вся переписка моя идетъ черезъ Гурьевъ-городокъ, а черезъ Астрахань я весьма рѣдко получаю письма. Слѣдовательно, мнѣ отъ парохода ждать нечего. Не вздумаетъ ли *Батько Кошовый*, К — ко, написать мнѣ? То-то бы одолжилъ меня старый черноморецъ! Замѣчательное явленіе между людьми этотъ истинно благородный человѣкъ. Съ 1847 г., всѣ друзья мои должны были прекратить со мною всякое сношеніе. К. не зналъ о такомъ распоряженіи, равно не зналъ и о моемъ мѣстопребываніи и, будучи въ Москвѣ, во время коронаціи, депутатомъ отъ своего войска, познакомился со старикомъ М. С. Щ—мъ и отъ него узналъ о мѣстѣ моего заключенія. И, благороднѣйшій другъ! написалъ мнѣ самое искреннее, самое задушевное письмо. Черезъ десять лѣтъ—и не забыть *друга*, и еще въ несчастіи друга! это—рѣдкое явленіе между себялюбивыми людьми. Съ этимъ же письмомъ, послучаю, какъ онъ пишетъ, послучаю полученія имъ Станислава первой степени, прислалъ онъ мнѣ, на поздравку, 25 р. ср. Для семейнаго и небогатаго человѣка большая жертва. И я не знаю, чѣмъ и когда я ему воздамъ за эту искреннюю нелицемѣрную жертву.

Послучаю этого дружескаго неожиданнаго привѣтствія, я расположилъ-было мое путешествіе такимъ образомъ: черезъ Кизляръ и Ставрополь проѣхать въ Екатеринодаръ прямо къ К—у. Насмотрѣвшись досыта на его благородное выразительное лицо, я думалъ проѣхать черезъ Крымъ, Харьковъ, Полтаву, Кіевъ—въ Минскъ, Несвижъ и, наконецъ, въ село *Чирковичи*, и обнявъ своего друга и товарища... Бр. З—го, черезъ Вильно проѣхать въ Петербургъ. Планъ этотъ измѣнило письмо М. Л—го отъ 2 мая. Изъ письма этого я увидѣлъ, что мнѣ нигдѣ не останавливаясь нужно поспѣшить въ академію художествъ и облобызать руки и ноги графини Н—и И—ы Тол—ой и ея великодушнаго супруга, графа Ѳ—ра П—ча. Они — единственные виновники моего избавленія, и имъ первый поклонъ; —

независимо отъ благодарности, этого требуетъ простая вѣжливость. Вотъ главная причина, почему я, вмѣсто ухарской тройки, выбралъ тридцатидневное монотонное плаванiе по матушкѣ-Волгѣ. Но состоится ли оно,—я этого еще навѣрное не знаю. Легко можетъ статься, что я еще, въ своей хламидѣ, попунтирую въ Уральскъ; всего еще можно ожидать! И потому не слѣдуетъ давать слишкомъ много воли своему неугомонному воображенiю. Но—утро вечера мудренѣе. Посмотримъ, чтò завтра будетъ? Или, лучше сказать, что́ привезетъ Гурьевская почта.

14 iюня.

Я что́-то черезчуръ усердно и акуратно взялся за свой журналъ; не знаю, долго ли продлится этотъ писательскiй жаръ? Какъбы не сглазить. Если правду сказать, я не вижу большой надобности въ этой пунктуальной акуратности, а тàкъ—отъ нѐчего дѣлать. На бездѣльи и это рукодѣлье. Записному литератору, какому-нибудь поставщику фельетона — тому необходима эта бездушная акуратность, какъ упражненiе, какъ его насущный хлѣбъ; какъ инструментъ виртуозу, какъ кисть живописцу, такъ литератору необходимо ежедневное упражненiе пера. Тàкъ дѣлаютъ и генiальные писатели, та́къ дѣлаютъ и пачкуны. Генiальные писатели потому, что это ихъ призванiе; а пачкуны потому, что они иначе себя и не воображаютъ, какъ генiальными писателями; а то бы они и пера въ руки не брали.————

Кажется, кто-то написалъ книгу подъ заглавiемъ *солдатскiе досуги.* Заглавiе ложное. У русскаго солдата досуга слишкомъ не много.... ————

Солдату простительно окунуть иногда свою одинокую душу въ полштофѣ сивухи. ————

Какая же, спрашивается, была цѣль у прославленнаго сочинителя писать подобные досуги? И что́ нравственнаго въ подобныхъ досугахъ, если они писаны съ натуры (я книги не читалъ); а если это просто *сочиненiе*, т. е. фантазiя, то опять—какая цѣль подобной фантазiи? а не лучше ли бы сдѣлалъ почтеннѣйшiй авторъ сихъ ненужныхъ фантастическихъ досуговъ, если бы написалъ истинные досуги линейныхъ, армейскихъ и даже гвардейскихъ молодыхъ офицеровъ? Этимъ онъ оказалъ бы величайшую услугу чадолюбивымъ—родителямъ.

15 iюня.

Что́же я сегодня занесу въ мой журналъ? Совершенно нѐчего занести, *а ни ни ничего* хоть сколько-нибудь выходящаго изъ круга

обыденной монотонной жизни. Сегодня поутру началъ я рисовать портретъ Б., чернымъ и бѣлымъ карандашомъ, въ киргизской кибиткѣ на огородѣ. Прекрасное освѣщеніе, — и я съ охотою принялся за работу. Пріятельница помѣшала,—я закрылъ портфель и вышелъ изъ кибитки. Скромная пріятельница неутерпѣла взглянуть однимъ глазкомъ на мою работу и нашла рѣшительное сходство еслибы ротъ и и носъ поменьше. И, неудовольствовавшись собственнымъ замѣчаніемъ, спросила мнѣнія у горничной и у своего фаворита—молчалина. Это меня рѣшительно взбѣсило и я, не простившись, ушелъ въ укрѣпленіе. Въ укрѣпленіи видѣлъ—офицію; солдатамъ выдавали жалованье, мнѣ тоже выдали; я передалъ его своему, еще трезвому, дядькѣ и велѣлъ ему сшить изъ подкладочнаго холста *то́рбу* для дороги. Потомъ зашелъ къ М—скому, выслушалъ въ другой разъ исторію (съ нѣкоторыми прибавленіями) о будущемъ тестѣ и зятѣ, выпилъ рюмку водки и возвратился на огородъ. Обѣдалъ,—послѣ обѣда, по доброму обычаю предковъ, заснулъ часика два, и тѣмъ кончилось 15 число іюня. О вечерѣ совершенно не́чего написать.

16 іюня.

Сегодня воскресенье. Я ночевалъ на огородѣ. Поутру былъ въ укрѣпленіи. Дождь (весьма рѣдкое явленіе) помѣшалъ мнѣ возвратиться на огородъ, и я остался обѣдать у М—скаго. М—скій—человѣкъ, котораго я люблю и уважаю; человѣкъ—не сплетня, не верхоглядъ, человѣкъ акуратный, положительный и въ высокой степени благородный. Говоритъ плохо по-русски, но русскій языкъ знаетъ лучше многихъ.—Въ 1830 году служилъ онъ въ артиллеріи бывшей польской арміи, и изъ военно-плѣнныхъ зачисленъ былъ рядовымъ въ русскую службу. Я много отъ него слышалъ интересныхъ подробностей о 1830 годѣ. Достойно замѣчанія то́, что онъ разсказываетъ о собственныхъ дѣйствіяхъ и неудачахъ безъ малѣйшихъ украшеній: рѣдкая черта въ военномъ человѣкѣ, тѣмъ-болѣе—въ Сарматѣ. Однимъ словомъ, М—скій—человѣкъ, съ которымъ можно жить, не смотря на видимую сухость и прозаичность его характера.

Сегодня же милѣйшая миледи М. сообщила мнѣ, впрочемъ—не по секрету, со всѣми подробностями, исторію объ одномъ семейномъ побоищѣ. Изъ этой исторіи можно бы выкроить водевиль, разумѣется, водевиль для здѣшней публики. Назвать его можно *свадебный подарокъ* или *недошитая кофта*. Премиленькій и назидательный могъ бы выкроиться водевильчикъ!——— И это гнусное происшествіе, не

выходящее изъ круга обыкновенныхъ происшествій въ Н. П. укрѣпленіи, и я, въ этомъ омутѣ, среди этого нравственнаго безобразія; седьмой годъ уже кончаю... Страшно! Теперь, когда уже узнали о моемъ освобожденіи то ближайшіе мои начальники—фельдфебель и ротный командиръ, не увольняя меня отъ ученья и караула, позволили мнѣ, въ свободные часы отъ службы, проводить на огородѣ, зачто́ я имъ сердечно благодаренъ. На огородѣ, или въ саду, лѣтняя резиденція нашей комендантши, и все свободное время теперь я провожу въ ея семействѣ; у нея двое маленькихъ дѣтей: Наташенька и Наденька, и это—единственный мой отдыхъ и разсѣяніе въ этомъ захолустьѣ.

Сегодня, въ четвертомъ часу утра, пришелъ я на огородъ. Утро было тихое, прекрасное. Иволги и ласточки нарушали, изрѣдка только, сонную, сладкую тишину утра. Съ нѣкотораго времени, съ тѣхъ поръ какъ мнѣ позволено уединяться, я чрезвычайно полюбилъ уединеніе. Милое уединеніе! Ничего не можетъ быть въ жизни слаще, очаровательнѣе уединенія. Особенно передъ лицомъ улыбающей, цвѣтущей красавицы матери-природы. Подъ ея сладкимъ волшебнымъ обаяніемъ, человѣкъ невольно погружается самъ въ себя «и видитъ Бога на землѣ», какъ говоритъ поэтъ. Я и прежде не любилъ шумной дѣятельности, или, лучше сказать, шумнаго бездѣлья. Но послѣ десятилѣтней *здѣшней* жизни, уединеніе мнѣ кажется настоящимъ раемъ, а я все-таки не могу ни за что́ приняться. Ни малѣйшей охоты къ труду. Сижу или лежу молча по цѣлымъ часамъ, подъ моею любимою вербою и хоть бы на-смѣхъ что́-нибудь шевельнулося въ воображеніи. Таки совершенно ничего. Настоящій застой! И это томительное состояніе началось у меня съ 7 апрѣля, т. е. со дня полученія письма отъ М. Лазаревскаго. Свобода и доро́га меня совершенно поглотили. Спасибо еще К—у, что догадался прислать книгъ, а то я не зналъ бы, что́ съ собою дѣлать. Въ-особенности благодаренъ я ему за *Записки о Южной Руси*. Я эту книгу скоро наизусть буду читать. Она мнѣ такъ живо, такъ волшебно-живо напомнила мою прекрасную Украину, что я какъ-будто съ живыми бесѣдую съ ея славными лирниками и кобзарями. Прекраснѣйшій, благороднѣйшій трудъ, бриліантъ въ современной *исторической* литературѣ. Пошли тебѣ, Господи, друже мой искренній, силу, любовь и терпѣніе продолжать эту неоцѣненную книгу. Прочитавши въ первый разъ эту алмазную книгу, я дерзнулъ-было дѣлать замѣчанія, но когда прочи-

талъ въ другой и въ третій разъ, то увидѣлъ, что замѣтки мои— замѣтки пьянаго человѣка и—ничего больше. Окромѣ Суботова, т. е. на счетъ мѣста бывшаго дома Богдана Хмельницкаго. Но такое ничтожное пятнышко не должно быть замѣчаемо на драгоцѣнной ткани. Я обѣщалъ, начитавшись до-сыта этой книги, послать ее К — ку, и теперь жалѣю, что обѣщалъ. Во-первыхъ, потому, что я и никогда не начитаюсь до-сыта, а вовторыхъ, потому, что поля книги испачканы нелѣпыми замѣчаніями. Дастъ Богъ, я ему изъ Петрбурга вышлю чистенькій экземпляръ.

Вчерашній водевиль кончился, ка́къ и слѣдовало ожидать, сегодня миромъ и гомерической попойкой съ пѣсельниками. Интересно знать— чѣмъ кончится свадьба. Вѣроятно—дракой.

18 іюня.

Сегодня я, какъ вчера, точно также рано пришелъ на огородъ; долго лежалъ подъ вербою; слушалъ иволгу и, наконецъ, заснулъ. Видѣлъ во снѣ Мижигорскаго Спаса Дзвонковую-Криницю, и потомъ Выдубицкій монастырь, а потомъ—Петербургъ и свою милую Академію. Съ недавняго времени мнѣ начали грезиться во снѣ знакомые, давно-невиданные предметы. Скоро ли увижу все это я на-яву? Сновидѣніе имѣло на меня прекрасное вліяніе впродолженіе всего дня, а тѣмъ болѣе, что сегодня гурьевскую, т. е. оренбургскую, почту ожидали. Къ вечеру, дѣйствительно, почта пришла, но ни мнѣ, ни обо мнѣ ничего не привезла. Опять я спустилъ носъ на квинту! Опять тоска и безконечное ожиданіе! Неужели отъ 16 апрѣля до сихъ поръ не могли сдѣлать въ штабѣ, на счетъ меня, распоряженія? Холодные равнодушные люди! Вечеромъ возвратился я въ укрѣпленіе и получилъ приказаніе отъ фельдфебеля готовиться къ смотру. Это результатъ давно ожиданной почты и съ такимъ трепетомъ ожиданной свободы. Тяжело, невыразимо тяжело! Я одурѣю, наконецъ, отъ этого безконечнаго ожиданія....

Какъ быстро и горячо исполняется приказаніе—арестовать, такъ, напротивъ, вяло и холодно исполняется приказаніе—освободить. А исполнители одни и тѣже. Отчего же эта разница? Въ 1847 году, въ этомъ же мѣсяцѣ, меня на седьмые сутки доставили изъ Петербурга въ Оренбургъ, а теперь, дай Богъ, на седьмой мѣсяцъ получить приказаніе—отобрать отъ меня казенныя вещи и прекратить содержаніе.... Форма... Но я не возьму себѣ въ толкъ этой формы!

КОБЗАРЬ.

XIX.

Въ невóлі тя́жко, - хочá й вóлі,
Сказáть по прáвді, не булó,
Та всé-таки́ якóсь жилóсь
Хоть на чужóму—та на пóлі;
Тепéрь же злóі тіі дóблі
Якъ Бóга ждáти довелóсь,
И жду іі, и виглядáю,
Дурни́й свій рóзумъ проклинáю,
Що дáвся дýрнямъ одури́ть—
Въ калюжі вóлю утопи́ть...
Холóне сéрце, якъ згадáю,
Що не въ Украйні поховáють,
Що не въ Украйні бýду жить,
Людéй и Гóспода люби́ть.

1847 р.

Т. Шевченко.

САЛДА́ТКА.

(Іереміі Галці, на-незабудь.)

I.

Товкачи́сі ра́дість—Богъ давъ си́на; двійко бі́гае, тре́те у коли́сці,—кричи́ть. А Товкаче́ві й байду́жки: сиди́ть край вікна́; ду́мки та га́дки одоліли. Люби́въ, небо́га, мірковати самъ зъ собо́ю, хочъ и голова́ ёму не розуміла, про що́ ду́мала.

«Якъ-то вже, «ду́мае», усе́ чу́дно та на́че нерозу́мно на світі постано́влено: па́ні рожа́е панича́, Товкачи́ха—па́робка; одному́ — хо́лявóля; дру́гому — па́нщина. Отъ якъ неви́дно—реви́зія; неси́, ба́тько, за Товкаче́нка поду́шне, бо й Товкаче́нко ди́витця на бо́жий світъ...»

Ду́мавъ, ду́мавъ, ажъ плю́нувъ.

Лежи́ть синокъ у коли́сці, пруча́етця. Его охрести́ли — ставъ Семе́нкомъ.

Семенко вже хло́пчикъ чима́лий—ста́рші брати́ пого́ничами.

Брати́ пожени́лись, и Семенко вже па́рубокъ, білоли́ций, чорня́вий, та висо́кий. Ба́тько й ма́ти не нади́влятця на Семе́на.

Ча́со́мъ ма́ти тужи́ла, що найкра́щу дити́ну пи́сано до му́штри,—та ще більшъ пильнова́ла за нею: «Неха́й, ка́же, хочъ у ма́тері на роско́ші поживе́: — спомина́тиме».

Товка́чъ ходи́въ до ку́ма, зъ ку́момъ до пи́саря: »Чи не мо́жно сёго́ минова́ти?«

— Не мо́жно, — ка́же.

«Неха́й бу́де во́ля бо́жа».

II.

Нічъ якъ день: ясна́ та те́пла. Мі́сяць ви́соко стоїть надъ лева́дою. Ти́хо.

Хтось иде́ при мі́сяці, співа́е:

«Ой сонъ, мàти, ой сонъ, мàти, сонъ голо́воньку кло́нить...»

Товкаче́нківъ го́лосъ; ёго́ пі́сня. Ле́гко па серці молодій дити́ні,—ле́гко и ве́село.

Семе́нъ порівня́всь съ Соло́шиною ха́тою. У садку́, підъ черешнею, щось стоя́ло коло са́мої ліси.

— Се ти, Ка́тре?

— Я, — каже.

— Добри́вечіръ. Кого́ вигляда́ешъ?

— Се я та́къ,—ні́кого... Мо́тря каза́ла—при́йде...

А сама́ почервоні́ла. Семе́нъ ставъ передъ дї́вчиною.

— Ка́тре,—поча́въ Товкаче́нко, та й забу́въ що́ думавъ сказа́ти... «Ка́тре́...»

Ка́тря мовчи́ть. Семе́нъ одчини́въ две́рці и ввійшо́въ у горо́дчикъ.

— Я... ти ви́йдешъ сё́годні на у́лицю?

— Ні, въ ме́не голова́ боли́ть,—каже Ка́тря.

Семе́нъ гля́нувъ ій пря́мо у ві́чі. Ка́тря рукаво́мъ закри́лась. Товкаче́нко хоті́въ узя́ть іі за́ руку—не посмівъ, и вернувсь на у́лицю.

— Я пійду додо́му.

— Пострива́й! Я чу́ла... Лю́де каза́ли, що у восени́ хлопцівъ у москалі бра́тимуть.

— Бра́тимуть,—каже,—и мене́ візьмуть.

Жаль ста́ло Семе́на. Отяжа́ли слізьми́ очи́ці у Ка́трі... Вона хоті́ла щось промо́вить... Семе́нъ тихе́нько узя́въ іі за́ руку. Ка́тря стоїть якъ укопана.

— А ти за мно́ю тужи́тимешъ?

— Тужи́тиму.

— И по Андріеві тужи́тимешъ?

Ка́тря мовчи́ть.

— Проща́й, Ка́тре.

Ка́тря запла́кала.

— Хиба́ тобі мене́ жаль?

Ка́тря мовчи́ть.

— Не жаль?

— Жаль!

И ще ду́жче вона́ запла́кала. Семе́нъ обня́въ іі руко́ю коло ста́ну. Ка́тря одвела́ ёго ру́ку.

— Пусти́ мене́,—я пійду́.

— Ка́тре, пострива́й, не втіка́й такъ ско́ро.

Вінъ узя́въ іі за руку. Ка́тря знову почервоніла якъ макъ. Товкаче́нко стоя́въ мовъ несамови́тий.

— Ка́тре!

Ка́тря тілько гля́нула на ёго. Товкаче́нко нахили́всь и тихе́сенько поцілува́въ іі у го́лову.—А вона, мовъ та́я дити́на, пригорну́лась до Семе́на, хотіла де́-що сказа́ти — склепи́лися уста́ дитя́чі; обхопи́ла рученятами ёго шию, кріпко-кріпко поці́лува́ла—и якъ боже-ві́льна побігла у ха́ту.

Товкаче́нко прики́пів на мі́сті,—не побігъ за не́ю. Вінъ самъ не тя́мивъ, що́ зъ нимъ роби́лось.

Ту нічъ на у́лиці не ба́чили Семена, не було й Катрі.

III.

— Стари́й!

— А го́у?...

— Чи Семе́ну-пакъ бу́де го́дівъ зъ два́дцять?

— А то́жъ!—розмовля́ли поміжъ се́бе Товка́чъ съ Товкачи́хою, у неділю сидючи́ за ворітьми́ на при́зьбі. А да́лі впять обо́е змо́вкли. Товка́чъ сиди́ть та палічкою по піску́ пи́ше.

— Стари́й!

— А го́у!

— Що́ я тобі каза́тиму...

— А нужъ...

— Чи не часъ вже намъ Семе́на одружи́ти?

— А що́ съ то́го?

— Що́! хиба́ вінъ не таки́й якъ усі лю́де?

— Звісно, що не таки́й. Не те ёму одвіку напи́сано. Семе́нко — не́крутъ.—Хиба́ кому ду́рно світъ завьяза́ти? шкода́!... неха́й Богъ боро́нить...

— Та де́жъ-таки́ ви́дано, щобъ дити́на до двадцяти́ літъ дру-жи́ни не ма́ла?

— Ні, стара́, гріхъ одъ Бо́га, гріхъ и одъ людє́й: утопи́ти дівчину мо́жно, та я́къ-то на тімъ світі держа́тимешъ одвітъ передъ Бо́гомъ.. Семе́нкові зъ ро́ду-віку та́ка до́ля ви́пала, а чужу́ дити́ну страхъ зарізати... Така́ моя́ ду́мка.

Товкачи́ха ва́жко зітхну́ла.

— И хлопья́ жаль, — промо́вила стара́: — бідна дити́на що-дня вбива́етця, и Ка́тря пла́че.

— Ка́тря?

— Та Солохівна жъ, Ива́нівни дочка́... Со́хне, и ма́тіръ су́ше.

— А нашъ?

— И нашъ тежъ са́ме: хочъ у пе́кло, каже, та зъ Ка́треєю.

Стара́ перехрести́лась.

Товка́чъ до́вго сидівъ смутний-невесе́лий.

IѴ.

Суди́ли-ряди́ли Товкачі́ поміжъ се́бе, гада́ли и се́ и те́, каза́ли Семе́нкові, щобъ поду́мавъ—не губи́въ дівчини... Уже стари́й и сюди́ й туди́ умо́мъ роски́дувавъ, и до пан'отця́ ходи́въ, чи не розсу́дить ёго́ Письмо́мъ Святи́мъ да розу́мнимъ сло́вомъ, навідувавсь и до бабу́сі За́тірки, — такъ нішо́ не помогло́. «Коли́,» ка́же, «мене́ не оже́ните, самъ на се́бе ру́ки підійму́, бо мені за́-одно пропада́ти.» — Стари́й Товка́чъ и погрози́всь би на си́на, мо́же бъ то де́-чимъ и поляка́въ ёго́, та само́му жаль було́ хло́пця. Оце́ ча́сомъ якъ поба́че іхъ у-ку́пі на у́лиці, почу́е якъ Ка́тря щебе́че, — підбіжи́ть до Товкаче́вої при́зьби, любе́нько поздоро́вкаетця — «живе́нькі-здорове́нькі діду́сю зъ бабу́сею,» — то Товкаче́ві й ру́ки опу́стятця. А ще до то́го й стара́ про́світку ёму́ не дава́ла: сто́гне та пла́че, та на свою́ до́лю нарікає, що ажъ нудьга́ взяла́ чоловіка, світъ ёму́ неми́лий, и о́чі ні на що бъ не диви́лись. 'Иноді гри́мне на не́і, а да́лі мерщі́й за ша́пку, та й пі́йде до ку́ма ту́гу розважа́ти. Чого́-то вже вони́ не перебала́кають, сидючи́ собі у холодо́чку підъ повіткою: и якъ-то тепе́рички усе́ на світі діетця не по бо́жому, и якъ-то ва́жко ста́ло чоловікові хлібъ заробля́ти.... и чима́ло де́-чого було́ згада́ють та недо́бримъ сло́вомъ помья́нуть. Ото́ воно́ на́че тро́хи й поле́гша пісня́ тако́і розмо́ви, бо се таки́ воно́ бачъ луча́етця, що коли́ вже чоловікові не-въ-си́лу тяжка́ до́ля тра́питця, то якъ поба́че,

що й кругóмъ ёго кóжне зъ своімъ ли́хомъ, якъ москáль зъ оріжжямъ, бідкаетця, що кóжному той хлібъ гіркий та свій панъ важкий, — то ніби й те́ ли́шенько не таке́ досáдне буде и геть-геть відъ се́рця одкóтитця.

Оце́ такъ якось вернýвсь стари́й одъ кýма, та й кáже: «Посилáймо, жінко, старості́ до Солóшихи, — хай Семе́нко хочъ рóківъ зó-два поживé чоловікомъ, поки ёго у некрути не взято; а тамъ — щó Богъ дасть, — Ёгó свята́ вóля.»

Пóслано. Старості́ вернýлись зъ рушникáми. — «Тілько, — кáжуть, — старá Йвáнівна дýже вбивáлась.»

А Товкáчъ и кáже: «Щó-то вже ті бабú повáдні плáкати! Отó й моя́ — скільки ти́жнівъ очі те́рла та хли́пала, що Семе́нко бáйдики бивъ, а тепе́ръ обидві, и моя́ й Солóшиха, роспусти́лись, що діте́й до-кýпи звели́!»

А кумъ: «Оце́, якъби світъ та на жінкáхъ стоя́въ,» — кáже, — «тó бъ чудáсія ви́йшла!»

Ні въ кóго жъ-то такъ я́сно та те́пло на души не булó, якъ у Кáтрі. Мовъ тáя я́сочка диви́лась вонá въ вíчі старій не́ньці, розважáла іі тýгу щебетáннямъ щи́римъ, лю́бою лáскою дитя́чою.

— Мáмочко моя́ рідна, не́не моя́ любая! не плáчте, не журітця, мáмо.

— Якъ мині, доню, не плáкати? Боли́ть моé се́рденько, — тимъ и плáчу.

— Мáмо! якъ-би́ ви знáли ёго, — могó Семе́ночка, — якъ-би́ ви тілько знáли!!

— Знáю ёгó, дити́но моя́, знáю, се́рденько.

— Ні, мáмочко, ні, моя́ зозýленько! не тогó Семе́нка ви знáете...

— Гóді, дóчко, гóді-бо.

— А хибá жъ, мáмо, вінъ не гáрний?

— Та гáрний (каже), гáрний.

— Тóто жъ, мáмо, я кáзала...

— Якá ти дурнá, Катрýсю, — кáже Солóшиха.

Отó мáти нáче трóхи й повеселíшала, пригорнýла до се́бе дити́ну свою́ лю́бу, щи́ро поцілувáла й перехрисuла. — Кáтря хуте́нько побігла до кімнáти, зачини́лась тамъ, щобъ іі мáти не бáчила, одімкнýла малёвану скри́ню, и стáла вбирáтись та ряди́тись, мовъ на Вели́къ-день: и те приміряе — ски́не, и другé надіне, — подúвитця, та знову ски́не, — буцімъ малá дити́на цяцькáми грáетця, —

ажъ втоми́лась: ли́чко ій розкраснілось якъ макъ у горо́ді, очи́ці мовъ зіроньки́ ся́ють. Тамъ ки́нулось до дзе́ркальця, що ще ма́ти молодо́ю біля віко́нця вма́зала, подиви́лась, осміхну́лась, — та й засоро́милась... «Яка́ я га́рна... Семе́нко пра́вду ка́же.» — А далі, дурна́ дити́на, за́разъ и засмути́лась, зітхну́ла тяже́нько-тяже́нько — и голо́вку повісила. Чого́сь стра́шно ій ста́ло пісня́ такоі ра́дости, защеміло коло се́рденька, мовъ воно́ що недо́бре віщува́ло. Ка́тря мерщій на-вко́люшки, мо́литця — сама́ не зна́е про що́, та ажъ запла́кала серде́шна дити́на. Чи моли́лась вона́, чи та́къ, бідна, пла́кала, — тілько чу́ти бу́ло — шепта́ла: «Ма́ти Бо́жа! неха́й не беру́ть у москалі мого́ Семе́нка...»

Коли́ ось увійшла́ ма́ти — зиркъ, ажъ дочка́ вже пла́че. Хита́е стара́ голово́ю, та:

— «Дурна́, дурна́ дити́на,» каже. — «Не плачъ, до́ню: таки́хъ якъ оце́ ти, безневи́ннихъ діте́й, самъ Госпо́дь догляда́е.»

V.

Спра́вили весілля. Ка́тря молоди́цею ста́ла — и яка́-то вже га́рна молоди́чка була́!

Люби́въ іі Семе́нъ надъ ба́тька и не́ньку; люби́ла й вона́ Семе́на більшъ усёго на світі. И що́-то вже, Бо́же, за коха́ння було́!

Не мину́ло ще либо́нь такъ и півро́ку, якъ отъ прийшла́ зъ Мо́скви бумага: «Очередни́й набо́ръ тре́ба призвести́.»

И призвели́.

Семе́нъ Товкаче́нко бувъ на очереди́. — «Твоя́ че́рга, Пили́повичу,» ка́же деся́тникъ Товкаче́ві: «благослови́,» каже, «сина...» И Семе́на привели́, — узяли десь съ поля — ора́въ зъ брата́ми.

— Благословіть, пано́че.

Благослови́въ .. підняла́сь рука́! — — —

Забряжча́ли важкі кайда́ни у ха́ті: закува́ли Семе́нка.

Стоіть ба́тько середъ ха́ти, а самъ біли́й, біли́й, якъ кре́йда. Ва́жко ёму́ на́ серці, та́къ ва́жко, та́къ ва́жко — оди́нъ Богъ зна́е. Не сподіва́всь на оста́нку літъ дiжда́тись сёго. — — —

— Бо́же милостивий, — каже, — та й запла́кавъ, — стари́й ба́тько запла́кавъ!

У-перше Семе́нъ поба́чивъ, якъ ба́тько пла́че... Світъ ёму́ на́че тума́номъ заволокло́, ніби́ те́мно у оча́хъ ста́ло, но́ги ёму́ затруси́лись. Семе́нъ перехрестви́сь,та: «Та́ту, ка́же, не вбива́йтесь».

— Бо́га ви не боїте́сь, Пили́повичу, — озва́всь кумъ, бо и въ ёго се́рце надрива́лось, дивлячи́сь на таки́й сумъ та слёзи.

А Товкачъ мовъ нічо́го не чу́е й не ба́чить: стоїть, поню́ривсь си́вою голово́ю, а слёзи ёму́, одна́ за дру́гою, якъ гря́дъ на помістъ ка́пають. А да́лі й промо́вивъ: «Дежъ,» ка́же, «ма́ти та Ка́тря? Вони́ може й не зна́ють, що́ въ насъ ро́битця.»

Ка́трі таки́ не було̀ дома́—пішла́ до ма́тері навідатця; старо́і тежъ не ви́дно у госпо́ді. Мо́же й спра́вді нічо́го не зна́ють.

Отъ и ка́же деся́тникъ: «Чи не часъ бува́, Пили́повичу, до канто́ри руша́ти,— а то нача́лство гніватиметця. Чу́ете бо, Пили́повичу?»

Пили́повичъ ні па́ри зъ устъ.

А той: «Ходіть,» каже, «пан'о́че: мо́же бува́ за́йдете до це́ркви — помо́ литесь».—Шкода́!—озва́всь Семе́нъ.

А ба́тько ніби прокѝнувсь та й каже: «Схамени́сь, си́нку. Не гніви́ Бога: тепе́ръ твоя́ моли́тва дохо̀днійша до Го́спода.

Отъ и пійшли до це́ркви — а лю́де ди́влятця, та пла́чуть, идучи́ за ни́ми слідко́мъ.—Иду́ть такъ, та пла́чуть,—коли́ якъ закричя́ть: «Ли́шенько жъ на́ше! то Ка́тря біжи́ть...» А вона́, Бо́же мій ми́лий! біжи́ть якъ несамови́та, мовъ нічо́го не ба́чить и не чу́е. Лю́де розступи́лись. Вона́ до Семе́нка, та та́къ и пови́сла въ ёго на ши́і, такъ и обомліла, и не пла́че—хочъ би тобі слізи́ночка.—Вінъ стоїть та тру́ситця, а самъ білий-білий, якъ мертве́ць.

— Ка́тре, — каже...

— Охъ, Семе́ночку! тебе́ беру́ть!

— Беру́ть, ма́тінко,—каже, та й обня́въ іі, а вона́ запла́кала, да та́къ же гірко да невтішно, що Го́споди! На що́ вже стари́й деся́тникъ—не одну́ дити́ну на своімъ віку́ довелось одірва́ти одъ ма́тері,—и той стоїть та кулако́мъ слёзи втіра́е: «Оце, га́спидська му́ха», каже: «якъже жъ жа́лко куса́етця»!—а въ само́го слёзи тілько капъ, капъ,—десь вра́жа му́ха са́ме за о́ко вкуси́ла...

Ка́тря жъ, знай, пла́че та обнімáе Семе́на. А тамъ незабаро́мъ и де́-які жіночки́ заголоси́ли, а за ни́ми діти—то таки́й плачъ піднявсь, що ажъ су́мно ста́ло.

Семе́нъ и ка́же, я́кось гірко всміха́ючись: «Не плачъ, Ка́тре,— салда́ткою бу́дешъ».

Такъ ёго́ й привели́ до канто́ри.

VI.

А скілько-то тамъ було́ таки́хъже, якъ ото́ Семе́нко, вя́знівъ; який-то тамъ, го́мінъ та га́ласъ, старе́ й мале́, матері та діти,— плачъ та сумъ таки́й, що Го́споди! И ніхто́ жъ то такъ не пла́кавъ, якъ ті матері. Молоде́ попла́че да й втішитця, бо ёму́ ще надія зоста́лась: «Хочъ калікою коли́сь, на деревья́нці», ду́мае, «ве́рнетця до насъ ро́ківъ черезъ два́дцять, то все-таки́ поба́чимо»,— а старо́му—де́ вже пережи́ти сі два́дцять літъ? Тимъ и вбива́ютця такъ матері, тимъ и пла́чуть.

Чи скільки тамъ ти́жнівъ зостава́лись до́ма новобра́нці, а тре́ба було́ руша́ти до го́рода. Припасли́ гро́шей одда́тчики. Поши́ли хло́пцямъ кожу́хи нові, те́плі, а де́-які й на́нкою або́ кита́йкою кри́ті; перевьяза́ли ихъ стрічка́ми та хусти́цями черво́ними,—да такъ, у па́хмурний да холо́дни́й осінній день, и ста́ли випровожа́ти. —Що Бо́же мій! скільки ми́ру ру́шило прово́дити іхъ та попроща́тись геть за слободо́ю, бо у ко́жного було́ свое́, котре́ йшло у да́льню незна́ему сто́рону. За батька́ми та матерьми́ уся́ дітвора́ ви́сипала. Одно́ кричи́ть: «дя́дінька! якъ бу́дешъ салда́томъ, прино́сь мині я́блучка;» дру́ге:—«бра́тіку, верта́йся икъ Рiздву́ або́ къ Велико́дню: у насъ тогді коро́ва оте́летця и молочко́ бу́де;» тре́те—«Васи́лечку! заріжъ скорійшъ Ту́рка та прихо́дь ху́тко додо́му, щобъ ма́ти не пла́кала.»

А матері пла́чуть, пла́чуть!

А новобра́нці, де́-які моло́дші, котóрі нічо́го, окрі́мъ дівча́тъ, не зоставля́ли на роди́ні, йдуть попе́реду та го́лосно, го́лосно співа́ють:

> Ой Бо́же мій, Бо́же, на що́ я вроди́вся?
> Кінь ворони́й, самъ моло́ди́й, та ще не жени́вся!
> Тре́ба мені, дівчино, ма́тері спита́ти:
> Чи звели́ть ма́ти коня́ продава́ти?—
> Не зве́ліла ма́ти коня́ продава́ти,
> Та зве́ліла ма́ти въ похо́дъ виступа́ти...

А матері такъ до нігъ и припада́ють та голо́сять, мовъ у домови́ну синівъ опуска́ють. И дівча́та змо́вкли—не хихи́кають: одна

буцімъ по дядині ту́жить, що торікъ вме́рла; у дру́гоі очи́ці кра́сні —сусідиноі тітки жалко. А не́крути го́лосно, та жа́лібно співа́ють:

Иди́, си́ну, заріднеє бра́ття,—
Даду́ть тобі, си́ну, салда́цькеє пла́ття;
Иди́, си́ну, за рідну дити́ну,
Даду́ть тобі, си́ну, салда́цьку ружи́ну;
Иди́, си́ну, за рідну сестри́цю,
Даду́ть тобі, си́ну, салда́цьку муни́цю.

А якъ ви́йшли геть за сло́боду та зближи́лись до «проща́льноі моги́ли» (бо у тиє́і моги́ли ко́жне було́ проща́етця зъ ро́дичами, якъ колі́ виряжа́ють хлопцівъ у прису́тствіе, або́ хто йде въ го́родъ у суда́хъ тяга́тьця),—якъ сбли́жились до тіі моги́ли, помоли́лись, ста́ли опроще́ння брать,—то вже ніби́ й плачу́ не чу́ти було́,—така́ сму́та та жаль міжъ наро́домъ ста́ла, що Ма́ти Бо́жа!

Попрости́лись. Де́-які пійшли́ зъ хло́пцями до го́роду, а дру́гі верну́лись додо́му.

У слободі такъ-то су́мно та неве́село ста́ло,—хочъ и не чу́ти вже того́ плачу́.

Ка́тря пійшла́ за Семе́номъ.

VII.

И попове́шталась же серде́шна Ка́тря, чужі поро́ги оббива́ючи та свою до́лю гірку́ проклина́ючи.

Сказа́ли Семе́нкові «лобъ», и ста́ла Ка́тря салда́ткою.

Що-ра́нку ходи́ла вона́ диви́тись на му́штру, не такъ на ту му́штру, якъ на Семе́нка, и нема́ло іі се́рденько переболіло, дивлячи́сь на се муштрова́ння— та́ка му́ка,—здавалось ій,—що борони́ Боже!—Оце́ постано́влять іхъ ла́вою, а вони́, соко́лики, стоять не живі, не мертві. Ото́ старши́й и почне́ ихъ рівняти,—а самъ серди́тий, розсерди́тий та страшни́й. Го́споди, поки-то на́вчять іхъ ходи́ти помоско́вські —щобъ-то й рука́ми не махати и підъ но́ги не диви́тись!

Семе́нові Товкаче́нкову (се бачъ Товкаче́нко ставъ Товкаче́нковимъ) давъ Богъ гру́ди висо́кі,—то оце́ колі́ старши́й порівня́е москалівъ, самъ и за́йде зъ бо́ку, ди́витця, та було́ оце й кри́кне: «Товкаченковъ! хова́й гру́ди... флангового не ви́дно»,— той и посу́питця наза́дъ, щобъ груде́й не було́ ви́дно, та такъ и го́лову не́хіть схова́ за дру́гого. А той зновъ: «Пода́й», гука́, «го́лову до лі́ніи!»—пода́сть го́лову, а гру́ди собі впьять упе́редъ ви́лізуть.

Якось разъ вінъ ду́же си́лно розлютова́всь, — такъ, що й не приведи́ Го́споди! Ра́зівъ шість зачина́въ му́штру, рівня́въ пле́чі та випря́млювавъ но́ги, а да́лі приня́всь упья́ть за Семе́нови гру́ди— ажъ скаву́чи́ть. Що Бо́же мі́й милостивий! — — — Серде́шний Семе́нъ не встоявъ на нога́хъ, упа́въ...

Ка́тря якъ ки́нетця туди́, якъ заголо́сить: «Па́ночку-голу́бчику!»

А вінъ и зопини́всь, та: «Хто сміе наруша́ти поря́докъ? Чого́ тобі тре́ба?» пита́етця.

— Семе́ночку... се мій Семе́нко! —ка́же вона, гірко пла́чучи.

— Се твій мужи́къ?—зновъ пита́етця, а въ само́го о́чі такъ и загорілись, якъ у кота́ на са́ло.

— Мій, па́ночку.

Той ніби тро́хи втихоми́ривсь, та й каже: «Не плачъ, ду́шенька...»

Ка́тря ёму́ въ но́ги: «Спаси́бі,» ка́же, «па́ночку;» а той підня́въ іі, та й заказа́въ удру́ге кла́нятись. «Коли́,» ка́же, «твій чоловікъ слу́хатиме му́штри, то й кла́нятись не тре́ба, бо я таки́й же чоловікъ, якъ и ти».

Ка́тря подивилась на его, та й нічого не сказа́ла.

А Семе́нъ стоіть бліди́й-бліди́й.

VIII.

Перебули́ вони́ такъ ти́жнівъ съ пьять чи шість у тому́ го́роді, та бу́цімъ тро́хи й поприви́кли,—тілько ча́сто зга́дували про свій рідъ и сло́боду, де росли́ й люби́лись, де ко́жне и́хъ зна́ло и ко́жного вони́ зна́ли. Ча́сомъ було́ потужя́ть, потужять, а Ка́тря й попла́че ни́шкомъ,—то Семе́нъ іі розважа́е, або́ вона́ его́, якъ коли́ при́йде зъ му́штри сму́тний та невесе́лий. Ка́тря на́че тро́хи зъ ли́чка спа́ла, а все жъ таки́ була́ га́рна-розга́рна, — ій и Семе́ну на го́ре....

Одно́го ра́зу, на́дъ вечіръ, сидя́ть вони́ собі двійко́ та-таки́ жу́рятця, коли́ у ха́ту ввійшо́въ деньщи́къ, звичайно помоли́всь та й позва́въ Ка́трю сорочки́ ши́ти.

До́вго одмовля́лась Ка́тря, каза́ла, що не здужае й не вміе, а той приста́въ, и манить та й манить іі. Пішла серде́шна. «Тілько, будь ласкова, моторнішъ одяга́йсь,» дода́въ.

Одяга́етця Ка́тря, а у само́і ру́ки й но́ги тру́сятця. Семе́нъ мов-

чи́ть, не сміе й дихнути, а коло се́рця мовъ отру́тою па́лить-та́къ ва́жко!

Одягла́сь Ка́тря, попроща́лась зъ Семе́номъ а сама́ холо́дна-холо́дна... Семе́нъ ле́две промовивъ: «шви́дче, любко, верта́йся,» та й сівъ на ла́вку, мовъ пісня́ тяжкоі пра́ці засла́бъ.

Пережда́вши та́къ чимало, посумова́вши, ба́чить—не йде Ка́тря; погоди́въ ще тро́хи—нема́, мовъ у во́ду впа́ла. Вінъ и пішо́въ та́къ якъ би су́проти північі: «може,» думае, «чи не зустріну де́ на дорозі. Вийшовъ на улицю—те́мно, хо́лодно. Сухи́й та різки́й ві-тре́ць де-не-де сніжокъ по дорозі зрива́е та кру́тить, а ні душі людськоі не чути,-тілько ніби бо́-зна звідки по вітру допо́сить, якъ собáка у-ночі га́вкне. Городо́къ мале́нький — усе́ спить. У-горі ні хма́рки, ані місяця,—тілько зірочки́ дале́ко у не́бі бли́мають: *Візъ* ставъ су́протипівночі; надъ ха́тами *Чепі́га* ви́яснилась.

Су́мно у холодну нічъ одному́ на у́лиці та ще́ въ кого́ журба́ пеку́ча. Усю́ди ти́хо якъ у домови́ні, та́къ ти́хо, що чу́ти, якъ се́рце коло́титця. До́вго стоя́въ вінъ на у́лиці якъ знавіснілий; десь, на це́ркві, годи́нникъ продзвони́въ пе́рву годи́ну, — а Катрі нема́ та й нема́. Ажъ о́страхъ обня́въ Семе́на.

«А мо́же вона́ до́ма,—мене́ дожида́е,» -ду́ма Семенъ, — та мерщій й по́бігъ до се́бе на квати́рю.

Ні, не верта́лась Ка́тря!.. Та́къ и нічъ перейшла́.

У-до́світку вже верну́лась вона́, та на Семе́на й очей не зведе́,—упа́ла на стілъ—а сама́ пла́че-пла́че....

IX.

Са́ме підъ Різдво́ ка́зано новобра́нцямъ у похо́дъ виступа́ти. Дали́ имъ казе́нну оде́жу — одягли́ й обу́ли якъ слідъ вели́ть. Сірі шапочки́ й свиточки́ та аби́-які чобітки́ — бо́-зна-що, ка́же Ка́тря: и хо́лодно и у́зько, и ма́ло й ко́ротко.

Нала́годились у доро́гу й Товкаче́нки, а сами́ якъ у во́ду впу́щені: де́-то діва́лися Ка́трини жа́рти й сміхи, ско́ки та співа́ння? Усе́ мовчи́ть, нена́че іі заворо́жено. И Семе́нъ ставъ не той, яки́мъ коли́сь ёго́ лю́де зазна́ли, а найгіршъ съ того ча́су зажури́вс.

Зібра́ли свою худібоньку — сорочечки́, та хусточки́, незбільшъ то́го якъ у за́йвого ци́гана; помоли́лись, написа́ли листъ до своі́хъ у

слóбоду, що оттáкъ и тáкъ, тáту та мáмо, вихóдимо до війська, — та й рýшили рáнкомъ изъ гóрода. Завирюха такá, що й світу бóжого не вúдно... Якъ-то вже перемáялись воня́ цілий день, а нáдъ вечірь підъ Різдвó, сáме тоді, якъ кутя́ стоїть на пóкуті, сінцéмъ облóжена, — увійшли́ въ якéсь людне та багáте селó, що на шляхý стоя́ло. Розвели́ салдáтівъ по двóрахъ, и нáшихъ постановúли до якúхъ-сь дóбрихъ, богобоя́зниxъ людéй: — щó-то вже за щúра та прия́зна сімья́!

Привітáли Кáтрю якъ рідну дитúну и до Семéна булú такі-то ласкáві та дóбрі: не знáють, кудú й посадúти, якúмъ слóвомъ роспитáти.

— Та якá жъ молодéнька!» кáже старá бабуся: «звідки, дóбрі люде?» питáетця.

— Зъ Улáсівки, бабýсю,» кáже Кáтря.

— Чýла, чýла про Улáсівку, моя рúбко. — А далеко!

— Далéко, бабýсе.

— А се твій чоловікъ?» дрýге питáетця.

— Чоловікъ, тіточко.

— Охъ, лúхо, лúхо,» каже бабýся: — «здáлека: та якіжъ-то ще молодéнькі обóе. Отъ и въ мéне Йвáсичокъ десь на чужúні бідкаетця: рóківъ зо три вісточки одъ ёгó немáемо.... охъ, лихо, лихо! А то дé-коли було́ й пúше, — плáчетця на насъ, що оддалú. Та якъ ёгó не оддасú, колú панъ велúть? Се вже такъ намъ, чóрнимъ людямъ, десь на родý напúсано, щобъ чужі слёзи ковтáти.

— «Про сé й я такъ, бабýсе, дýмаю,» кáже Кáтря: «та нічимъ пособúти.»

— Нічимъ, моя́ рúбко, нічимъ, бо такъ вонó зрóду-віку ведéтця. — — — Усé отъ Бóга, моя́ рúбко, — ніхтó ёгó писáния не змінить. — Отъ хибá чи не...

— А дітéй, бабýсю, ніхто жъ не їсть?» питáетця малéнький хлóпчикъ, літъ шестú, що сидівъ собі у зáпічку та слýхавъ, якъ бабýся розмовля́ла зъ молодúцею. — «Аджé-жъ людéй, бабýсю, не ідя́ть?»

— Ні, моé дúтятко, не ідя́ть людéй; а колú дитúна неслухня́на, то зáразъ ягá-бáба у стýпку посáдить.

Хлóпчикъ сховáвсь ще дальшъ у зáпічокъ. А бáба зновъ за свое:

— Охъ, лúхо, лúхо,» каже: «оцé ми усé жýримось, що Йвась

давно́ не писа́въ. Де́ вінъ, що́ зъ нимъ, нічо́го не зна́емо; мо́же хво́рий де-не́будь лежи́ть, або́ на войні вби́то, то й похова́ти ні-кому.... А чо́мъже ми своіхъ любихъ госте́й не нагоду́е́мо? Часъ вже вече́ряти и кутю на стілъ ста́вити.

Повече́ряли. Горли́ва бабу́ся, якъ ма́тінка рідна, годи́ла дороги́мъ гостя́мъ — «и сёго́ поіжте, и того́ покошту́йте,» — тілько й чу́ти, якъ стара́ лепе́че.

Ско́ро дітво́ра поляга́ла спать, а Семе́нъ зъ мужика́ми ви́йшовъ у дру́гу ха́ту опочи́ти; невістки́ посіда́ли за гребні куде́лю прясти и стара́ зъ Ка́треею коло іхъ притули́лась.... И до́вго ще чу́ти було́, якъ верете́на у ха́ті сюрча́ли, а бабу́ся зъ Ка́треею тихе́нько базі-кала та здиха́ла. А на дворі мете́ та си́пле таке́, що Ма́ти Божа!

— Охъ, ли́хо, ли́хо,» ка́же бабу́ся: «се бъ то мені, молоди́це, здае́тця, що твого́ чоловіка журба́ су́шить: десь ту́жить серде́шний по ба́тькові - ма́тері.

— Та́къ-то ту́жить, бабу́сенько, що диви́тись на ёго — такъ уся́ душа́ переболи́ть.... Отъ и въ ме́не зоста́лась стара́ ма́тінка, одна́ якъ перстъ, а все жъ то бу́цімъ я не ста́къ жалку́ю та вбива́юсь: оце́ коли́ ду́же тя́жко ста́не на се́рці, помолю́сь, попла́чу, то ніби́ й поле́гшае. А вінъ усе́ жу́ритця, усе́ жу́ритця.

— О, ли́хо, ли́хо!» ка́же стара́, зітхну́вши: «якъ-то чу́дно оце́ на бо́жому світі веде́тця, коли́ подивлю́сь. Лю́де-то хочъ и ка́жуть, що у старови́ну було́ лу́чче жи́ти — ні, не вірь, моя́ дити́но: отъ уже́ девья́тий деся́токъ оча́ми на бо́жий світъ бли́маю, а мені здае́тця, що вінъ усе́ таки́й. «Батьки́,» ка́жуть, «пла́кали у жме́ню, а діти—при́горшнями; батьківъ би́то стоячи́, а ді́токъ и въ-ле́жку бьють...» Охъ, ли́хо, ли́хо... Та мо́же я тебе́ втоми́ла, молоди́чко: ти бъ спочи́ла тро́хи, бо мо́же за́втра васъ пого́нять, и не роз-говіетесь.

— «Спаси́бі вамъ, бабу́сенько, за ва́шу ла́ску,» сказа́ла на се Ка́тря, помоли́лась и лягла́ спа́ти.... та щось до́вго не спа́лось. До́брі лю́де та іхъ щи́ра ла́ска збуди́ли Ка́трине го́ре. Усе́ тоді згада́лось — и стара́ ма́ти, садо́къ коло ха́тки, и весіння нічъ, іі дівова́ннячко, весілля, и му́штра.... Го́споди, такъ и згоріла, якъ згада́ла ёго...

X.

Чи до́вго, чи ко́ротко вони́ тамъ пле́нтались по бі́лому світу, сёго́ не скажу́, — мо́же ро́ківъ зо три й бу́де; тілько Семе́нъ скоро Бо́гу ду́шу оддáвъ: усé кáшлявъ та хорівъ, до-то́го звівсь, що було на му́штрі й ружи́ною не зду́жае бря́знути. Усé ёму́ щось у гру́дяхъ боліло. Було́ лікарі́ й лічать, и мя́тою напова́ють, и бузи́ною, и ли́повимъ цвітомъ, такъ нíщо́ не помогло́. Кáшлявъ, кáшлявъ, та такъ весно́ю объ те́пломy Олексіёві и поховáли ёго́. Тимъ чáсомъ, ти́жнівъ за чоти́рі до ёго́ сме́рти, Кáтря привела́ дити́ну, — хло́пчика Богъ давъ. А якъ умéръ Семе́нъ, то вонá й загадáла верну́тись додо́му. Узялá свого́ Пили́пка, обгорну́ла свити́ною, та сáме у велико́дну субботу и ви́йшла рáнкомъ изъ го́рода, дé іхъ полкъ стоя́въ.

День бувъ те́плий та ясни́й. Трáвка чи вспіла-то й ви́ткнутись изъ земли́, а вже степъ зеленівъ, и ве́рби набро́стились. Надъ шляхо́мъ, ви́соко, якъ паýкъ, снуé жáйворонокъ, ве́сну стрічáе, гніздá підъ били́ною шукáе. Со́нце такъ гріе, що буцімъ ви́дно, якъ трáвка самá до ёго тя́гнетця зъ во́хкоі землі, густіе та могилки́ вкривáе. И Кáтрі поле́гшало.

Чи скільки тамъ вонá йшла, а, по́ки, ли́ха не бáчила. Су́мно, було́, й стрáшно стáне середъ степу́; окру́ги тілько не́бо, та со́нце пече́, та могилки́ стоя́ть по́ полю розси́пані, а тутъ и́ноді шляхъ перестрічáють другі шляхи́, або доро́га розіхо́дитця, вонá й не знáе, яки́й шляхъ додо́му доведé: то, було́, постоіть, та й візьме на ту доро́гу, якá найбільшъ ве́рне насхідъ со́нця, або́ біжи́ть до яко́го бли́зького жилля́. 'Иноді хто перестріне, чи обго́нить, Кáтря спитáе про шляхъ, то було́ до́брі лю́де й навчáть. Чáсомъ бувá прито́митця йдучи́, ся́де собі де-не́будь у холодо́чку, коли́ трáпитця, підъ дубко́мъ коло яко́і гре́бельки, чи биля́ чумáцькоі криниці, або́ й такъ въ степу́ підъ моги́лою, — нагоду́е Пили́пка, то й спочи́не. Ночувáла и́ноді въ подоро́жніхъ се́лахъ, а чáсомъ трáпилось й у по́лі въ плугáтирівъ, якъ нічъ середъ степу́ засти́гне. И на чужи́ні не безъ до́брихъ людéй, пе́вне між про́стими та бідними.

За ти́ждень добрелá Кáтря до яко́гось незнáмого го́рода. Го́родъ вели́кий та гáрний. Ще звідки чу́ти було́, якъ по церквáхъ у дзво́ни дзвони́ли, бо вечірня слу́жба йшла. Увíйшлá Катери́на въ го́родъ,

та й самá не знáе, дé ій дітись, бо тимъ чáсомъ смеркáлось. Вонá до якóісь малéнькоі хáтки — підійшлá, та чýе що гомонять, и кáже:

— Помагáйбі, лю́де дóбрі: пустіть стрáнну у хáту переночувáти.»

— А ти хтó такá?» питáютця.

— «Салдáтка,» кáже: «мій чоловікъ умéръ, то я оцé зъ дитúною додóму йду.»

— «Э, шкодá,» кáжуть: — «салдáтка, та ще десь зъ байстрáмъ?»

— «Ні, лю́де дóбрі,» кáже Катерúна, та й засорóмилась, а въ самóі на сéрці стáло тя́жко-тя́жко, що Гóсподи!

— «Знаемó ми,» кáжуть, «тихъ салдатóкъ, які вонú есть. Идú геть одъ нáшихъ вікон.»

Пішлá Катерúна одъ тихъ вікон, слёзи ковтáючи, — та до дрýгихъ:

— «Добрúвечіръ,» кáже, «лю́де дóбрі: чи не пýстите христóвимъ úмьямъ убóгу переночувáти?

— А звідки ти, молодúце?» питáютця. Та якъ почýли, що вонá салдáтка, то зáразъ и обізвáли негóжимъ слóвомъ, урікáючи, що вонá зъ сéбе вродлúва та чорня́ва, та ще й молодéнька. — «Идú собі, лю́бко,» кáжуть, «до úншихъ.»

Нічóго не сказáла Катерúна, — тілько більшъ ужé до вікон и не підхóдила. Трéба булó десь підъ тúномъ ночувáти — и переночувáла: тáкъ, зъ дитúною на рукáхъ, и заснýла.

XI.

Сказано: «На кóго лю́де гомоня́ть, на тóго й свинí хрюкають.» Тáкъ и Кáтрі. Не вспіла вонá óчі протéрти, якъ ось иде по ýлиці чоловічокъ, самъ мерзéний, мідя́ні ґýдзики, на шáпці бля́шка зъ дóброго семигрúвенного. Пізнáла Кáтря, що вонó такé é, та дýже злякáлась, бо чувáла одъ людéй про якúхсь гайдамáківъ, що по судáхъ пúшуть та людéй до смéрти запúсують, — а сé жъ вінъ и бувъ.

— Якóго біса ти тутъ по-підъ тúнню валя́ешся? «Що ти такé есть?» питáе іі.

— Я салдáтка, пане; идý зъ дитúною на свою́ стóрону.» А самá боітця, що Гóсподи!

— Салдáтка... гмъ... а білéтъ мáешъ!

— «И білéтъ, пáне, мáю,» кáже.

— А ке́ ёгó сюдú: — подивлюсь, чи твій то білéтъ?»

Подалá ёму́ Кáтря білéтъ, а у самóі рýки й нóги трýсятця — тáкъ-то бóязно. — Ставъ вінъ той білéтъ прочúтувати, а самъ усé на нéі очúма скúдуе та щóсь собі шéпче: «росту серéднёго,» кáже: — «тáакъ, невелúчка;» «вóлоси темнорýсии: — «тáакъ, чорня́ва й гáрна;» підборóдокъ крýглий: — гмъ, не дýже крýглий!... Та се не твій білéтъ,» кáже: «ти ёгó вкрáла.»

Кáтря ажъ похолóнула. «Ні, пáночку,» кáже: — «нехáй мене́ Богъ убьé, колú я ёгó вкрáла. Се мій.

— Шкодá,» кáже: «тутъ прописáно, що підборóдокъ крýглий, а въ тéбе гóстрий, — га?

— Нітъ-бо, пáночку: далебі я не вкрáла. Оцé я схудáла трóхи, вúсохла, тимъ и бородá гóстра стáла.»

— Оввá! вúсохла... тáкъ би й прописáно булó, що вúсохла; а тó бачъ пúше — крýгла. — Ти, я бáчу, бродя́га, безъ пісьменного вúду. Тебé въ турмý трéба посадúти.»

У Кáтрі рýки й нóги однялúсь, побілíла, якъ рядно́, стоíть и очéй не зведé. А той и кáже: «Жáлко мені тебé, молодúце, отъ якъ Богъ святъ жáлко, — та щó мáю робúти! Слýжба — святé діло. Отъ колúбъ у тéбе булú грóши, то я бъ попрохáвъ начáлство, щобъ тебé у турмý не садовúли.»

— Охъ, пáночку! а скільки начáлству трéба? мóже въ мéне й достáне.

— Та скільки?—такú й немáло. Якъ би ти булá безъ дитúни... а тó й цілкóвого нáмалі. Слýжба — святé діло... Хибá цілкóвого та семигрúвенного. Кé сюдú цілкóвого та семигрúвенного: — я дóбрий чоловікъ, обороню тебé передъ начáлствомъ.»

У Кáтрі й на душі полéгшало, що дóброго чоловіка знайшлá,— зáразъ ёмý у нóги. «Спасúбі вамъ», каже, «пáночку, за вáшу лáску». Вúтрусила изъ калúточки того цілкóвого, знайшóвсь и семигрúвенний. А той — такий добрий, та щúрий,—узявъ та ще й дя́кує: «спасибі тобі», кáже, «молодúце: тепéръ идú зъ Бóгомъ, та нічóго не бійся».

— Чимъ же васъ, пáночку, дя́ковати?» питáетця Кáтря.

— Мене́ Богъ наградúть», той кáже. Съ тимъ и повіявсь собі геть по ýлиці.

Перехрестúлась Кáтря, и пішлá своéю доргóю: «Отъ же», дýмае: «и въ гóроді знайшлáсь душá щúра та богобоязна. Якъбú більшъ такúхъ...» А іхъ и тáкъ довóлі...

XII.

Дóвго йшла Кáтря, бо не блúзько булá та Улáсівка. Притомúла піженьки білі; натерпілась лúха й сорому, а більшъ тимъ, що булá салдáтка, та Бóга боялась.

Колú якось урáнці забованіла геть-геть въ степý «прощáльна могúла», замиготіли въ очáхъ хаткú білі й зелéні вéрби знаёмі. Се жъ и булá Улáсівка.

Згадáла Катерúна про Семéна, и гірко заплáкала.

Дійшлá отó вонá до могили и сíла спочúти та дитúну погодувáти, бо хочъ и блúзько вже булó до Улáсівки, та вонá дýже втомúлась. Колú ось идýть шляхóмъ, до Улáсівки жъ, якісь перехóжі: бабýся, старéнька, а зъ нéю дівчина, йдуть и поміжъ сéбе тихéнько розмовляють. Зближúлись до Катерúни и «добрúдень» сказáли.

— Спасúбі, люде добрі», кáже Кáтря: «чи не въ Улáсівку Богъ несé?»

— Та въ Улáсівку жъ.

Тутъ старá стáла пúльно придивлятись до Кáтрі, а далі й кáже:

— Колúбъ, молодúце, не опізнáтись оцé на старости літяхъ. Здаéтця мені, що ти Кáтря Солохівна, покійноі Йвáнівни дочкá?

— Та Солохівна жъ бýла... А хибá моя мáти вмéрла?» питáетця, а у самóі й дитúна трóхи зъ рукъ не вúпала.

— Умéрла, дóчко. Отó торікъ, сáме підъ Пречисту, поховáли, нехáй царствýе. А якъ по тобі моя голýбочка вбивáлась....

Кáтря гірко, гірко плáкала.

— А дéжъ твій чоловікъ?» питáють.

— И Семéна поховáла», кáже Катря, а самá плáче, плáче....

— Нехáй ёмý землá перóмъ: тамъ, мóже, лýчче бýде», кáже бабýся, и перехристúлась, а дівчина, що булá зъ нéю, й заплáкала.— «Гóді тобі, дóню, плáкати, гóді, сéрце.... Се, колú зазнáла, Яструбéнкова дочкá: ту вéсну булá засвáтана, а отó у осенú и іі женихá узято до мýштри, такъ оцé й ходúли у гóродъ, — я — угóд-

нику помолитись, а вона́ хло́пця навідати. — Охъ, лиха́ годи́на та нещасли́ва... Ходімъ, Катру́сю, и ти зъ на́ми, — вже недале́чко. — А се́жъ твое́?

— Мое́, бабу́се.

— А скільки ёму́?

— Оце́ вчо́ра третій місяць пішо́въ, и Семе́нові вже дру́гий бу́де.

Прийшли́ въ Ула́сівку. Тя́жко ста́ло Ка́трі, Бо́же, якъ тя́жко. Хочъ усе́ було́ нібі́ поста́рому, и лева́да съ зеле́ними ве́рбами, и ставо́къ, и ли́па кучеря́ва биля́ це́ркви, и той садо́къ, де упе́рве съ Семе́номъ спізна́лась, — та на се́рці вже не по ста́рому: сумъ та жаль такій, що, Го́споди, якъ ва́жко!

Све́кіръ приня́въ іі до се́бе. Жила́ вона́ въ ёго, а все така́ невесе́ла. Товка́чъ було́ часте́нько іі про Семе́на роспи́тує, про му́штру, про звича́і салда́цьки, про панівъ; а самъ, якъ хма́ра, су́мний, су́мний. Ка́тря було́ пла́че, якъ роска́зуе ёму́ про все, що́ ба́чила, а старий мовчи́ть, тільки слу́хае та и́ноді голово́ю хита́е.

Такъ до сме́рти й оста́лась Ка́тря салда́ткою, а Пили́пка діти звали салда́тенкомъ, и мовъ цура́лись.

Такий случа́й!

Д. Мордовцевъ.

1859 р.

ЛИПОВЫЯ ПУЩИ.

Начало романа, найденнаго въ бумагахъ покойнаго Д. П. Хоречко.

Имя Д. П. Хоречко извѣстно только небольшому кружку его пріятелей, которые любили его за его прямой, искренній характеръ. Никто, однакожъ, не видѣлъ въ немъ автора. Онъ казался намъ любознательнымъ человѣкомъ, умнымъ человѣкомъ, человѣкомъ съ душою—и только. Смерть обнаружила, что онъ готовилъ себя къ литературному поприщу съ тѣмъ уваженіемъ къ своему призванію, которое въ наше время становится рѣдкостью. Въ его бумагахъ найдено много этюдовъ, писанныхъ съ натуры, много плановъ для повѣстей, набросанныхъ въ психологическомъ, внутреннемъ смыслѣ, который для читателей долженъ былъ быть выраженъ пластически. Начатыя имъ повѣсти показываютъ, что онъ поражался многими художественными идеями въ одно и то же время, и что только обиліе сюжетовъ, просившихся подъ перо его, мѣшало ему что-нибудь окончить. Въ предлагаемомъ романѣ не развита еще *исторія*. Выведены только лица, которыя должны начать дѣйствіе; но ихъ обстановка можетъ заинтересовать читателей, какъ живопись нравовъ недавно исчезнувшаго панскаго быта въ Украинѣ, того быта, который сохранилъ на себѣ отпечатокъ стариннаго козачества. Вотъ почему мы, друзья покойнаго автора, рѣшились послать его въ *Основу*. Впрочемъ есть надежда отыскать и продолженіе романа. Въ Черноморскомъ Екатеринодарѣ жилъ и до сихъ поръ живетъ нѣкто г-нъ Р***, соученикъ и, можно сказать, наперсникъ покойнаго Хоречко. Мы знаемъ, что они много разъ пересылали другъ другу черезъ почту свертки, на которыхъ было подписано *рукопись*. Хоречко, на вопросы наши, отвѣчалъ бывало, что его другъ г. Р***

занимается литературою и проситъ его совѣтовъ. Теперь дѣло является въ обратномъ смыслѣ. Мы отнеслись къ г. Р*** и просили его подтвердить нашу догадку и, если у него сохранилось продолженіе *Липовыхъ Пущъ* (въ чемъ мы почти увѣрены) прислать также въ редакцію *Основы*.

П. Шишакъ-Васильевскій-Гребля.

ПРОЛОГЪ.

Въ одной изъ малороссійскихъ губерній,—въ которой именно, нѣтъ надобности знать,—процвѣтало еще очень недавно помѣщичье семейство Вѣниковыхъ. Послѣдніе, современные намъ представители этого семейства, выбросили изъ своей фамиліи букву *и*, и назывались *Вѣнковыми*; но они не смѣли отречься отъ нея въ документахъ, по которымъ принадлежали имъ лѣса, луга и земли, называющеіся *Липовыми Пущами*. Если сказать всю правду, то родоначальникъ этой фамиліи былъ не Вѣниковъ, а просто Вінікъ; но у насъ, малороссіянъ, была страсть облагороживать свои фамильныя имена прибавкою къ нимъ великорусскихъ окончаній или переиначиваніемъ и вставкою буквъ.

Трудно было бы доискаться, кто первый изъ господъ Вѣниковъ стеръ съ своего имени признакъ козацкаго происхожденія. Но имѣніе Вѣниковыхъ называлось *Липовыми Пущами*, Богъ знаетъ съ которыхъ поръ. Еще оно и не принадлежало имъ, еще въ козацкихъ реэстрахъ не было вписано ни одного Вѣника, а *Липовыя Пущи* уже значились въ спискѣ старыхъ *ранговыхъ* (1) помѣстьевъ. Какъ бы ни гордились Вѣники древностью своего дворянскаго рода, наперекоръ демократической малороссійской исторіи; но историческое имя начинается съ недавняго и, надобно сказать, пустаго событія. Когда козаки стояли шатрами въ степи надъ рѣчкой Самарой, одинъ изъ сотниковъ, по прозванію Мурло́, выразилъ свою

---

(1) Такъ назывались земли, отдававшіяся въ пожизненное владѣніе гетману и генеральнымъ старшинамъ.

преданность полковнику Носачу необычнымъ способомъ: собственноручно связалъ изъ степнаго бурьяну вѣникъ и подмелъ земляной полъ въ полковничьей палаткѣ. Козаки прозвали его, за этотъ подвигъ, Вѣникомъ, и до такой степени новое прозвище сдѣлалось общеупотребительнымъ, что дѣти и внуки услужливаго сотника уже не принимали его себѣ въ обиду; ихъ записали подъ этимъ именемъ въ козацкій реэстръ, и пошли они писаться Вѣниками, позабывъ свое прежнее прозвище Мурло́, данное ихъ предку еще во времена гетмана Павлюка.

Въ эпоху самарскаго похода, ранговое помѣстье *Липовыя Пущи*, доставшееся впослѣдствіи Вѣникамъ, соотвѣтствовало своему имени, потому что состояло изъ первобытныхъ липовыхъ лѣсовъ; но въ наше время, липы уцѣлѣли только въ видѣ бревенъ, въ стѣнахъ помѣщичьяго дома. Домъ срубленъ изъ толстыхъ липовыхъ брусьевъ и, благодаря плотной, *очеретяной* крышѣ, которую смѣнявшіяся поколѣнія владѣльцевъ возобновляли своевременно, пережилъ окрестные лѣса, состоявшіе преимущественно изъ липъ. Странное чувство овладѣвало моей душою, чувство особенной, поэтической, грусти, когда я, сидя въ свѣтлицѣ господъ Вѣниковыхъ, срубленной изъ благороднаго липоваго дерева, съ *мытыми* (1), стѣнами вспоминалъ, по какой причинѣ все это имѣніе, состоящее изъ двухъ тысячъ десятинъ всякаго рода земель, называется *Липовыми Пущами*. Кругомъ—ни одной липы на корняхъ, а названіе помѣстья и чрезвычайная толщина брусьевъ въ стѣнахъ дома воздвигаютъ въ воображеніи необозримыя массы густыхъ вѣтвей, высокотолпящіяся вокругъ липоваго дома. Домъ построенъ во вкусѣ гетманскихъ временъ съ тяжелою вычурною отдѣлкою орнаментовъ по дубовымъ косякамъ оконъ и дверей, по карнизамъ навѣсовъ, по оглавіямъ и подножіямъ тонкихъ, витыхъ на разные манеры, колонокъ, по слуховымъ окнамъ, вырѣзавшимся далеко впередъ изъ мшистой очеретяной крыши и по самымъ *дымарямъ*, которые высоко чернѣютъ съ своими острыми кровельками на малороссійскомъ, почти всегда ясномъ, небѣ. Въ главной, такъ называемой крестовой, свѣтлицѣ (2), на толстомъ рѣзномъ сволокѣ, вы читаете сла-

---

(1) То-есть, не закрашенными краскою и безъ обоевъ. Такія стѣны отъ времени до времени моютъ и скоблятъ и это сообщаетъ комнатѣ чистоту шкатулки.

(2) Старинные люди вѣшали, или вдѣлывали въ стѣны, четыре креста въ свѣтлицѣ.

вянскую надпись: «храмина сія сооружена благочестивымъ рабомъ Божіимъ, полковникомъ Вѣникомъ, *ро́ку Бо́жого 1760*». Не прошло, значитъ и столѣтія, а ужъ все кругомъ до такой степени измѣнилось! Выхóдите на *рундукъ* (1), срубленный изъ того же благороднаго дерева, видите широкій дворъ, обставленный раскидистыми каштанами; видите, въ промежуткѣ между каштановъ, отлогій скатъ къ пруду и за прудомъ водяную мельницу съ густыми, наклоненными къ водѣ, вербами; тутъ, подлѣ васъ, въ самихъ углахъ, образуемыхъ выступившимъ впередъ старосвѣтскимъ рундукомъ, выросли уже довольно старые клены, бросающіе густую тѣнь съ зубчатыми, трепещущими пятнами свѣта, на дубовый полъ подъ вашими ногами и позволяющіе только мѣстами рисоваться на немъ зигзагамъ столбовъ, подпирающихъ навѣсъ. Но липамъ какъ-будто объявлена была война строителемъ этого дома. На всемъ кругозорѣ усадьбы, въ саду, въ дубовой рощѣ, выглядывающей изъ-за плодовыхъ деревъ, и вдоль села, поднимающагося на отлогую высоту, по ту сторону пруда и мельницы, — нигдѣ не видно ни одной липы!

Не довѣряя глазамъ своимъ, вы спросите у хозяевъ, (какъ сдѣлалъ я и какъ дѣлали, безъ сомнѣнія, многіе другіе): «неужели у васъ въ Липовыхъ Пущахъ нѣтъ вовсе липъ?» И вамъ скажутъ, что даже въ лѣсахъ, принадлежащихъ къ имѣнію, исчезли липовыя деревья. «Исчезли съ тѣхъ поръ, какъ этотъ благочестивый рабъ Божій, полковникъ Вѣникъ, повалилъ столько великолѣпныхъ деревъ для своей храмины!..» Вы невольно это подумаете, и вамъ представится варварскій стукъ топоровъ въ густой первобытной рощѣ, гдѣ раздавался до тѣхъ поръ только голосъ иволги, гдѣ ворковали влюбленныя горлицы, и дикія козы водили въ тишинѣ свои робкія семейства. По-крайней-мѣрѣ мнѣ живо представилась картина опустошенія со всѣми побочными обстоятельствами.

Панъ полковникъ пріѣзжаетъ на охоту въ липовый лѣсъ, пожалованный ему царскою грамотою за такіе и такіе, чинимые имъ надъ непріятелемъ, промыслы; пріѣзжаетъ онъ, разумѣется, не одинъ; разбиваютъ для *его милости* палатку; достаютъ изъ возовъ бочонки и провизію; варится въ котлѣ походная каша, *кулишъ*, съ жирной бараниной. Веселъ полковникъ и громогласенъ; никто такъ

---

(1) Крыльцо съ навѣсомъ.

громко не смѣется, какъ онъ, потому что никого нѣтъ здѣсь равнаго ему по сану и богатству. Онъ говоритъ больше всѣхъ, и всѣмъ его рѣчи доставляютъ истинное удовольствіе. Мѣсто ему очень нравится. Сквозь темную липовую зелень видна озаренная солнцемъ рѣчка въ камышахъ, и за ней, весь въ деревьяхъ и кустахъ, отлогого идущій въ высоту берегъ.

«Построю тутъ *будинокъ*» ([1]), вскрикнулъ онъ вдругъ вдохновеннымъ голосомъ; «посажу слободу! На рѣчкѣ можно построить славную мельницу! Пускай у Панька *заболять печінки*, отъ зависти!» (Панькомъ онъ величалъ полковника нѣжинскаго полка, своего вѣчнаго врага, такъ какъ безъ непримиримой вражды къ кому нибудь ни одинъ малороссійскій панъ прожить не можетъ). «Да», продолжалъ онъ: «не будь я Вѣникъ, если не вгоню своего врага въ могилу этой усадьбой! Самъ гетманъ позавидуетъ моимъ *Липовымъ Пущамъ!*»

Это подаетъ поводъ къ отбиванію чоповъ у боклагъ и бочонковъ съ наливками и медами. Стукнулъ полковникъ съ своими гостями въ ковши и позабылъ о предпринятой охотѣ; поѣздка кончилась походною кашею и крѣпкимъ сномъ въ густой тѣни вѣковѣчныхъ липъ. Но, пробудясь, и возвращаясь домой въ пріятномъ изнеможеніи, панъ Вѣникъ не забылъ о мгновенно-возникшемъ въ его умѣ предпріятіи. Вскорѣ за тѣмъ, по распоряженію полковаго *осаула*, явились казаки на караулы, или какъ у нихъ говорилось, *на стойку* въ Липовыя Пущи. Страшное выбрано было мѣсто для стоянія пикетами: липовый лѣсъ, въ который проникали только женщины изъ сосѣднихъ хуторовъ за грибами. Но козакамъ было все равно: гдѣ стоять, то стоять. Они отвыкли уже брать отчетъ съ старшинъ на громадскихъ вѣчахъ, какъ было встарину. Они забыли уже, какъ нѣкогда ихъ дѣды и прадѣды вооружались на пановъ за то, что вольныхъ казаковъ употребляли на работы въ своихъ дворахъ, вмѣсто военной службы. Старшины, вышедшіе изъ среды, нагнули ихъ шеи подъ ярмо свое гораздо успѣшнѣе тѣхъ старыхъ пановъ, которые происходили отъ варяжскихъ князей и древнихъ полководцевъ княжнецкихъ.

Смиренно работали козаки на полковниковъ, какъ на законныхъ своихъ владѣльцевъ, и потому никому не показалось необычайнымъ

([1]) Господскій домъ.

отданное полковымъ эсауламъ приказаніе, чтобы *стойчики* явились на *стойку* не съ *мушкетами* и *списáми* ([1]), а съ топорами, пилами и долотами. Закипѣла работа и скоро все вокругъ измѣнилось въ Липовыхъ Пущахъ. Отъ стука и говора рабочихъ разлетѣлись иволги и горлицы; стройныя козы увели въ болотистыя низины и трущобы свое робкое поколѣніе; а полковничій домъ со всею обычною, по тогдашнему времени, обстановкою, воздвигся какъ-бы какимъ чудомъ на очищенномъ просторѣ, среди густаго лѣса.

Въ самомъ дѣлѣ, нѣжинскій Панькó возгорѣлся новою завистью къ благоденствію своего непріятеля и подалъ протестъ въ генеральную канцелярію, что *якобы таковый и оный Вѣникъ неправдою осягъ* сосѣдствующее съ Липовыми Пущами и принадлежащее ему, нѣжинскому полковнику, рыболовное мѣсто. Дѣло, разумѣется, затянулось, и челобитчикъ умеръ, оставивъ своимъ дѣтямъ въ наслѣдство вражду къ поколѣнію Вѣниковъ и вѣрное средство спустить съ рукъ, черезъ суды, нажитое предками имущество.

Въ самомъ дѣлѣ, и гетманъ, запрошенный Вѣникомъ *на бенкетъ* въ новую усадьбу, позавидовалъ, не хуже Панька, прекрасному мѣстоположенію Липовыхъ Пущъ (кáкъ назывался и самый хуторъ), гдѣ, по его словамъ, заведя пасики, можно бы было получать чистый липецъ. Онъ удостоилъ даже молвить съ гетманскою небрежностью, что отдалъ бы за полковничій хуторъ свою нѣмецкую карету съ осмью длинногривыми лошадьми. Но полковникъ Вѣникъ не понялъ тонкаго намека и, имѣя въ Петербургѣ сильныхъ покровителей, спокойно продолжалъ удить рыбу въ широко-запруженной камышчатой рѣчкѣ, да попивать съ пріятелями меды и наливки.

И умеръ полковникъ Вѣникъ въ свою очередь, и пошло его любимое помѣстье изъ рукъ въ руки, по наслѣдству, даже до нашихъ дней, и мало по малу не осталось въ немъ ни одной липы на корнѣ. Но домъ сплоченъ былъ, видно, очень усердно козаками. Въ немъ подалась только крѣпкая дубовая подвалина, осадивъ едва замѣтно одну стѣну и покосивъ немного шестиугольные рѣзные косяки въ окнахъ; но липа, не смотря на свою мягкость въ работѣ, нигдѣ не далась шашелю и устояла противъ дождей, зноя

([1]) **Ружьями и копьями.**

и вѣтровъ. Правда, снаружи домъ всегда былъ вымазываемъ такъ называемою зѣньковскою глиною (¹) и, если бы не рѣзьба на *угластыхъ* дубовыхъ косякахъ оконъ и дверей, то казался бы каменнымъ. Внутри же его нагрѣвали большія старосвѣтскія печи изъ зеленыхъ выпуклыхъ изразцовъ, а вѣчная бѣготня слугъ, топотъ, говоръ, пѣніе гостей и дѣтскій крикъ и гамъ, не давали завестись въ липовыхъ стѣнахъ разрушительнымъ шашелямъ, которые работаютъ всего дѣятельнѣе въ тишинѣ и неподвижности, покинутыхъ людьми строеній, и разрушаютъ дома, въ которыхъ долго еще могли бы жить люди.

ГЛАВА I.

Слобода, *осаженная* полковникомъ Вѣникомъ, прилегала къ рѣчкѣ, на которой онъ запрудилъ прудъ и построилъ мельницу. Заселеніе совершилось по зазыву, обычному въ то время. На ярмаркахъ на храмовыхъ праздникахъ, на многолюдныхъ свадьбахъ и вездѣ, гдѣ собирались толпы народа, являлись дворчане осадчаго и громогласно призывали поселянъ на слободу. Для того, чтобъ обратить на себя всеобщее вниманіе, они наряжались въ кунтуши самаго яркаго краснаго цвѣта съ золотыми галунами поперегъ груди, на подобіе петель, и съ такими же *усами* на перехватѣ, въ видѣ двухъ крестовъ. Въ рукахъ держали они высокій крестъ, на которомъ развѣвалась цвѣтная *корогóвка* (²). Всякъ, съ перваго взгляда, признавалъ въ нихъ *окличниковъ* и прислушивался къ ихъ кликамъ. Въ болѣе отдаленную старину такъ наряжались есаулы охочекомонныхъ полковъ; проѣзжая по селамъ съ хоругвями, они вызывали охотниковъ или *охочихъ козаковъ*, въ походъ на невѣрныхъ, а иногда, среди ярмарки, взгромоздивъ одинъ возъ на другой, выставляли они на этомъ подножіи полковое знамя, и, собравъ вокругъ себя народъ, читали съ этого возвышенія полковничье воз-

---

(¹) До-сихъ-поръ, въ Зѣньковскомъ уѣздѣ, Полтавской губерніи, сохранилось искусство штукатурить домà съ особенною прочностью. Помѣщики сосѣднихъ уѣздовъ нанимаютъ Зѣньковскихъ женщинъ для штукатурки своихъ домовъ. Зѣньковская глина составляется ими на мѣстѣ.

(²) Небольшая хоругвь.

званіе. Во времена Вѣника, охочекомонные полки не собирались болѣе въ окрестныхъ городахъ и селахъ; выдвинулись далеко въ степи за рѣку Орель полтавскія поселенія и заслонили собою внутренніе малороссійскіе повѣты отъ вторженія Татаръ. Національный обычай взывать къ народу посредствомъ есауловъ усвоенъ былъ осадчими ихъ окличникамъ, и, по старой памяти, окличники становили на ярмаркахъ телѣгу на телѣгу, а среди свадебнаго разгула или храмоваго праздника, взбирались на крышу ближайшей къ народу хаты, выставляли свою короговку и кричали: «на слободу! на слободу, добрые люди! У нашего пана богатѣютъ селяне днями, а не годами, ходятъ въ *саетахъ* (¹), турецкими *килимами* (²) столы застилаютъ, сребромъ коней куютъ, сами золотыми подковами въ танцахъ побрякиваютъ»! Чѣмъ больше преувеличивалъ окличникъ благоденствіе селянъ своего пана, тѣмъ больше слушатели развѣшивали уши, хотя, разумѣется, знали, что это только игра словъ. Но любитъ народъ краснобайство про золотыя горы и, терпя нужду, воспѣваетъ въ своихъ пѣсняхъ тó, чего не имѣетъ. Поэтому, окличникъ, безъ зазрѣнія совѣсти, увѣрялъ, что на лугахъ у его пана ростетъ трава въ человѣческій ростъ, что рыба въ прудахъ и озерахъ сама лѣзетъ въ невода, что пшеница остается на поляхъ не сжатая, а житняго *борошна* (³) никто въ глаза не видалъ. Все это выслушивалось со смѣхомъ, но безъ опроверженій.

— А сколько лѣтъ льготы отъ *чйншу* (оброка)? — спрашивали главы семействъ.

— Столько, — отвѣчалъ окличникъ, — сколько минуло его старшему сыну, — а минуло ему семь лѣтъ.

— *Поздорóвъ ëго, Боже,* — говорили поселяне. Семь лѣтъ — слобóда хорошая; за такую слободу не жаль принести добрый *ралецъ* осадчему.

Ральцемъ называлась добровольная дань отъ *рала* (⁴), приносимая поселянами землевладѣльцу въ день Рождества Христова и, смотря по расположенности къ нему народа, увеличиваемая и уменьшаемая.

(¹) *Саéтою* называлось тонкое англійское сукно.

(²) Коврами.

(³) Муки.

(⁴) Главная часть плуга.

Узнавъ въ чемъ дѣло, и гдѣ слобода осаживается, и какія земли, и какія будутъ пастбища и водопои, поселяне распространяли слухъ объ этомъ въ своемъ сосѣдствѣ и вскорѣ начинали появляться на пустынной почвѣ, сперва — курени, а потомъ — хаты и хутора. Первые, явившіеся на мѣсто, выбирали для себя лучшие *горбы* (1) для хаты и двора, лучшія *низины* для *пастовниковъ* или *левадъ* (2) и огородовъ; а потомъ ужъ отводили *грунта* новымъ поселянамъ *громадскіе мужи*, наблюдавшіе, чтобы никому не было обидно въ займѣ низменныхъ прирѣчныхъ мѣстъ и чтобы чей нибудь дворъ не былъ отрѣзанъ новымъ дворомъ отъ сообщенія съ водою. Эти громадскіе мужи, выбиравшіеся изъ стариковъ въ большемъ или меньшемъ числѣ, смотря по величинѣ села, были полными вѣдателями всѣхъ интересовъ между *осадчимъ* и поселянами, ограничивая произволъ одного и внушая другимъ, что они должны и чего не должны исполнять по его требованію. Они же собирали подати въ казну и владѣльцу за пользованіе землею. Ихъ власть была велика, потому что они олицетворяли собою образъ мыслей и волю всего своего сословія и пала только со введенія въ Малороссію крепацтва, когда произволу помѣщика открылось безграничное поприще. Самое имя громадскихъ мужей позабыто съ обычаемъ, и только въ старинныхъ актахъ любитель старины встрѣчаетъ слѣды ихъ существованія, дивясь, какъ это гражданственность сдѣлала въ Малороссіи нѣсколько шаговъ назадъ со времени введенія, при Екатеринѣ Второй, новой системы управленія!...

«Но мы исторіи не пишемъ», — наше дѣло — вести повѣсть о томъ времени, когда Липовыя Пущи папа Вѣника дѣйствительно были еще Липовыми Пущами, о томъ времени, когда заселенная имъ слобода, сдвинувшись тѣснѣе своими хуторами отъ прибавки новыхъ хатъ и дворовъ, образовала наконецъ *село*.

Былъ уже очень старъ полковникъ Вѣникъ; уже давно полковничья булава висѣла въ свѣтлицѣ полковаго судьи, который, являясь съ нею передъ козаковъ и въ полковой судъ, заступалъ собой полковника и принималъ всѣ почести, слѣдующія полковнич-

---

(1) Хату стараются становить на возвышеніи, на горбѣ.

(2) За огородомъ у малороссіянъ отдѣляется особое огороженное мѣсто, пастовникъ или левада, для пастьбы телятъ или нужной всякую минуту скотины. Левады обыкновенно окружены, или усѣяны, купами деревъ, которыя сажаетъ сама природа.

ему званію. Не разъ носились слухи, что будутъ выборы полковые, по случаю дряхлости пана Вѣника, и что козаки вольными голосами выберутъ себѣ полковника по-моложе — изъ полковыхъ старшинъ; но всѣ такіе слухи оканчивались толками. Панъ Вѣникъ, не смотря на то, что уже нѣсколько лѣтъ не выходилъ изъ своей пасики, гдѣ у него была особая, удаленная отъ всякаго шума, хатка,—не смотря на то, что отпустилъ себѣ сѣдую бороду и похожъ былъ больше на пустынника, чѣмъ на начальника обширнаго округа козацкихъ поселеній, называвшихся вообще полкомъ, — удерживалъ за собою *столъ рейментарскій* [1], и не къ полковому судьѣ являлись на *стойку* козаки съ косами въ косовицу, съ серпами въ жнива́ и съ топорами для хуторскихъ построекъ, а все-таки, по прежнему, къ пану Вѣнику, въ кото́рое имѣніе онъ назначитъ. Судья пользовался только ненужными пану полковнику рабочими, наравнѣ съ сотниками, которые, не мѣшая полковнику въ его повелѣніяхъ, довольно имѣли всегда молотниковъ, косарей, жнецовъ, плотниковъ и разныхъ мастеровыхъ изъ вольнаго козачьяго сословія, если мало оказывалось рабочихъ рукъ, назначенныхъ для подсосѣдковъ, пользовавшихся ихъ землями. Дряхлый пасичникъ, удалившійся отъ міра, ворочалъ всѣмъ полкомъ по своему произволу, хотя давно уже не ходилъ съ козаками въ походы и не водилъ ихъ, какъ другіе, на работу сѣверныхъ каналовъ и южныхъ крѣпостей, или, такъ называвшейся, *линіи*. Секретъ непоколебимости его власти состоялъ не въ преданности къ нему козаковъ: козаки давно уже незнали ни одного популярнаго имени между старшинами, такъ какъ выборъ только счита́лся вольнымъ, а въ сущности зависѣлъ отъ генеральныхъ старшинъ и гетмана; и всѣ полковые старшины, всѣ сотники и сотенное начальство были для нихъ уже не *батька́ми*, возвышенными на степень власти общею оцѣнкою ума и мужества, а помѣщиками, которыхъ власть, какими-то скрытыми отъ граждан путями, переходила отъ отца къ сыну до самого паденія грѣшной Гетманщины. Секретъ могущества престарѣлаго полковника заключался въ благоразумномъ его распредѣленіи, кому сколько возовъ гостинцевъ, укрытыхъ кожами, отправить ежегодно въ столицу, и какіе посылать подарки гетману и генеральнымъ старшинамъ къ новому году, въ день имя-

---

[1] Т. е. полковничество.

нинъ и въ разныхъ торжественныхъ случаяхъ. Мудрое правило: *живи и жить давай другимъ*, соблюдалось полковникомъ Вѣникомъ до конца дней его, и перешла его полковничья власть къ сыну, котораго избрали въ полковники *полчане* единодушно по словамъ форменнаго акта, но который явился за полученіемъ булавы изъ Петербурга—въ башмакахъ, въ нѣмецкихъ коротенькихъ штанахъ, или, по козацкому наименованію, *галáнцяхъ*, и въ парикѣ, обсыпанномъ, какъ говорили земляки, *бóрошномъ*. Но не о томъ рѣчь.

Въ одинъ прекрасный лѣтній вечеръ,—не помню, въ которомъ именно году,—на полковничій дворъ въѣхалъ крытый, такъ-называемый,—*кованный* возъ. Въ такихъ возахъ козацкіе старшины совершали свои походы, наполнивъ ихъ одеждою, войлоками для палатокъ, запаснымъ оружіемъ, а, всего больше, саломъ, пшеномъ, солью и бочонками съ подкрѣпительною *оковитою* (1). Кованными назывались эти возы потому, что покрыты были множествомъ желѣзныхъ бляхъ и скобокъ для предохраненія отъ пуль не только боченковъ, но и самихъ старшинъ, которые, изнемогши отъ движенія, а, пожалуй, и отъ подкрѣпительной оковиты, забивались между войлоковъ и спали въ своихъ возахъ безопасно, какъ въ крѣпостяхъ. Извѣстно, что козаки, застигнутые непріятелемъ на походѣ дѣлали четвероугольникъ изъ возовъ, соединяя ихъ одинъ съ другимъ ,посредствомъ цѣпей, и отбивались, изъ такой крѣпости до тѣхъ поръ, пока съѣдали всю свою провизію. Въ-старину, возы служили убѣжищемъ только для раненныхъ. Здоровый старшина, спрятавшись въ кованный возъ, вышелъ бы оттуда на козацкихъ *списахъ*. Но съ того времени, какъ старшины начали падать, на голову *товарйства*, изъ *паничей*, трусость ихъ не обращала на себя вниманія, и козаки въ бою управлялись не распорядительностью вождя, а тѣмъ инстинктомъ самосохраненія, который заставляетъ табунъ дикихъ лошадей строиться въ грозную толпу противъ нападенія стаи голодныхъ волковъ. Тогда-то устройство кованныхъ возовъ доведено было до послѣдняго совершенства, и *чóвенъ*, то-есть кузовъ такого воза, составленный изъ воловыхъ шкуръ и листоваго желѣза, былъ дѣйствительно несокрушимою твердынею.

---

(1) Тáкъ называлась водка высшаго сорта.

И вотъ, этакой-то кованный возъ, съ высокою будкою сверху, съ толстыми *бушо́ванными* (¹) колесами, запряженный не лошадьми, а дюжими волами, взъѣхалъ на полковничій дворъ и остановился противъ выступившаго далеко впередъ рундука, осѣненнаго *очере́тянною* крышею вмѣстѣ съ *подда́шьемъ* (²), которую поддерживали, вмѣсто каріатидъ, толстые, плоскіе столбы, вырѣзанные красивыми зигзагами. Вмѣстѣ съ кованнымъ возомъ, взъѣхало на дворъ и двое верховыхъ козаковъ, похожихъ другъ на друга лицомъ до-того, что это каждому тотчасъ бросалось въ глаза, и невольно у каждаго рождался вопросъ: не родные ли они братья? Впрочемъ, одинъ изъ нихъ былъ уже въ лѣтахъ, тогда-какъ другой принадлежалъ болѣе къ *молодика́мъ*, или юношамъ, чѣмъ къ мужамъ (³). Солнце стояло уже на закатѣ. Въ красномъ его свѣтѣ засіяли, какъ на картинѣ, двѣ конныя фигуры, проѣзжая мимо бѣлыхъ стѣнъ полковничьяго дома и украшенныхъ рѣзьбою оконъ, сверкавшихъ круглыми стеклами. Младшій козакъ остался неподвижно на конѣ; старшій соскочилъ на землю и помогъ выйти, изъ крытаго кованнаго воза, старику воинственной наружности, но съ длинной сѣдой бородой, которую отпускали наши дѣды, сознавъ однажды навсегда свою дряхлость.

Все это рисую по преданію, не примѣшивая вымысла, и потому не могу прибавить ни одной черты въ дополненіе простой, такъ-сказать, *ляпаной* живописи старыхъ обычаевъ, которая сохранилась въ моемъ воображеніи, — живописи, въ родѣ картинъ, писанныхъ нашими неучеными малярами по воспоминанію о видѣнномъ, но не глядя на натуру. Все въ нихъ крупно, рѣзко, ярко и мѣстами уродливо, но тѣмъ не менѣе переноситъ воображеніе въ прошедшее и заставляетъ всматриваться въ подробности изображеній. Такъ и словесное преданіе рисуетъ намъ старину ляпаною живописью и многаго не досказываетъ, но рождаетъ въ умѣ живые образы, которые для насъ дороже наблюдаемой собственными глаза-

---

(¹) Окованными желѣзомъ.

(²) Поддашьемъ называлась собственно часть брусьевъ съ карнизами, находившаяся подъ крышею (отъ стариннаго, вышедшаго изъ употребленія, слова — *даха*); но поддашьемъ называютъ обыкновенно лѣтнюю комнату не имѣющую четвертой стѣны. Это — родъ углубленнаго въ домъ навѣса.

(³) Молодиками назывались вообще неженатые; но въ то время неженатыми и были только *молодики*.

ми дѣйствительности. Я, по-крайней-мѣрѣ, вижу, какъ на яву, этого высокаго, сгорбеннаго лѣтами, морщинистаго и закаленнаго жизнью на долгіе годы старика, который вылѣзъ крехтя изъ кованнаго походнаго воза и, опираясь на длинный *ке́лепъ* (1), взошелъ тяжелыми ногами на дубовые ступеньки полковничьяго рундука. Остановясь подъ навѣсомъ, спускавшимся изъ подъ очеретянной стрѣхи хитро-вырѣзанными, въ липовыхъ брусьяхъ, кривульниками, онъ оборотился лицомъ къ двору. Заходящее солнце обдало его своимъ вѣчно плѣнительнымъ свѣтомъ, вырисовывая въ тоже время сверху, надъ нимъ и по сторонамъ, зигзаги своехарактерной малороссійской рѣзьбы на архитравѣ и столбахъ рундука. Углубленіе навѣса все ушло въ синеватую, холодную тѣнь, изрѣдка разорванную яркой золотистой полоской или узорнымъ кускомъ пробившагося свѣта. Старикъ показался точно въ сіяющей рамѣ, сіяя весь на темномъ полупрозрачномъ фонѣ, съ своими сѣдинами, озолоченными солнцемъ, въ козацкой, перегнутой на половнѣ, шапкѣ, въ длинномъ кобенякѣ, въ большихъ сапогахъ изъ выношеннаго краснаго сафьяна и съ келепомъ, на который онъ положилъ обѣ жилистыя, изморщенныя руки, нагнувшись впередъ надъ этой опорой. Волосы его, по причинѣ старости, не были подстрижены и вплетались жидкими, сквозящими кудрями въ бороду, по которой замѣтными издали сѣрыми струями спускались два длинные уса.

Всѣ люди, которымъ на ту пору случилось быть на полковничьемъ дворѣ, —отъ сторожеваго козака, сидѣвшаго съ мушкетомъ у *камяни́цы* (2) съ запаснымъ добромъ пана полковника, до ключника, убиравшаго съ очередными стойчиками просушенную пшеницу въ амбары, — обратили вниманіе на старика, пріѣхавшаго такимъ необычайнымъ образомъ и остановившагося подъ навѣсомъ, на солнцѣ.

Постоялъ онъ съ минуту, не болѣе, какъ-бы для того только, чтобы обвести глазами весь дворъ, съ окружавшими его хатами, съ приземистою камяницею, въ которой видно было всего только двое маленькихъ рѣшетчатыхъ оконъ по одну сторону двора, и съ деревянными, затѣйливо-украшенными рѣзной галлерейкой, амбара-

(1) Палка съ насаженнымъ на нее молоткомъ въ видѣ топорика.

(2) Для безопасности отъ пожара, въ старину строились небольшія кладовыя камяницы изъ кирпича, съ желѣзными дверями и ставнями. Въ нихъ сберегалось все, что́ было подороже изъ одежды, оружія и домашней утвари.

ми по другую. Стоя къ нему ближе, можно было замѣтить, по движенію нависшихъ на глаза бѣлыхъ бровей и легкому качанію головы, что все ему было по вкусу.

Дворъ былъ просторенъ, не засоренъ соломой или щепками, не заросъ репейникомъ, беленою или инымъ бурьяномъ, выростающимъ на смѣтникахъ и въ другихъ нечистыхъ мѣстахъ. Какъ ковромъ, устлала его ровная мурава, перекрещенная въ разныхъ направленіяхъ тропинками отъ безпрестанной ходни рабочаго народа. Одна часть этой зелени ушла въ холодную тѣнь отъ хатъ, амбаровъ, голубятни, садовыхъ деревъ, и все это вырисовало на ней свои верхушки удлиненными чертами; другая сіяла червоннымъ золотомъ, которое, изливаясь теплымъ потокомъ отъ запада, обдало всю лицевую сторону узорчатаго будинка, захватило одинъ бокъ камяниці, вырисовавъ все множество карнизовъ и зубчиковъ, окружавшихъ ея низенькую дверь и маленькія окна, прошло по садовому, выгнутому изъ березовыхъ палокъ, частоколу, превращая его въ легкую, сквозящую на зелени драгоцѣнную рѣшетку; потомъ поднялось по деревьямъ, перегнувшимся изъ-за частокола на дворъ. Маки въ ближайшемъ огородѣ загорѣлись огнемъ среди зелени, и всякая мелочь на землѣ, въ саду или на строеніяхъ, засіяла отъ прощальнаго взгляда солнца на покидаемую имъ природу, такъ-что даже высокіе дымари, поднимавшіеся деревяными башнями изъ сѣней будинка и съуживавшіеся постепенно по мѣрѣ приближенія къ крышѣ, и тѣ даже, не смотря на то, что вся наружная часть ихъ была покрыта сажею, залѣпившею отчасти и зубчатую рѣзьбу на доскахъ, и тѣ позолотились и вырисовались ярко-сіяющими островерхими башенками на потемнѣвшей лазури восточнаго неба, а жестяные пѣтухи, вывезенные пану полковнику изъ нѣмецкой земли въ видѣ флюгеровъ, не смотря на то, что имъ больше всего доставалось коптиться въ дыму, поворачиваясь на право и на лѣво, теперь казались чисто золотыми. На востокѣ свѣтился уже полукругъ луны, но закуренные дымомъ пѣтухи помрачали его своимъ блескомъ.

И въ такомъ-то сіяніи остановился передъ полковничьимъ домомъ кованный возъ съ дюжими волами, которыхъ крутые рога, костистые бедра, выгнутые мохнатые хребты и толстые, развалистые бока съ дыхательными углубленіями, выказались во всей красотѣ своей,—съ лошадьми, убранными и навьюченными по поход-

ному и верховыми козаками, отъ которыхъ, при всякомъ движеніи, ходила рѣзко рисовавшаяся тѣнь, ложась то поперегъ воза, то узкою, безконечною полосою по травѣ, то вѣрнымъ силуэтомъ по бѣлой стѣнѣ дома, точно примѣшавшіеся къ ѣдущимъ верховымъ новые верховые козаки.

Но вотъ одна, другая минута — и чары заходящаго солнца исчезаютъ. Весь дворъ со всѣми животными и людьми погрузился въ сумерки. Сѣрая тѣнь, точно какая-то стихія, залила сперва сіяющую мураву двора, потомъ поднялась выше, выше—по ступенямъ рундука, по рѣзнымъ дубовымъ косякамъ оконъ, по крышѣ, и уже только дымари съ золотистыми своими пѣтухами сіяли въ высотѣ, затмѣвая вырѣзавшійся явственнѣе прежняго мѣсяцъ. Кованный возъ, верховые козаки, старикъ, остановившійся подъ навѣсомъ — все это утонуло въ тѣни.

Долго сіяетъ, но быстро гаснетъ, украинскій день. Южная короткая ночь спѣшитъ воспользоваться своими правами, чтобы дать время соловьямъ напѣться, а молодежи наслушаться милыхъ рѣчей, которымъ нѣтъ мѣста днемъ и которыя приходятъ на языкъ только въ тѣни вишневыхъ садовъ, да подъ развѣсистыми вербами, да на опустѣлыхъ берегахъ рѣчекъ и прудовъ, когда смолкнетъ шумъ человѣческихъ работъ и поднимутся миріады голосовъ изъ благоухающихъ травъ и деревьевъ, изъ прозрачныхъ безднъ водянаго царства, и все сольется въ стройный хоръ, сладко волнующій молодыя, поэтическія чувства.

ГЛАВА II.

Но кто же этотъ старикъ, сопровождаемый двумя рослыми, статными, другъ на друга похожими, козаками? Подъѣхалъ онъ прямо къ крыльцу полковничьяго дома, въ-знакъ своего равенства съ хозяиномъ, если не по сану, то по сословію и богатству: иначе онъ бы вышелъ изъ повозки у воротъ и пѣшкомъ приблизился бы къ панскимъ будинкамъ. Таковъ былъ обычай старосвѣтскаго общежитія въ Малороссіи. Не вошелъ онъ однакожъ прямо въ полковничью свѣтлицу. Сѣлъ онъ на скамьѣ, которая шла кругомъ всего рундука, оставляя только проходъ изъ двери въ дверь; подперся ке-

лепомъ, положивъ обѣ руки на чеканный серебреппою насѣчкою топорикъ и опустилъ тяжелую отъ старости голову, покрывъ сѣдою бородою обѣ свои морщинистыя руки. Шевельнулъ онъ нависшею на глазъ бровью и понялъ его старшій козакъ, помогшій ему выдти изъ кованнаго воза. Наклонивъ высокую черную шапку, онъ вошелъ въ сѣни и скоро появился опять, провожая на рундукъ старушку, которая вышла къ гостю въ домашней кофтѣ изъ зеленой байки съ красными мушками и въ, такъ-называемой *кибалкѣ* на головѣ,—нѣчто въ родѣ клобука изъ темной, протканной золотомъ матеріи. Сѣдыя пряди волосъ, высунувшись изъ подъ шапочки, убирали точно кружевами ея бѣлое, панское, ласковое лицо, покрытое тонкими морщинами. Она поклонилась гостю съ уваженіемъ къ его полу, которое въ то время оставалось преимущественно за мужчинами, и назвала его, привѣтствуя, паномъ хорунжимъ. Панъ хорунжій приподнялся съ своего мѣста и отвѣчая поклономъ на поклонъ и привѣтствіемъ на привѣтствіе съ медленностью, приличною его старости, которою онъ видимо гордился, назвалъ ее паніею сотничкою; потомъ обнялъ ее со всѣми знаками подобающей учтивости и напечатлѣлъ на ея мягкихъ щекахъ троекратный почтительный поцѣлуй.

Оказалось, что пріѣздъ его не былъ неожиданностью, что давно знали пана хорунжаго въ полковничьемъ домѣ, хотя много лѣтъ его не видали. Оказалось также, что пани сотничка была сестра полковника Вѣника, исправлявшая должность хозяйки дома со времени смерти полковницы.

Зналъ престарѣлый гость очень хорошо, что панъ полковникъ давно уже остается безвыходно въ своей пасикѣ, полюбивъ уединеніе, по обычаю всѣхъ старинныхъ людей, но не спѣшилъ къ нему, а вошелъ въ свѣтлицу, держась за руку, которую подала ему пани сотничка въ знакъ гостепріимства.

Посадила она гостя на почетномъ мѣстѣ, въ концѣ стола, который стоялъ подъ образами, покрытый старымъ ковромъ, а на коврѣ—большой хлѣбъ *и дробо́къ* соли, въ знаменованіе, что живутъ здѣсь люди гостепріимные.

Но прежде нежели сѣлъ панъ хорунжій на скамью съ высокою спинкою, завѣшенною косматымъ ковромъ, онъ поднялъ голову къ образамъ. А образа были все большихъ размѣровъ, кіевской живописи, и шли въ два ряда отъ главнаго угла, въ которомъ

стоялъ Богъ Отецъ съ скипетромъ и державою въ рукахъ, въ треугольномъ сіяніи на головѣ и съ Святымъ Духомъ на груди, отъ котораго лучи проникали въ извивы его бороды и развивались по облакамъ внизу иконы. Большая серебряная лампада, какъ церковное паникадило, озаряла яркія краски живописи, и, мѣшая свой свѣтъ съ полусвѣтомъ потухающаго дня, проливала желтыя лучи по выступамъ рѣзной обдѣлки оконъ, по завиткамъ и углубленнымъ буквамъ на сволокѣ, по блестящимъ зеленымъ изразцамъ большой печи, по многосложнымъ ея карнизамъ и колонкамъ и по точенымъ стульямъ съ высокими спинками, обитымъ желтымъ, поблѣднѣвшимъ отъ времени, сафьяномъ.

Остановился сѣдой гость противъ образовъ и помолясь съ низкимъ старческимъ поклономъ, вынулъ изъ-за пазухи небольшой хлѣбъ, завернутый въ бѣлый платокъ съ красными мережками, развернулъ его дрожащими отъ старости руками и подалъ хозяйкѣ въ руки.

Хозяйка приняла съ уваженіемъ этотъ залогъ дружескаго общенія сосѣдей, поцѣловала и положила на столъ.

Что́ дѣлаетъ теперь простой народъ, то дѣлали въ то время всѣ, сохранившіе родные обычаи общежитія, дѣлали до тѣхъ поръ, пока молодое поколѣніе, образовавшись въ чужихъ національностяхъ и возвратясь домой въ парикахъ и чулочкахъ, предало осмѣянію жизнь предковъ, назвавъ ее мужичествомъ, не введя на то мѣсто ничего, соотвѣтствующаго гражданскому и бытовому развитію своего племени вообще и своего сословія въ–особенности.

Оказалось (продолжаю свой разсказъ), что два козака, пріѣхавшіе съ старикомъ, были два его сына. Старшій изъ нихъ, у котораго на усахъ проступила уже сѣдина, — спутница охлажденія играющей крови,—остался вмѣстѣ съ отцомъ въ свѣтлицѣ, но сѣлъ поотдаль, на концѣ почетной скамьи.

Хозяйка заняла мѣсто по другую сторону прислоненнаго къ углу стола, и двое старыхъ людей, сложивъ руки на столѣ, почти симметрически другъ противъ друга, въ самомъ покойномъ для нихъ положеніи, повели тихую бесѣду о прошломъ, взаимно имъ неизвѣстномъ, что́ совершилось въ длинный промежутокъ между ихъ послѣднею и настоящею встрѣчею. А день--между, тѣмъ, совсѣмъ потухъ, и уже только свѣтъ лампады, падая сверху, обрисовывалъ ихъ выступавшія изъ мрака черты, ихъ сѣдины и старыя, утомленныя долгою жизнью, руки.

Слушатель ихъ не вмѣшивался въ разговоръ, хотя не сводилъ съ нихъ глазъ, скрестивши на груди руки и потупивъ слегка голову. Онъ могъ говорить только въ такомъ случаѣ, когда бы старики сами къ нему обратились.

— Сколько это лѣтъ мы не видались, панимáтко?—сказалъ гость, величая старушку, изъ учтивости, материнскимъ именемъ, хотя самъ былъ вдвое старѣе. Она отвѣчала ему съ той же учтивостью, дѣлая должный почетъ его преклоннымъ лѣтамъ:

— А будетъ больше двадцати, панóтченьку!... Какъ-же! Еще мой покойный панъ Игнатъ не ходилъ тогда въ *канальскій* походъ.

(Канальскими называли козаки извѣстные свои походы для рытія каналовъ).

— Охъ, походы, походы—!сказалъ старикъ нахмурясь, и покрутилъ одинъ усъ такъ, что онъ изъ косы принялъ форму серпа. Но рѣчи старикъ не докончилъ, и выразилъ свою мысль только сердитымъ качаньемъ головы.

— Да,—продолжала пани сóтничка: погибъ и мой панъ Игнатъ, какъ садовый цвѣтъ на морозѣ!

— Чтó ты говоришь, панимáтко! А я слышалъ.... мнѣ кто-то говорилъ, что панъ Игнатъ умеръ дома! Другихъ много тамъ сгнило и перегибло, а онъ—говорили мнѣ—воротился!

— Воротились только его кости, панóтченьку! а тѣло и здоровье оставилъ тамъ. Однѣ измученныя кости воротились, чтобъ отдохнуть на цвúнтарѣ (¹) отъ канальской работы. Перенесъ,—Боже избавь, сколько нужды перенесъ на чужой чужбинѣ и привезъ домой только дыханіе въ тѣлѣ. Посмотрѣлъ на меня.... а глаза впалые.... Боже, какіе глаза! благословилъ дочку и погасъ, какъ на снѣгу искра. Встрѣтила я его у воротъ съ немовляткомъ (²) на рукахъ: везутъ моего пана паровицею (³), какъ мертваго! Выѣзжалъ въ походъ на бодромъ конѣ.... пятьдесятъ золотыхъ заплатилъ въ Коропѣ.... и двое добрыхъ коней въ торокахъ шло, а воротился на чужомъ возу,—раскинулся на возу, лицомъ къ небу, какъ мертвый! Каково же было мнѣ его встрѣтить! И кони, и риштунки, и кованные возы, и саетовые жупаны, и самопалы и

(¹) На кладбищѣ.
(²) Не говорящимъ ребенкомъ.
(³) Парою воловъ.

сабли—все прохарчили козаки на той канальской работѣ [1]! Кормили ихъ тамъ не казною, а зневагою [2]; богатѣли ихъ пóтомъ и кровью, и кто не сжилъ, таскаючись по болотамъ, то нищимъ домой воротился.... Увидѣлъ дочку и заплакалъ: «какая судьба твоя будетъ, что уже нѣтъ ни одного вольного козака на Украинѣ!...»

— Гóди, гóди, паниматко! годи, моя голубка!—прервалъ ее старикъ хорунжій: — ты безъ ножа рѣжешь мое сердце. Неужели ты не знаешь, гдѣ у меня всего больше болитъ? Скажи лучше, хорошо ли тебѣ у брата и почему не осталась ты на родномъ пепелищѣ?

— Какъ же мнѣ было тамъ оставаться? Пока покойный панъ Иванъ былъ живъ, на дворъ приходили очередные козаки, хозяйство шло по-людски; а какъ его не стало, то и подсосѣдки перестали слушаться. Я одна съ маленькой дочкой, а кругомъ—гайдамаки рыскаютъ.... До васъ, панотченьку, дошелъ слухъ, чтó они сдѣлали въ Миргородскихъ хуторкахъ?

— Такъ то-жъ не гайдамаки, голубко, а настоящіе Запорожцы.

— Никогда этому не повѣрю!—сказала съ живостью старушка. Мой отецъ былъ запорожецъ; я знаю, каковы Запорожцы! Запорожцы боятся Бога, а эти изверги и Бога не боятся, и людей не стыдятся. Перерядились Татарами и заняли въ плѣнъ людей на продажу [3]. Развѣ это запорожское дѣло?

— Эхъ, паниматко! не во гнѣвъ тебѣ, женскимъ розумомъ ты о военномъ народѣ судишь. Твой отецъ былъ изъ старыхъ Дорошенковскихъ запорожцевъ. Развѣ я не знаю твоего отца? Я знаю его лучше твоего. Онъ остался у насъ, между полчанами, въ то время, какъ Игнатъ Галазанъ, радѣючи царю Петру, пошелъ разорять Сѣчь.... Тебя тогда и на свѣтѣ еще не было, а мы съ твоимъ отцомъ были молодиками. Онъ съ нами гулялъ у Лизогуба, да приглянулась ему Лизогубова дочка, твоя паниматка, такъ онъ и остался между Гетманцами, и чуприну свою запорожскую подрѣ-

---

(1) Въ просьбѣ гетмана Апостола къ графу Головкину: «Козаки, за дальними и трудными походами, оружія своего лишилися». *Матеріялы для отечественной исторіи*, изданные г. Судіенкомъ, т. I, стр. 57.

(2) *Зневага*—пренебреженіе, выражаемое оскорбительными поступками.

(3) Въ 1736 году. Запорожцы вмѣстѣ съ Татарами, дѣйствительно захватили въ плѣнъ 700 душъ, сдѣлавши набѣгъ на хутора миргородскаго полка (Архивъ Н. А. Маркевича, № 579).

залъ и, раскинувши по головѣ, женился послѣ Шведчины. Такъ понимаешь ты разницу? Запорожцы хоть и воротились отъ Турка, какъ умеръ царь Петръ, да не съ добрымъ духомъ противъ нашего брата. И въ самомъ дѣлѣ, весело развѣ имъ смотрѣть на пановъ, которымъ роздалъ царь войсковыя земли безъ мѣры, рыболовни и мельницы безъ счету, за то, что ихъ поколотили и къ Туркамъ прогнали (1)?

— Да чѣмъ же народъ бѣдный виноватъ?—сказала панисо́тничка.

— Это, паниматко, старая пѣсня, что когда паны дерутся, то у мужиковъ чуприны трещатъ. Вотъ и мы всѣ: за кого терпимъ? За Мазепу. Мы не любили этого польскаго блюдолиза, а намъ посадили его на шею гетманомъ, и самъ же царь Петръ носился съ нимъ, какъ съ писанною торбою, и личманъ ему на шею съ своимъ образомъ повѣсилъ, и голубою лентою его, какъ дружка на свадьбѣ, перевязалъ, а послѣ съ нимъ задрался, а на насъ сердце согналъ. Мы первые подорвали Шведа, не давши ему ступить шагу спокойно, переморивши его холодомъ и голодомъ; мы своею кровью облили полтавское поле; безъ насъ не совладали бъ съ нимъ ни Шереметы, ни Меньщики; а насъ дѣлаютъ пріятелями Мазепы. За кого мы гніемъ и гибнемъ въ канальскихъ походахъ? все за Мазепу. Охъ, походы, походы! долго васъ не забудетъ Украина!

И старикъ застоналъ и поникъ головой, такъ, что борода покрыла его сложенныя на столѣ руки. Долго онъ оставался въ раздумьи: потомъ посмотрѣлъ на свою собесѣдницу и продолжалъ спокойно:

— Такъ тебѣ, паниматко, не пожилось на вдовьемъ дворѣ? А славный дворъ былъ, и будинокъ не хуже полковничьяго. И церковь славную твой покойный мужъ выстроилъ: надъ самимъ прудомъ, на пригорѣ. Я былъ на освященіи. Подъѣзжаю: на горѣ церковь и въ водѣ церковь, на горѣ народъ и въ водѣ народъ, и сады и хаты, какъ въ зеркалѣ. Вѣдь отсюда близко. Братъ могъ бы тебя и отъ гайдамакъ оборонить, и очередныхъ козаковъ «отъ своего боку» посылать.

— Оно-то и та́къ, панотченьку,—отвѣчала старушка,—а вышло

---

(1) *Универсалъ* гетмана Скоропадскаго: «Понеже маетности, належные на чины енеральныхъ особъ, по змѣнѣ Мазепиной одойшли въ разныя владѣнія и утверждены жалованными монаршими грамотами», и пр. (Матеріалы изд. г. Судіенкомъ, т. I, стр. 85).

иначе. Братъ разослалъ сыновей по московскимъ столицамъ: теперь уже такъ повелось, чтобъ дѣти дома не росли; теперь только и защиты нашимъ козацкимъ дѣтямъ, что подъ парикомъ да подъ нѣмецкимъ кафтаномъ. Дружатся и роднятся съ московскими панами, и только черезъ нихъ выходятъ въ панство: вотъ наши выборы вольными голосами! Только старые паны держатся еще на своихъ мѣстахъ по выборамъ, а новые полковники всѣ изъ столицъ посылаются.

— Да и то́—какіе выборы, паниматко!—сказалъ хорунжій. Гетманская ласка, шашни—Генеральной Канцеляріи. Мы выборовъ не знаемъ съ того времени, какъ Мазепа купилъ себѣ булаву у князя Голицына за войсковыя деньги! Вотъ у меня два сына: перебывали и въ Туреччинѣ, и въ Польшѣ и въ Пруссіи, заглядывали близко въ глаза непріятелю, довольно и добычи домой вывезли: могли бы кажется старшиноват надъ козаками. Нѣтъ, купи сотничество, поклонись этимъ фертикамъ, что́ набились въ гетманскую канцелярію, этому плюгавому бунчуковому и войсковому товариству, которое только и знаетъ буянить по всему краю, подъ гетманскою протекціею ([1]). Такъ не куплю же! чорта получите! Будетъ съ васъ и *протекціоннаго листа*, которымъ вы, какъ тютюномъ, торгуете ([2]);

([1]) Это былъ родъ охранной грамоты, которую высшіе малороссійскіе сановники покупали у петербургскихъ сановниковъ, а люди незнатные—у Генеральной Канцеляріи. Такъ, жена гетмана Скоропадскаго, присвоивъ себѣ, по смерти мужа, войсковую собственность, объявила, что она въ Малороссіи не судима, *понеже имѣетъ грамоту протекціонную*. Такъ гетманъ Апостолъ, по просьбѣ епископа Бужинскаго, выдалъ свойственнику его, Михаилу Петрову, роменскому жителю, универсалъ, «пріймучи его въ протекцію гетманскую, дабы полковникъ, старшина полковая, особливо сотникъ роменскій съ урядомъ тамошнимъ, его до жадныхъ повинностей сотенныхъ не потягали». (*Матеріалы*, изд. г. Судіенкомъ, т. I, стр. 16).

([2]) Записка Теплова: «...чины бунчуковыхъ товарищей и войсковыхъ канцеляристовъ великую салвогвардію имѣютъ; они, гдѣ бы кому въ отдаленіи какую обиду ни сдѣлали и въ какомъ бы полку то́ ни было, полковая канцелярія до нихъ дѣла не имѣетъ, а искать суда на нихъ надобно въ войсковой канцеляріи и у гетмана. И такъ бѣдной козакъ всегда ими обиженъ и за отдаленіемъ рѣдко управы ищетъ... При гетманѣ Скоропадскомъ, бунчуковыхъ товарищей и войсковыхъ во всей Малороссіи шестидесяти человѣкъ не было, и тѣ были самыхъ знатнѣйшихъ отцовъ дѣти, которыхъ гетманъ въ товарищи подъ свой бунчукъ принималъ: но, въ междугетманство, больше двухъ сотъ ихъ прибыло, и изъ подлыхъ людей, которые только сей чинъ за деньги получать могли, ибо имъ не столько чинъ, сколько та привилегія надобна, что они нигдѣ, кромѣ гетмана, не судимы» (*Записки о Южной Руси*, т. II, стр. 191).

а сотничество — дѣло громадское. Не у всякаго глаза, какъ у васъ, безстыдны: покупной сотникъ *хиба въ собаки очей позичить*, явившись передъ товариство! Да и чтó за счастье? Только на каналы да на линію козаковъ водить! Рейментарское дѣло, нечего сказать—погонять людей наземляной работѣ! Съ протекціоннымъ листомъ по крайней мѣрѣ дома будешь сидѣть... да и тó не даютъ, окаянные!... Охъ, времена! времена! ужъ не конецъ ли свѣту приходитъ!

Это было время послѣдняго разложенія такъ-называемой Гетманщины, то есть старыхъ гражданскихъ формъ, въ которыхъ существовала Малороссія, какъ отдѣльная, самоуправляемая, область. Съ паденіемъ Мазепы, началось быстрое уничтоженіе стараго порядка вещей извнѣ и казалось полное безсиліе поддержать его извнутри. Не смотря на то, что весь народъ и все войско, за исключеніемъ немногихъ тысячъ отважныхъ людей, вооружились противъ Шведовъ, не смотря на то, что общая ненависть къ Мазепѣ, усиленная еще больше извѣстною анаѳемою, обезсилила враговъ царя Петра задолго до полтавской битвы и что козацкіе полки больше всего остальнаго войска пролили крови подъ Полтавою, нашъ край былъ какъ бы завоеваннымъ. Отважное предпріятіе Мазепы открыло уму Петра для его государства страшную перспективу, которой онъ не могъ забыть во всю жизнь. Возможность разрушенія, созданной въ умѣ и принятой очень близко къ сердцу, имперіи, слишкомъ сильно поразила тогда его воображеніе, и онъ, съ свойственной одному ему геніальностью, создалъ планъ постепеннаго разрушенія Гетманщины. Мы не жалѣемъ о ней, какъ объ уничтоженіи корпораціи генеральныхъ старшинъ, которые, вмѣстѣ съ выбраннымъ отъ царя гетманомъ, дѣлили между собой войсковое имущество, не заботясь о благѣ народа, — которые окружали себя родственниками, подъ названіемъ генеральной канцеляріи и потакали имъ въ самыхъ вопіющихъ несправедливостяхъ относительно беззащитной части малороссійскаго населенія, которые—роздали своимъ пріятелямъ и распродали перекрещенцамъ изъ жидовъ и разнымъ выходцамъ полковничьи и сотничьи мѣста почти съ неограниченною властью надъ подчиненными. Намъ нечего жалѣть о паденіи Гетманщины. Это было дерево, подгнившее въ корнѣ и не приносившее никакихъ плодовъ. Еслибъ не повалило его петербургское правительство, оно само рухнуло бы и сгнило, оставленное безъ вниманія народомъ. Но нельзя намъ не грустить о тяжкихъ

обстоятельствахъ, которыми сопровождалось выполненіе предначертанія великаго разрушителя старины русской. Раздача присвоенныхъ гетманской булавѣ и оставшихся, послѣ приверженцевъ Мазепы, земель великороссіянамъ[1], въ противность коренному малороссійскому праву и притомъ со введеніемъ неслыханнаго въ Малороссіи закрѣпощенія свободныхъ поселянъ, повлекла къ безчисленнымъ притѣсненіямъ простаго народа и грабежу козаковъ со стороны новыхъ владѣльцевъ, сильныхъ царскими милостями и посылавшихъ въ Малороссію своихъ управителей и старостъ, нѣмцевъ и великороссіянъ, какъ въ землю завоеванную. Въ лѣтописи Конисскаго, вѣрнаго историка своей современности, занятіе и управленіе новопожалованныхъ иноземцамъ имѣній въ Малороссіи описаны не чернилами, а кровью и слезами. Введеніе въ малороссійскій трибуналъ великорусскихъ членовъ, породило сцены насилій и ужасовъ, отъ которыхъ становится дыбомъ волосъ у историка. «Еслибы», говоритъ лѣтописное преданіе, «перстомъ руки Божеской изрыть частицу земли на мѣстѣ такъ-названной Тайной Экспедиціи, то ударила бъ изъ него фонтаномъ кровь человѣческая, пролитая на пыткахъ, по однимъ подозрѣніямъ (1).» Систематическое ослабленіе козацкой тактики и изнурительныя земляныя работы въ финскихъ болотахъ, работы, превосходившія своею тягостью великанскія сооруженія древнихъ Артаксерксовъ и Фараоновъ, быстро уменьшили народонаселеніе края и наполнили его калѣками. Квартированіе войскъ великорусскихъ въ Малороссіи на военномъ положеніи, безъ всякихъ мѣръ къ ограниченію своеволія и безчинствъ солдатъ, и произвольные сборы *порціоновъ* и *раціоновъ*, сопровождаемые безнаказанными притѣсненіями и грабежомъ, породили въ народѣ бѣдность, часто доходившую до нищенства, а многія села заставили разбѣжаться. Не только лѣтописи, но и самые архивы, уцѣлѣвшіе отъ того времени, наполнены описаніями страшнаго произвола каждаго чиновника, каждаго командира и каждаго курьера, являвшагося въ Малороссію. При такихъ обстоятельствахъ, генеральнымъ и другимъ старшинамъ малороссійскимъ ничего другаго не оставалось, какъ только ладить съ правительственными лицами въ Петербургѣ и съ чиновниками, присланными въ Малороссію, и народъ сдѣлался общею добычею тѣхъ и другихъ. Съ уничтоженіемъ выбора вольными го-

---

(1) Лѣтопись Конискаго.

лосами, уничтожился страхъ общественнаго мнѣнія для начальствовавшихъ. На мѣсто его развилась канцелярская формальность и, какъ непроницаемымъ облакомъ, закрыла собою отъ народа правду на судѣ. Кто не падалъ въ это время подъ бременемъ нужды и притѣсненій, тотъ невольно клонился и падалъ душою подъ нравственнымъ гнетомъ повсемѣстнаго беззаконія. Все бѣдное, все смиренное и незнатное, приникло молчаливо къ землѣ и образовало отдѣльную, пассивную, націю; все стремившееся къ обогащенію, къ власти, къ знатности, насѣло сверху и образовало націю активную; а эта активность обращена была на составленіе связей съ богатыми и сильными, на угодничество опаснымъ, на захватываніе разными способами козачьихъ земель, на грабежъ и на насилія всякаго рода и на тяжбы съ сосѣдями за всякую мелочь, въ надеждѣ выиграть протори и убытки. Это было безобразное разложеніе стараго порядка вещей, подъ разрушительнымъ вліяніемъ дикой силы, которая воплотилась въ нравственный образъ лица и, за много десятилѣтій, а, можетъ-быть, и вѣковъ, впередъ, повелѣла тремъ безплодно враждовавшимъ славянскимъ націямъ перестать быть тѣмъ, чѣмъ онѣ были, которая покрыла почву этихъ націй гніющею массою старыхъ формъ жизни, чтобы, подъ безобразнымъ ихъ гніеніемъ — незримо для современниковъ, но видимо для исторіи — родились новыя начала во славу благородства души человѣческой... И потому, безъ злобы къ мрачной старинѣ и съ сочувствіемъ къ ея бѣдствіямъ и мгновенно промелькавшимъ радостямъ, будемъ живописать картины народнаго быта, который уже никогда не повторится. Я люблю прошедшее, не увлекаясь фантазіями о золотомъ вѣкѣ, люблю такимъ, какимъ оно было, люблю за то, что оно *было*, ибо всякое бытіе есть поэзія.

Тихо сіяла въ липовой свѣтлицѣ лампада, повѣшенная на трехъ тонкихъ цѣпяхъ изъ мѣдной проволоки передъ образомъ Бога Отца. Старики вели свои длинныя рѣчи ослабѣвшими голосами. Представитель слѣдовавшаго за ними поколѣнія молча слушалъ. Его очередь говорить и быть выслушиваемымъ до послѣдняго слова — впереди; его старость недалека, и недалеко то время, когда онъ мало будетъ встрѣчать вокругъ себя старѣйшихъ.

Спокойно старушка ведетъ свою бесѣду съ гостемъ, не думая объ угощеніи: есть кому за нее думать. У нея есть, въ полномъ

цвѣтѣ лѣтъ, дочь, которая знаетъ о чемъ слѣдуетъ позаботиться по случаю пріѣзда гостей. Вотъ отворилась боковая дверь, и служанка, въ цвѣтахъ на головѣ, въ красныхъ монистахъ и вышитыхъ красными узорами бѣлыхъ рукавахъ, принесла восковую свѣчу и поставила на столѣ, съ низкимъ поклономъ престарѣлому гостю. За нею слѣдомъ вошла стройная высокая дѣвушка, держа въ рукахъ подносъ съ графинчиками и низенькими серебряными чарками. Еслибъ она и не отличалась отъ первой своимъ нарядомъ, то одна ея поступь, въ которой видно было что-то величавое, обратила бы на нее вниманіе каждаго. Въ движеніяхъ человѣка невольно выражаются его понятія о своей личности. Въ этой дѣвушкѣ, при всей мягкости и, вмѣстѣ, какомъ-то грустномъ оттѣнкѣ движеній, выражалось что-то самостоятельное, опредѣлившееся и навѣки сознанное въ глубинѣ души. Было что-то таинственное въ изгибахъ ея тонкихъ чорныхъ бровей, осѣнявшихъ нѣжно обрисованные глаза, которые какъ-будто стыдились своей выразительности, и, опускаясь безпрестанно внизъ, прикрывались длинными рѣсницами. — — — — —

СИРОТИНА.

Не тóй сиротина,
Когó рідъ не знáе,
У кóго хати́ни
Й худóби немáе;
Не той сироти́на,
Хто хóдить въ деся́тці,
У кóго свити́на—
Вся—лáтка на лáтці....
Абú булá въ ёго
Головá, да рýки,
Любóвъ до народу,
Вóлі и наýки—
Вінъ не сироти́на,
Вінъ рóдичвъ мáе:
Вінъ Крáю дити́на
И Край ёго знáе!
Вінъ — чáдо громáди:
Вонá ёго любить,
Щи́ро поважáе
И щи́ро голýбить!

Хто жъ всімъ коверзýе,
Зневажá Краіну,
Своґó не шанýе,
А слýжить чужи́ні;
Хто въ крáще не вірить,
Душéю не рвéтця
Тé, щó бýде, змірить,
Й живé якъ живéтця;
Хто прáвди боітця,
Якъ — пáнська дити́на: —
Оттóй-то безрідний,
Оттóй сиротúна!
Томý трéба плáкать
На сéбе-самóго;
Бо не привітáе
Громáда такóго!

Олександръ Копіський.

ПИСЬМА
О БОГДАНѢ ХМЕЛЬНИЦКОМЪ

къ Н. И. Костомарову.

ПИСЬМО 5-е.

О Никольскомъ пирѣ Хмельницкаго.

Думалось повести рѣчь о той шляхетской повѣсти, какъ молодой Богданъ бѣжалъ на Запорожье изъ Бродъ, отъ меча *какого-то пана Потоцкаго;* а пришлось остановиться еще на той исторической были, какъ бѣжалъ на Запорожье изъ Чигирина старый Хмельницкій, когда надъ его головою повисъ мечь короннаго гетмана *Николая Потоцкаго.* Въ нынѣшній день мнѣ вспомянулся знаменитый *Никольскій пиръ,* заданный Богданомъ на утѣху Козацкой Украины, ровно черезъ десять лѣтъ послѣ несчастливой битвы Кумейской. (Памятенъ былъ нынѣшній день и для Украины Княжеской, взятіемъ нашего первопрестольнаго Кіева Батыемъ). Хочу побесѣдовать съ вами сегодня о Никольскомъ пирѣ Богдана — и вотъ по какому поводу: въ вашей книгѣ онъ положенъ годомъ ранѣе, т. е. не 1647-го, а 1646-го, и не въ Чигиринѣ, а въ Суботовѣ; а я на такое назначеніе времени и мѣста не могу съ вами согласиться. Тамъ достопамятный пиръ устроенъ былъ для отобранія *штучнымъ способомъ* у Барабаша затаенныхъ имъ королевскихъ грамотъ; и какъ только онѣ очутились въ рукахъ Хмельницкаго, ему нельзя было уже ни одного дня оставаться на Украинѣ, и онъ поскакалъ съ ними на Запорожье на разсвѣтѣ 7 декабря, а прибылъ туда 11-го. И такъ между днемъ Никольскаго пира и днемъ прибытія Богдана на За-

порожье, прошло только 4 дня; а въ вашемъ повѣствованіи тѣ роковые два дня раздвинуты на цѣлый годъ. Противъ этого я представлю вамъ слѣдующія соображенія и доводы.

1) Барабашъ, одураченный на весь свѣтъ Хмельницкимъ, не попустилъ бы ему оставаться цѣлый годъ на Украинѣ — съ такимъ опаснымъ орудіемъ, какимъ въ рукахъ его были тѣ королевскіе грамоты. При содѣйствіи всѣхъ Польскихъ властей, да и самъ не безвластный тогда надъ Козаками, Барабашъ немедленно отобралъ бы тѣ грамоты у Хмельницкаго, не *штучнымъ способомъ*, а просто насиліемъ, съ какимъ Чаплинскій отнялъ у Богдана отцовское его наслѣдіе Суботовъ, и самого его обезчестилъ тюремнымъ заключеніемъ.

2) Самъ Хмельницкій, имѣя уже въ своихъ рукахъ вожделѣнную для него движущую силу на поднятіе Запорожья и Украины на Поляковъ, не могъ не поспѣшать къ достиженію своей цѣли; и не сталъ бы онъ безполезно маяться цѣлый годъ на Украинѣ, отдаваясь на тѣ невыносимыя обиды и различныя приключенія, какія претерпѣлъ онъ — въ тотъ бѣдственный, *переломный* годъ своей жизни, рискуя столько разъ потерять ее ни за́ что, а черезъ то лишить и Украину спасительной помощи, какая была у него и въ немъ.

3) Вы говорите, что Хмельницкій приступилъ къ похищенію грамотъ у Барабаша тогда, »когда узналъ о неудачномъ концѣ королевскаго предпріятія на сеймѣ, когда нахлынули на Украину жолнѣры, а Барабашъ, потакая панамъ, казнилъ козаковъ смертью за малѣйшій ропотъ, для предупрежденія бо́льшихъ преступленій и заговоровъ, — тогда Хмельницкій понялъ, что изъ этого всего выйдетъ окончательная гибель Рускаго народа.« (I. 52).

Хорошо; но вы на все это даете только *десять* дней сроку, назначая Никольскій пиръ на 6-е декабря 1646-го года: вѣдь тотъ Варшавскій сеймъ, на которомъ королевское предпріятіе рѣшилось такимъ неудачнымъ концомъ, только *начался 25-го ноября* того года (I. 48).

4) Относя Никольскій пиръ къ *1646* году, вы полагаете, что онъ данъ былъ въ *Суботовѣ*; а послѣ, когда этотъ хуторъ отнятъ былъ Чаплинскимъ, Хмельницкій, »потерявъ пріютъ, жилъ гдѣ попало, и собирался на Запорожье (I. 77)«. По этому представленію, вы говорите, что Хмельницкій, въ письмѣ изъ Запорожья къ комисару Шембергу, просилъ его »взять подъ свое покровительство домашнихъ слугъ и *какой-то домикъ его въ Украинѣ*.« (I. 83). Но въ письмѣ Хмельницкаго къ Барбашу, того же числа *(27 декабря)* писанномъ, ясно сказа-

но, что тотъ домикъ былъ въ *Чигиринѣ;* тамъ и жилъ нашъ Чигиринскій сотникъ, по отнятіи у него Суботова; въ томъ дому Барабашъ, упившійся крѣпко на козацкомъ пирѣ, проснулся на другой день, когда хозяинъ скакалъ уже на Запорожье. Вотъ что писалъ онъ къ Барабашу: »Тѣшуся прето, же Господь Богъ, вѣдый тайная сердецъ людскихъ и всенародное Украинское стенаніе, удостоилъ мя по желанію моему слушнымъ способомъ зъ недишкретной неволи вашой вызволити и на вожделѣнну до Войска Запорожскаго свободу привезти оные привилеи королевскіе.... А я при семъ прошу вашей милости выбаченя, въ чомъ не выгодилемъ ему въ убогомъ дому моемъ, въ Чигиринѣ, на праздникъ святителя Христова Николая, и жемъ отъѣхалъ сюда на Запорожже безъ вѣдома и позволеня вашого.« (Величко. І. 33). Изъ этого насмѣшливаго извиненія ясно, мнѣ кажется, что Хмельницкій — и объ освобожденіи грамотъ, и объ угощеніи Барабаша въ своемъ Чигиринскомъ дому въ Николинъ день, и о своемъ отъѣздѣ на Запорожье — говоритъ какъ о происшествіяхъ *недавнихъ*, т. е. случившихся въ *декабрѣ того же 1647* года.

6 декабря.

ПИСЬМО 6-е.

Повѣсть о побѣгѣ Хмельницкаго изъ Бродъ.

Обращаюсь къ происшествію, которымъ начинается лѣтопись Величка и которое онъ заимствовалъ »зъ повѣсти певной шляхты Польской.« Я сказалъ въ письмѣ къ Погодину, что этой повѣсти совсѣмъ не слѣдовало бы принимать въ историческое повѣствованіе о Хмельницкомъ. Вы въ своемъ объясненіи не соглашаетесь со мною, и полагаете, что еслибъ къ той повѣсти не былъ примѣшанъ разсказъ о Кодацкомъ событіи, то мнѣ — »не пришло бы въ голову сомнѣваться въ ея достовѣрности.«

Много значитъ, изъ какого источника выходитъ извѣстіе. Разсказъ о Кодацкомъ событіи, составляющій главную завязку той повѣсти, переданъ въ ней съ такимъ лганьемъ, что и остальная половина ея становится отъ того весьма подозрительною. Легко сказать: знаменитый отвѣтъ Богдана Конецпольскому на Кодакѣ 1639 года, перенесенъ въ повѣсти на молодость Хмельницкаго; вмѣсто Кодацкой крѣпости на Днѣпрѣ — поставленъ зáмокъ Бродскій; вмѣсто Конецпольскаго, Хмельниц-

кій отвѣчаетъ Потоцкому: »Ясневельможный мосце добродѣю! що рука людская сдѣлаетъ, то тая жъ и зопсовати можетъ!« Должно быть потому явились и Броды съ своимъ крѣпкимъ замкомъ, что они принадлежали коронному гетману Конецпольскому, который тамъ и скончался, весною 1646 года.

Защищая остальную половину повѣсти, вы говорите: »правила исторической критики не требуютъ на томъ основаніи, что событіе предоставлено съ невѣрностями, отвергать его сущность, какъ скоро нѣтъ на это положительныхъ доказательствъ.«

Но я отвергаю остальную половину повѣсти не по одному только подозрѣнію, падающему на нее отъ первой половины; я отвергаю ее потому, что и въ той *сущности*, которую вы извлекли для своего повѣствованія, вижу такую же передѣлку событія дѣйствительнаго. Молодой Хмельницкій, предостереженный товарищами, бѣжитъ на Запорожье отъ *какого-то пана Потоцкаго*, который, напившись пьянъ за обѣдомъ, хотѣлъ отрубить ему голову, на потѣху своимъ собесѣдникамъ (I. 43). Я вижу ясно, что это не иной кто, какъ Николай Потоцкій, извѣстный своимъ пьянствомъ и распутствомъ, и своею охотою казнить Украинцевъ, показанною имъ послѣ войны Кумейской. Этотъ коронный гетманъ и хотѣлъ казнить Хмельницкаго въ исходѣ 1647 года, и уже далъ переяславскому полковнику Кречовскому приказъ взять его подъ крѣпкій арестъ и держать до дальнѣйшей резолюціи; но Кречовскій, по пріязни къ Хмельницкому, предостерегъ его, и тотъ бѣжалъ изъ Чигирина на Запорожье. Вотъ это происшествіе и перенесено на молодость Хмельницкаго—также точно, какъ и событіе Кодацкое, сплетенное съ нимъ въ одну повѣсть. Если бы и не было въ ней Кодацкаго событія, я и тогда усомнился бы въ ея достовѣрности — потому именно, что въ ней представленъ побѣгъ Хмельницкаго на Запорожье отъ меча Потоцкаго; — происшествіе столь же извѣстное, какъ и первое. Съ тѣмъ и другимъ *историческая критика* должна поступить одинаково; и я не отступилъ, кажется, отъ ея *правилъ*, признавая эту повѣсть баснословною въ обѣихъ ея половинахъ, отвергая равно и завязку и развязку. Какую же сущность можно извлечь изъ нея для біографіи Хмельницкаго, столь скудной извѣстіями о его молодости? Развѣ ту, что онъ служилъ *конюшимъ у какого-то пана*; если не у Потоцкаго, то хоть у Конецпольскаго. Но изъ такого мутнаго источника, какъ эта повѣсть, едва ли надежно взять и эту подробность для исторіи Богдана.

Въ сказаніяхъ, относящихся къ Хмельниччинѣ, современныхъ и

позднѣйшихъ, Польскихъ и Украинскихъ, есть не мало такого, съ чего нѣчего взять для повѣствованія *историческаго*. Вотъ, напримѣръ, хоть у того же Величка: какой живой разсказъ о томъ, какъ Чаплинскій взятъ былъ козаками изъ Чигирина, привезенъ къ Хмельницкому на Желтую-Воду, и тамъ обезглавленъ — въ разстояніи нѣсколькихъ верстъ отъ обозу Польскаго, »дабы врагъ [illegible]а и покою не лежалъ съ тѣми шляхетскими трупами, которыи зъ его причины тамъ на Жолтой-Водѣ свои отъ оружія козацкого всебѣдственно положили головы«. (I. 64). И все это — выдумка!

7 декабря.

ПИСЬМО 7-ое.

О Цецорскомъ плѣнѣ и Черноморскихъ походахъ Богдана Хмельницкаго.

Приступаю къ главному мѣсту вашего объясненія. Вы говорите: »Максимовичъ укоряетъ меня еще и за то, что говоря о плѣнѣ Хмельницкаго подъ Цецорою, я сказалъ, что онъ былъ въ плѣну *недолго*, вмѣсто того, чтобъ сказать опредѣлительно: *два года*. Вѣря положительно Сѣрку, что Хмельницкій именно въ 1621-мъ году одержалъ надъ Турками побѣду на морѣ, Максимовичъ увидѣлъ, что по этому разсчету нельзя пробыть Хмельницкому два года въ неволѣ, а самъ Хмельницкій говоритъ о своемъ двухлѣтнемъ плѣнѣ; Максимовичъ смѣло прибѣгаетъ къ догадкѣ, что Хмельницкій взятъ былъ въ плѣнъ прежде Цецорскаго дѣла и, какъ слѣдуетъ, свою догадку выставляетъ фактомъ не подлежащимъ сомнѣнію.- Но Хмельницкій въ своемъ письмѣ изображаетъ свой плѣнъ, какъ слѣдствіе Цецорскаго сраженія, тотчасъ упомянувши о смерти своего отца на этой битвѣ. Что дѣлать съ такимъ разнорѣчіемъ? Не допуская произвольныхъ догадокъ, я счелъ за нужное ограничиться общимъ выраженіемъ *недолго*, и теперь доволенъ тѣмъ, что такъ поступилъ: въ приведенной выше рукописи (¹), подъ 1624 годомъ, я нашелъ извѣстіе, что козаки возвращались изъ морскаго похода, гдѣ нанесли Туркамъ ужасный вредъ около самаго Константинополя. Полагаю, что

(¹) Compendium rerum in Polonia gestarum a die Mart 1618 ad dien 18 Julii 1632 (Имп. Публ. Библ. кат. Польск. рукоп., отд. IV № 138.

морской походъ Хмельницкаго именно относится къ этому времени или ранѣе нѣсколько (въ 1624 г. козаки воротились, а воевать могли въ 1623), но не въ 1621 г., а въ письмѣ Сѣрка — просто ошибка, происшедшая можетъ быть отъ переписчика копіи этого письма. Но предположеніе, какую бы степень вѣроятности оно ни имѣло, еще не есть несомнѣнная истина; во всякомъ случаѣ, думаю, что есть больше основанія допустить послѣднее, чѣмъ то, которое предлагаетъ Максимовичъ.«

Вы имѣли полную власть отдать своему предположенію преимущество передъ моимъ и назвать его болѣе основательнымъ; но за чѣмъ было вамъ обо мнѣ говорить, будто я свою *догадку*, что Хмельницкій взятъ былъ въ плѣнъ *прежде Цецорскаго дѣла,* выставляю *фактомъ* не подлежащимъ сомнѣнію! Въ моемъ письмѣ къ Погодину, на 172 страницѣ Украинца, сказано такъ: »въ какіе именно года былъ онъ въ плѣну, объ этомъ нѣтъ современнаго свидѣтельства (вѣроятно, это было еще до 1620 года).« — Видите: *вѣроятно* — и только! Моя догадка предложена на утвержденіе или на отверженіе будущимъ историческимъ открытіямъ. Чего добраго: можетъ быть откроется, что Хмельницкій пробылъ два года въ неволѣ—спустя нѣсколько лѣтъ послѣ битвы Цецорской! А пока откроется что-либо новаго и опредѣленнаго объ этомъ предметѣ, я признаю *достовѣрнымъ* и *положительнымъ* только то́, что́ Хмельницкій самъ написалъ о себѣ—въ письмѣ къ королю, побѣжденному имъ подъ Зборовомъ: что онъ пробылъ въ плѣну *два года*; а *вѣроятнымъ* я нахожу, что это было еще до Цецорской битвы 1620 года, даже прежде, чѣмъ поступилъ Богданъ на службу въ Низовое Запорожское Войско. Но этой *смѣлой догадки* моей никакъ не выдаю за *фактъ*, неподлежащій сомнѣнію.

Я вполнѣ согласенъ съ вами, что »*предположеніе*, какую бы степень вѣроятности оно ни имѣло, еще не есть несомнѣнная истина«; но не могу согласиться съ вами въ томъ, чтобы Черноморская побѣда Хмельницкаго, означенная въ письмѣ Сѣрка 1621-мъ годомъ, означена была *ошибочно*. Я вполнѣ вѣрю ему, что та побѣда была *именно 1621 г.* Да вы и сами вѣрили Сѣрку, когда въ своей книгѣ о Хмельницкомъ принимали эту побѣду и называли ее *блистательною* (I, 44): это ясно видно по вашимъ ссылкамъ на тѣ страницы Величка (II. 381) и Симоновскаго (7), на которыхъ находится письмо Сѣрково. Что́ же васъ разувѣрило, заставило отрицать 1621-й годъ и называть его въ письмѣ Сѣрка — *просто ошибкою?* Не ужели то, что вы въ помянутомъ рукописномъ *Компендіумѣ* нашли подъ 1624-мъ годомъ »извѣстіе, что ко-

заки возвращались изъ морскаго похода, гдѣ нанесли Туркамъ ужасный вредъ около самого Константинополя?« Не ужели только эта находка дала вамъ увѣренность, съ какою вы говорите: »Полагаю, что морской походъ Хмельницаго *именно* относится къ этому времени, или нѣсколько ранѣе (въ 1624 году козаки воротились, а воевать могли въ 1623-мъ), но не въ 1621-мъ?« Другихъ основаній въ объявленіи не представлено. Посмотримъ же, въ какой мѣрѣ основательно ваше новое *предположеніе*.

1) Начать съ того, что вы нашли извѣстіе о такомъ морскомъ походѣ козаковъ, о которомъ давно извѣстно *положительно*, что онъ былъ *именно 1624* года. Я сошлюсь въ этомъ хоть на примѣчанія Устрялова, приложенныя къ его переводу Бопланова Описанія Украины; тамъ на 138 страницѣ сказано: »въ 1624 году, пользуясь отплытіемъ Турецкаго флота къ Крыму, козаки пристали въ милѣ отъ Константинополя, опустошили загородные домы и мызы....« и т. д. И такъ ваше предположеніе о возможности этого похода въ *1623*-мъ году оказывается лишнимъ и неоправданнымъ. Напрасное оно и въ томъ отношеніи, что заставляетъ Запорожцевъ зимовать въ морскомъ походѣ, тогда какъ они свои Черноморскіе походы совершали обыкновенно въ одно лѣто, и къ зимѣ возвращались въ Запорожье.

2) Вы полагаете, что морской походъ Хмельницкаго *именно* относится къ этому времени, но не къ 1621-му году. Но развѣ нашли вы въ Компендіумѣ, что Хмельницкій былъ въ походѣ 1624 года? Кажется, ни откуда еще не видно, чтобы онъ въ немъ участвовалъ. И такъ ваше утвержденіе не имѣетъ достаточнаго основанія.

3) Но если бы и нашлось современное извѣстіе, что Хмельницкій дѣйствительно былъ съ морскомъ походѣ 1624 года,—это была бы новая прибавка къ его Запорожскимъ подвигамъ; а первая побѣда его надъ Турками 1621 года остается все въ той же нерушимой силѣ, какъ она поставлена въ письмѣ кошеваго атамана Сѣрка, передъ морскимъ походомъ 1629 года.

4) Вы отрицаете теперь побѣду 1621 года, называя ее въ письмѣ Сѣрка *ошибкою*... Ошибки въ годахъ встрѣчаются безпрестанно въ старомъ и новомъ лѣтописаньи Малороссійскомъ. Но — развѣ ошибся и Самуилъ Зорка въ своей надгробной рѣчи Богдану, когда, вспоминая о его военныхъ громахъ, отъ которыхъ потрясались ясносвѣтная Сармація, и берега бурнаго Эвисимопонта, и самыя стѣны Цареградскія, сказалъ: »особливе року *1621* (Вел. I. 291)?« Развѣ ошиблись и гет-

манъ Сагайдачный и король Жигимонтъ III-й, когда въ королевской грамотѣ, данной гетману послѣ Хотинской войны, отъ 12 января 1622 года, сказано такъ: »Посылаемъ изъ нашей казны королевской чрезъ придворнаго подскарбія 400,000 битыхъ талеровъ, которые должны быть раздѣлены поровну и розданы 50-ти тысячамъ всей войсковой черни, какъ тѣмъ, которые были подъ Хотиномъ, такъ и находившимся на военномъ промыслѣ *съ Хмельницкимъ* на понтѣ Эвксинскомъ.« (Вел. I. приб. 41) А вотъ и самая первая вѣсть о той козацкой побѣдѣ на Черномъ морѣ, записанная въ Дневникѣ Хотинской войны такъ называемаго Матѳія Титлевскаго.« *6 сентября.* — Избѣжа отъ обозовъ Турецкихъ козакъ нѣкій, который седмъ лѣтъ въ Сарацинской пребывалъ неволѣ.... Онъ же козакъ и се возвѣщаше, что во обозѣ своемъ Турки проговорують: дванадесятъ суденъ, узброенныхъ арматою на морѣ Евксинскомъ козаки емши потопиша, избывшіи же въ Константинополь убѣжаша, ихъ же даже до самыхъ стѣнъ града козаки гоняще, всѣхъ Цареградцовъ устрашиша; сея новины перваго провозвѣстителя гнѣвомъ неистовящійся Отоманинъ повелѣлъ удавити; въ день же грядущій заповѣда ко обозу Поляковъ сильное готовити приступленіе. Тое жъ самое и Турки многіи, на стражѣ ятыи, единодушнымъ согласіемъ глаголюще, утверждаху,« (Вел. I. приб. 11).

Приведенныя три свидѣтельства (за которыя съ благодарностью вспомянемъ Величка!) подтверждаютъ показаніе Сѣрка о *1621* годѣ. Вамъ надо опровергнуть всѣхъ ихъ четырехъ свидѣтелей и пятого Твардовскаго; а безъ того ваше отрицаніе не будетъ имѣть достаточнаго основанія.

Изъ всего сказаннаго видно, почему эту Черноморскую побѣду Хмельницкаго я признаю такимъ же *достовѣрнымъ* фактомъ, какъ и *двухлѣтній* срокъ его плѣна. А какъ только я призналъ эти два историческіе факта, для меня стало яснымъ, что начало Богданова плѣна напрасно полагается съ битвы Цецорской: она была въ октябрѣ 1620 года, слѣдовательно, только за *девять* мѣсяцевъ до побѣды Черноморской, этой *блистательной* спутницы войны Хотинской.

Вы говорите о себѣ: »Не допуская произвольныхъ догадокъ, я счелъ за нужное ограничиться общимъ выраженіемъ *не долго* и теперь доволенъ тѣмъ, что такъ поступилъ.« Не вижу, чѣмъ же тутъ быть довольнымъ, и на что вамъ нужно теперь это неопредѣленное *не долго*, вмѣсто опредѣленнаго самимъ Богданомъ: *два года!* Иное дѣло въ вашей книгѣ, гдѣ вы принимали и Цецорскій плѣнъ, и Черноморскую побѣду

1621 года: тогда вамъ необходимо было прибѣгнуть къ сокращенію двух-лѣтняго плѣна, ибо другаго выхода вамъ не было. А теперь, когда вы переставили Черноморскую побѣду на три года впередъ (какъ нѣкогда Ригельманъ переставлялъ ее за три года назадъ, на 1618-й) — ничто не мѣшаетъ Хмельницкому выдержать *двухлѣтній* срокъ своего плѣна. Избѣгая произвольныхъ догадокъ, вы вдались въ произвольное измѣненіе двухъ историческихъ фактовъ, которые должны оставаться нерушимыми.

Въ *Украинцѣ*, я обратилъ вниманіе на письмо Хмельницкаго къ королю, 1649 года,—и пояснилъ, какимъ образомъ изъ этого письма произошло мнѣніе о Цецорскомъ плѣнѣ. Вы говорите въ возраженіе мнѣ: »Но Хмельницкій въ своемъ письмѣ изображаетъ свой плѣнъ, какъ *слѣдствіе* Цецорскаго сраженія, тотчасъ упомянувши о смерти своего отца на этой битвѣ.« Нѣтъ, это слѣдствіе выведено уже Польскимъ историкомъ, не знавшимъ или не признававшимъ за Богданомъ Черноморской побѣды 1621 года. Въ письмѣ своемъ Богданъ говоритъ сперва о службѣ своего отца и его смерти подъ Цецорою; а вслѣдъ за тѣмъ говоритъ о себѣ, начавъ съ своего плѣна, по освобожденіи изъ котораго поступилъ онъ въ войсковую службу; его рѣчь о своемъ плѣнѣ пришлась къ упоминанію о Цецорѣ, относящейся къ отцу: отъ того и кажется, что плѣнъ происходилъ подъ Цецорою. Но когда признаешь Черноморскую побѣду, тогда видишь, что здѣсь Цецорскій плѣнъ только кажущійся. Во всякомъ случаѣ, это такое мѣсто въ письмѣ Хмельницкаго, которое допускаетъ различное толкованіе. Но тѣ слова его письма, что онъ »уведенный въ плѣнъ, содержался въ тюрьмѣ *два года*« — не подлежатъ никакому толкованію и разногласію: это чистый, ясный фактъ, который и слѣдуетъ принять изъ его письма прежде всего, и оставить нерушимымъ. Мнѣніе о Цецорскомъ плѣнѣ есть ошибочное заключеніе изъ Богданова письма, сдѣланное Коховскимъ. По крайней мѣрѣ для нашего лѣтописанья онъ есть первый источникъ Цецорскаго плѣна, которымъ у него позаимствовался Грабянка для своей исторіи; а изъ нея это свѣденіе перешло и во Введеніе, придѣланное неизвѣстнымъ компиляторомъ къ лѣтописи Самовидца. За то же у нихъ нѣтъ и помину о Черноморскихъ походахъ Хмельницкаго (то же у Бантыша-Каменскаго, и у того, кто написалъ *старыми словесы* повѣсть »О томъ, что случилось на Украинѣ«, которые прибавили еще и подробности, ка́къ молодой Богданъ въ Цецорской битвѣ показалъ *первые опыты* своей храбрости, ворвался далеко въ непріятельскій станъ, и прочая). Такъ смотрю я на происхожденіе и распространеніе мнѣнія о Цецорскомъ плѣнѣ; я отвер-

гаю его, какъ историческій призракъ подобный, разнымъ другимъ призракамъ, которыми достаточно населена исторія Козацкой Украины и представителя ея Богдана Хмельницкаго. Когда идетъ розыскъ о его жизни, для насъ важны свидѣтельства современныя, осмотрѣнныя и оправданныя критикою. Къ числу ихъ принадлежитъ отрывокъ изъ письма Запорожца Сѣрка. Прочтемъ же слова этого »витязя сильнаго« — о двухъ Черноморскихъ походахъ Хмельницкаго.

»По немъ, року *1621*, тожъ предъ гетманствомъ своимъ, Богданъ Хмельницкій, на морю Чорномъ воюючи въ своихъ мопоксилахъ, многіе корабли и катарги Турецкіе опановалъ и благополучно до Сѣчи повернулся; потомъ року *1629* братя наши Запорожци съ певнымъ вождомъ своимъ, воюючи въ чолнахъ по Евксинопонту, коснулися мужественно и самыхъ стѣнъ Константинополскихъ, и оные доволно мушкетнымъ окуривши дымомъ, превеликій султанови и всѣмъ мешканцемъ Цариградскимъ сотворили страхъ и смятеніе, и нѣкоторые одлеглѣйшіе селенія Константинополскіе запаливши, тожъ щастливе изъ многими здобычами до Коша своего повернули.«

Нельзя не замѣтить, что нѣкоторыя подробности и самыя выраженія Сѣрка—*превеликій страхъ и смятеніе*, относящіяся ко второму походу Хмельницкаго, были отнесены у Величка къ первому походу; а самый походъ 1629 года ни у Величка, ни у послѣдующихъ историковъ не былъ отнесенъ къ подвигамъ Хмельницкаго. Не знаю, согласны ли вы съ моимъ мнѣніемъ, что у Сѣрка подъ именемъ *певнаго вождя* разумѣется Богданъ Хмельницкій, названный при первомъ походѣ. А если онъ былъ побѣдоноснымъ вождемъ Запорожцевъ уже въ 1621 году, то нельзя не предположить, что въ Запорожское товариство онъ поступилъ за нѣсколько лѣтъ до битвы Цецорской.

12 декабря.

ПИСЬМО 8-ое

О плѣненіи двухъ Кантемиричей, 1629 года.

Къ историческимъ призракамъ я отношу и плѣненіе двухъ Кантемировыхъ сыновъ 1629 года, будто-бы Богданомъ Хмельницкимъ. Хотя этотъ подвигъ и утвержденъ за нимъ большинствомъ Малороссійскихъ бытописателей; но въ Украинцѣ моемъ я передалъ этотъ подвигъ по

принадлежности *Стефану Хмелецкому*, ссылаясь на два современныя о томъ свидѣтельства и объясняя ошибку нашего историка Грабянки *созвучіемъ* двухъ именъ. Вы, въ своемъ объясненіи, не соглашаетесь со мною и защищаете принятое вами мнѣніе, какъ сказаніе козака Самовидца »близкаго къ этому времени и, вѣроятно, видѣвшаго самаго Хмельницкаго: едва ли бы этотъ лѣтописецъ могъ обмануться созвучіемъ именъ.«

Козакъ-Самовидецъ, безъ сомнѣнія, видѣлъ Хмельницкаго, напримѣръ, на похоронахъ Золотаренка въ Корсунской Рождественской церкви. Но сказаніе о поимкѣ Кантемиричей находится не въ самой лѣтописи Самовидца, а во Введеніи къ ней, котораго я не признаю уважительнымъ, ибо нахожу, что оно есть позднѣйшая выборка изъ исторіи Грабянкиной, написанной спустя полвѣка по смерти Богдана. Во Введеніи сказано: »Року 1629, Зѣновій Михайловъ сынъ Хмельницкій, при другихъ вѣрныхъ службахъ своихъ въ королевствѣ Полскомъ, двохъ Кантимировъ живо до короля привелъ, за что имѣлъ у короля особливую милость, ибо изъ природы былъ разуменъ и по латынѣ изученъ« (стр. 4). Это отголосокъ Грабянкина сказанія: »ходячи въ чамбулы, орду бивалъ и языковъ до кроля привождалъ, а въ року 1629 двохъ Кантимѣровъ живо до кроля привелъ (отъ которыхъ король много о тайныхъ замыслахъ Турецкихъ на Ляховъ извѣстился), чрезъ что мѣвалъ у кроля милость великую, бо былъ съ природы разуменъ и въ наукѣ языка Латинскаго бѣглый« (стр. 33). Посмотримъ теперь, какъ это происшествіе передано въ Лѣтописцѣ Ерлича, современнаго Богдану Хмельницкому. Тамъ сказано, что *Стефанъ Хмелецкій*, разбившій орду одинъ разъ подъ Тарнополемъ, въ другой разъ (въ 1626 году) подъ Бѣлою-Церковью, въ 1629 году онъ, омѣстѣ съ козацкимъ гетманомъ Гришкомъ Чернымъ, разбилъ 8,000 татаръ подъ Бурштиномъ, и Кантемировыхъ сыновъ одного убито, а другаго, живьемъ взятаго, королю отдали (I, 36). Тутъ дѣйствуетъ *Хмелецкій* (какъ и по другому свидѣтельству участника въ томъ походѣ, которое напечатано въ Старожитностяхъ А. Грабовскаго); а у Грабянки — тутъ дѣйствуетъ *Хмельницкій*.... Какъ же не признать, что это не иное это, какъ ошибочная замѣна перваго имени вторымъ? А какъ легко было случиться этой замѣнѣ, можно видѣть на той же 36-й страницѣ Ерлича, гдѣ поставлено одинъ разъ *Chmielecki*, а потомъ *Chmielnicki!* Такая описка и могла ввести въ заблужденіе нашего не слишкомъ осмотрительнаго историка Грабянку, и онъ принялъ подвиги *Хмелецкаго* за подвиги *Хмельницкаго*, измѣнивъ по-своему и подробности, т. е.

вмѣсто названныхъ опредѣлительно двухъ предыдущихъ побѣдъ надъ Татарами, Тарнопольской и Бѣлоцерковской, сказалъ общимъ выраженіемъ: орду бивалъ.... вмѣсто одного живаго, а другаго убитаго Кантемирича, привелъ къ королю обоихъ живыхъ.... Въ моемъ первомъ письмѣ къ вамъ я представилъ, ка́къ историкъ нашъ Грабянка передѣлалъ по-своему сказаніе о Кодацкомъ событіи, взятое имъ очевидно у Коховскаго; а составитель Введенія къ лѣтописи Самовидца взялъ изъ Грабянки голую сущность этого сказанія, отбросивъ всю художественную обстановку.

Вы говорите: »Если въ лѣтописи Ерлича говорится объ участіи въ этой битвѣ Гришки Чернаго, то это развѣ исключаетъ Хмельницкаго?« Непремѣнно исключаетъ, когда мы видимъ ясно, что имя *Хмельницкаго* поставлено здѣсь только по ошибкѣ, вмѣсто имени *Хмелецкаго*, героя той битвы. Вы спрашиваете: »почему же съ этими козаками не могъ быть именно Хмельницкій?« Отвѣчаю: когда мы видимъ ясно, что имя Хмельницкаго замѣшалось сюда только случайною ошибкою нашего историка, когда есть уже передъ нами *дѣйствительность* о Хмелецкомъ, то не слѣдуетъ и предполагать здѣсь *возможности* о Хмельницкомъ. Вѣдь это то же, что походъ, бывшій 1624 года, могъ быть 1623-го. Кромѣ того, Хмельницкій весьма могъ не участвовать въ походѣ Хмелецкаго, потому что онъ ходилъ тогда съ Запорожцами на море подъ Константинополь и задалъ тамъ *превеликій страхъ и смятеніе* — слова Сѣрка, которыя и въ вашей книгѣ отнесены къ Хмельницкому (I, 44), но съ перемѣщеніемъ ихъ отъ похода 1629 года на походъ 1621 г.

Вы отыскали въ Компендіумѣ, что »въ 1629 году 6 ноября козаки Запорожскіе отправляли предъ королемъ посольство и привели множество плѣнныхъ Татаръ; а 11 ноября являлся къ королю Хмелецкій.« Что же? эта отысканная вами подробность служитъ только дополненіемъ къ сказанію двухъ современниковъ о побѣдѣ Хмелецкаго, и ни сколько не относится къ Хмельницкому.

Изо всего вмѣстѣ, для васъ — »кажется *достовѣрнымъ*, что съ козаками, бывшими у короля 6 ноября 1629 года и представлявшими ему плѣнниковъ, находился Хмельницкій.« Но я и въ этомъ не вижу *достовѣрности*: она была бы тогда, когда бы въ Компендіумѣ поименованъ былъ ***Богданъ Хмельницкій***. (Было нѣсколько ***Хмельницкихъ*** и въ гетманство Богдана.)

Изъ всего сказаннаго, для меня остается *достовѣрнымъ*, что побѣда надъ Татарами и Кантемиричами 1629 года вовсе не относится къ

Хмельницкому; она принадлежитъ *Хмелецкому* и тогдашнему его сподвижнику гетману *Черному*; а вмѣсто поимки Кантемиричей и представленія ихъ обоихъ живыми королю, будто бы *Хмельницкимъ*, справедливѣе вспомянуть тотъ случай, что въ 1646 году онъ отвезъ двухъ плѣнныхъ Татаръ кастеляну Краковскому (какъ это извѣстно изъ Памятниковъ, изданныхъ Кіевскою Коммиссіею).

15 декабря.

Въ исторіи Грабянкиной, послѣ разсмотрѣнныхъ нами словъ о Кантемиричахъ, слѣдуетъ еще такое свѣденіе о Хмельницкомъ: »Изваживши кроль его разумъ, допустилъ себѣ за совѣтника, ибо когда умыслилъ мстити на Турчину за перешкожованую войну Московскую, будучую въ року 1635 (т. е. 1634) подъ Смоленскомъ, то мимо своихъ сенаторовъ зъ нимъ радился, и великій региментъ морской всей арматы ему вручалъ.« Вотъ новая задача; но рѣшить ее не умѣю.

ПИСЬМО 9-ое.

О Введеніи къ Лѣтописи Самовидца.

Вы ссылаетесь на это Веденіе, какъ на свидѣтельство *самаго Самовидца*, современнаго Хмельницкому; а по моему мнѣнію оно составлено *кѣмъ-то другимъ*, должно быть тѣмъ же, кто написалъ продолженіе Лѣтописи Самовидца до 1734 года. По этому разногласію, я считаю необходимымъ дѣломъ объяснить: на чемъ основано мое мнѣніе. Оно основано преимущественно на очевидномъ сходствѣ Введенія, отъ начала и до конца, съ Исторіей Грабянкиной, такъ что это Введеніе представляется мнѣ выборкою изъ Грабянкиной Исторіи, сочиненной около 1710 года. Преположить бы наоборотъ, т. е. что козакъ-самовидецъ прибавилъ впослѣдствіи къ своему *Лѣтописцу* краткое историческое *Введеніе*, а Грабянка распространилъ и пополнилъ его для своей книги. Но этого я не могу признать и допустить, находя въ Введеніи и у Грабянки такія подробности, какихъ не могу предположить въ писаніи Заднѣпровскаго козака, современнаго Хмельницкому. Тотъ »*Лѣтописецъ о началѣ войны Хмельницкаго*« обличаетъ въ своемъ сочинителѣ козака грамотнаго, бывалаго и разумнаго, но не книжнаго, писавшаго

по живому устному преданію, какое ходило въ козачествѣ о событіяхъ того времени. Ему ли было на старости вдаваться въ составленіе историческаго Введенія — отъ стараго Владиміра до современнаго Богдана! А Гадяцкій полковой старшина, *Григорій Ивановичъ Грабянка*, былъ человѣкъ ученый и книжный, знакомый съ Малороссійскимъ и Польскимъ лѣтописаньемъ. Сочиняя въ молодые свои годы »*Исторію* о дѣйствіяхъ презѣльной брани«, — онъ не только поработалъ надъ исторіей козацкаго гетманства, но предпослалъ еще главу »о началѣ прооменованія козаковъ, отъ коего рода и племени, купно же и о древнѣйшихъ ихъ дѣйствіяхъ сокращеннѣ.« За тѣмъ слѣдуетъ у него сказаніе: »како Малая Россія подпаде Лядскому игу«, начинающееся одушевленнымъ вопросомъ: »Откуду раздѣленіе царствъ и домовъ паденіе?«

1) Съ этого сказанія позднѣйшій составитель Введенія и началъ свою выборку — отъ завладѣнія Кіевской земли *Гедимомъ* (т. е. Гедиминомъ) и до Желтоводской битвы, о которой у Грабянки сказано: »что ся стало року 1648 мая 2«; а во Введеніи: »что стало ся въ року 1648, мая 2 дня.« Могъ ли это написать козакъ-самовидецъ? Нѣтъ, у современныхъ людей, пищущихъ по живой памяти, не рѣко случаются ошибки въ годахъ, но числа мѣсяцевъ и дни произшествій замѣчательныхъ по большей части сохраняются вѣрно. Возможно ли, чтобы козакъ-лѣтописецъ, современный Хмельницкому, не зналъ, что Желтоводская побѣда была во вторникъ 8 мая, а Корсунская въ среду 16 мая? Онъ могъ совсѣмъ не означить дней и чиселъ этихъ двухъ блистательныхъ побѣдъ, какъ они и дѣйствительно не означены въ его Лѣтописцѣ; но ужъ никакъ не могъ онъ здѣсь поставить *2 мая* вмѣсто 8-го. Это ошибка или описка Грабянкина, которую скопировалъ позднѣйшій составитель Введенія, повторявшій и другія ошибки своего подлинника.

2) Такъ въ самомъ началѣ Введенія сказано, что со времени Гедимина, поставившаго въ Кіевскомъ княжествѣ намѣстника Миндовга, князя Ольшанскаго,—«Литва обладала Кіевомъ ажъ до смерти князя Симеона Олелковича, который церковь Печерскую, чрезъ 230 лѣтъ по Батыи пустовавшую, обновилъ. Въ 1340 году, по смерти князя Олелковича, король Полскій Казиміръ I княженіе Кіевское на воеводство перемѣнилъ и всю Малую Россію на повѣты роздѣлилъ.« Это взято почти слово въ слово изъ Грабянки, который написалъ эту путаницу, не давши себѣ труда повѣрить и того, что чрезъ 260 лѣтъ по раззореніи Кіева Батыемъ въ 1240 году выйдетъ 1471-й годъ, въ которомъ дѣйствительно скончался обновитель Печерской церкви, Кіевскій князь Си-

меонъ Олельковичъ; а по смерти его, въ слѣдующемъ году, Казиміръ Ягелловичъ обратилъ Кіевское княжество въ воеводство. Нашъ историкъ торопливо приставилъ сюда Казиміра Владиславича съ 1340 годомъ, въ которомъ этотъ король завладѣлъ Галицкимъ княжествомъ и обратилъ его, какъ полагаютъ, въ воеводство, называвшееся до послѣднихъ временъ воеводствомъ *Русскимъ*. Такимъ смѣшеніемъ двухъ разновременныхъ Казиміровъ, и двухъ воеводствъ *Русскаго* и *Кіевскаго*, не смотря и на приведенныя 230 лѣтъ послѣ Батыя, Кіевское княжество — у Грабянки, а за нимъ и во Введеніи, и еще въ нѣкоторыхъ писаніяхъ прошлаго столѣтія — обращается въ воеводство 1340 года, т.е. 130-ю годами ранѣе, чѣмъ было. Но у Малороссійскихъ писателей XVII вѣка оно полагалось вѣрно, *1471* года. Не знаю, почему въ вашей книгѣ оно положено *1476-го* (I. 4). Не опечатка ли это?

3) Грабянка въ своей исторіи, помѣщая любопытную »*Суплѣку* до всей Речи-Посполитой Полской отъ утѣсненнаго Ляхами народа Рускаго, поданную въ року 1632«,—вспоминаетъ при этомъ, что »*и прежде* отъ всей Руси много челобитныхъ подавалось до королей Полскихъ, и князь Острозскій Константинъ Ивановичъ (нынѣ въ Печерскимъ зъ каменя выбитый лежащій), будучи самъ Греческаго закона, до всего сенату за творимыя Руси обиды суплѣковалъ« (стр. 34). Здѣсь ошибка Грабянкина состояла въ томъ, что онъ имѣлъ въ виду заступничество за Русь князя Константина Константиновича Острожскаго, скончавшагося 1608 года и положеннаго въ соборной церкви Острожской; а назвалъ отца его, князя Константина Ивановича, погребеннаго въ церкви Печерской, 1533 года. Составитель Введенія взялъ этотъ отрывокъ изъ Грабянки и помѣстилъ его вслѣдъ за извѣстіемъ о кончинѣ гетмана Сагайдачнаго въ *1622* году, въ такихъ словахъ: »*Около сихъ годовъ* (!) князь Острозскій Константинъ Ивановичъ, котораго статуя въ Печерскомъ монастырѣ имѣется мраморная, за общенародныя обиды Русскія супликовалъ до всего Сенату.« (стр. 4). Тутъ въ составителѣ Введенія обличается компиляторъ, совсѣмъ отличный и отъ козака-Самовидца, и отъ Грабянки.

4) Къ ошибкамъ Грабянкиной исторіи, перешедшимъ во Введеніе, я отнесъ уже—и Цецорскій плѣнъ Богдана, и поимку двухъ живыхъ Кантемиричей. Назову еще одну: это постановка въ гетманы Тараса и его Переясловщины — подъ *1628-й* годъ. Ошибка эта тоже повторялась не одинъ разъ въ послѣдующемъ Малороссійскомъ бытописаніи, до вашей книги включительно (I. 29). Но Тарасъ былъ гетманомъ послѣ Гришки Чернаго, слѣдовательно, послѣ 1629 г. Современный Львовскій

лѣтописецъ описалъ Тарасову войну подъ *1630-мъ* годомъ, который подтверждается и другими современными свидѣтельствами, напримѣръ, *Тератургимою* Аѳ. Кальнофойскаго, гдѣ описано чудесное событіе той войны, при осадѣ Печерской лавры Поляками и Нѣмцами. (Объ этомъ записано и въ Лѣтописи Львовской). Гетманство Тараса означено 1630 годомъ и въ томъ скудномъ списочкѣ гетмановъ, который составленъ Величкомъ (I. 24).

5) Этотъ списочекъ можетъ служитъ свидѣтельствомъ, ка́къ бѣдно было у насъ въ Малороссіи, въ началѣ прошлаго столѣтія, познаніе о козацкихъ Гетманахъ, бывшихъ до Хмельницкаго. — Но какая разница между Величковымъ списочкомъ и тѣмъ, что за десять лѣтъ до него собралъ и написалъ Грабянка! А во Введеніи прибавлено еще два гетмана: *Семенъ Перевязка* 1632 г. и *Булюкъ*, 1640 г. Предположить ли, что они поставлены были во Введеніи козакомъ-самовидцемъ, да Грабянка не захотѣлъ принять ихъ въ свою исторію? Но развѣ могъ козакъ-лѣтописецъ, современный Хмельницкому, написать слѣдующее:

»1640 року былъ еще гетманъ козацкій *Булюкъ*, на которомъ Ляхи гетманство Запорожское окончивши, наслали козакамъ вмѣсто гетмана комисаровъ и вождовъ своея Лядскія державы, породы и вѣры....« и прочая (стр. 5)?

Нѣтъ, современникъ Хмельницкаго не могъ не знать, что козацкое гетманство было прекращено послѣ войны Остряницынской, что въ концѣ того *1638* года поставлены были надъ козачествомъ — комисаръ и полковники Польскіе. Это хорошо знали и Грабянка, и Величко. У Грабянки сказано, что послѣ Остряницынской войны — »поставыша надъ козаками реестровыми полковниковъ, сотниковъ и всю старшину Лядскія вѣры« (стр. 30). Тутъ нашъ историкъ перехватилъ немного, добавкою »сотниковъ и всей старшины«; но сущность дѣла въ томъ, что составитель Введенія выключилъ это мѣсто изъ сказанія Грабянки о жестокихъ послѣдствіяхъ Остряницынской войны, и отнесъ къ прекращенію гетманства на *Булюкъ*, *1640* года.

Кстати: въ лѣтописцѣ Ерлича подъ *1630* годомъ поставлено: »W tymże roku znowu kozacy wojnę podnieśli, którzy pociechi nie otrzymali, którym dano szlachtę za pułkowniki, a za hetmana kommiszarza. Postanowiono aby 6,000 na usługę Rzeczy Psltéj było« (I. 38). Ясное дѣло, что здѣсь идетъ рѣчь о войнѣ Остряницынской, и что этотъ отрывокъ попалъ не на свое мѣсто; ему слѣдуетъ быть въ концѣ *1638* года (I. 43), передъ кото-

рымъ говорится о войнѣ Павлюковой; но годъ этой войны тамъ ошибочно означенъ *1636*, вмѣсто 1637-го.

Что за гетманъ *Булюкъ?* По моему мнѣнію, это нашъ завзятый *Павлюкъ* (или Павелъ Михновичъ Бутъ), въ смутномъ представленіи Пуфендорфа явившійся гетманомъ *Балукомъ*. Величко первый у насъ воспользовался этимъ *Балукомъ* изъ Пуфендорфовой исторіи, напечатанной въ Русскомъ переводѣ 1718 года, и включилъ его въ свой списочекъ гетмановъ, въ замѣнъ недостающаго тамъ *Павлюка*, но поставилъ ошибочно между Тарасомъ и Сулимою, означивъ годъ его гетманства: *1631 чили 1637*. Вскорѣ послѣ Величковой Лѣтописи, напримѣръ, въ томъ »Собраніи Гетмановъ« которое прилагается въ исторіи Грабянкиной, является *Булукъ* подъ 1640 годомъ, но съ удержаніемъ и *Павлюка* подъ 1637-мъ, а Семена Перевязки еще нѣтъ; во Введеніи являются уже и *Перевязка* 1632 г., и *Павлюкъ* 1637 г. и *Булюкъ* 1640 г., что̀ повторяется и во многихъ послѣдующихъ писаніяхъ Малороссійскихъ. Кажется мнѣ, что эта прибавка можетъ служить примѣтою о составленіи Введенія — не ранѣе, какъ въ *тридцатыхъ* годахъ прошлаго столѣтія.

6) Первые козацкіе гетманы у Грабянки означены въ такомъ порядкѣ: 1) *Предславъ Ланцкоронскій* съ 1506 г. 2) *Венжикъ Хмельницкій*— 1534 г. (¹) 3) Князь *Дмитрій Вишневецкій*. 4) Князь *Евстафій Ружинскій*. 5) *Свѣрговскій*, 1574 г. 6) *Богданко*, 1575 г.

Этотъ порядокъ вѣренъ, и за него мы съ благодарностью вспомянемъ о Грабянкѣ. Но во второй четверти прошлаго столѣтія кто-то измѣнилъ этотъ порядокъ — напрасною перестановкою *Вишневецкаго* и *Ружинскаго* передъ Венжика Хмельницкаго, т. е. изъ *второй* половины XVII столѣтія въ первую (²). Въ такомъ безпорядкѣ первые козацкіе гетманы находятся въ помянутомъ »Собраніи гетмановъ« и остаются почти во всемъ дальнѣйшемъ Малороссійскомъ бытописаніи прошлаго столѣтія— въ лѣтописцѣ Рубановомъ, у Кониского, Шафонскаго, Ригельмана, и во всѣхъ спискахъ гетмановъ, какіе составлялись въ Малороссіи въ довольномъ числѣ, на послѣдяхъ и на концѣ гетманства. Вотъ эта постановка князей Дмитрія Вишневецкаго и Евстафія Ружинскаго передъ Венжика

(¹) Въ Кіевскомъ изданіи ошибочно напечатанъ 1514 вм. 1534.

(²) Подобныя перестановки гетмановъ дѣлались у насъ и во второй половинѣ прошлаго столѣтія. Такъ *Иванъ Петрижицкій*, бывшій гетманомъ въ *1632* году (какъ извѣстно по его универсаламъ) — у Ригельмана и въ Хронологіи гетмановъ переставленъ за полвѣка назадъ, передъ гетмана Шаха!

Хмельницкаго, т. е. до 1534 года, находимая и во Введеніи къ Лѣтописи Самовидца, служитъ мнѣ новымъ показателемъ, что оно составлено въ *тридцатыхъ* годахъ прошлаго столѣтія, когда прибавлено къ этой лѣтописи и продолженіе до 1734 года.

Приведенныхъ мною доказательствъ, кажется, достаточно для поясненія и оправданія моего мнѣнія.

17 декабря.

ПИСЬМО 10-е.

О похищеніи королевской грамоты у Барабаша.

Въ дополненіе къ предыдущему письму, надо мнѣ разобрать еще особенный случай, который представляетъ рѣзкое различіе между Введеніемъ и самою Лѣтописью Самовидца, по которому было разногласіе и у меня съ вами: это — похищеніе Хмельницкимъ королевскихъ грамотъ у Барбаша. Во Введеніи сказано: »...какій королевскій листъ Зѣновій, да онъ же и Богданъ, Хмельницкій досталъ фортелно у Барабаша, во время (крестинъ) дитины его воспріемникомъ бывшаго, и вычиталъ предъ козаками, и усовѣтовалъ ступать на Запороже, и рушилъ декабря 7 дня 1647 года« (стр. 6). Это очевидное извлеченіе изъ сказанія Грабянки. Но въ лѣтописи Самовидца, отмѣнно отъ всѣхъ современныхъ свидѣтельствъ и позднѣйшихъ сказаній, вмѣсто Барабаша поставленъ Ильяшъ Переясловскій, и Хмельницкій у него похищаетъ королевскую грамоту, хранившуюся въ Переясловѣ. Ригельманъ такъ уладилъ дѣло, что заставилъ Хмельницкаго звать къ себѣ въ гости и Барабаша и Ильяша, и посылать гонцовъ за грамотами и въ Черкасы и въ Переясловъ. Но такая гоньба за двумя генеральными асаулами не рѣшаетъ намъ спорнаго дѣла. Предположить бы такъ, что Самовидецъ, написавши сперва сказку объ Ильяшѣ, во Введеніи поставилъ настоящую быль о Барабашѣ; но тогда бы онъ выбросилъ изъ своей лѣтописи сказку объ Ильяшѣ, или же какъ-нибудь оговорился, какъ, напримѣръ, Величко въ своей лѣтописи, приводя сказку о Тимошѣ Хмельницкомъ: »же по смерти отческой (если то есть правда) Чаплинскую, мачеху свою, на воротахъ обвѣсилъ« (І.14).

Вы, въ своемъ объясненіи, желая согласить сказаніе Введенія о Барабашѣ и сказаніе самой лѣтописи Самовидца объ Ильяшѣ, говорите: »Я понимаю дѣло такъ, что здѣсь говорится объ одномъ лицѣ, именно

о Барабашѣ«. Съ этимъ заключеніемъ вашимъ нѣтъ возможности согласиться; ибо слишкомъ ясно и опредѣлительно сказано въ лѣтописи объ *Ильяшѣ*, значномъ козакѣ *Переясловскомъ*, хранившемъ грамоту въ *Переясловѣ;* и нѣтъ никаго вѣроятія, чтобы козакъ-лѣтописецъ, современный Хмельницкому, могъ объ этомъ старшинѣ и о Барабашѣ Черкаскомъ говорить какъ *объ одномъ лицѣ*: то были два старшія лица въ тогдашнемъ козачествѣ! Но ваши слова, что здѣсь говорится — »именно о Барабашѣ« — заставили меня передумать это дѣло и рѣшить его за́ново.

Невозможно, чтобы современный Хмельницкому козакъ-лѣтописецъ не зналъ, что королевская грамота похищена Хмельницкимъ — *именно у Барабаша*, въ Черкасахъ. О томъ самъ Богданъ, спустя полгода, объявилъ всему Малороссійскому народу, въ Бѣлоцерковскомъ универсалѣ, говоря такъ: »Теды я Хмельницкій, взявши Господа Бога на помощь, и одобравши штучнымъ способомъ у Барабаша привиліе королевскіе, мусилемъ сіе военное зъ Поляками зачати дѣло.« Какъ же можно было козаку-самовидцу написать въ своей лѣтописи такую небылицу, будто Хмельницкій отобралъ грамоты — у Ильяша Переясловскаго? Нѣтъ, онъ въ своей лѣтописи не могъ написать такой чепухи о дѣлѣ общеизвѣстномъ; у него, конечно, было написано имя *Барабаша*, — а какой-нибудь проказникъ переправилъ *Черкасы* на *Переясловъ*, а имя Ивана *Барабаша* на *Ильяша,* отчего и стало: зъ *Иваномъ Илляшемъ*....«

Подобную штуку я замѣтилъ уже прежде на извѣстномъ спискѣ 15-ти полковъ (вмѣсто 16-ти), на которые раздѣлилъ Малороссію Хмельницкій 1650 года. Тогдашнія числа реестровыхъ козаковъ каждого полка сохранились у Коховского. Какой-то проказникъ въ прошломъ столѣтіи переправилъ числа въ трехъ полкахъ:

Въ Черниговскомъ — вмѣсто 996 — *9,096!*
Въ Нѣжинскомъ — вмѣсто 983 — *9,083!*
Въ Кальницкомъ — вмѣсто 2,046 — *6,046!*

И съ этими вздорными числами 15-полковой списокъ, напечатанный въ Лѣтописцѣ Рубановомъ, повторялся потомъ въ историческихъ сочиненіяхъ о Малороссіи — Симоновскаго, Ригельмана, Бантыша-Каменскаго, Срезневскаго, Маркевича!...

Такъ-то вышло и съ похищеніемъ грамоты — у *Ильяша*, изъ *Переяслова*: съ этими именами разошлась лѣтопись Самовидца во многихъ

спискахъ по Малороссіи. Такой же списокъ ея былъ и въ рукахъ Грабянки, ибо онъ въ свое сказаніе о похищеніи грамоты у Барабаша прибавилъ еще грамоту — »на робленіе суденъ водныхъ, данную королевскому зычливцу Илляшу Пер. ясловскому!« Но извѣстно положительно, какъ и въ вашей книгѣ означено, что грамота королевская, въ которой дозволялось козакамъ и строеніе челновъ, дана была Барабашу; а на долю Ильяша доставалось совсѣмъ другое: полученіе и исполненіе приказанія сжечь козацкіе челны, 1638 года. И такъ теперь приспѣло намъ дѣло до Ильяша Караимовича Переясловскаго, состоящее въ томъ, чтобы вычеркнуть его имя изъ лѣтописи Самовидца, отнять у него королевскія грамоты и передать ихъ по принадлежности — *Ивану Дмитріевичу Барабашу* и женѣ его *Агаѳіи*. Черкасскому старшинѣ не посчастливилось и въ лѣтописи Ерлича, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ спискахъ ея, къ которымъ принадлежитъ напечатанный Войцицкимъ 1853 г. Тамъ, при сказаніи о королевскомъ позволеніи и денежномъ вспоможеніи на построеніе челновъ и морскіе походы, данныхъ козакамъ 1641 года, сказано: »давши имъ и ихъ старшему, по имени *Дорошенкови*« (I. 52). Это явная ошибка: Дорошенко — вмѣсто *Барабашенка*.

По изложенному мною соображенію, я предлагаю возстановить подлинное чтеніе лѣтописи Самовидца такимъ образомъ:

»Въ Чигиринѣ мѣстѣ мешкалъ сотникъ Богданъ Хмельницкій, козакъ ростропный въ дѣлахъ козацкихъ военныхъ, и у писмѣ вѣжливый, и часто у двора кролевского въ поселствѣ будучій; и подъ часъ бытности своей съ козакомъ значнымъ Черкасскимъ зъ *Иваномъ Барабашемъ* (а той *Барабашъ* барзо зычливый королеви его милости), и упросили писмо албо привилей на робленіе челновъ на море мимо вѣдомости гетмановъ коронныхъ, що и одержавши, тое скрыто держали отъ полковниковъ въ *Черкассахъ*.« И далѣе: »...бо маючи въ дому своемъ у гостяхъ того *Барабаша*....«

Согласны ли вы признать такое чтеніе, и тѣмъ порѣшить этотъ затруднительный случай въ Малороссійскомъ лѣтописаньи? А что въ драгоцѣнной Лѣтописи Самовидца не все находится въ исправности, я приведу еще два случая.

Подъ конецъ 1656 года поставлено: »Тылко тое войско зостаючое къ Богу и ко Днѣпру ходило зъ сыномъ Хмельницкого Тимошемъ на помочъ господареви Волоскому, тестеви его Василеви Липулу...« и т. д. (стр. 26). Ясное дѣло, что этотъ отрывокъ попалъ не на свое мѣсто,

конечно, при позднѣйшей перепискѣ лѣтописи; ему слѣдуетъ быть подъ 1653 годомъ.

Подъ 1657 годомъ сказано: »Але Выговскій... высылаетъ полкъ Нѣжинскій и *Стародубовскій* у повѣтъ Полтавскій на залогу« (стр. 28). Здѣсь, по моему примѣчанію, Стародубовскій полкъ поставленъ обмолвкою; ибо этого полка не было еще въ 1657 году; онъ установленъ уже въ *1663-мъ* году, когда сталъ гетманомъ Брюховецкій. Въ лѣтописи надо поправить такъ: »...высылаетъ полкъ Нѣжинскій и *Черниговскій*«.

20 декабря.

ПИСЬМО 11-е.

О сотничествѣ Хмельницкаго.

Мнѣ остается отвѣчать еще на одно мѣсто вашего объясненія — о *сотничествѣ* Хмельницкаго и его генеральномъ и войсковомъ *писарствѣ*. Тутъ вы позабавились надъ тѣмъ, что Богданово сотничество я назвалъ — *скромнымъ званіемъ*. Вы говорите: »Что Хмельницкій прежде былъ писаремъ, Максимовичъ не отрицаетъ этого, но думаетъ, что Хмельницкій, по взятіи Павлюка, оставался въ скромномъ званіи сотника до 1648 года. Почему же знаетъ это Максимовичъ? Если Хмельницкій послѣ своего писарства въ 1637 году могъ находиться въ скромномъ званіи сотника, то въ промежутокъ отъ 1637-го до 1648-го года онъ могъ изъ скромнаго званія сотника еще разъ сдѣлаться писаремъ, и снова перейти въ скромное званіе сотника. Не только Миллеръ и Кониcкій, какъ говоритъ Максимовичъ, но и Коховскій называетъ его писаремъ.«

Шутки въ сторону, а дѣло вотъ въ чемъ. Меня остановило въ вашей книгѣ о Хмельницкомъ слѣдующее мѣсто: »Онъ получилъ въ ней (т. е. въ службѣ реестровыхъ козаковъ) чинъ *сотника*, а потомъ занималъ мѣсто между войсковыми старшинами, какъ говорятъ нѣкоторые, *генеральнаго писаря*.« (I. 44). *Какъ говорятъ нѣкоторые* — и при этой оговоркѣ — ссылка только на двухъ позднѣйшихъ писателей, *Миллера* и *Кониcкаго:* это показалось мнѣ требующимъ подтвержденія, что Хмельницкій дѣйствительно былъ войсковымъ писаремъ, и опредѣленія, когда именно былъ онъ въ этомъ званіи, что̀ и сдѣлано мною въ Украинцѣ: я назвалъ Миллера и Кониcкаго только потому, что вы на нихъ двухъ

сослались; будь у васъ еще и *Коховскій*, у меня сказано было бы, что вы ссылаетесь на трехъ свидѣтелей; но ваши оговорки (»какъ говорятъ нѣкоторые«) все таки заставили бы меня опредѣлять: когда же именно Хмельницкій былъ писаремъ? Оказалось, что не было той постепенности, какую и вы дали, что былъ онъ сотникомъ сперва, а *потомъ* занималъ мѣсто въ войсковой старшинѣ, въ званіи писаря. Такъ представлять могъ Миллеръ, оставлявшій его писаремъ до самаго гетманства; но въ старой козаччинѣ не разъ случалось, что полковникъ становился сотникомъ и просто — *товаришемъ*. По моему примѣчанію, Хмельницкій сталъ войсковымъ писаремъ *по взятіи Павлюка* подъ Боровицею, т. е. въ половинѣ декабря 1637 года; это видно мнѣ изъ того, что Боровицкую присягу 15 декабря подписалъ »Писарь Богданъ Хмельницкій«; а до той поры, въ продолженіе Павлюковой войны, были войсковыми писарями — прежній *Ѳедоръ Онушкевичъ*, а потомъ *Иванъ Догоринскій*. Опредѣливъ такимъ образомъ, когда началось писарство Хмельницкаго, я замѣтилъ и то, что оно продолжалось весьма не долго, ибо подъ конецъ Остряницынской войны, т. е. въ половинѣ слѣдующаго 1638-го года, былъ уже другой войсковый писарь, а Богданъ Хмельницкій остался попрежнему — *Чигиринскимъ сотникомъ*. Былъ ли онъ въ другой разъ войсковымъ писаремъ, на это нѣтъ у меня въ виду современныхъ, опредѣлительныхъ извѣстій. Возможности къ тому — я не отрицаю, но дѣйствительности — не вижу, потому и не признаю. А между тѣмъ вижу, что Хмельницкій и подъ конецъ своей до-гетманской жизни былъ въ званіи *сотника*, напримѣръ, въ 1647 году, когда онъ *съ своимъ полковникомъ* ходилъ изъ Чигирина противъ Татаръ. Величко, писавшій подъ вліяніемъ Дневника Зорки, говоритъ, что Хмельницкій былъ *на тотъ часъ сотникъ Чигиринскій*. А всего важнѣе для меня, что Козакъ-Самовидецъ знаетъ его и называетъ *Чигиринскимъ сотникомъ*. Вотъ почему я и оставляю его въ этомъ званіи, съ половины 1638-го и до конца 1647-го, не имѣя еще *положительнаго* извѣстія, чтобы онъ въ промежутокъ этихъ лѣтъ *былъ* войсковымъ писаремъ.

Вамъ непремѣнно хочется, чтобы на 1646-й годъ, къ пріѣзду канцлера Оссолинскаго, Хмельницкій былъ не сотникомъ, а войсковымъ писаремъ. Вы говорите: »И кажется очень правдоподобно, что Хмельницкій занималъ чинъ войскового писаря въ то время, какъ Оссолинскій велъ съ нимъ и съ Барабашемъ переговоры. Иначе странно было бы предположить, чтобы канцлеръ съ такимъ важнымъ государственнымъ дѣломъ, для котораго нужны были люди съ вѣсомъ и вліяніемъ на козачество,

обратился къ сотнику одного изъ Украинскихъ полковъ. Очень могло быть, что Хмельницкій, послѣ неудачной развязки Владиславова предпріятія, возвратился въ свою сотню.«

Ничего *страннаго* не вижу я въ предположеніи, что Оссолинскій, когда ему нужны были люди съ вѣсомъ и вліяніемъ на козачество, обратился къ Чигиринскому сотнику Хмельницкому. Такихъ *сотниковъ* не было ни прежде, ни послѣ, въ Украинѣ Козацкой.... Что́ могла прибавить къ именитости заслуженнаго Богдана въ козачествѣ лишняя чиновная ступенька? Если бы въ 1646 году онъ оставался даже не сотникомъ, а просто *товарищемъ* Чигиринскаго полка, и тогда бы Оссолинскій къ нему первому обратился съ порученіемъ отъ короля, который давно зналъ его и у котораго, безъ сомнѣнія, онъ первый въ козачествѣ былъ на примѣтѣ. Оссолинскій, какъ сказано въ вашей книгѣ, довѣрилъ тайну двора не только Барабашу и Хмельницкому, но и еще нѣкоторымъ козакамъ. Въ какомъ же чинѣ предстали тѣ козаки на совѣтъ канцлера? Ужь вѣрно, не старше сотницкаго! Богданъ Хмельницкій, будучи Чигиринскимъ сотникомъ подъ конецъ Остряницынской войны, наряженъ былъ тогда въ депутаты къ самому королю отъ всего Запорожскаго Войска; а тутъ, въ пріѣздъ канцлера къ козакамъ, съ тайнымъ порученіемъ отъ короля, мало Хмельницкому быть сотникомъ, надо быть ему войсковымъ писаремъ, какъ будто прибавка этого чина много значила въ глазахъ канцлера! Личность Богдана и его заслуга козацкая значили все— для Владислава; и Оссолинскаго, и для козачества добавлю вашими словами: »самъ Конецпольскій, врагъ козацкаго сословія, уважалъ его дарованія....« И такъ—пока не откроется современнаго свидѣтельства, что Хмельницкій въ сороковыхъ годахъ былъ войсковымъ писаремъ, оставимъ его въ скромномъ званіи — Чигиринскаго сотника, въ какомъ знаетъ его современное козачество подъ конецъ его догетманской жизни.

М. Максимовичъ.

21 декабря, 1860 года.
Михайлова-Гора.

ОТРЫВКИ ИЗЪ АВТОБІОГРАФІИ

ВАСИЛІЯ ПЕТРОВИЧА БѢЛОКОПЫТЕНКА

ПЕРВЫЕ ДНИ ВЪ ШКОЛѢ И ПЕРВАЯ ПОѢЗДКА ДОМОЙ.

.... Погрозилъ мнѣ отецъ пальцемъ, и я онѣмѣлъ.... Хома началъ было уговаривать меня итти въ хату, но я не слушался; Хома хотѣлъ увести меня насильно, но я схватился обѣими руками за ворота.... И все смотрѣлъ я и смотрѣлъ на удаляющагося.... А когда, за первымъ изгибомъ дороги, онъ скрылся изъ виду, въ груди у меня какъ-будто что́ оборвалось.... Я застоналъ и, рыдая, повалился въ снѣгъ.... Пусть Хома несетъ теперь въ хату, или пусть тутъ броситъ!...

Добрый Хома внесъ въ хату, и, положивъ на лавку, сквозь слезы принялся убѣждать; но я отворотился отъ него.... И рыдалъ я до тѣхъ поръ, пока не стало ни слезъ въ глазахъ, ни стоновъ въ груди.... Затѣмъ истощеніе душевныхъ и тѣлесныхъ силъ, какое-то тяжелое забытье, а тамъ и сонъ.... Спустился, наконецъ, благодѣтельный, на измученную скорбію мою душу и успокоилъ ее осиротѣлую забвеніемъ всего и всѣхъ....

Проснулся я только передъ ужиномъ, и проснулся бодрый, веселый, много болталъ.... Такъ ночь послѣ томительнаго, знойнаго дня заканчивается всегда восхитительнымъ утромъ, освѣжительною росою.... Но когда пришла пора ложиться спать, когда я увидѣлъ, что не Васька стелетъ мнѣ постель, а Хома, и что не мать собирается укладывать меня, а тотъ же Хома, добрый Хома, ласковый, а все таки не мать! и не *попестивъ* (не поласкалъ) меня на ночь, не поцѣловалъ.... И когда я услышалъ еще слова Усти: »На що́ ему сте́лешъ, вклада́ешъ, якъ мале́ньку дитину? Хіба́ не чувъ«, говоритъ, »що татусь просивъ до всёго привча́ть!«, и слова хозяйки: »Себе́ знай, ледача!« слова, повѣявшія на ме-

ня женскимъ заступничествомъ, такъ легко вызывающимъ наружу дѣтское горе,—слезы снова полились у меня... и я плакалъ, долго плакалъ, тоскливо припоминая то сцену разставанья съ матерью, тамъ, дома, въ свѣтлицѣ... то образъ удаляющагося и грозящаго мнѣ пальцемъ отца... нѣтъ ли чего, подающаго хоть какую-нибудь надежду.... Нѣтъ, нѣтъ, ничего нѣтъ!... »Поки́нули мене́, всі поки́нули!...«

Таковъ былъ первый день перваго моего пребыванія межъ чужими людьми! Такова почти была и слѣдовавшая за нимъ ночь! Всю ночь мнѣ видѣлись: то столъ, съ кучкою карбованцовъ на немъ, а за столомъ смотритель, предлагающій вопросъ: »А какъ« , говоритъ , »Авраамъ хотѣлъ убить Исаака?« то учитель Александръ Прохоровичъ, пыхкающій мнѣ подъ самый носъ какимъ-то табачнымъ дымомъ; то Устя, всѣмъ толкующая: »Неха́й самъ привика́, неха́й до всёго привика́!« —и я сжимался и сжимался, какъ-будто спрятаться хотѣлъ въ постели, вскрикивалъ со сну....

Но не покинули меня, не покинулъ меня мой старикъ! Просыпаюсь на другой день утромъ, — на лавкѣ сидитъ и разговариваетъ съ хозяйкою и съ Хомою.... Всѣ сны, всѣ страданія забыты.... »Батюшка!« и, какъ былъ въ постели, къ нему, прижался къ колѣнямъ, охватилъ обѣими руками....

— Що се, що се!.. таки́й вели́кий, та пести́тьця!...

А между тѣмъ одну руку мнѣ на шею, прижимаетъ къ колѣнямъ, а другую на голову, тихо гладитъ....

— Голо́вка не боли́ть?

»А ма́ма де?« поднявъ голову, чтобы взглянуть ему въ лицо.

— Я до́ма не бувъ....

Снова опустилъ голову и еще крѣпче прижался къ его колѣнямъ, а онъ снова....

»Нѣтъ, говорю, не болитъ!...«

Кажется, не повѣрилъ, принялся ощупывать голову, грудь, въ особенности лѣвый бокъ, около сердца....

— Мо́же ти, говоритъ, пла́кавъ?... Чи ни пла́кавъ, вінъ?—къ Хомѣ, хозяйкѣ, Устѣ....

Устя захохотала... я и дыханіе притаилъ когда-то, когда я учился еще у дяди, высѣкъ онъ меня больно за слезы подобнаго рода!

Старикъ, впрочемъ, какъ-будто не слышалъ хохота, снова спросилъ, обращая на этотъ разъ вопросъ прямо къ Хомѣ.

»Ні, не пла́кавъ!« отвѣтилъ добрый Хома: »чого́-бъ же ёму́ пла́кать?...«

— Колѝ не пла́кавъ, то розу́мний!.. й ма́ти не бу́де пла́кать, недужать!...

— — —

.....Послѣ завтрака отецъ велѣлъ одѣться:—Въ училище, говоритъ, одведу́!...

Я надѣлъ сюртучокъ, кожушокъ; завязалъ, какія были у меня, книжки въ платокъ.

»Помолімся жъ Бо́гу!« началъ креститься....

Я слѣдовалъ его примѣру.

— Зъ Бо́гомъ!... Прощава́йте!

»Прощава́йте!« Хома и хозяйка. »Неха́й вамъ Богъ помага́!«

Проводили обое до самыхъ воротъ....

— — —

Учители сидѣли по классамъ, когда мы пришли въ училище: такъ объявилъ намъ одинъ изъ учениковъ, бывшій на крыльцѣ и почему-то предпочитавшій прыжки на генварьскомъ морозѣ сидѣнію за скамьею.... Сторожа же налицо не имѣлось: и въ этотъ день, какъ и каждый день послѣ, во все время смотрительствованія тогдашняго смотрителя, онъ былъ на смотрительскомъ дворѣ, занимался тамъ разными домашними занятіями, конечно не своими....

— Гдѣ, спрашиваетъ отецъ у школяра, такой-то учитель?

»Тамъ!« отвѣчаетъ тотъ, указывая на одну изъ дверей взглядомъ и движеніемъ головы,—руки заняты были согрѣваніемъ ушей.

— Какъ бы его вызвать?

»Надо постучать въ дверь.... А вы развѣ хотите его вызывать?

— Да!

»Такъ обождите немного!..« и школяръ съ крыльца, и стрѣлой черезъ дворъ, и въ какой-то сарай....

Старикъ искоса посмотрѣлъ на улепетывающаго школяра, взглянулъ потомъ мелькомъ на меня... вошелъ въ сѣни и постучалъ довольно громко въ дверь.... Дверь тихонько скрыпнула, и изъ-за нея—какъ-будто слизнячокъ вынырнулъ....

— Зачѣмъ ты такъ громко стучишъ? Учитель *сѐрдятця!*—но потомъ, замѣтивъ, вѣроятно, у меня книги, мягче: — Кого́ тре́ба?

»Вчи́теля ва́шого!...«

Слизнячокъ смѣшался....

— Такъ мо́жна ви́кликать ва́шого вчи́теля?

»За́разъ, за́разъ! підождіть тро́шечки!..,«

И скользнулъ за дверь, какъ-будто она и не отворялась....

— — —

Наконецъ Александръ Прохоро́вичъ явился въ сѣни.... Поздоровавшись съ отцомъ и узнавъ, зачѣмъ пришли, велѣлъ мнѣ итти въ классъ, а самъ остался съ старикомъ въ сѣняхъ....

Я пошолъ въ классъ, споткнулся на порогѣ, поднялъ голову....

Головы и головы рядами... всѣ смотрятъ, улыбаются, насмѣшливо перешептываются.... »Село́, село́!«

Я растерялся, и, самъ не зная, что дѣлаю, и къ заднимъ скамьямъ, чтобы не чувствовать непривѣтливыхъ взглядовъ....

— Куди́, село́!!. кто-то изъ средины....

Какъ заяцъ, налетѣвшій на выстрѣлъ, я отпрянулъ, а весь классъ: ха, ха, ха!!!..

Въ головѣ шумитъ, линіи насмѣшливыхъ взглядовъ и хохочущихъ ртовъ мѣшаются, перепутываются, уходятъ въ глубь, ничего не вижу... только хохотъ, да тяжелый мракъ... тоска въ душѣ безпредѣльная!...

О, друзья мои, много въ дѣтской натурѣ есть жестокаго!...

Да, тяжело вступать въ храмъ познанія такими дверями, какими я вступилъ и какими тысячи мнѣ подобныхъ, можетъ быть, вступали!... Тяжело даже вспоминать объ этомъ!... Горькое прошлое, сглаженное въ своихъ угловатостяхъ временемъ и облитое милымъ свѣтомъ отдаленнаго и счастливаго дѣтства, пріятно воспоминается мнѣ всегда, даже пріятно было мнѣ воспоминать о моемъ первомъ прощаньи съ матерью; но тутъ и воспоминать тяжело!... Рана, нанесенная сердцу въ дѣтствѣ, еще не успѣла совсѣмъ закрыться, хоть съ того времени много-много утекло уже воды изъ нашихъ рѣкъ и рѣчекъ въ Черное море! я дотронулся до больного еще мѣста....

Не будемъ же дотрогиваться до такихъ мѣстъ! А если бы гдѣ понадобилось непремѣнно, будемъ дотрогиваться помягче! Зоркое око и по наружному виду распознаетъ великость язвы и силу нанесеннаго удара, а съ зрѣніемъ близорукихъ — пусть кто другой возится, а я умываю руки! не чувствую въ себѣ къ подобному дѣлу ни малѣйшаго призванія!.. Да и вообще, будемъ веселѣе! веселіе — свѣтъ!...

— — —

Сколько я ни стараюсь вызвать воспоминаніемъ, что́ происходило въ классѣ послѣ описанной мною сцены, — т. е., ка́къ учитель вошелъ въ классъ, что́ я тамъ дѣлалъ, или что́ со мною дѣлалось, — ничего не помню: мракъ, мракъ и мракъ! Помню только, что когда выпустили изъ клас-

са, я опрометью бросился на квартиру и, не нашедши тамъ отца, рыдалъ еще сильнѣе вчерашняго....

Таковъ былъ второй день моего пребыванія между чужими людьми!..

На третій день отецъ опять пріѣхалъ ко мнѣ утромъ и, отведши меня въ класъ, опять исчезъ. На четвертый день явился онъ уже послѣ обѣда и провелъ со мною около часу; на пятый — вечеромъ, тоже неболѣе какъ на одинъ часъ... А потомъ уѣхалъ домой и уже цѣлыхъ двѣ недѣли ко мнѣ не являлся.

Что̀ со мною дѣлалось въ эти двѣ недѣли, почти ничего не помню; помню только: первую встрѣчу съ своимъ хозяиномъ, помню, ка̀къ Устя утѣшала меня въ тоскѣ, и помню, ка̀къ я возвращался обыкновенно изъ школы на квартиру.

Первая встрѣча съ хозяиномъ была на третій день пребыванія моего въ городѣ. Пришедши изъ училища, я сидѣлъ возлѣ стола и ожидалъ, пока дадутъ обѣдать.

— Отъ, говоритъ Устя, выглянувъ въ окошечко: и тату̀сь иду̀ть!

Я бросился и себѣ къ окошку....

Солдатъ идетъ — было первое впечатлѣніе; но оно было мгновенно, и его тотчасъ закрыло другое впечатлѣніе: у солдата что̀-то на лѣвой ногѣ, какая-то огромная, изъ бѣлаго войлока, *кѐндя*... (¹) »Что̀ это за кѐндя?... Зачѣмъ она?... И только одна!..« и открылъ даже окошечко, чтобы лучше поглядѣть, ка̀къ она плыветъ по снѣгу, въ сѣни...

»А, въ сѣни!« и отъ окошечка... началъ глядѣть на порогъ..

Дверь скрыпнула, поднимается *кѐндя* и шлёпъ черезъ порогъ!... Снова поднимается, и снова шлёпъ!... шлёпъ, по хатѣ шлёпъ!... какъ какая-то лягушка пуза̀тая!..

Я захохоталъ!...

— Вишъ, якѝй вінъ! раздалось у меня надъ самою головою.

Я сконфузился... поднялъ голову: меня разсматриваетъ—какое добродушное лицо!... Солдатская фуражка, по усамъ и бакенбардамъ — снѣгъ; бѣлая шинель, фертомъ въ бока.... а внизу всё таки эта кѐндя... Ахъ, какая она смѣшная!...

Второе воспоминаніе тусклѣе видвигается въ моей памяти. Помню только, что когда бывало затоскую крѣпко, и хозяйка велитъ Устѣ пойти со мною гулять, — Устя водила меня на базаръ и угощала тамъ... т. е. брала изъ моего кармана деньги, пока водились еще данныя матерью

(¹) Кенга

и оставленныя отцомъ, покупала на нихъ *маковникй* или другія лакомства, ѣла ихъ и мнѣ иногда удѣляла: »На«, говоритъ, »покоштýй — вонó смашнé!...« ([1]) И я коштувáвъ, крѣпко всегда недоумѣвая, отчего она ѣстъ лакомства, а я только коштýю, а не я ѣмъ ихъ, а она только коштýетъ!... »Мóже вонó такъ и трéба!« думалъ я, »мóже тутъ такі звичáі!«

За то третье воспоминанье рѣзко выдвигается въ памяти — какъ-будто это еще вчера со мною было.

Я лечу и лечу, вырвавшись изъ школы! не бѣгу, а лечу! и на другой день такъ, и на третій... Сзади хохочутъ школяры; прохожіе указываютъ пальцами: »Нарóдникъ«([2]), говорятъ,« втіка! нарóдникъ втікá!...« собаки гонятся за мною, духъ у меня захватываетъ, а я лечу и лечу!... Куда?.. гдѣ мнѣ будетъ теплѣе, куда инстинктъ поведетъ!...

Устя однажды стала было ему, инстинкту этому, на перепутьи, но чтó-то другое стало на перепутьи, и я не погибъ...

— Оцé дурнúй! — сказала она мнѣ однажды, видя, кáкъ я лечу изъ училища:—Колú вже тікáть ([3]), такъ тікáвъ би въ свій хýтіръ!—и засмѣялась своимъ бездушнымъ смѣхомъ....

»Втікáть ([4])? втікáть додóму?« подумалъ я: »Чувъ я, що втікáють, и що....« — и мнѣ страшно стало: я съ ужасомъ отворотился отъ этой мысли.... Но въ особенно тяжелыя для меня минуты, какъ демонъ-искуситель приходили мнѣ на мысль слова Усти и манили мое воображеніе картинами жизни въ хуторѣ, на свободѣ...

Почему тутъ дѣло не дошло до исполненія, рѣшительно не могу объяснить: время давнее, да и мудрено въ подобныхъ случаяхъ распознавать главные мотивы дѣйствованія дѣтской души отъ второстепенныхъ. Помню только, что однажды, когда особенно мнѣ тяжело было и когда особенно долго занимала меня мысль: »Чомъ же? хібá гірше ([5]) бýде, якъ оцé?..« — такой приснился мнѣ сонъ.... Смѣетесь? Не смѣйтесь! Вообще, сны въ нашей жизни важнѣе занимаютъ мѣсто, чѣмъ мы обыкновенно думаемъ, или, по крайней мѣрѣ, чѣмъ мы сознаемся; а у дѣтей — они въ числѣ сильныхъ двигателей ихъ дѣйствій, и въ особенности у дѣтей съ живою натурою и пріученныхъ оглядываться во всѣ стороны, отовсюду выводить заключенія.

([1]) Отвѣдай — оно вкусное.

([2]) Ученикъ *народнаго* училища. Уѣздныя училища, какъ извѣстно, назывались прежде народными.

([3]) и ([4]) Уходить — ([5]) Хуже.

Мнѣ снилось, будто я въ училищѣ, живу на той же самой квартирѣ и проч.—словомъ, вся обстановка тогдашней моей дѣйствительности,—и по окончаніи уроковъ, пустился летѣть... но не туда, куда я обыкновенно леталъ прежде, а въ другую сторону, и не по землѣ, а по воздуху, — надъ домами, церквами, садами.... Вотъ уже и городъ назади, я уже лечу надъ лѣсами и глубокими ярами....

Вдругъ: — »Васи́льку, Васи́льку!« надо мно́ю.

Поднимаю голову—надо мною бѣлое облако, а на облакѣ—бабушка...—»Куди́ ти, дити́но моя́?«—»Додо́му!« говорю.—»Додо́му?... Ой не лети́, моя́ дити́но, додо́му!« убѣждать меня начала, доказывать, расказывать, что́ ожидаетъ меня.... »Ты«, говоритъ, не »долетишь, устанешь, сядешь отдохнуть....«

»А поки́ бъ ти отдихну́въ, знайшо́въ які́й чоловікъ и до ота́мана.... — »Що ти за хло́пець?« спита́въ би ота́манъ—сказа́въ— »Чого жъ ти?« — »Не зна́ю!« —бо якъ же«, говоритъ, »сказа́ть, що ти відтіля́.... (¹) изъ міста (²).... на́ветъ закля́вся бъ, забожи́вся.... Ой, не літа́й, Васи́льку, не літа́й додо́му ніко́ли!... (³) И одісла́въ би тебе́«, продолжала далѣе, »ота́манъ до ба́тька.... и звелівъ би.... »Може лаки́зка« (⁴), дума, »втікъ, — зно́ву втече́, ли́ха (⁵) набіжи́шъ«.... И такъ по се́лахъ звя́заного.... ху́торомъ: »Втіка́чъ«, (⁶) ка́жуть, »втікачъ, втікачъ!«...«

Я вздрогнулъ, проснулся, облитый холоднымъ потомъ, съ невыразимою тоскою въ душѣ....

И теперь невольная дрожь пронимаетъ меня, когда я припоминаю этотъ сонъ, и когда подумаю, ка́къ я близокъ былъ ко всему, что́ пророчило мнѣ сновидѣніе! И случись все это, — много-много язвъ нанесено было бы моему сердцу, и много стыда исчезло бы изъ дѣтской души.... А тамъ—дальше и дальше!... И кончилъ бы я, можетъ быть, такъ, какъ кончилъ — помните, мои школьные товарищи? — школяръ Гу́ря, начавшій тоже бѣгствомъ домой.... И не писалъ бы я, можетъ быть, своей автобіографіи, какъ теперь ее пишу, а выводилъ бы, можетъ быть, красивыя какія-нибудь литтеры въ какой-нибудь некрасивой полковой канцеляріи, или выписывалъ заступомъ въ какой-нибудь таинственной шахтѣ таинственныя дорожки... И мало ли еще чего не могло случиться со мною!... И кто же этотъ невѣдомый, или что́ это за невѣдомое, недопустившее случиться всему этому, ставшее на пере-

---

(¹) Оттуда. — (²) Изъ города. — (³) Никогда. — (⁴) Лакеишка. — (⁵) Бѣды. (⁶) Бѣглецъ.

путьи Устѣ?... Или я еще не успѣлъ тогда выпить чаши огорченій до дна? душевная сила? случай?... мое незнаніе дороги домой?... Или въ самомъ дѣлѣ эта картина ужаснаго будущаго, промелькнувшая предъ моими духовными очами сквозь таинственное окошечко сновидѣній?... Богъ вѣсть, Богъ вѣсть!

О, добрые земляки мои! учите своихъ дѣтей ласковѣе и привѣтливѣе встрѣчать новоприбылыхъ товарищей!... пусть остроуміе свое надъ ними упражняютъ послѣ, когда новоприбылые оботрутся уже, станутъ въ школѣ, какъ у себя дома, могутъ имѣть своихъ сторонниковъ и, слѣдовательно, могутъ бороться равнымъ оружіемъ! Я бы попросилъ объ этомъ и педагоговъ, но это не по ихъ части, а начальствующихъ просить — у начальства и безъ того много разныхъ серьезныхъ, очень серьезныхъ обязанностей!...

— — —

И долго я леталъ изъ школы на квартиру! и леталъ бы, можетъ быть, и долѣе, еслибъ не приняла во мнѣ участія одна добрая женщина.... Разсказомъ объ этой женщинѣ, — кто она была, ка́кое она приняла во мнѣ участіе, и какія послѣдствія для меня имѣло вмѣшательство ея въ мою судьбу,—я забѣгаю нѣсколько впередъ въ своей автобіографіи, но да будетъ тако! надобно съ этимъ предметомъ покончить по возможности полнѣе, чтобы потомъ къ нему не возвращаться!

Въ одномъ со мною классѣ, т. е. въ приходскомъ, былъ у меня товарищъ, по имени Иванъ.... По фамиліи я его не назову вамъ Ивана— по разнымъ причинамъ, да и потому, что и никто почти въ классѣ не называлъ его по фамиліи.... У насъ, — вы, можетъ быть, знаете давніе наши обычаи школьные: лишь попадется, бывало, межъ насъ какая особенная личность, — прощайся она съ своимъ предковскимъ прозваніемъ! Ее будутъ называть пятью, шестью прозвищами, сочиненными тутъ же, но настоящимъ — никогда. Къ числу такихъ личностей принадлежалъ и нашъ Иванъ. Во первыхъ, Иванъ имѣлъ фамилію, которая рифмовалась съ его именемъ Иванъ, и съ словами *галага́нъ*, *тарка́нъ*, — его звали Иванъ Галага́нъ, Ивакъ Тарка́нъ; потомъ Иванъ имѣлъ лицо, усыпанное веснушками, — его звали за это Иванъ Горобине-Яйце́, Иванъ Соро́че-Яйце́; онъ былъ маленькаго роста — его звали Иванъ Знісокъ.... Иванъ былъ страшный охотникъ подраться на-кулачки, и когда дрался, прыгалъ въ глаза и все норовилъ, какъ бы *лихтарі посвіти́ть* подъ глазами, или *паску́дникъ збить* (1) съ носа, —

(1) *Паску́дникъ* — лошадиная болѣзнь; *сбить паскудникъ* — пустить ло-

его и звали Иванъ Оса́ или Иванъ Слёта́ (1); у Ивана, когда сердился, волосы щетинились, и весь онъ какъ-будто щетинился и раздувался, — его окрестили за это *іжако́мъ*, *ірше́мъ* (ёжъ, ёршъ); у Ивана были рыжіе волосы — учители звали его Рудая шельма, а учитель Лепѣкинъ, изъ Калужской губерніи, — Рыжая бестія.... Словомъ, сколько особенностей, выпуклостей было въ Иванѣ, столько и прозваній, и каждый крестилъ его по той особенности, которая больше кидалась ему въ глаза, или не гармонировала съ его понятіями о нормальности человѣческой натуры. И не думайте, чтобы Ивана не любили. Напротивъ, его очень любили даже учители, — за его доброту сердца, за какой-то рыцарскій и вмѣстѣ веселый характеръ, за умъ бойкій и за какое-то чрезвычайно пріятное, влекущее, открыто-сердечное выраженіе утыканнаго веснушками его лица. А ужъ я какъ его любилъ!! Потому и буду называть его просто по имени, Ива́семъ, какъ я звалъ его въ школѣ.

У Ивася былъ отецъ, отставной солдатъ, угрюмый старикъ, съ сабельнымъ рубцомъ на щетинистой сѣдой головѣ, и безъ двухъ пальцевъ на лѣвой рукѣ, и была мать, женщина съ блѣдно-жолтымъ лицомъ. Отецъ этотъ былъ отецъ многочисленнаго семейства, и обладалъ въ высшей степи искусствомъ добывать льняное и конопляное сѣмя въ своей *олíйниці*, что́ не только давило ему возможность содержать безбѣдно себя и свое семейство, а отцовскій грунтъ въ приличномъ положеніи, но даже давало возможность обзавестись нѣкоторыми жизненными удобствами, конечно по своему состоянію: купить и держать коровъ, расширить прикупкою и умножить посадкою деревъ свой садъ и т. д. Мать же Ивасева была—отличная мастерица приготовлять вареники съ *гу́рдою* (2) и капустою, добрая жена, добрая мать семейства, хорошая хозяйка, женщина въ высшей степени нѣжнаго и впечатлительнаго сердца и, когда жолчь не одолѣвала ея, деликатности необычайной. Эта-то женщина, мать Ивасева, и приняла во мнѣ участіе.

шади кровь *съ храпъ*. Отсюда перенесено выраженіе къ тѣмъ случаямъ, когда разшибается носъ до крови, на кула́чкахъ и проч.

(1) *Слёто́ю* называется человѣкъ, лѣзущій къ вамъ съ просьбою и проч. такъ, что нельзя отъ него отвязаться, — словомъ, *якъ слёта́*. Какой корень этого слова, или что́ собственно имъ обозначается, — т. е. какой предметъ или какое живое существо — не знаю. Должно быть, первоначальное значеніе слова утратилось, а осталось только переносное. Слёта́—какъ-будто *о́вадъ*, велико-русскій *слѣпень*, — что-то въ этомъ родѣ.

(2) *Гу́рда* — начинка, извѣстнымъ образомъ приготовленная изъ *маку́хи*. Что́ значитъ *маку́ха* — объяснено ниже.

Живя въ сосѣдствѣ съ моими хозяевами, она тотчасъ узнала, что на ихъ *куткý* явился новый обитатель, *нарóдникъ*, и что этотъ народникъ живетъ у Решóтки. Да и кáкъ было не узнать ей объ этомъ! Такое важное событіе, какъ появленіе тамъ новаго обитателя, — да объ этомъ если не въ самый день моего пріѣзда въ городъ, послѣ того, какъ Устя сходила вечеромъ къ колодцу по воду, — такъ по крайней мѣрѣ на другой же день, послѣ всеобщей сходки на *мíсті* (¹), затараторили по всѣмъ хатамъ этого захолустья всѣ наймычки, хозяйскія дочки и самыя хозяйки, что молъ такъ и такъ, такой и такой у него отецъ, на такихъ и такихъ лошадяхъ пріѣзжалъ, и т. д.! Отъ Ивáся, она узнала, кáкъ я встрѣченъ былъ школярами, кáкъ по окончаніи классовъ улетаю домой, и т. п..... Ея нѣжное сердце было тронуто моимъ одинокимъ положеніемъ въ кругу товарищей... и, какъ я узналъ объ этомъ послѣ отъ самого Ивася, она крѣпко пожурила его, что онъ вмѣстѣ съ другими преслѣдуетъ меня насмѣшками, и велѣла непремѣнно познакомиться со мною, защищать меня. Ивась, конечно, готовъ былъ исполнить приказаніе матери, но познакомиться со мною онъ не имѣлъ никакой возможности: входилъ я въ классъ почти вмѣстѣ съ учителемъ, а на дворѣ и на улицѣ никто изъ школяровъ не могъ ко мнѣ приблизиться, потому что я уходилъ отъ всѣхъ, какъ отъ чумы, и ноги у меня, какъ у мальчика-степняка, были быстрѣе, чѣмъ у народниковъ-горожанъ, и даже у селянъ, непріученныхъ къ бѣганью и ходьбѣ, какъ насъ пріучалъ отецъ. Узнавъ о неудачныхъ попыткахъ Ивася сблизиться со мною, мать его обратилась къ слѣдующей стратагемѣ.

Въ одно прекрасное воскресенье (это было на второй или на третьей недѣлѣ великаго поста), выслушавъ обѣдню въ приходской церкви, она воротилась домой и стала поджидать, пока выйдутъ изъ соборной церкви, въ которую обыкновенно водили насъ, школяровъ.... Къ этому времени, она вышла со двора и остановилась у угла, образуемаго дорожкою, ведущею ко двору моихъ хозяевъ, и уличкою, ползущей въ гору, къ дворамъ, расположеннымъ выше хозяйскаго двора, а въ томъ числѣ и къ ея собственному.

Вотъ она тамъ себѣ стоитъ, опершись локтями на плетень, и будто что-то за нимъ разсматриваетъ, а я тѣмъ временемъ изъ церкви лечу.... Добѣжавъ до поворота къ хозяйскому двору и почувствовавъ себя свободнымъ отъ всякой опасности, т. е. отъ опасности встрѣтиться съ ка-

(¹) На рынкѣ.

кимъ-нибудь школяромъ, — я пріостановился перевести духъ и, по обыкновенію, оглянуться, далеко ли остались всѣ эти разные.... чужіе..., — какъ съ боку у меня: — Чи ти, будь ла́скавъ, хло́пчику, не Білокопи́тенківъ! —

Я отпрянулъ въ сторону, какъ-будто выстрѣлили у меня подъ самимъ ухомъ, и быстро обернулся.... Ничего, ласково улыбается, кажется, не думаетъ гнаться!... должно быть, что-нибудь разсматривала за плетнемъ... — и я быстро пробѣжалъ по немъ взглядомъ — что́ тамъ? не видно ли въ скважины?...

»Бѣлокопи́тенківъ!...«

— Тимъ бо то!... Я тільки, — говоритъ, — гля́нула, — за́разъ пізна́ла: якъ дві ка́плі води́ — мату́ся!...

И такъ ласково улыбается, — мнѣ и въ голову не прійди, что я, какъ увѣряютъ домашніе, вылитый отецъ, а на мать нисколько не похожъ.

»Здоро́венька вона?

— Здоро́венька!

»Сла́ва тобі, Цари́це небе́сная!... Одна́ко, що це ми не привита́емось! (¹) — Съ улыбкою подошла ко мнѣ.

Я робко снялъ шапку; мы поцѣловались.

— Які́й же ти, сина́шу, мото́рний! и т. д. и т. д.

Словомъ, устроила мое знакомство съ Ивасемъ!

Благодарный тебѣ вздохъ, добрая, если ты жива! а если уже почиваешь въ могилѣ, подъ густою тѣнію пышныхъ яблонь и роскошныхъ липъ Толо́чанскаго кладбища, миръ праху твоему. Твой добрый примѣръ научилъ меня, и я пригрѣлъ нашего Нетяму́щого, какъ ты пригрѣла мою запуганную и уединившуюся душу, и ввелъ его въ кругъ товарищескій, какъ ты ввела меня въ него чрезъ своего Ивася. Только не съ такимъ тактомъ и умѣньемъ поступилъ я съ Нетямущимъ, какъ ты поступила со мною! Да и гдѣ, впрочемъ, равняться медвѣжьей мужской лапѣ съ нѣжною женскою рукою, да еще такой лапѣ, какъ моя!... Нетяму́щій былъ — мальчикъ веселенькій какъ ласточка, живой какъ *горо́бчикъ* (²).... острая и низко остриженная черная голова, черныя брови и глаза, щечки пунсовыя, пухленькія внизу, *кожу́шокъ* назадъ оттопырившійся.... Словомъ, маленькая птичка веселенькая, подняла крылышки, рвется впередъ, за кормомъ!... Такимъ

(¹) Не здороваемся. — (²) Воробушекъ.

влетѣлъ онъ въ первый разъ и въ классъ,—къ тому, къ другому, заливается, болтаетъ, щебечетъ!... Но тамъ его оттолкнули, тамъ захохотали, тамъ отворотились — конфузится, бѣдненькій, еще больше сжимается, притаился въ углу!... А урокъ кончился, —изъ класса, и, онъ, какъ я во времена оны, лётомъ домой!... сегодня такъ, завтра, послѣзавтрего.... Припомнилъ я, добрая, твой примѣръ, и умудрился!... Жолчно ты насмѣхалась надъ моею неловкостью и грубостію, но и много зато меня ласкала и кормила лакомствами.... Выбралъ день, и выскочивъ прежде Нетямýщаго изъ класса, засѣлъ за первымъ угломъ.... а когда тотъ, ничего не подозрѣвая, налетѣлъ,—я, какъ коршунъ на него, за кожýшокъ.... Вырвался, — догналъ, снова за кожушокъ, и о землю!... Пищитъ бѣдный мальчикъ! »Що я«, говоритъ, »тобі таке заподіявъ!...« (1) — »И я«, отвѣчаю, »нічóго не заподію, ходи́ тільки зо мною, не бійся мене́!...« И подружились мы потомъ, особенно, когда я вытащилъ его изъ рѣки, а онъ чуть не утопилъ меня при этомъ....

Миръ же, говорю, праху твоему и костямъ твоимъ, добрая!.. а если ты жива еще — благодарный тебѣ вздохъ!...

Знакомство съ Ивасевою семьею было для меня, во многихъ отношеніяхъ, благодѣтельно. Это было единственное въ городѣ семейство, гдѣ я былъ не чужимъ и гдѣ, слѣдовательно, могъ участвовать во всѣхъ радостяхъ и печаляхъ семейной жизни и поддерживать ту внутреннюю теплоту, которою никакими средствами не напитаешь сердца дитяти, живущаго отособленною жизнію, и, выросши безъ которой, сердце наше никакимъ образомъ не можетъ становиться въ уровень — ни съ лучшими стремленіями своего времени, ни съ нуждами и воздыханіями народныхъ массъ: человѣкъ, выросшій безъ такой теплоты, все только будетъ вращаться или около порожденій грязныхъ или, по крайней мѣрѣ, мелочныхъ страстишекъ, или около фикцій, ни къ небу нестремящихся, ни къ землѣ неприкрѣпленныхъ. — Тутъ же, въ семьѣ Ивася, при нуждѣ, мнѣ не отказывали въ кускѣ хлѣба; а раздавали дѣтямъ лакомство,— маковниковъ, напримѣръ, мать приносила съ *міста*, доставала изъ *хижі* (2) куски маковой *махýхи* (3), такъ любимой, бывало, нами, *бычка́* (4)

---

(1) Сдѣлалъ, причинилъ зло. — (2) Кладовая въ хатахъ, входъ въ которую изъ сѣней.

(3) и (4) *Бычкомъ* называется комъ толченаго и поджаренаго въ *олійниці* коноплянаго сѣмени. Лакомствомъ этимъ подчиваютъ у насъ обыкновенно дѣтей, во время самаго добыванія масла. *Макýхою* называется твердая масса выжимокъ, остающаяся послѣ добыванія масла.

дѣлалъ старикъ въ своей *олійниці* и давалъ дѣтямъ, — меня тоже не обходили. А ужъ садъ просторный и тѣнистый для гулянья, яблока и *дýлі* (1) доставать съ деревьевъ, вишни срывать очеретяными *лúпками*, — все это было вполнѣ къ моимъ услугамъ.

Но больше всего, по крайней мѣрѣ осязательнѣе всего, было для меня полезно—знакомство, можно сказать, даже дружба, съ самимъ Ивасемъ. Это былъ неразлучный спутникъ во всѣхъ моихъ забавахъ, шалостяхъ и похожденіяхъ, а прежде всего — онъ первый ввелъ меня въ кругъ моего товарищества, защищалъ меня тамъ, и если не примирилъ, можетъ быть, вполнѣ моей души съ этою школьною жизнію, — по крайней мѣрѣ по возможности сдѣлалъ сноснымъ ея бремя.

Не безкорыстна, впрочемъ, была ко мнѣ дружба Ивася! Играемъ, бывало, съ нимъ гдѣ-нибудь *у булки*, или шляемся по горамъ и выслѣживаемъ зайцовъ, — просто, только бы найти, спугнуть и потомъ *потюкать*, — вдругъ: »Стой!... Бýдемо, Васю́тко, на кулáчки би́тьця!« Такая ужъ проклятая у него страсть была! Отнѣкиваюсь, бывало, отговариваюсь; — нечего дѣлать, умолитъ! и »братіку«, и »голубчику!«. И какъ согласишься, бывало, тáкъ и разгорятся глазки! прыснетъ въ сторону, надвинетъ шапку на носъ, подскочитъ, упрется головою тебѣ въ животъ, — и начнетъ какъ мельница работать руками.... и по головѣ тебя, и по плечамъ, а иногда и въ носъ или въ зубы.... Самъ, бывало, плачетъ, какъ увидитъ, что изъ носа у тебя или изъ зубовъ кровь, но чтó будешь дѣлать!... И на другой день — опять тоже.... Я, впрочемъ, скоро умудрился, кáкъ съ нимъ быть. Какъ обуяетъ, бывало, его демонъ кулачокъ: »Добре!« говорю, »согласенъ; тільки дай свій кожýшокъ!...« А надобно вамъ знать, что кожýшокъ у него былъ сдѣланъ изъ кожуха его отца, въ которомъ тотъ работалъ бывало въ олійницѣ, — замасленый, затужавѣлый, — словомъ, какъ желѣзный, да еще и покрытъ толстою пестрядью: закутаюсь хорошенько, и, сколько душѣ угодно, пусть колотитъ! И чтó жъ бы вы думали? Какой бы ни былъ морозъ, сниметъ съ себя и дастъ! Такая ужъ, говорю, проклятая была страсть!...

Кромѣ Ивася, въ классѣ явился у меня скоро и другой защитникъ, съ которымъ хоть я и не былъ въ такихъ тѣсныхъ отношеніяхъ, какъ съ Ивасемъ, но заступничество его было для меня гораздо дѣйствительнѣе заступничества Ивáся. Другой этотъ заступникъ прозывался

---

(1) Лучшаго сорта груши, имѣющія продолговатый видъ.

Денисенкомъ, былъ выше меня классомъ, дубина почти въ сажень ростомъ и съ усами, — да, съ усами! Тогда и въ приходскомъ классѣ важивались школяры съ усами!

У меня съ Денисенкомъ не было никакой пріязни, да ея и не могло быть между школярами такихъ различныхъ возрастовъ; мы даже не знали одинъ о другомъ, гдѣ квартируемъ: съ одной стороны, это было своего рода патронатство, а съ другой — своего рода кліентство, водившіяся въ школахъ и тогда, какъ водятся они теперь, — только въ то время они не имѣли такихъ гадкихъ и гнусныхъ побужденій, какъ это часто бываетъ въ настоящее время. Просто, каждому сильному нужна была своя партія, которую бы онъ могъ защищать отъ другихъ сильныхъ, покровительствовать ей, и въ вознагражденіе считаться отъ нея и отъ другихъ ея главою, и такимъ образомъ удовлетворять своему тщеславію и самолюбію, а при случаѣ и получать отъ кліентовъ разные подарочки и пользоваться разными ихъ послугами, — какъ напримѣръ, сбѣгать на базаръ и купить *бу́бликівъ*, сбѣгать на квартиру и принести забытую книгу, подать воды, сказать, по наущенію его, какому-нибудь другому сильному »ду́рня« и т. п.

По какому поводу я попалъ въ кліенты Денисенка, рѣшительно не помню; но помню хорошо, чѣмъ я ему платилъ за его патронатство.

Я сказалъ, что онъ былъ почти въ сажень ростомъ, и сказалъ это не въ фигуральномъ смыслѣ. И Денисенко это очень зналъ, и ему очень нравилось показывать всѣмъ, что онъ почти въ сажень ростомъ; а чтобы было это всѣмъ очевиднѣе, придумалъ такое средство. Станетъ, бывало, посреди класса, подберетъ фалды своего сюртука, раздвинетъ ноги: — »А ну«, говоритъ, »Білокопи́тенко!... Дивітця, дивітця!« И всѣ школяры *ди́влятця*, а я, сложивши руки на груди, тихо, тихо, не нагиная головы, прохожу межъ его ногами, какъ, во времена оны, проходилъ греческій корабль на всѣхъ парусахъ межъ ногъ Колосса Родосскаго.... И если я бывало пройду между Денисенковыхъ ногъ, не задѣвши ихъ ни головою, ни плечами, восторгу его не бывало конца! и я могъ послѣ этого напустить его на цѣлую толпу другихъ сильныхъ, съ увѣренностью, что онъ загонитъ ихъ всѣхъ подъ скамьи, и что ребрамъ и плечамъ ихъ сильно, сильно достанется...

Не правда ли, странныя были прихоти у Денисенка? Ну, подите жъ вы съ нимъ! Ужъ на роду, вѣрно, написано всѣмъ сильнымъ имѣть странныя прихоти!... Заступничествомъ, впрочемъ, Денисенка, я не долго пользовался — да оно, впрочемъ, не слишкомъ-то послѣ и нужно

мнѣ было, потому что съ Денисенкомъ исчезли какъ-то у насъ почти всѣ сильные.... Напроказили ли они сильно, или, можетъ быть, кому не понравилось, что люди вздумали поучиться уму-разуму хоть послѣ, коли прежде, въ свое время, этого не успѣли сдѣлать,—не знаю; но только они какъ-то всѣ, говорю ,у насъ исчезли, —скоро послѣ поступленія моего въ школу. Ну, а всякому извѣстно: — сильныхъ въ школѣ нѣтъ, безсильные въ покровительствѣ не нуждаются.

Но я слишкомъ хватилъ впередъ! Воротимся снова назадъ.

Недѣли черезъ двѣ послѣ поступленія моего въ училище, снова явился ко мнѣ отецъ. Пріѣхалъ онъ очень рано, еще передъ разсвѣтомъ,— изъ чего, зная его обычаи, я тотчасъ догадался, что дома случилось что-то необыкновенное. Дѣйствительно, тамъ случилось важное событіе: въ мое отсутствіе помолвлена старшая изъ незамужнихъ сестеръ, — отецъ пріѣхалъ въ городъ за покупками,—свадьба должна быть чрезъ недѣлю.

Дождавшись разсвѣта, отецъ велѣлъ мнѣ одѣться и взять книги, нужныя для классныхъ уроковъ, и поѣхалъ со мною въ лавки. Чтó онъ тамъ покупалъ и кáкъ,—не буду разсказывать, потому что не намѣренъ разсказывать про свадьбу сестры. Не могу, однако, не передать сцены, бывшей при покупкѣ лентъ, или, лучше сказать, не могу не указать на черты въ характерахъ отца, какъ покупщика, и купца, какъ продавца, черты, обнаружившіяся по поводу этой покупки. Подобныя черты у нашихъ покупщиковъ и продавцовъ и теперь еще не рѣдкость.

Надобно, впрочемъ, сказать вамъ напередъ, что отецъ мой очень не любилъ дѣлать покупки и особенно не терпѣлъ разнаго мѣрянья, прицѣнки и прочихъ подобныхъ принадлежностей купли. Словомъ, онъ въ этомъ случаѣ былъ человѣкъ такого рода: нужно ему, бывало, чего-нибудь непремѣнно, напримѣръ ситцу, чтó ли; и нужно, положимъ, десять аршинъ. »Дáйте« ,говоритъ, »такого и такого сúтцю! Та небагáто: мені треба дéсять аршúнъ!« и какъ подастъ купецъ цѣлую штуку, и понравится ситецъ: »Гáрний (¹)! говоритъ: »а скільки тутъ аршинъ?... Та гóді мірить — тáкъ кáжіть!

— Трúдцять!

»Трúдцять! А стóітця що?

— Сімнáдцять!

»Сімнáдцять!... Не сімнáдцать, а пятнáдцять?

Словомъ, почнется торгъ на глазомѣръ, за цѣлую штуку, или, гово-

---

(¹) Хорошій.

ря точнѣе, не торгъ, а, съ одной стороны; *пятнадцять, пятнадцять;* а съ другой: »Ну, безъ золотóго!... Ну, безъ копій (безъ 20 коп., безъ 50 коп.)....« Потому что, надобно знать, если старикъ сказалъ цѣну,—не сдвинется съ нея, хоть бы изъ-за этого пришлось въ три-дорога заплатить въ другой лавкѣ. Развѣ бы сказалъ свою цѣну такъ себѣ, чтобы *довідатьця ума у молодóго крáмаря* (1), или чтобы обмѣняться шутками съ старымъ знакомымъ....

— И тó грóші! — скажетъ купецъ...

»Чомъ же не грóші? хорóші грóші! карбóванці—не жидівскі обрізáнці, а пóвні (2), — бумажкú зъ світомъ!«

И купитъ старикъ такимъ образомъ ситцу цѣлую штуку; купитъ, раззадорившись, еще штукъ нѣсколько; купитъ и другихъ разныхъ разностей! Найметъ потомъ *тригýбого* жида Гершка, съ бродячею его труппою, на нѣсколько недѣль, и обошьетъ всѣхъ лѣтъ на нѣсколько! И сдѣлаетъ въ заключеніе старикъ генеральную ревизію: »Глядіть же мені, бережіть, шкодýйте (3)! бо це вже«, говоритъ, »гóді (4)! гóді грóші мáрно (5) трáтить на проклáті ганчіркú (6)! Всѣ улыбнутся, выслушавъ такую рѣчь:—есть новые наряды....а вмѣстѣ и вздохнутъ, потому что если старикъ сказалъ, то года два быть всѣмъ навѣрное безъ обновокъ.... И обратитъ потомъ старикъ рѣчь къ Гершку: »А ти,« говоритъ, »Гéршку, и въ двірь більше не заглядуй; бо дáлебі (7), сáломъ нагодýю!« Усмѣхнется Гершко своею добродушною *тригýбою* улыбкою, приподниметъ правою рукою съ правой стороны яломокъ, поскребетъ надъ правымъ *пéсикомъ:* »Гм, ню!... А къ велúкодню робóта бýде?« Проведетъ послѣ этого старикъ ладонью крѣпко у себя по лицу, отъ самаго лба до самой бороды: »Пронóза, молъ, ти жидівська!« — »Бýде жъ«, говоритъ, »бýде робóта, якъ сáломъ тебé нагодýю!« И закончитъ онъ свои похожденія, по нелюбимымъ имъ *палестúнамъ* покупокъ и приготовленія для семьи нарядовъ, приказаніемъ подать графинчикъ, *покропúть* съ Гершкомъ новое платье, что там еще покроено и пошито....

Таковъ былъ покойникъ старикъ въ этого рода дѣлахъ! не любилъ, крѣпко не любилъ нарядовъ, возни съ купцами, прицѣниванья къ товарамъ, и т. д. и т. д. И если ужъ онъ былъ въ необходимости покупать, то покупалъ разомъ много, поскорѣе.

Такъ онъ хотѣлъ поступить и при покупкѣ свадебныхъ лентъ. Но

---

(1) Купца. — (2) Полные, т. е. необрѣзанные. — (3) Жалѣйте. — (4) Полно! — (5) На пустяки, напрасно. — (6) Тряпки. — (7) Божба »Ей!«

не тутъ-то было! Купецъ, у котораго старикъ дѣлалъ закупки, былъ изъ тѣхъ украинцевъ-купцовъ, которые, увы! начинаютъ уже переводиться. Это былъ человѣкъ аккуратный въ высшей степени, даже въ мелочахъ; любилъ все дѣлать отчетливо, не спѣша. Онъ любилъ *добрáть* свой процентъ и твердо на этомъ стоялъ, но никогда не позволялъ ни себѣ, ни своимъ приказчикамъ, никакихъ *недомíрівъ*, *недовíсківъ*, не позволялъ *заганя́ть* и *завертáть* цѣны, брать съ покупателя *ли́шню копíйку*.... Потому-что ему хотѣлось *одному* отправиться на тотъ свѣтъ, а не въ сопровожденіи этихъ *недомíрківъ*, *недовíсківъ*, *ли́шніхъ копíёкъ*, и чтобы эти *недомíрки*, *недовíски и ли́шні копійки́* не выступили впередъ на Страшномъ Судѣ и не засвидѣтельствовали предъ лицемъ Бога и святыхъ ангеловъ его, что, молъ, »мы вонъ какіе и вонъ какіе; что, молъ, як ъ тому-то долженъ бы пойти, а я у того-то остаться но что человѣкъ сей, на томъ, человѣческомъ, свѣтѣ, купцомъ Ру́деею звавшійся, не довѣсилъ насъ, не домѣрилъ, сорвалъ....« И чтобы, выслушавъ эти свидѣтельства, Богъ не велѣлъ итти ему въ геенну огненную... не схватили бы его нечистыя силы и не начали бы вѣчно руки мѣрить раскаленными аршинами, а несытую *пéльку* (1) набивать раскаленными копейками и горящими недомірками и недовісками.

—Покажіть ще мені, — говоритъ отецъ, накупивъ у купца разныхъ разностей: — стрічóкъ весільнихъ (2), стёжóкъ!

Купецъ досталъ огромный пукъ пунцовыхъ и розовыхъ лентъ всевозможныхъ оттѣнковъ и ширины; между ними путались ленты и другихъ цвѣтовъ; отецъ взялъ, повертѣлъ въ рукахъ: »Та тутъ«, говоритъ, »есть и невесільні.... Однáкъ дáрма (3), въ хазяйстві пригодя́тця! А що стóітця (4) сей жмутъ (5)? та скоріше, бу́дьте лáскави, бо ніколи!

Купецъ, уступавшій до-сихъ-поръ отцу въ другихъ покупкахъ, зная болѣе или менѣе на память мѣру своихъ товаровъ, тутъ рѣшительно воспротивился продажѣ глазомѣромъ.

— Якъ мóжна — скоріше!—говоритъ:—тутъ трéба помірить: не напамяту́єсся (6) всёгó!

И пошли спорить! Отецъ говоритъ, что тутъ на полдня будетъ мѣрить, безъ мѣры дѣло пойдетъ скорѣе; а тотъ—что безъ мѣры не продаетъ, своего напрасно потерять не хочетъ и чужимъ воспользоваться не желаетъ Спорили, спорили, и дѣло кончилось тѣмъ, что купецъ пре-

---

(1) Глотку. (2) Свадебныхъ. (3) Но ничего! (4) Стоитъ. (5) Пукъ. (6) Нельзя помнить.

доставилъ отцу взять ленты,—тамъ ихъ, дома у него, помѣряютъ, а поторгуются и расчитаются, когда отецъ пріѣдетъ на маслянскую ярмарку.... А купцу отецъ былъ не то: чтó называется знакомый покупщикъ это я положительно знаю!

Отецъ согласился на сдѣлку, но заставилъ купца взять, въ обезпеченіе уплаты, *білу бумáжку* (25 р. асс.).... И отцу купецъ тоже былъ не то, чтó называется знакомый купецъ, и это я положительно знаю!...

Этотъ случай, котораго я былъ очевиднымъ свидѣтелемъ, не знаю почему, привелъ мнѣ на память обычай, бывшій, конечно въ низшихъ слояхъ общества, у насъ повсемѣстнымъ въ старину, какъ расказываютъ наши сторожилы,—именно обычай, въ слѣдствіе котораго тяжущіеся обыкновенно ѣздили *въ судъ* вмѣстѣ и на одной повозкѣ, то-есть, на одной повозкѣ и истецъ и отвѣтчикъ, пожалуй и съ свидѣтелями обѣихъ сторонъ.... ѣдучи вмѣстѣ, ѣли и пили водку, толковали о своей тяжбѣ, высказывая свои шансы и ожиданія.... Разсказывавшіе мнѣ про этотъ стародавній, обычай старожилы наши всегда присовокупляли, что, въ слѣдствіе такого обычая, тяжба не изгоняла между тяжущимися всякихъ другихъ отношеній, не поглощала между ними всего и не поселяла той ненависти, какую обыкновенно поселяетъ тяжба между нами въ настоящее время. Сверхъ того, по замѣчанію старожиловъ, часто случалось, и особенно, при участіи въ поѣздкѣ и свидѣтелей, что, доѣхавъ до какого-нибудь хутора или села, остановившись въ немъ кормить лошадей, и выпивъ за *пóлуднемъ* или за *снíданнямъ* по двѣ, по три чарки, веселящей сердце человѣческое, *тиéі гáспидьской, розгýторятця*, объяснятся, обнимутся, поцѣлуются и воротятся домой, плюнувши туда, назадъ, на свой слѣдъ: »Нехáй, мовъ, западýтця вонú, тіі позвú, зъ судами ёму и зо всімъ!...

Покончивъ съ купцомъ, отецъ взялъ пукъ лентъ и распорядился съ нимъ, какъ распорядился съ пукомъ засаленныхъ ассигнацій Константинъ Ѳедоровичъ Скудронжогло, врученныхъ ему заѣзжимъ кулакомъ въ сибиркѣ, т. е., не глядя на него, прехладнокровно сунулъ въ карманъ, — только не въ задній карманъ и не своего *сюртука*, а въ находившійся съ боку карманъ синяго *каптáна*....

Послѣ этого, отецъ отвезъ меня въ училище и, высаживая тамъ изъ саней, сказалъ, что онъ еще увидится со мною. Дѣйствительно, черезъ часъ онъ пріѣхалъ проститься и, прощаясь, объявилъ мнѣ, что въ

пятницу, на слѣдующей недѣлѣ, пришлетъ за мною лошадей, взять домой на свадьбу, что смотритель уже согласился на это...

Можете представить себѣ, съ какимъ нетерпѣніемъ ожидалъ я этой пятницы!... А вечеръ наканунѣ!... Случалось ли вамъ самимъ, помните ли?

Какъ въ чаду какомъ-то вы: укладываете вещи, прислушиваетесь,— авось сегодня еще пріѣдутъ!... А тутъ и урокъ еще назавтра: »Что́ есть покаяніе?... Покаяніе есть.... А жилетикъ!« вскрикиваете, вспомнивъ, что его-то и не уложили...

И такъ вы отъ связки съ вещами къ книгѣ, отъ книги къ связкѣ... а тамъ къ дверямъ: кажись въ сѣняхъ что-то стукнуло....

А эти томительныя ночи наканунѣ, помните ли? Сонъ не идетъ, думаете, что́ тамъ дома будетъ, — мать....

— А ну, забудутъ прислать лошадей?... вдругъ приходитъ вамъ на мысль: — или лошади захромали?... »Нѣтъ«, отвѣчаете рѣшительно: »не забудутъ, не захромали....«

— Однако? и переворичиваетесь на другой бокъ.—Или смотритель скажетъ.... Ну, что́ же онъ скажетъ?... Ну, скажетъ: »не ѣзди, да и полно!...« Или — *Арапъ білий прийде?*...

Переворачиваетесь снова.

— Нѣтъ, *загада́ю!* наконецъ рѣшаете вы—надо же этимъ несноснымъ предположеніямъ положить конецъ!...

»И поднявшись на постелькѣ, вертите указательными пальцами и потомъ ихъ сводите,—со всею силою желанія, какъ-бы они столкнулись.

Мимо!...

»Да вѣдь нужно три раза загадать!...

Снова вертите, снова сводите, зажмуривъ глаза, — какъ-будто въ темнотѣ можно что́ увидѣть.... Попали!

»Я такъ и думалъ!

Гадаете въ третій разъ, и какъ въ третій разъ вышло мимо, гадаете *трижды-три*, на томъ основаніи, что вы не думали, о чемъ гадаете.... а думать непремѣнно надо.

И такъ волнуется и волнуется ваша дѣтская душа — долго, долго!... И долго мечетесь вы съ боку на бокъ въ постелькѣ, пока сонъ не налетитъ какъ-нибудь нечаянно-нежданно, какъ-нибудь съ-размаха, въ промежутокъ двухъ душевныхъ ощущеній, когда одно не успѣло еще смѣниться другимъ.... не налетитъ и какимъ-то тяжелымъ угаромъ не прикуетъ къ подушкѣ накалившуюся отъ безсонницы и тревожныхъ мы-

слей вашу головку, а раскаленную вашу фантазію не пуститъ на свободу: пусть, молъ, пока! И во снѣ ему разные *Бѣлые Арапы* пальцами вертятъ подъ носомъ: »Не пришлютъ по тебѣ лошадей, — отецъ забылъ, — захромали, и ты — въ школу, въ школу!...« И такъ — долго, долго, пока мало-по-малу угаръ не испарится, фантазія не уляжется, и вашего существа не начнетъ обвивать сонъ легкими покровами....

А какъ легко просыпаться послѣ такого сна!... Остался только день, только одинъ день!... И сколько хитростей вы употребляете потомъ съ этимъ днёмъ, чтобъ онъ ушелъ себѣ поскорѣе.... Вы ужъ обзавелись на квартирѣ собственнаго изобрѣтенія солнечными часами: дойдетъ тѣнь отъ коморы до этого мѣста — *такая* пора дня, дойдетъ сюда — *такая;* а знаете навѣрное — не смотрѣть на тѣнь, день уходитъ скорѣе....

»Ну«, говорите, »не буду смотрѣть! Сначала насчитаю тысячу, потомъ палецъ возлѣ пальца оборочу тысячу разъ, потомъ.... ну, потомъ и посмотрю!

И считаете тысячу, вертите палецъ вокругъ пальца тысячу разъ.... стараетесь дѣлать это какъ можно медленнѣе, а между тѣмъ, несносная тѣнь — ну, какъ нарочно!...

Впрочемъ, на этотъ разъ судьба была ко мнѣ благосклонна.... Дѣло вотъ какъ случилось:

Просыпаюсь въ пятницу (я спалъ на лавкѣ у *пóкуття*). Хома — за *верстáттю*, свѣча подъ *начúннямъ*, — словно мальчишка на верёвочной качелѣ, — ярко освѣщаетъ заднюю стѣну, нагнувшуюся надъ *робóтою* (1) соломенную Хомину́ покрышку.

Хома тчетъ: чóвникъ (2) играетъ, *начúння* танцуетъ, *шáйда* въ ладоши похлопываетъ.... Хома работаетъ руками, Хома работаетъ плечами, — носомъ, губами, соломенною покрышкою.... работаетъ, противъ воды будто плыветъ, болтая ногами тамъ, подъ верстатью, въ полумракѣ, словно въ темной влагѣ рѣчныхъ зыбей....

Возлѣ Хомы, у печки на лавкѣ, лысиною къ хатѣ, — такъ знаете, по домашнему, — съ необутыми ногами, сидитъ мужъ браней первой четверти настоящаго столѣтія, — цівкú сýче.... Забывъ про свое военное и унтеръ-офицерское званіе, и отложивъ, такъ-сказать, въ сторону

---

(1) *Робóта* — работа; но въ ткацкомъ дѣлѣ, *робóта* — основа на верстати, — словомъ, то, чтó ткутъ. Напомню при этомъ читателю, для лучшаго уразумѣнія картины, что верстать у насъ помѣщается обыкновенно за печкою, гдѣ бываетъ *піл*, переднею частію къ хатѣ. — (2) Челнокъ.

и свой, никуда негодный, тесакъ, и свое, никуда негодное, ружье, мужъ браней предается занятіямъ мирнаго гражданина, — предается со всею любовью праведной души, проведшей, можетъ быть, цѣлую половину своей жизни въ бездѣльи, и со всею внимательностью души, малоопытной въ подобномъ занятіи и притомъ имѣющей предъ собою такого знатока-судью, каковъХома.... Носъ его, губы, подбородокъ, бакенбарды,—все его добродушное лицо, вытянулось впередъ, съуживается.... превратилось въ какое-то мышиное рыльце, быстро и пугливо обнюхивающее подвернувшееся лакомство.... или какъ-будто, вмѣсто головы у героя браней, рука съ пятью пальцами, и эти пять пальцовъ протянулись къ станку, *пу́чечкою* (1).... что-то снять съ него хотятъ.... но что́-то сзади мѣшаетъ, толкаетъ подъ локоть.... Станокъ гудетъ, клубокъ въ *обича́йці* (2), словно двадцать чертей гонятъ его кнутами, — мечется какъ угорѣлый, скачетъ, кувыркается....

За спиною у героя торчатъ съ печки ноги Усти, а надъ лысиною— рыжій котъ свѣсилъ съ *ко́міна* (3) голову, и внимательно слѣдитъ за работою....

Въ сторонѣ отъ героя, предъ истопленною жарко печью,—хозяйка, съ лицомъ, тоже какъ-будто жарко истопленнымъ и накаленнымъ до́-красна: сидитъ на скамейкѣ, беретъ одинъ за другимъ лежащіе возлѣ, на столѣ, на чистыхъ подушкахъ, *буханці* (4), и посылаетъ одинъ за другимъ въ печку....

Всторонѣ отъ хозяйки, въ темномъ углу, *кто-то*, изъ деревни вѣрно.... вѣрно, дрова хозяйкѣ привезъ, муку.... или, можетъ, кто изъ родичей хозяина заѣхалъ.... должно быть, дремлетъ, —то и дѣло, кланяется хозяйкѣ и печкѣ....

Я зѣвулъ — о-хо-хо-хъ! славно, молъ, выспался!... потянулся и поднялся на постели.... При моемъ зѣвкѣ все въ хатѣ притихло, а рыжій настороншилъ уши.... и удостовѣрившись, что они его не обманули, перекинулся на спину и протянулъ ко мнѣ свои лапы....

»А що́, — говоритъ Хома, отводя въ сторону свѣчку съ качелею и

---

(1) *Пу́чки* — оконечности пальцевъ. Взять *пу́чкою, пу́чками*, — взять оконечностями пальцевъ, и большею частію — взять осторожно; взять *пу́чечкою, пу́чечками* — очень осторожно, нѣжно.

(2) *Обича́йка* — обручъ у сита или у *ре́шета*. Въ *обича́йку* кладутъ клубокъ, чтобы не закатывался далеко.

(3) *Ко́мінъ* — верхняя часть печки. — (4) Булки.

выставивъ свое добродушное лицо: — А що, — говоритъ, — тобі снилось?...

— Нічо́го!

»Якъ—нічо́го? Мо́же, сни́лось, що присла́ли?...

— Ні! — подхватилъ герой бранней, выпуская съ руки *сучо́къ* (1), насупливаясь и какъ-будто чего ища вокругъ себя, — знакъ, что былъ въ очень сильномъ юмористическомъ настроеніи: — Ні, — говоритъ, — ёму́ сни́лось, що не бу́де зъ нами обідать!... безъ обіду бу́де!...

»Безъ обіду не буде!« перебиваетъ хозяйка: »я ёму́ бухане́ць дамъ....

Рыжій, тѣмъ временемъ—съ *ко́міна*, на печку.... царапнулъ мимоходомъ Устю по ногѣ, и на плечо къ герою — »Брысь! тьфу!« — на верстать, на лаву, и ко мнѣ на колѣни.... тернулся разъ головою и бокомъ мнѣ о грудь, въ другой разъ махнулъ сюда-туда хвостомъ, задѣвая меня по лицу и по носу, и опрокинулся вверхъ ногами....

»До́вго-жъ ти спишъ, Васи́льку! — отозвался наконецъ и тотъ, изъ угла.

— Грицько!...

И я — съ постели, на полъ, къ Грицьку на колѣни и принялся цѣловать его въ усъ, въ *чупри́ну*, въ щоки....

И всегда такъ случалось со мною въ дѣтствѣ: Радости и печали приходили ко мнѣ какъ-то нечаянно, не оттуда, откуда я могъ ихъ ожидать, или не тогда, когда онѣ должны бы, по моему разсчету, прійти. Разсчеты мои, въ этомъ отношеніи, всегда какъ-то оказывались невѣрными. Въ одномъ только расчетъ мой всегда былъ вѣренъ: если я предполагалъ, что радость мнѣ не пройдетъ даромъ, что позже или раньше я долженъ порядочно за нее поплатиться. Впрочемъ, у меня оказывался вѣрнымъ еще слѣдующій разсчетъ: если, бывало, мнѣ приснятся ночью вьюны, и на этомъ основаніи я разсчитывалъ на *па́лі* (2) — непремѣнно сбывалось!...

---

(1) Ручка, которою приводится въ движеніе сукальный станокъ.
(2) Удары линейкою по рукѣ.

(Продолженіе будетъ.)

ПЛАЧЪ РОССІЙСКІЙ.

Стихотвореніе подъ этимъ заглавіемъ найдено мною въ рукописи, принадлежащей библіотекарю С.-Петербургской Публичной Библіотеки, А. Ѳ. Бычкову, писанной въ полулистъ и оправленной въ кожу. Это сборникъ, составленный въ началѣ XVIII вѣка на польскомъ, латинскомъ и церковно-славянскомъ языкахъ. По содержанію статей, видно, что онъ принадлежалъ какому-то духовному лицу. На предпослѣднемъ листѣ рукописи (которыхъ всего 29) обозначенъ 1718 годъ, въ который сдѣлана копія. За тѣмъ слѣдуетъ предлагаемое стихотвореніе. Не рѣшаюсь опредѣлять, когда́ именно оно сочинено, но видно, что относится ко временамъ колебанія Украины между Московскимъ государствомъ и Польшею. Какъ выраженіе духа времени, вражды партій и понятій духовенства о Польшѣ и Россіи, оно заслуживаетъ вниманія. Подобныхъ сочиненій ходило много по рукамъ, и они поддерживали въ народѣ вражду ко всему польскому, пережившую въ немъ и самыя воспоминанія о борьбѣ за личную независимость съ вельможною шляхтою. Я сохранилъ въ точности правописаніе подлинника, такъ-какъ оно можетъ повести къ разнымъ соображеніямъ о мѣстѣ и времени сочиненія этихъ виршъ. Не могу не указать мимоходомъ на безсиліе выраженія и отсутствіе поэзіи въ этомъ произведеніи подавленной схоластикою семинарской музы, сверстницы свободной музы народной, которая и до, и во времена, и послѣ Богдана Хмельницкаго производила столько пѣсень и думъ, дышащихъ вѣчною свѣжестью и красотою.

П. Кулишъ.

20 января 1861.
С.Петербургъ.

О Боже мой милостывій!
 возри на плачь мой ревнивій.
Где бѣдница есть такая,
 якъ я россія малая?
Всѣ маткою называють,
 а не всѣ за матку мають;

Другій хощетъ загубити,
въ ложцѣ води утопити.
Бо чи треба горшой муки,
якъ подати ляхомъ въ руки?
Давно вони острать зуби,
давно моей ищутъ згуби.
А ви, дѣтки, якъ чужіи,
садите іхъ мнѣ на шіи.
Отъ якъ скоро все забули,
что видѣли и что чули,
Якъ под тими ворогами
стогнала я тяжко зъ вами!
Стогнала я, ни отради
не мѣючи, ни поради,
Коли жиди проклятіе
держали церкви святые,
А отъ святой креста банѣ
витягали у насъ данѣ.

І тое все вже би стало,
щобъ имя наше пропало,
Еслибъ Богъданъ, мужъ избранный,
не билъ отъ бога намъ даній.
Той стеръ сѣмя проклятое,
зскинулъ зъ мене ярмо злое,
И за мудримъ самъ совѣтомъ
поставилъ подъ крипкимъ щитомъ,
Подъ рукою царей славнихъ,
самодержцовъ православныхъ.
А ви, дѣтки, ахъ, утѣха,
прошлого зхотѣли лиха.
Еще я крилъ не простерла,
еще и слезъ не оттерла,
А вамъ, дѣтки, жалко стало,
що я оддихнула мало.
Охъ мнѣ бѣда! дѣтей лаю,
не знать што зъ жалю гадаю.
Ой не сини, ой не дѣти
хощутъ мене загубити,
Ляхолюбци, лихолюбци,
тии мои, тии згубци!
Якъ саранча налетѣли,
доми, церкви посквернили.
Куда пойдемъ — ляховъ хвалятъ,
вѣрнихъ тилько що не палять,

Простимъ уши набиваютъ,
лихимъ ядомъ заражаютъ.
Безъ хвалъ лядскихъ анѣ слова:
идать, чи пють — о ихъ мова.
Знайте жъ, дѣтки родиміе,
якъ ви имъ же любиміе.
Идать и пють и гойнують,
еднакъ нѣ вчомъ не смакують.
Що лядское, то имъ смачно (¹),
хочь лядащо, то имъ вдячно.
Хощуть бути унѣяти,
папу въ ногу цѣловати.
Къ ляхомъ весь духъ, вся охота;
то имъ мудрость, то и цнота.
Тии теперь хощутъ цѣло
привести замислъ свой въ дѣло.
Тіи мене загубити
мислять, — не ви, мои дѣти.
Да и на васъ нарѣкаю
и на самихъ васъ жаль маю,
Що зъ такими дружба ваша,
а невдячна любовь наша.
Що видите у ихъ мосцѣ,
опрочь дурной хвальшивосцѣ?
Що мнѣ за синъ, що зъ врагами
сердце его, а не зъ нами?
Не той то синъ мнѣ здажився,
що въ моемъ дому родився;
Нехай прийде и за свѣта
да мнѣ жичить многа лѣта;
Той мнѣ будеть синъ родимій,
не иначе, якъ любимый.
Осе жъ, дѣти, ви глядѣте,
ляхолюбцевъ не любите.
Поти добра въ насъ не буде,
поки у насъ сіи люде.
Нехай идуть на сухѣй лѣсъ,
куда зоветь ихъ гордій бѣсъ,
Нехай идуть славить папу
— — —
Нехай же имъ безъголовя,
а намъ живучи на здоровъя. Finis.

(¹) Въ подлинникѣ — *вдячно*, но это, очевидно, описка.

РІЗДВЯННІ СВЯТКИ.

ПИСЬМО 2-е.

БАГАТА КУТЯ.

Пойдемте-ка сегодня, друзья мои, на рѣку... да пойдемъ пораньше, очень рано!.. этакъ-вотъ, какъ вторые пѣтухи пропоютъ... Сегодня Бага́та кутя́, сегодня день та̀мъ, на рѣкѣ, начинается,—такъ чтобы чего не прозѣвать! И не на большую какую рѣку пойдемъ, на Днѣпръ, что ли,—нѣтъ! для дѣла, конечно, все равно; но на большихъ рѣкахъ зимою только гладь да гладь снѣжная: скучно тамъ въ это время, особенно ночью—ничего нѣтъ возлѣ, жизни никакой, движенія никакого. Пойдемте лучше на Сулу или Псёлъ, или еще лучше, пойдемте на Удай или на Оржицу какую: тутъ тоже иногда между берегами версты двѣ-три; но посрединѣ не рѣдко виднѣется большой островъ, а на острову—большой лѣсъ: ужь и разнообразіе! Притомъ, часто случается, что вся эта двух-верстная, трехверстная ширина, вплоть отъ берега до берега, очерета́ да лозы, съ узкимъ только, главнымъ, ложемъ рѣки посрединѣ, да съ густою затѣйливою сѣтью дорогъ, дорожекъ, прогалинъ, *ровівъ*, *рівчаківъ* (каналовъ, канальчиковъ), *бакаївъ*, *ковбо̀тъ* (ямъ въ болотѣ) и т. д., на остальномъ пространствѣ....

Вотъ мы спустились съ горы, вотъ мы уже углубились въ этотъ лабиринтъ перекрестковъ, поворотовъ, излучинъ, тѣсныхъ проходовъ.... Тутъ вотъ очеретъ выровнялся, вдоль тропинки, высокой, темной стѣною, а тутъ нависла цѣлая трущоба кустовъ лозы, курчавыхъ, растопырившихся, перепутанныхъ, словно чортъ туда вскочилъ и метался тамъ, какъ угорѣлый, три дня и три ночи, чтобы добрымъ людямъ и толку нельзя было добраться!.. вотъ *вѐрша* темнѣется вдали на снѣговой кучѣ, словно изъ чернаго мрамора памятникъ на бѣломъ пьедесталѣ... а вотъ озябшей

4

бабой скорчился и надулся на снѣгу стогъ сѣна!... И такъ тихо-тихо кругомъ: заяцъ развѣ, испуганный ходьбою, пырснетъ изъ болотной купы и промчится гдѣ-то мимо.... будто легкій вѣтерокъ всколебалъ воздухъ и легкой струйкой пронесся туда-вотъ, дальше и дальше, по верхушкамъ осоки и мягкаго *осітнягу́*... или ледъ гдѣ треснетъ отъ морозу... послышится изъ лѣсу глухой шумъ вѣтвей отъ испуганной птицы и посыпавшагося затѣмъ снѣга... долетитъ оттуда, съ горы, сонное тявканье какого-нибудь Барбоса, которому во снѣ пригрезился волкъ.... А вокругъ васъ воздухъ чистый-чистый, легкій, какъ юношескій сонъ предъ разсвѣтомъ, или легкая ноша жизни счастливца... а надъ головами звѣзды надувшіяся (1), словно красавицы мои землячки, когда отъ Іордани разсыплются домой.... Боже, ка́къ тутъ и въ зимнюю ночь хорошо!...

Но вотъ мы и на рѣкѣ!... Бѣлая, снѣжная полоса вьется въ темнотѣ по-межъ лозъ и очеретовъ, изрѣдка перерѣзываемыя поперегъ торчащими, словно зубья гребня, кольями *ізківъ*, да покрытая продольными рядами снѣговыхъ купъ, *духівъ*.... (2)

Тихо; еще никого нѣтъ! на рѣчкѣ. Неужели еще спятъ до сихъ поръ *рибáлки?* А посмотримъ туда, на гору, на село!.. Нѣтъ, вы не туда смотрите: это темнѣетъ Никонова *стíнка* (3), тамъ ничего не увидите... Смотрите туда, дальше: вонъ ровная полоса, это—*водопíло* (спускъ къ водопою)... дальше, вонъ что-то *буваніе*, это живутъ Коржі... а вотъ, дальше, блеститъ, словно волкъ въ темнотѣ очами *світить*, — это въ Каленíковой хатѣ *світитця*... Но — тише!...

Слышится вдали мѣрный скрыпъ чьихъ-то шаговъ по снѣгу, тамъ, по направленію къ селу, — и отъ времени до времени раздаются мѣрные удары чѣмъ-то металлическимъ въ ледъ.... О, это *рибáлка*, непремѣнно рыбалка!.. твердый, мѣрный шагъ по льду въ эту пору, и въ то же время проба прочности его ударами *плешні*—только рыбалка въ ночную пору будетъ такъ смѣло ступать по льду этихъ болотъ и только рыбалка бываетъ такъ остороженъ съ ними, что какъ онъ хорошо ихъ ни знаетъ, а все таки отъ времени до времени пробуетъ плешнею напередъ, *не ви-*

(1) О звѣздахъ, если онѣ не свѣтятъ ярко, Украинцы говорятъ, что онѣ *понадувáлись, понапухали.*

(2) *Ізóкъ* — запруда рѣки для ловли рыбы; *духъ* — прорубь, тоже для ловли рыбы. Духъ закрывается обыкновенно конусообразною кучею снѣга.

(3) Роща, расположенная по отлогости горы.

мерзла ли гдѣ вода, не *підпáрило* ([1]) ли гдѣ, нѣтъ ли гдѣ *óпаря*, или брошеннаго и незамерзшаго *дýха*?...

Да, это рыбалка, дѣйствительно рыбалка! Слышите—собака у него только теперь залаяла? Собака такъ-себѣ какого-нибудь моего земляка, очутившись въ ночную пору въ лозахъ и очеретахъ, то и дѣло, что лаяла бы, — на снѣгу много заячьихъ, лисьихъ и волчьихъ слѣдовъ и ей бы вездѣ видѣлись зайцы, лисицы и волки; притомъ, *посміттюшокъ* (птички) выгоняла бы изъ болотнихъ купъ, а можетъ, гдѣ-нибудь и въ самомъ дѣлѣ выскочилъ бы заяцъ. Но собака рыбалки идетъ тихо: она собственнымъ и долговременнымъ опытомъ убѣдилась, что лаять на болотѣ на всякій заячій, лисій или волчій слѣдъ, бѣгать и кричать при видѣ посміттюшки или зайца,—это значило бы напрасно только надрывать себѣ грудь и ноги. Она залаетъ только тогда, когда дѣйствительно почуетъ близко звѣря, или чужого человѣка....

Но вотъ шаги все ближе и ближе, и шагахъ въ десяти отъ насъ, изъ-за ближайшаго куста лозы, вырѣзались наконецъ, на фонѣ рѣчной полосы, сперва лающая собака, а потомъ высокая человѣческая фигура, вся въ сѣромъ, въ *шáпці-магíрці*, въ коротенькой *свитці* поверхъ коротенькой *кожушáнки*, въ суконныхъ шараварахъ, длинныхъ сапогахъ, съ *сокирою* за поясомъ, съ *тóрбою* черезъ плечо, съ лопатою въ лѣвой рукѣ и съ длинною плешнею въ правой... Завидѣвши насъ, человѣческая фигура обратилась къ лающему животному и ласково сказала: »мовчи́, Мýшка, свои!« и по кличкѣ собаки, и по голосу ея владѣльца, мы узнаемъ Нестора всѣхъ рыбалокъ села Ріжківъ, семидесятилѣтняго Каленика, по отчеству Даниловича, по прозванію Перегрáя.

— Добри́день, чи добри́досвітокъ! — привѣтствовалъ насъ старикъ.

»Здорóви булú, Данúловичу!«

— Бýдьте здорóви зъ Багáтою Кутéю!

»Спасúбі, бýдьте й ви здорóві!«

— А що, порá вже приймáтьця за діло!

»Порá, порá, Данúловичу! порá!...«

— Порá, порá!

И положивши плешню на ледъ, перекрестившись и взявши въ обѣ руки лопату, Даниловичъ принялся за дѣло, и своими семидесятилѣтними ру-

([1]) Т. е., не подогрѣло ли гдѣ снизу льду. Подогрѣваніе такое бываетъ особенно на такъ-называемыхъ *прогнóяхъ*. Если ледъ подогрѣтъ уже до такой степени, что въ немъ образовывается промоина, болѣе или менѣе замѣтная, то является *опарь*.

ками открылъ на Рожкивскихъ болотахъ святой день Багатой Кути — и для села Рожкивъ, и для села Хвощивъ, и для хутора стараго и веселаго Череваня́, и для всѣхъ селъ и хуторовъ на пятнадцать верстъ въ окружности....

Но оставимъ Каленика, а съ нимъ и всѣхъ земляковъ моихъ рыбалокъ! пусть они открываютъ лопатами *духи́*, вытаскиваютъ изъ воды *ко́бзи* и *верші* (рыболовные снаряды изъ тонкихъ прутьевъ), вытрушиваютъ изъ нихъ вьюновъ, карасей, щукъ и т. д.: все это болѣе или менѣе обыденныя вещи зимняго рыболовства и насъ сегодня не касаются. Намъ нужно было только посмотрѣть, какъ и кѣмъ начинается у насъ день Багатой Кути: увидѣли, — домой пойдемъ теперь и соснемъ немного, потому что начнетъ разсвѣтать еще нескоро, да и всѣ еще спятъ. Сегодняшній день не вчерашній, и сегодняшній *до́світокъ* не вчерашній: вчера всѣ обыкновенныя работы закончены, сегодня можно поспать подолѣе.... А пока дойдемъ, — такъ сказать, на сонъ грядушій, я вамъ разкажу вотъ-что...

Въ обыкновенное время, рыбаки наши, потрусивши рыбу, оставляютъ свой рыболовный *по́судъ* почти всегда на рѣкѣ, тамъ же у *ізківъ* и *духівъ*: »У насъ щобъ тéе... щобъ хто и́ноді чужи́й собі... крий Бігъ!« развѣ иногда, какъ говорится, »панщина́ затéшетця« (панскіе люди до нихъ доберутся). Но на Багату Кутю они забираютъ его весь домой: наступаютъ праздники — кто же станетъ ловить рыбу въ это время! Къ тому жъ, впереди столько свободнаго времени — можно, что́ нужно, въ снастяхъ починить, передѣлать; ну, да и то сказать, праздниками по *лёда́хъ* столько шляется парубковъ, дівчатъ и такъ всякаго веселаго народу — *ко́взаютця, зъ коля́дками хо́дять* и т. д., обуяетъ шаль кого, натащитъ вершу на голову, или нацѣпитъ кобзу черезъ плечо, — офицеръ-де онъ въ киверѣ, и къ дивчатамъ, дескать, пришолъ погулять; или бандуристъ или *ри́льникъ* онъ съ бандурою или *ре́лею* (лирою), компанію пришолъ потѣшить, и — гу, гу! пошла въ догонку вся веселая толпа по очеретамъ и по всѣмъ загогулинамъ за офицеромъ въ киверѣ или за бандуристомъ съ бандурою!.. и поминай вершу или кобзу, какъ звали!...

Раскажу вамъ еще вотъ-что!

— Рыбалки наши, въ обыкновенное время, оцѣниваютъ достоинство улова, какъ и всякіе другіе рыбаки, т. е. по количеству пойманной рыбы, по качеству ея и по величинѣ; но въ дэнь Багатой Кути для оцѣнки его принимается ими другая мѣрка. Чтобы лучше вы могли

понять значеніе ея, этой мѣрки, надобно вамъ сказать, что въ день Багатой Кути, во всей почти Украинѣ, употребляется въ пищу почти исключительно одна мелкая рыба, т. е. мелкихъ породъ. Какая этому причина, я, можетъ быть, постараюсь объяснить ниже, а здѣсь довольно намъ знать, что у насъ такой обычай, и что этотъ обычай до того у насъ соблюдается, что, не смотря на нашу любовь къ рыбѣ вообще и къ рыбѣ большой въ особенности, не смотря на то, что мы и при всякомъ удобномъ случаѣ стараемся запастись любимымъ нашимъ лакомствомъ, а тѣмъ болѣе для дорогихъ намъ почему-либо дней, не смотря, говорю, на все это, даже тѣ изъ насъ, которые побогаче и имѣли бы полную возможность достать, напримѣръ, хоть свѣжаго осетра, даже и тѣ, у которыхъ стародавніе обычаи начали ужь понемногу ослабѣвать, все мы ѣдимъ на Багату Кутю рыбу мелкихъ породъ, и именно ѣдимъ больше всего щуку и карася, особенно первую, такъ-что безъ щуки и кутя бываетъ у насъ *ґ́ рява* (остриженная, окарнанная), и хозяйка безъ щуки не можетъ выступить во всемъ блескѣ своего умѣнья снаряжать для Багатой Кути *вече́рю*. Послѣ щуки и карася больше всего годится у насъ для Багатой Кути — *линъ*, за линомъ слѣдуютъ окунь и плотва, и только совершенный недостатокъ такой рыбы принудитъ моего земляка обратиться къ другимъ породамъ, или же крайняя его бѣдность заставитъ его ограничиться одними вьюнами. Послѣ этого, понятно, я думаю, для васъ, какою мѣркою въ день Багатой Кути оцѣниваютъ мои земляки-рыбалки свой уловъ! — »А що, Дани́ловичу, спрашиваетъ Каленика Переграя Федоръ Ополо́нка, когда рыбалки возвращаются домой послѣ своей ловли: — яково́ (каково? т. е. какой уловъ у тебя? Земляки мои вообще не любятъ разглагольствовать широковѣщательно, любятъ выражаться сжато, покороче, лишь бы ихъ поняли)?« — »Та сла́ва Бо́гу! ні́чо́го! *сеґо́днішнеї* таки́ впало чима́ло (сегоднешней, т. е. нужной для сегоднешняго дня, поймалось таки довольно).« —« А въ ме́не, — замѣчаетъ со вздохомъ Федоръ Ополонка: — тільки па́ра щупеля́тъ, ато все одинъ ую́нъ наголо́!«

Скажу еще вамъ въ заключенье, что рыбаки наши, возвращающіеся въ обыкновенное время съ рѣки домой врозь, когда кто дѣло свое кончитъ, не поджидая другъ друга, — въ день Багатой Кути отступаютъ отъ общаго правила и возвращаются кучами, съ своими сосѣдями, близкими и далекими: до разсвѣта еще не скоро, и время теперь свободное, можно погуторить, можно разспросить, кому и сколько *впало сеґо́днішнеї*. Это и интересно для рыбалки, и необходимо, чтобы знать, какъ

распорядиться съ излишкомъ пойманной имъ рыбы. Тутъ же пересказываютъ рыбалки другъ другу разныя свои рыболовныя *приведе́нціи*, тутъ же преподаются, молодымъ и неопытнымъ, испытанные долголѣтнею практикою разные пріемы рыбной ловли, и разсказываются несвѣдущимъ такія *приведе́нціи*, слухи о которыхъ разносятся молвою, также стоустою и у насъ какъ и вездѣ, иногда на далекія-далекія пространства, и память о которыхъ сохраняется иногда мѣстнымъ рыболовнымъ преданіемъ до внуковъ и правнуковъ. Разсказывается, напримѣръ, какъ въ одномъ мѣстѣ появилось зимою что́-то; что это *что́-то* черное и живетъ въ рѣкѣ; что рыбалкамъ не разъ случалось видѣть издали, какъ оно вынырнетъ изъ ополонки и ѣстъ на льду рыбу, а приблизится рыбалка — *что́-то* въ воду.... Къ этимъ дѣйствительнымъ произшествіямъ, бабы начали приплетать и созданія своей трусливой фантазіи: что, дескать, и посудъ рыболовный оно воруетъ, и дѣлаетъ добрымъ людямъ разныя пакости, что и перекидаетця оно въ рыбалку и заводитъ заблудившихся путниковъ въ промоины и т. д. Просто, чортъ, да и только! только какой-то особенный чортъ, изъ чертей чортъ, »ма́будь чи не самъ чо́ртівъ ба́тько«, потому что и холоду не боится и для зимовли выбралъ, *бі́сівъ синъ*, мѣсто подъ льдомъ, тогда какъ всякому доброму человѣку извѣстно, что черти, — обыкновенные, т. е. черти, вотъ что́ вездѣ водятся у крещенаго люду, — тѣ холоду боятся и на зиму изъ рѣкъ и болотъ выбираются (1).... словомъ, въ болотѣ черти *літують* только (слово *літують*, въ переводѣ на петербургскій языкъ, значитъ, что для чертей болото только — дача).... Ну, такъ такимъ-вотъ способомъ весь околотокъ началъ бояться этого *что́-то*, и рыбалки порѣшили, во что́ бы то ни стало изгнать его изъ своихъ владѣній, чтобы оно рыбы не портило и не пугало бы жінокъ и дівчатъ, — изгнать, хоть бы ради этого нужно было *нанять* молебень и отслужить надъ ополонкою водосвятіе, если только на это согласится отецъ Прохоръ. Пока рыбалки ра́дились и обдумывали средства, ка́къ привести свое намѣреніе въ исполненіе, какой-то охотникъ, въ одно прекрасное до-разсвѣта, засѣлъ на *что́-то*, выждалъ его и. . застрѣлилъ!... Оказалось, *что́-то* была невиданная теперь въ нашихъ мѣстахъ куница. — Иля же разсказывается, напримѣръ, при такомъ возвращеніи рыбалокъ домой на Багату Кутю, — ка́къ надъ Днѣп-

(1) Какъ гражданинъ *пе́кла* (ада), по понятіямъ народнымъ, чортъ необходимо долженъ не любить холоду. Впрочемъ, не сидитъ онъ зимою въ рѣкахъ и болотахъ еще и по другой причинѣ, — о чемъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ, когда будетъ итти рѣчь объ *Орда́ні*.

ромъ, у Переяславля, появился какой-то невиданный у насъ звѣрь: роговъ у него какъ на *перекоти́полі* колѣньевъ, быстрый—лошади быстрѣе, зовется — олень; что когда кто-то погнался за этимъ звѣремъ, онъ птицей понесся, рѣки незамѣтилъ передъ собою и полетѣлъ по Днѣпру, какъ по *степу́*... что на срединѣ Днѣпра онъ ослабилъ свой бѣгъ, и началъ *гру́знуть* въ воду... что олень только тогда замѣтилъ подъ собою воду, и хотѣлъ снова полетѣть, но поздо! что́ разъ начало погружаться въ воду, то погрузится непремѣнно... что потонулъ бы олень, если бы не бросился къ нему на своей *душогу́бці* (легенькая лодка изъ липы), краса всѣхъ приднѣпровскихъ рыбалокъ окрестностей Переяславля, преславный рыбалка Бо́ва... что налетѣлъ Бо́ва на оленя, схватилъ его рогатого за рога и такъ его на берегъ, а оттуда домой... что олень достался Бо́вѣ, а ро́га его принесены Бо́вою въ даръ какой-то церквѣ, чтобы, на концахъ и излучинахъ ихъ, люди могли много-много прилѣплять восковыхъ свѣчей Богу и поминать добрымъ словомъ память Бо́вы, когда дерзкая его отвага сложитъ наконецъ легкія его кости на вѣчно-волнующемся днѣ Днѣпровскомъ.

— — —

Вотъ дѣло близко уже къ разсвѣту; вотъ показался и свѣтъ въ окнахъ, сперва у *ді́да* Опана́са, потомъ у старой Мо́трі, и затѣмъ и въ другихъ хатахъ. Вотъ и народъ началъ *воруши́тьця* по дворамъ и огородамъ: выпускаютъ изъ хлѣвовъ овецъ въ кошары и даютъ имъ болотняго или лугового сѣна, носятъ *гуля́щому* (нерабочему) скоту и гулящимъ лошадямъ *я́шницю*, *пшени́шницю*, *прося́ницю*, *овся́ницю* (ячменную или пшеничную и т. д. солому), подкладываютъ рабочимъ воламъ, дойнымъ коровамъ и *ізжа́лимъ* лошадямъ сѣна степнаго, а послѣднихъ, пожалуй, и овсомъ кормятъ.

Но вотъ и разсвѣтать начало, и изъ мрака ночного начали выдвигаться мало-помалу, и тянущаяся предъ вами далеко-далеко вдоль гладкая зимняя дорога, и подобравшіяся къ ней, справа, отъ восхода солнца, хаты селенія Ріжківъ съ обсѣвшими ихъ хлѣвами, коморами, кошарами и торчащими кое-гдѣ вытянувшимися къ небу колодезными журавлями... а слѣва — поворотившимися къ дорогѣ вѣтряными мельницами.... Вотъ и солнце взошло и позолотило верхушки колодезныхъ журавлей справа, и крылья вѣтряныхъ мельницъ слѣва: стоятъ себѣ, выставивши лбы и разметавъ позолоченныя крылья во всѣ стороны, — словно какіе *шляхетно-урожо́ные* на Іордань, акрещенскій зефиръ, подѣлавши проробы на ихъ высокихъ чолахъ, разметалъ шановныя чуприны на право

и на лѣво, внизъ и на затылокъ. А за ними, за млинами этими, гладь и гладь бѣлая съ золотымъ отливомъ, снѣжняя степь, съ темнѣющими коегдѣ скирдами и стогами сѣна, съ степными *грушка́ми* (грушевыми деревьями), съ степными хатка́ми и *хлі́вчиками*, и съ вырѣзывающимися на горизонтѣ бѣлыми, блестящими на солнцѣ, могилами, сѣрыми гаями и какими-то движущимися черными точками, — обитателями степныхъ сосѣднихъ селеній и хуторовъ, поспѣщающими за чѣмъ-то въ селеніе Ріжки и другія сосѣднія селенія и хутора прирѣчные....

Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ это такъ пустились наши степняки? Да и *Ріжківці* (жители селенія Ріжківъ) — что́ это они такъ засуетились, бѣгаютъ изъ хаты въ хату, а иные запрягли лошадей и тоже куда-то ѣдутъ? И не топится ни гдѣ!... Вчера въ эту пору надъ всѣми хатами стояли уже столбы дыма, а теперь хоть бы одна пыхнула изъ трубы, хоть бы для того, чтобы попробовать, куда вѣтеръ дуетъ и не будетъ ли назавтра оттепели!....

Да всё по той же причинѣ, что сегодня Багата Кутя.

Сегодня Багата Кутя, — такъ хозяйка-Украинка утромъ сегодня топить и варить ѣсть не будетъ. Все утро она провозится за разными мелочами обыденной сельской жизни, и приводя въ порядокъ то, что́ приготовлено прежде для праздника: она накормитъ свиней, птицу; она вымажетъ саломъ или жиромъ, а пожалуй и добрымъ дегтемъ, сапоги себѣ, мужу, семьѣ; можетъ быть, осталась невыкатанною какая рубаха — выкатаетъ ее; если есть у нея *запіка́нка*, она наполнитъ ею *пля́шку*, чтобъ была готова, а за неимѣніемъ *запіка́нки*, наточитъ, изъ бочонка или *бари́льця*, или нальетъ изъ *ти́кви*, просто *біле́нькоі;* она пришьетъ къ новому *очі́пку* ленты, поможетъ дочкѣ нанизать новое монисто, она *насу́че* восковыхъ свѣчей для сегодняшняго вечера и для завтрашняго утра и т. д. и т. д. Топить же и ѣсть варить она начнетъ только около полудня; потому что сегодня обѣдаютъ у насъ только вечеромъ, или, лучше сказать, сегодня у насъ не обѣдаютъ и не ужинаютъ, какъ обыкновенно обѣдаютъ и ужинаютъ, а только *ідя́ть* кутю и *стріча́ють* или *ідя́ть вече́рю,* а въ обѣденную пору только немного закусываютъ, кому что Богъ послалъ, но большею частію—пироги съ капустою и жареную рыбу.

По той причинѣ, что сегодня Багата Кутя, спѣшатъ такъ въ Ріжки и въ другія селенія и хутора прирѣчные жители нашихъ селъ и хуторовъ степныхъ, и по той же причинѣ суетятся такъ, бѣгаютъ изъ хаты въ хату и тоже куда-то ѣдутъ и сами *Ріжківці*: всѣмъ нужна сегодня

свѣжая *сёгоднишня* рыба, и всѣ потому стараются достать ее, во что бы то ни стало. Степняки поэтому спѣшатъ въ Ріжки; Ріжківці, не занимающіеся по какимъ-нибудь причинамъ рыболовствомъ, или же, хотя и занимающіеся имъ, по имѣвшіе сегодня неудачный уловъ, спѣшатъ къ своимъ сосѣдямъ-рыбалкамъ или же и въ другія селенія. Для сегодняшняго дня мы даже вотъ-что придумали! Въ селеніяхъ, которыя покрупнѣе и порыболовнѣе, мы открыли у себя на Багату Кутю, помимо вѣдѣнія предержащихъ становыхъ приставовъ и помимо вѣдѣнія всякаго рода статистическихъ таблицъ, базары для продажи и покупки *сёгоднишнеї*: сбѣгутся со всѣхъ сторонъ на лёгенькихъ *саночкахъ*, купятъ, продадутъ и разбѣгутся.... останется только въ двухъ-трехъ мѣстахъ на снѣгу немного сору отъ соломы, и нѣсколько конскихъ слѣдовъ! добывай тутъ становой приставъ изъ такихъ данныхъ статистическія свѣдѣнія, какъ знаешь! по неволѣ добрый человѣкъ напишетъ, что таковыхъ, во ввѣренномъ ему станѣ, не оказалось.... А между тѣмъ, *сегоднешней* мы себѣ припасли!... а пожалуй, припасли и еще кой-чего, что́ намъ нужно и чѣмъ мы не успѣли запастись почему-либо въ свое время и въ своемъ мѣстѣ, напр. купили на грошъ ладану, на два круглого перцу, чтобы истолочь его и »иноді, знаете, тее, въ чарку.... живітъ заболи́ть, або-що!« а пожалуй, на три на четыре гроша, купили, по порученію любимой дочки, серьги-польки....

Закончу сказаніе свое о заготовленіи у насъ рыбы для Багатой кути замѣчаніемъ: что всѣ мы запасаемся ею главнымъ образомъ въ день Багатой же Кути, и способомъ, о которомъ я сейчасъ разсказалъ. Только жители степныхъ селъ и хуторовъ, слишкомъ удаленныхъ отъ рѣкъ, а равно жители мѣстностей, страдающихъ *безрибьямъ*, только тѣ запасаются ею заблаговременно, въ городахъ, иъ рыболовныхъ селахъ и т. п., и тутъ, конечно, часто случается, что на безрыбьи и ракъ становится рыбою.

Но вотъ мы рыбою уже запаслись — и домой!... »Ну жена«, говоритъ хозяинъ дома, входя въ хату: »а я рыбы досталъ!« — »А щука есть?« — »Есть!« — »Ну слава тебѣ, Господи!« и жена съ радостію смотритъ на дѣтей, а дѣти, кто съ печки, кто съ *припічка* кто съ *пóлу*, — побросали и очеретяныя трубы, и кота *рудóго*, которому собирались было привязать къ хвосту *куни́цю* вмѣсто кисти, — и всѣ *до-дóлу* къ мѣшку съ рыбою: выпотрошили его, переворачиваютъ съ боку на бокъ зубастую щуку, тормошатъ красноглазаго карася.... гвалтъ, крикъ, веселіе!... даже маленькій Петрусь высунулся изъ висящей надъ по-

ломъ люльки и, вцѣпившись своими ручонками за *бильця*, хохочетъ и дергаетъ ее, будто собирается выскочить и себѣ туда, въ общую кучу, къ щукѣ и карасямъ, къ общей семейной радости....

Погрѣвшись въ хатѣ, *хозяинъ* уходитъ и возвращается къ семьѣ не прежде, какъ около полудня, да и то́ на самое короткое время, чтобы только немного закусить; потому что въ хатѣ сейчасъ поднимется на весь день такая возня около рыбы и разныхъ разностей, что и угла свободнаго не найдешь! Ну, да и ему самому нужно кое-чѣмъ заняться, тамъ, на дворѣ. Вопервыхъ, ему надобно напоить скотъ, овецъ и проч., и дать имъ утреннюю порцію корму; потомъ, надобно расчистить снѣгъ возлѣ хаты, коморъ, чтобы встрѣтить праздникъ поприличнѣе; далѣе надо осмотрѣть сани и упряжь, можетъ что́ надо починить, не изорвалось бы что́, не изломалось бы во время праздниковъ, не насмѣшить бы людей; ну, и топлива женѣ на праздники нужно припасти, чтобы всего тогда было вдоволь и все было подъ рукою: если дрова есть — дровъ наколоть и сложить подъ коморею или въ *повітці* (навѣсъ), не то — очерету натаскать съ берега, соломы наносить и т. д. Словомъ, пока позовутъ закусить, довольно наберется разной работы!

Послѣ закуски хозяинъ идетъ къ какому-нибудь куму или свату, у котораго есть хата *черезъ сіни*, — вообще, у котораго есть свободный уголъ, — идетъ бриться (*голи́тьця*),—*голи́ть бороду* и *підго́лювать чу́ба*.... Туда же приходятъ еще человѣкъ пять-шесть, а иногда десять и пятнадцать, и вотъ начинается зрѣлище, повторяющееся всякій разъ, когда мои добрые земляки принимаются бриться.... зрѣлище грустное и вмѣстѣ исполненное того неподражаемаго юмора, который рѣдко, очень рѣдко, оставляетъ ихъ, и передать который было бы въ состояніи только такое мастерское перо, какъ перо покойника Гоголя.

Грустно видѣть, что изъ этихъ десяти-пятнадцати *хазяінівъ*, имѣющихъ по парѣ, а можетъ быть и по двѣ пары воловъ, и собравшихся теперь *причипури́тьця*, ни у одного не имѣется зеркальца, въ которое можно было бы смотрѣться, подбривая свой подбородокъ и свой чубъ.... и что замѣнять его имъ приходится *зеркальною поверхностію* чистой воды, налитой въ миску (вода вѣдь у насъ даровая, а на зеркальцо нужны деньги!...). Грустно видѣть, что у этихъ десяти-пятнадцати *хазяінівъ* ни у одного нѣтъ бритвенныхъ снарядовъ, — мыльницъ, кистей, бритвъ, — а только у двухъ-трехъ по крошечному кусочку мыла величиною въ грецкій орѣхъ, да у двухъ-трехъ по *косі* — отрубку старой косы, наостренному и оправленному въ доморощенный черепокъ!... Гру-

стно и даже тяжело видѣть, какъ эти десять-пятнадцать хозяевъ, поочередно одинъ за другимъ, отдаютъ въ распоряженіе свои лица, исполненныя ума и сердечной теплоты, какому-нибудь мѣстному докѣ въ бритвенномъ дѣлѣ, и тотъ принимается теплою водою и орѣхообразными кусочками мыла ихъ намыливать и безжалостно тиранить варварскими *косарями!*... и тѣмъ болѣе грустно и тяжело, что какъ ни хорошо знаешь бытъ этихъ бѣдняковъ, и какъ ни осязательно чувствуется, если не разумность, то по крайней мѣрѣ печальная необходимость и связь всѣхъ явленій ихъ жизни, невольно иногда подумаешь, что изъ милліоновъ, вносимыхъ ими, куда слѣдуетъ, за винныя акцизныя статьи, право, кажется, они могли бы ежегодно отдѣлять извѣстную долю серебряныхъ рублей для покупки, на первый разъ, хоть пятикопѣечныхъ кистей и мыльницъ и тридцатикопѣечныхъ бритвъ.

Но какъ ни грустно смотрѣть на все это, какія бы мысли вамъ въ это время ни приходили, но если только у васъ осталась какая-нибудь возможность сходить съ вашей точки зрѣнія и придвигаться сердцемъ къ точкѣ зрѣнія этихъ добряковъ, и если при этомъ у васъ имѣется способность видѣть всю глубину внутренняго смѣха за этими серьезно-произносимыми соболѣзнованіями къ участи брѣемаго, за этими, на половину притворными, болѣзненными его стонами, за этими восклицаніями его: *мотузка́, мотузка́* (спурка, спурка т. е. дайте)!... и т. п. восклицаніями, по-видимому не имѣющими никакого смысла, но тѣмъ не менѣе имъ всѣмъ понятными, и — вы будете хохотать, мой добрый читатель!

Остатокъ дня, послѣ бритья до вечера, употребляется моими земляками на разныя заботы о скотѣ, овцахъ и т. п.; но главнымъ образомъ, на приготовленіе для нихъ корма къ завтрешнему дню, чтобы завтра ни о чемъ уже не заботиться, а просто, взять только готовое, подложить и дѣлу конецъ!

Но оставимъ *хазяінівъ*! воротимся лучше въ нашу дорогую хату, къ нашимъ дорогимъ хозяйкамъ, и посмотримъ, что̀ тамъ у нихъ дѣлается! и чтобы не помѣшать имъ *лѣпить* пироги и возиться съ печкою, войдемъ къ нимъ тогда, когда со всѣмъ этимъ онѣ уже покончили и переносятъ кутю.... а еще лучше — послушаемъ, что̀ разсказываетъ объ этомъ въ своей автобіографіи Василій Петровичъ Бѣлокопытенко.

»Надобно вамъ сказать,« говоритъ Василій Петровичъ, »что до сихъ поръ я не зналъ, въ чемъ собственно заключается *ста́вляння* кути на *по́куття:* самъ я кути на покуття еще никогда не ставилъ, а какъ ста-

вили ее другіе мои братья, — никогда не былъ свидѣтелемъ, потому что въ то время, по крайней мѣрѣ въ нашемъ семействѣ, отъ присутствованія при исполненіи этого обряда всѣ мужчины, за исключеніемъ конечно участвующаго въ немъ, были устраняемы. Я зналъ только, что кутю ставятъ на покуття, — зналъ, что ставленіе это окружаютъ какого-то таинственностію, — слышалъ отъ сверстниковъ своихъ гордое и вмѣстѣ какое-то многозначительное: »что мы-де ставили уже кутю, а вы (т. е. я и другіе мнѣ подобные) еще нѣтъ!« видѣлъ, что допущеніемъ къ ставлянню кути на покуття дается дитяти какой-то патентъ на извѣстную возрастность, и вмѣстѣ на извѣстное право гражданства въ томъ очаровательномъ для насъ мірѣ разныхъ исполненныхъ поэзіи обычаевъ и вѣрованій, которыми такъ богата жизнь нашего народа, и которыя такими пахучими цвѣтами увиваютъ тяжелую ношу нашей жизни, сплетенной изъ волчцовъ и терній и горечи заботъ о хлѣбѣ насущномъ.... Все это я зналъ, слышалъ и видѣлъ; но болѣе — не зналъ, не видѣлъ и не слышалъ ничего! Дѣтскому моему сердцу и дѣтской моей фантазіи представлялось поэтому обширное поприще окружать актъ ставляння кути на покуття чудесами: — фантазія окружала его какимъ-то ореоломъ святости, какою-то таинственною многозначительностію, какимъ-то неуловимымъ въ формы величіемъ, а сердцу — какою-то трепетно-благоговѣйною теплотою чувства любви и стремленія къ неизвѣстному, таинственному, великому, святому....

— — — — — —

— — »ну, такъ вотъ я вожусь съ Антономъ и другими мальчиками, моими сверстниками, у коморы, снаряжая *дренджо́лята* (извѣстнаго устройства маленькіе сани) и *гримакú* (куски льда, извѣстнымъ образомъ приготовленные), чтобы было на чемъ спускаться съ горы во время праздниковъ. Но не успѣли мы кончить своихъ приготовленій, какъ на *рундуці* (крыльцѣ) показалась быстроглазая Васька и начала звать меня въ хату. Я, конечно, отвѣтилъ ей, что мнѣ некогда; но она повторила свое требованіе настоятельнѣе, намѣкая, что мнѣ дадутъ какой-то гостинецъ.... Я пошолъ....

»На порогѣ *пека́рні* встрѣтила меня мать... не узнать ея, такая въ ней перемѣна! На вѣчно-блѣдныхъ щекахъ — легкій румянецъ, въ вѣчно-грустномъ взглядѣ — счастіе. А сколько нѣжности въ движеніи, съ которымъ она положила мнѣ на голову свои руки и наклонила ее назадъ, чтобы глядѣть мнѣ прямо въ лицо!... Пусть хоть разъ во всю свою жизнь встрѣтятъ столько нѣжности въ своихъ матеряхъ дѣти нашихъ дѣтей!

»— Ну, Васю́ню, поста́въ намъ кутю́ на по́ткуття! говоритъ... и улыбнулась....

»— Кутю на покуття?!.. и я вздрогнулъ отъ какого-то невѣдомаго мнѣ страха, и вмѣстѣ отъ счастья.

»Мать утвердительно кивнула головой и провела ладонями по моимъ щекамъ... потомъ поворотилась и пошла въ пекарню....

»Молча, съ сильно-бьющимся сердцемъ... быстро и съ трепетнымъ любопытствомъ оглядывая все во кругъ, вошолъ я робкими шагами въ святилище....

»Вечерній полусвѣтъ едва освѣщаетъ пекарню сквозь замерзнувшія окна; печка уже не топится... въ комнатѣ тихо, никакой работы и суеты, какъ-будто только-что совершился тутъ какой-то великій актъ, и все, счастливое благополучною его развязкою, переводитъ дыханіе, учащенное прежде мучительнымъ ожиданіемъ, и радостно улыбается предстоящему будущему... Дівчата и молодиці стоятъ вокругъ хаты у лавокъ, скрестивъ на груди руки... смотрятъ на меня и тихо улыбаются; у печки сидитъ на лавкѣ *кухова́рка* Оришка, тоже скрестивъ на груди руки... смотритъ на меня и тихо и нѣсколько гордо улыбается мнѣ; возлѣ нея, на припечку, какъ пара новорожденныхъ близнецовъ, — пара горшковъ, одинъ съ узваромъ, другой съ кутею... у покуття, какъ жрица у олтаря, стоитъ предметъ благоговѣйнаго уваженія всѣхъ отъ старого до малого, сѣдоволосая баба Ми́ниха, и бѣлою тряпкою вытираетъ покуття, и безъ того чистое—чистое....

»Я остановился по средииѣ пекарни, не зная, что́ мнѣ дѣлать, куда мнѣ направиться....

»— Сюда, сюда йди, Васильку!—вывела меня изъ недоумѣнія баба Миниха.

»Я подошелъ къ покуттю.

— Ну, перекрестись и ударь три поклони!

»Я машинально исполнилъ приказаніе.

»— Тепе́ръ ходімъ зо мно́ю!.. и натянувъ сапоги и надѣвъ кожухъ, пошла изъ хаты.

»Я послѣдовалъ за нею.... Привела меня баба Миниха къ скирдѣ степнаго сѣна и начала отыскивать такое въ ней мѣсто, гдѣ бы сѣно было почище, не имѣло въ себѣ никакихъ жосткихъ травъ, *бади́лля*, и гдѣ бы нога человѣческая или какого животнаго никогда не прикасалась. Выбрала наконецъ она такое мѣсто, обдергала верхнее сѣно прочь и велѣла мнѣ *сми́кать* изъ средины ... Я насмикалъ порядочную кучу.

»— Ну, возьми-жъ и неси его за мною.

»Я забралъ сѣно и пошолъ за бабою Минихою.

»—Положи-жъ его на пóкутті!« сказала она, когда мы снова очутились въ пекарнѣ.

»Я положилъ.

»— Розстелú ёгó гарнéнько.

»Я разостлалъ.... Затѣмъ, баба Миниха заставила меня, собственноручно и безъ всякой посторонней помощи, перенести съ припечка на покуття горшки съ кутею и узваромъ, уставить ихъ тамъ хорошенько въ сѣно ([1]), чтобы не опрокинулись, взять пару хлѣбовъ и накрыть ими эти горшки; потомъ пойти въ свѣтлицу, взять оттуда миску съ сотами и тоже уставить на покутти: баба Миниха только командовала мнѣ и въ сѣромъ полу-свѣтѣ тихо ходила предо мною, какъ какой-то таинственный церемоніймейстеръ въ какой-то таинственной церемоніи....

»Когда были уставлены и соты, баба Миниха велѣла мнѣ снова перекреститься и ударить три поклона, и когда я и это исполнилъ, велѣла мнѣ итти прочь, къ моимъ гренжолятамъ и гримакамъ.... Сопровождаемый нѣжною улыбкою матери и тихими улыбками дівчатъ и молодиць, я пошолъ изъ хаты, съ поникшею головою, полною какихъ-то таинственныхъ образовъ, гдѣ въ сѣромъ полу-мракѣ все какія-то тихія и нѣжныя улыбки женщинъ.... И когда я сошолъ съ рундука и медленными шагами направился къ коморѣ, я нѣсколько разъ останавливался въ раздумьи и оглядывался назадъ, какъ-будто тамъ, въ пекарнѣ, я чтó-то забылъ, или чего-то не разглядѣлъ, или чего-то не разслышалъ....«

Вотъ-какъ у насъ, мой читатель, ставили когда-то и ставятъ еще и теперь кутю на покуття въ семействахъ, сохраняющихъ обычаи предковъ! Вамъ, можетъ быть, тутъ не понятно, почему кутю долженъ ставить непремѣнно мальчикъ? Не берусь разъяснять вамъ этого, потому что хотѣлось бы мнѣ, чтобы разъясненіемъ такимъ, а равно и разъясненіемъ еще многого другого, остающагося у насъ неразъясненнымъ, занялся кто-нибудь болѣе свѣдущій меня въ объясненіи внутренняго смысла нашихъ вѣрованій, или покрайней мѣрѣ значенія обрядовой оболочки,

---

([1]) Мальчикъ, неся кутю на покуття, долженъ при этомъ *квоктáть*, какъ *квóкчетъ квóчка*, насѣдка, когда созываетъ своихъ дѣтей. Квоктать должны также и другіе мальчики, если они при этомъ случатся; но женщины и дівчата ни подъ какимъ видомъ не должны квоктать. Въ семействѣ Василія Петровича, обычай квоктать, какъ видно, не соблюдался, или Василій Петровичъ объ этомъ забылъ,

въ которой они проявляются. Я только скажу съ своей стороны, что обычай этотъ, — ставить кутю на покуття руками неженатого мужчины, и именно — невозрастнаго дитяти, у насъ повсемѣстный.

Время послѣ ставляння кути на покуття, пока совершенно стемнѣетъ, употребляется хозяйками на окончательное приготовленіе печки къ завтрешнему дню (т. е. на бѣленіе мѣломъ или бѣлою глиною наружной ея стороны, закоптившейся отъ топки послѣ предварительнаго бѣленія, а равно и на бѣленіе припечковъ, па мазаніе *рудо́ю* глиною челюстей и *за̀пічківъ*), на снаряженіе стола къ предстоящей трапезѣ, а также и для того, чтобы покупать и вымыть дѣтей, если только эти послѣднія должны къ кому-нибудь нести или везти *вечѐрю*.

Но послушаемъ снова Василія Петровича, его разсказа о томъ, какъ садятся у насъ за *вечѐрю* на Багату Кутю, или ка́къ у насъ *встрѣчаютъ кутю*.

»....Какъ живо выдвигается въ моей памяти эта картина моего дѣтства!... и этотъ полумракъ-полусвѣтъ, и эта невыразимая прелесть какого-то таинственнаго смѣшенія всего во едино: чада вмѣстѣ съ домочадцами; праздничная чистота хаты и всего ея убранства—а люди свои, домашніе, въ одеждѣ домашней, буднишней; торжественное выраженіе лицъ и движеній—и повидимому обыденная жизнь, ужинъ, столъ съ пищею и ложками; курящій ладанъ—и семейный очагъ; глава семьи—и вмѣстѣ какой-то жрецъ; хата—и вмѣстѣ храмъ; семья—и вмѣстѣ общество вѣрующихъ....

»Въ пекарнѣ два длинныхъ стола, одинъ у покуття, другой въ сторонѣ, уставленные приборами (¹), съ горами пироговъ въ мискахъ и кучею рюмокъ и графинчиковъ съ настойками... надъ столомъ у покуття вколоченъ въ стѣну гвоздь, и къ гвоздю прилѣплена зажженная восковая свѣчка — больше свѣту въ хатѣ нѣтъ... предъ этимъ столомъ, противъ свѣчки и окруженный дымомъ ладану, стоитъ, будто въ сіяніи и на облакѣ, сѣдой какъ лунь старикъ, мой отецъ, въ бѣлой рубахѣ и въ бѣлыхъ въ сапоги шароварахъ... въ лѣвой рукѣ у него курильница, онъ поднялъ ее вверхъ и тихо поводитъ ею, и кадитъ ладаномъ... позади отца мы всѣ, кучею: домочадцы, наймити и наймички, душъ двѣнадцать, и вся семья — мать, сыновей четверо, пять дочерей, двое зятьевъ и душъ семь внуковъ и внучекъ отца....

(¹) Во время Багатой Кути болѣе чѣмъ когда-либо соблюдается у насъ обычай ставить лишній приборъ для нежданнаго гостя.

»Стали всѣ, стихли....

»Старикъ поднялъ правую руку, перекрестился и тихимъ, торжественнымъ голосомъ началъ: »Господи помилуй, Господи помилуй, Господи помилуй!... Богородице діво, радуйся, благодатная Маріе!«

»За отцомъ крестились и мы, и мысленно произносили за нимъ слова молитвы....

»Послѣ »Богородице« старикъ прочиталъ »Отче нашъ«, и когда закончилъ словомъ »отъ лукаваго, ([1]) перекрестился снова, отдалъ курильницу матери и молча сѣлъ за столъ передъ покуттямъ. Мы тоже всѣ перекрестились и молча сѣли за столы, семья у покуття, домочадцы — у другого стола.

»Снова глубокое, торжественное молчаніе воцарилось въ хатѣ....

»Отецъ взялъ графинчикъ съ любимою своею настойкою, налилъ большую рюмку, перекрестился, взялъ рюмку въ правую руку, поднялъ ее вверхъ и тихо произнесъ — »Нехáй же легéнько згадáетця сѝнові моéму Ивáнові, де вінъ здорóвъ повертáетця!...« и слезы брызнули изъ его старыхъ очей.... За старикомъ заплакало все, чтó было въ хатѣ, за обоими столами, отъ моей доброй матери, до сѣдоусаго и твердаго какъ загартованная сталь, старого *дíда* Мины....

»А отецъ сквозь слезы продолжалъ: — »Нехай легенько згадаетця й дочці мої Гáлі, де вонá здорóвенька повертаетця! « Мать, сестры и всѣ женщины за обоими столами позврыдъ заплакали.... — »Нехай легенько згадаетця й моему нáймитові Петрóві, де вінъ здоровъ повертаетця!«... и старикъ поставилъ рюмку на столъ и закрылъ лицо обѣими руками.... а сирота Федоря, сестра наймита Петра, зарыдала и выбѣжала изъ пекарни въ прихожую....«

Вы, можетъ быть, думаете, мой читатель, что представленная здѣсь Василіемъ Петровичемъ картина всеобщаго плача семьи и домочадцовъ, при воспоминаніи объ отсутствующихъ за первою чаркою, есть какое-нибудь явленіе случайное, или что для большаго эффекта Василій Петровичъ употребилъ тутъ краски слишкомъ яркія... Нѣтъ, нисколько: тутъ все вѣрно съ дѣйствительностію до самой малѣйшей черты, и все это наша общая и постоянная принадлежность. Все, чтó онъ тутъ сказалъ, вы и теперь можете встрѣтить во всѣхъ нашихъ семействахъ, держащихся предковскихъ обычаевъ, и всякая такая семья, за первою чаркою на Ба-

([1]) Обращаю вниманіе читателя, что молитва здѣсь читается не до конца, а только до слова *отъ лукавого*.

гату кутю, непремѣнно прольетъ слезы въ память тѣхъ членовъ своихъ, которые живы и которые почему-либо не могли насладиться счастіемъ встрѣтить кутю у себя, въ семьѣ, за общимъ семейнымъ столомъ. Украинцы, особенно женщины, любятъ всегда вспоминать за чаркою отсутствующихъ членовъ семьи, но плакать при этомъ—не плачутъ, а если и плачутъ, то или въ слѣдствіе какихъ-либо особенныхъ случайностей, или потому, что ужъ, ка́къ у насъ говорится, они *підъ ча́рочкою;* но на Багату Кутю плачутъ они непремѣнно, и всѣ, и просто только потому, что отсутствующіе — въ отсутствіи, а не у себя, не съ ними. По понятію Украинцевъ, большое для человѣка несчастіе жить вдали отъ семьи, большое несчастіе не быть или не поспѣть во́-время на такую семейную радость, какъ, напр., женитьба брата или выходъ замужъ сестры; но самое большое, по ихъ понятію, несчастіе — не быть или не поспѣть во́-время на Багату Кутю; и въ слѣдствіе такого отсутствія, на Багату Кутю заплачетъ вся ваша семья, заплачутъ домочадцы, заплачетъ и вашъ сѣдоволосый отецъ, хоть будь у него не одинъ, а десять желѣзныхъ характеровъ.... И не обрядъ только онъ будетъ исполнять, обливая слезами свое старческое лицо, — нѣтъ! Онъ плачетъ потому, что онъ уязвленъ въ самое чувствительное мѣсто своего сердца: у него, по преимуществу семьянина, въ праздникъ *семьи*, отнятъ одинъ членъ семьи....

Считаю нужнымъ сказать еще нѣсколько объяснительныхъ словъ къ выписанному мною отрывку изъ автобіографіи Василія Петровича.

Вопервыхъ, членами семьи, съ точки зрѣнія Багатой Кути, считаются у насъ всѣ тѣ, которые, если не живутъ въ одной хатѣ, покрайней мѣрѣ работаютъ на одно хозяйство и живутъ изъ одного хозяйства, а слѣдовательно: глава семьи, мать, всѣ неженатые сыновья и незамужнія дочери, не отдѣленные женатые сыновья съ семействами, зятья, живущіе въ *прийма́хъ*, съ семействами, и наконецъ домочадцы, конечно тамъ, гдѣ они не слуги и рабы, а дѣйствительно *домочадцы, че́лядь*. Къ этимъ членамъ семьи, хотя и не въ такой уже степени, причисляются, во время Багатой Кути и замужнія дочери съ своими мужьями, если у нихъ нѣтъ еще дѣтей, — вообще, если у нихъ нѣтъ своей семьи, — и отдѣленные женатые сыновья, находящіеся въ такихъ же условіяхъ, какъ и замужнія дочери: они тоже должны бы быть на Багату Кутю за общимъ семейнымъ столомъ. Имѣющіе же свои семейства сыновья и дочери — хорошо если бы были, а нельзя имъ — они покрайней

мѣрѣ должны послать своихъ дѣтей сегодня, или послѣ, *съ вечерею*, къ дѣду и бабкѣ, и къ болѣе чтимымъ дядямъ и теткамъ.

Потомъ, я еще долженъ сказать, что на отдѣленіе у Василія Петровича домочадцевъ за особый столъ не слѣдуетъ смотрѣть, какъ на отдѣленіе господъ отъ лакеевъ и горничныхъ, и хозяевъ отъ прислуги, — нѣтъ! Если бы у Василія Петровича смотрѣли такъ на домочадцевъ въ день Багатой Кути, то вѣрно бы не сѣли встрѣчать ее въ пекарнѣ, а помѣстились бы въ свѣтлицѣ, что́ ли, какъ и дѣлаютъ иные между моими земляками: но тутъ на нихъ смотрѣли такъ, какъ смотритъ, во время Багатой Кути, на своихъ домочадцевъ и вся масса украинскаго населенія, т. е. какъ на членовъ же семьи, и ихъ не посадили за общій столъ только потому, что тамъ негдѣ было имъ помѣститься, и отдѣлили ихъ за особый столъ, какъ отдѣляютъ у насъ иногда за особый столъ молодежь или дѣтей, когда количество обѣдающихъ слишкомъ уже велико. Изъ разсказа Василія Петровича видно, что отецъ его былъ то, что́ называется *старосвіцький чоловікъ*, а старосвѣтскій человѣкъ почелъ бы съ своей стороны большою неделикатностію, даже дѣломъ богопротивнымъ — не посадить на Багату Кутю своихъ домочадцевъ за одинъ съ собою столъ.

Наконецъ скажу еще, что если у семьи выберется такая счастливая Кутя, что всѣ члены ея на лицо, слезъ вы тутъ не увидите, и предъ первою чаркою глава семьи только говоритъ: »Ца́рство жъ небе́сне на́шимъ батька́мъ и матеря́мъ« (или »нашимъ роди́телямъ«. Нашимъ — т. е. его самого и его жены), нашому Іва́севі« и т. д.

Но будемъ слѣдить далѣе за ходомъ Багатой Кути!

Отдавши должную дань сожалѣнія объ отсутствующихъ, хозяинъ дома отираетъ себѣ слезы.... Но онъ долженъ отереть ихъ и другимъ, потому что онъ глава семьи; — и вотъ онъ съ сердитымъ и удивленнымъ видомъ (какъ будто онъ) въ хатѣ и не былъ и не плакалъ, а такъ себѣ, только что вошелъ, и видитъ, что всѣ плачутъ — восклицаетъ: — »Э-ге-ге!.. та оце́ ви бачу́ пла́чете?!.. А та дурна́ якъ розрюмалась!... Го́ді жъ уже́, кажу́, го́ді!... Иди́ сюди́, Федо́рко!...«, и семья вся сквозь слезы улыбается, а Федо́рка входитъ въ пекарню, отирая очи рукавомъ, и садится за столъ. — »Ну, продолжаетъ хозяинъ дома, когда всѣ стихли: — нехай же легенько згадаетця всімъ!... помершимъ царство небесне, а намъ всімъ на здоро́вья!..« выпиваетъ чарку и дѣлаетъ извѣстное возліяніе, быстро брызгая изъ нея черезъ голову остатокъ водки въ потолокъ, сопровождая иногда еще словами: »Щобъ вибри́кували!« За главою семьи пьетъ вод-

ку хозяйка дома, за хозяйкою дома — старшій сынъ и т. д. по старшинству семейной іерархіи, до послѣдней наймычки, до самаго малаго ребенка: хоть понемножку, но пейте всѣ — *такъ годйтця* (1).

Обратимся теперь къ яствамъ...

Прежде всего подаются на столъ пироги. Главную роль играютъ тутъ пироги печеные и именно пироги съ макомъ, помазанные сверху медовою патокою, а у людей недостаточныхъ — пироги съ вареныъ и растертымъ горохомъ, или съ вареною и растертою *квасóлею*, помазанные сверху *смáженымъ* съ лукомъ, конопляныъ, или льняныъ, масломъ. Второе мѣсто занимаютъ пироги, жареные на сковородѣ въ постномъ маслѣ, съ поджареною *шаткóваною* капустою, съ вареныъ и растертымъ картофелемъ, а у людей, которые подостаточнѣе и которые начали уже знакомиться съ разными кухонными усовершенствованіями, — и съ гречневою крупою, перемѣшанною съ визигою. — Пирогами закусываютъ водку и, кому нравится, съ пирогами же ѣдятъ и слѣдующія блюда.

За пирогами слѣдуетъ приготовленный на постномъ маслѣ, съ рыбою, борщъ. Борщъ для Багатой Кути приготовляютъ у насъ различный; но большею частію въ это время является у насъ на столѣ любимый нами жидкій, въ который входятъ: квасъ изъ квашенныхъ *бурчківъ* (свеклы), одна-двѣ луковицы луку, нѣсколько зеренъ нетертаго круглаго перцу, конечно — соль, и неподжареные свѣжіе караси, пожалуй съ прибавкою нѣсколькихъ линовъ.

За борщемъ слѣдуютъ наши *товчéники*, уха изъ щуки, приготовляемая на постномъ маслѣ. Щука въ товченикахъ является и въ естественномъ своемъ видѣ, особенно головка ея и хвостъ; но главнымъ образомъ является она въ клёцкахъ, приготовленныхъ изъ щучьяго мяса и муки, или крошекъ бѣлаго хлѣба, и обернутыхъ въ щучью кожу. Сюда входятъ также лукъ и перецъ, какъ и въ описанномъ выше борщѣ. — Товченики, составляя одно изъ лакомѣйшихъ блюдъ украинской кухни (2), въ то же время составляетъ необходимую принадлежность *вечéрі* на Багату Кутю, особенно въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Украины, такъ-что нѣтъ товчени-

---

(1) Если ребенокъ такъ малъ, что ему нельзя давать водки, ему по крайней мѣрѣ намочатъ ею немного темя.

(2) Въ сѣверныхъ губерніяхъ товченики вкусно приготовлены быть не могутъ, потому что мясо сѣверной щуки жостко и безвкусно.

ковъ — кутя выходитъ *гірява*. По этой-то причинѣ у меня выше украинская семья и радуется такъ щукѣ.

Послѣ товчениковъ подаютъ жареную на постномъ маслѣ рыбу, — главнымъ образомъ щуку и карася.

Тамъ является на столъ героиня вечери, *кутя́*: круто сваренная, изъ описанныхъ мною въ первомъ письмѣ сортовъ крупы, каша.... Хозяйка дома беретъ тутъ же, съ покуття, миску съ сотами, требуетъ себѣ холодной воды и чистую миску, кладетъ въ послѣднюю сотовъ, вливаетъ воды, раздавливаетъ въ ней ложкою соты и приготовляетъ такимъ образомъ *ситу́*. За тѣмъ, выбравши изъ ситы ложкою всю вощину, накладываетъ въ нее кути.... Кути обыкновенно ѣдятъ мои земляки и землячки немного; впрочемъ, всего случается!... Народу это не понравилось, и онъ опозорилъ подобныхъ обжоръ анекдотомъ, который онъ часто разсказываетъ, и въ которомъ объѣвшійся глава семьи, метаясь на *полу́*, взываетъ къ женѣ и къ дѣтямъ: »Жінко моя́, діти мої, кутя́ мене́ зъ світа зжене́!« Есть еще и другіе анекдоты на туже тему, но отъ народа вы ихъ не услышите; онъ ихъ отвергъ, потому что въ анекдотахъ этихъ онъ не нашелъ ничего, что́ хоть сколько-нибудь и какъ-нибудь было бы на него похоже, а нашелъ представленными такія послѣдствія обжорства кутею, какихъ онъ за собою не чувствуетъ. Анекдоты, поэтому, остались только средствомъ для услажденія бесѣдъ пановъ и семинаристовъ, т. е. сохраняются въ памяти только той среды, въ которой они получили свое начало.

За кутею слѣдуетъ послѣднее блюдо, *узва́ръ* — отваръ изъ сушеныхъ фруктовъ, о которыхъ я тоже говорилъ въ первомъ письмѣ. Его наливаетъ въ миску тоже сама хозяйка, и ѣдятъ его тоже понемногу.

Во время вечери водки пьютъ мало: рюмку, а много-много двѣ-три, да и то только старшіе мужчины; больше *никто* не пьетъ *никогда* и *ни въ какомъ случаѣ: не годится, не звича́йно, гріхъ!* Тѣмъ не менѣе, хоть за вечерею этою пьютъ водки и мало и хоть начинается она обыкновенно слезами, весело тутъ бываетъ очень-очень!... такъ весело, какъ ни въ одинъ праздникъ въ году!... Тутъ забывается весь міръ съ его суетою, всѣ печали и горести, всѣ и все.... и все, что́ тутъ есть, отдается прелести настоящаго, празднику, во имя семьи и благъ семейнаго счастья.... Тутъ нѣтъ хохоту, нѣтъ шумныхъ выраженій радости, часто снимающихъ съ празднованій оболочку граціи и часто отнимающихъ у нихъ прелесть задушевности: тутъ только тихій смѣхъ, тихія улыбки, тихіе взгляды.... Но въ этомъ тихомъ смѣхѣ, въ этихъ тихихъ улыбкахъ

и взглядахъ, столько истинной веселости или, лучше сказать, столько истиннаго, по истинѣ—счастливаго счастья, столько теплоты и сердечности, что заброшенный на чужую сторону,—только вспомнитъ—улыбнется, а пожалуй еще и слезу выронитъ.... Старикъ — глава семьи — оставляетъ тутъ свою обычную суровость и спускается до женскихъ или дѣтскихъ понятій и интересовъ: онъ говорливъ, шутливъ.... женщины и дѣти спѣшатъ къ нему съ роемъ своихъ поэтическихъ грезъ и замысловъ. Тутъ и обычай, чтобы отецъ дарилъ тому, кто изъ дѣтей чихнетъ за вечерею — корову, теленка, ягнéнка.... и хитрости дѣтскія — нюхать перецъ, чтобы чихать.... Отецъ понялъ дѣтскую хитрость и, вмѣсто ожидаемаго ягненка, даритъ рудóго кота Брýньку, или рябýю кошку Мáшку.... О, если бы мнѣ еще хоть разъ въ жизни прожить такую вечерю!... Народъ нашъ сознавалъ хорошо, чтó такое для него Кутя, и сознаніе свое выразилъ въ любимомъ своемъ тонѣ, въ тонѣ, что называется »на догáдъ буряківъ, щобъ дали капýсти« и »знай догадáйсь!«,— выразилъ насмѣшкою надъ цыганомъ, который разсуждаетъ, что хорошія, дескать, вещи Велúкдень и Різдвó: сегодня кормятъ хорошо и завтра недурно; но нѣтъ въ мірѣ ничего лучше Багатой Кути — сегодня хорошо, а завтра еще лучше!... »А что ужъ заговѣнье,« заключаетъ цыганъ: »то хоть бы его и никогда не было: сегодня ѣжь хоть тресни, а завтра — *зъ хріномъ борщъ, зъ хріномъ борщъ!*« (1)

Послѣ вечери тотчасъ и отправляютъ дѣтей съ *вечéрею* къ дѣду, бабкѣ, къ любимымъ и уважаемымъ дядямъ, теткамъ. Кáкъ ихъ снаряжаютъ и кáкъ отправляютъ,—предоставляю объ этомъ разсказать послѣ, болѣе опытному разсказчику, Василію Петровичу; а я буду продолжать свое, замѣтивъ напередъ, что если лица, къ коимъ слѣдуетъ везти кутю, живутъ далеко, то съ кутею къ нимъ отправляютъ и на первый и на второй день праздника,—что кутю привозятъ такъ и замужнія дочери и женатые сыновья, пріѣзжаютъ ли они къ *вечéрі*, или послѣ, во время праздниковъ—и что привезшихъ кутю не угощаютъ, а дарятъ деньгами, по крайней мѣрѣ малолѣтнихъ.

---

(1) Въ первый день поста, какъ извѣстно, звонятъ въ маленькіе колокола. На Украинѣ, такіе колокола приводятся въ движеніе обыкновенно посредствомъ извѣстнаго рычага, *корóмисла*, и издаютъ мѣрные звуки въ три темпа. Въ этомъ трехтемпномъ звукѣ постоваго звона моимъ землякамъ послышались слова *зъ хріномъ борщъ*, составляющія три слога и указывающія, какою пищею слѣдуетъ питаться, во время первой недѣли поста, благочестивымъ христіанамъ.

Выпроводивъ съ вечерею дѣтей, хозяйка тѣмъ изъ нихъ, которыя остались дома (что впрочемъ бываетъ только въ случаѣ ихъ болѣзни), вымоетъ всѣмъ головы и ноги, дастъ имъ чистое бѣлье и тотчасъ уложитъ всѣхъ спать. Въ это же время моютъ себѣ головы и ноги и все мужское населеніе семьи. Очистившись такимъ образомъ и надѣвъ чистое бѣлье, *тотчасъ ложатся спать всѣ безъ исключенія*, и никто изъ нихъ, равно какъ никто изъ женщинъ, послѣ вечери на Багату Кутю, не пойдетъ ни куда ни подъ какимъ видомъ, на *досвітки*, на *улицю*, на какое-нибудь бражничанье, погулянки, въ гости и т. п.; потому что это было бы такимъ нарушеніемъ всякаго приличія, такимъ безтыдствомъ, такимъ неуваженіемъ къ добрымъ нравамъ, къ законамъ Божескимъ и къ сросшими съ нашею плотью и кровію обычаямъ, что окаяннаго вытолкали бы изъ хаты, и онъ бы сдѣлался предметомъ всеобщихъ насмѣшекъ и презрѣнія.

Когда всѣ мужчины и дѣти улеглись спать, женщины проворно приносятъ изъ погреба и изъ *хижъ* и коморъ все, что́ имъ нужно для завтрашняго стола и убранства, перемываютъ посуду, мажутъ *ділъ* рудою глиною снова, моютъ себѣ головы и ноги, надѣваютъ чистое бѣлье, убираютъ все изъ хаты прочь, что́ только есть въ ней грязнаго, и — кто ложится спать, а кто ждетъ возвращенія дѣтей, повезшихъ или понесшихъ вечерю. Воротились дѣти, — поджидавшая уложитъ и ихъ спать, подмететъ на ночь вѣникомъ еще разъ полъ. .. потому что мы вѣруемъ, что предъ каждымъ воскресеньемъ и предъ каждымъ праздникомъ по нашимъ хатамъ ходитъ ангелъ, и мы боимся, чтобы онъ не задѣлъ своею святою ножкою за какую-нибудь соломинку и не огорчился бы этимъ онъ, святой небожитель.... Послѣ этого, поджидавшая дѣтей и сама ложится спать, зажегши напередъ цѣлую свѣчу или подложивъ побольше масла или сала въ каганець, потому что мы вѣруемъ, что въ этотъ вечеръ огонь долженъ горѣть въ нашихъ хатахъ всю ночь, отъ зари до зари.... И онъ дѣйствительно горитъ у насъ во всѣхъ хатахъ отъ зари до зари, и незнающій насъ и нашихъ обычаевъ и вѣрованій, если бы ему случилось проѣзжать чрезъ село наше или нашъ хутовъ *въ ночь предъ Рождествомъ*, могъ бы подумать, что мы пьянствуемъ въ это время или что́ непотребное дѣлаемъ, или что всѣ наши хаты, »Духъ Святий при нихъ и при на́шихъ осе́ляхъ!« населены вѣдьмами, да колдунами, и тамъ врагъ добрыхъ людей, чортъ, строитъ съ ними какія бѣсовскія проказы...

Вотъ, мой читатель, какова у насъ Багата Кутя, съ той минуты, какъ откроетъ ее на Ріжківскихъ болотахъ, съ своею лопатою и плеш-

нею семидесятилѣтній рыбалка, Каленикъ, по отечеству Даниловичъ, по прозванію Перегрáй, до того момента, какъ закончитъ ее, всыпавъ въ каганець масла или сала поджидавшая дѣтей, возившихъ вечерю, хозяйка нашей хаты, или хозяйкина невѣстка! Иной кути, быть можетъ гдѣнибудь, въ какой-нибудь повѣсти, кѣмъ нибудь описанной, вѣрьте, у насъ нѣтъ! Можетъ, я нескладно спѣлъ, но сказалъ правду, — не вкусно, можетъ, спекъ, но горячо!...

И скажу еще вамъ, мой читатель, что какъ бы вы ни объясняли формацію нашей Багатой Кути, какіе элементы вы ни желали бы видѣть въ ея основаніи, до полнаго уразумѣнія ея внутренняго смысла, мнѣ кажется, вы никакъ не дойдете, если не допустите въ ней присутствія, и при томъ въ сильной степени, какого-то изъ сердца идущаго чествованія *своему близкому, родному*. Я говорю это потому, тто своимъ, *рідним*ъ, какъ-то особенно сильно дышетъ у насъ этотъ день и вся его обстановка, начиная отъ выбора сортовъ рыбы и отъ пироговъ съ макомъ и медомъ, до слезъ за первою чаркою и развозки *куті* по *роднымъ, близкимъ!*... Какія именно стороны нашего прошлаго были мотивомъ для такого чествованія, — не берусь разсуждать; »хто ёго́ зна́е! про те пісьме́нні лю́ди зна́ють — іхъ роспита́йте!«

Въ заключеніе послушаемъ, что Василій Петровичъ разсказываетъ о сборахъ въ поѣздкѣ съ вечерею и о самомъ выѣздѣ. Предупреждаю только, что въ достаточныхъ семействахъ, кромѣ кути и узвару, дѣйствительно посылаютъ и еще разныя разности, какъ говоритъ и Василій Петровичъ; но въ семействахъ недостаточныхъ или очень далеко живущихъ отъ дѣда, бабки, отца, матери и т. д., ограничиваются, первые, — только узваромъ и кутею, а вторые — одною кутею.

»...Вотъ,« говоритъ Василій Петровичъ, »мать моя уже хлопочетъ около вечери! Горщечки, баночки, *макітерки*, тарелки, — съ кутею, узваромъ и разными разностями — уставлены въ безмѣрной величины бѣлую миску, въ которой обыкновенно святятъ паску.... Вотъ миска эта завязана въ безмѣрной величины скатерти снѣжной бѣлизны; терпѣливо поджидаетъ насъ и обливается испареніями отъ варёнаго, какъ обливается пóтомъ красавица-невѣстка, въ бѣломъ съ усами новенькомъ нагольномъ тулупѣ, уже собравшаяся въ Рождество ѣхать къ матери, но еще поджидающая своего мѣшкотнаго сибарита-мужа.

»Вотъ на насъ, дѣтяхъ, уже *біле́нькі сорочечкі*, а тамъ и остальное убранство; по обычаю, мать убрала насъ всѣхъ лентами.... На насъ верхняя теплая одежда; на мнѣ шубка на бѣломъ кроличьемъ мѣху, пред-

метъ зависти моихъ сестеръ и разныхъ ихъ женскихъ ухищреній!...

»Вотъ уже и нянька моя собралась—смотрѣть за дѣтьми въ дорогѣ; и сѣдоволосая баба Миниха явилась, съ своимъ ангельски-добрымъ лицомъ, смотрѣть за *вечéрею* во время пути, представить такой же сѣдоволосой, какъ и она сама, бабушкѣ нашей ея внуковъ, поздравленіе ихъ съ святъ-вéчеромъ и самую вечерю; по мнѣнію всѣхъ тóлько одна Миниха могла занять мѣсто моей матери въ такомъ торжественномъ слýчаѣ!

»Вотъ, лучшія сани, устланныя лучшими коврами изъ материныхъ сундуковъ и запряженные непремѣнно лучшими жеребцами изъ отцовской конюшни, свиснули мимо оконъ и со скрипомъ остановились у крыльца,—а на козлахъ, между двухъ кониковъ, сидитъ самъ дід Мина, никогда обыкновенно не исполняющій обязанностей возницы, но на этотъ разъ взявшійся за прочно-сдѣланныя возжи, какъ болѣе достойный править такими крутошеими жеребцами и какъ болѣе сообщающій торжественности такому торжественному событію, какъ поѣздка къ бабушкѣ съ вечерею!...

»Вотъ дівчата понесли на крыльцо кучу нагольныхъ тулуповъ и великана-миску съ вечерею, а за ними и мы на крыльцо!... Огромный тулупъ растянулся поперегъ саней въ ногахъ; мы, дѣти, закутаны всѣ, каждое въ отдѣльный тулупъ, какъ пряники въ кульки, и усажены въ сани, а тотъ тулупъ, распустивъ свои рукава и полы, охватилъ насъ въ свои теплыя мохнатыя объятія.... Нянька помѣстилась возлѣ насъ съ одной стороны, баба Миниха съ другой....

»—Зъ Богомъ!—говоритъ мать и осѣняетъ крестомъ весь нашъ поѣздъ.

»Дід Мина тряхнулъ возжами, Павло, державшій лошадей подъ уздцы, отскочилъ въ сторону, и сани скрипнули и понеслись стрѣлою, свистя полозьями и изрѣдка подпрыгивая на попадавшихся кочкахъ.

»Вотъ мы уже за дворомъ, вотъ несемся вдоль хутора, поворотили на *взвіз*, уже мы на рѣкѣ... Поворачиваемъ головки: — на горѣ, на крыльцѣ, виднѣются всѣ насъ провожавшіе: вотъ и Павло, вѣроятно любуется лоснящеюся на лунномъ свѣтѣ шерстью вычищенныхъ имъ жеребцовъ; вотъ *мірóшникъ* стоитъ, конечно разсуждая, что кониковъ-то пристроилъ онъ къ санямъ надежныхъ; и Васька-*килúмниця* должно быть скрестила руки на груди, ради теплоты, и жмурится быстроокая, не разглядитъ ли яркихъ цвѣтовъ на коврахъ; а вотъ и добрая моя мать!... и безъ-сомнѣнія, думаетъ она не о крутошеихъ жеребцахъ, и не о надежныхъ коникахъ, и не о яркихъ цвѣтахъ на коврѣ....»

М. Номисъ.

20 декабря 1858.

ОБЗОРЪ
УКРАИНСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

ГОГОЛЬ,

КАКЪ АВТОРЪ ПОВѢСТЕЙ ИЗЪ УКРАИНСКОЙ ЖИЗНИ И ИСТОРІИ.

Статья вторая.

Вся повѣсть *Сорочинская Ярмарка* основана на сватовствѣ. Выше сказано уже, что пáробокъ *честнаго и хорошаго роду* (а, по моему объясненію, это одно и тоже, что зажиточный женихъ), какимъ представленъ Гоголевъ фатъ въ попойкѣ, не рѣшится приволокнуться слишкомъ явно за дѣвушкой, увидя ее впервые отроду, какъ бы она ни была хороша собой. Гоголь, *не зная простонародной Украины*, живописалъ ея нравы и обычаи по образцамъ антинароднымъ, которые составляютъ предметъ насмѣшекъ въ простонародныхъ бесѣдахъ. Если угодно, я приведу здѣсь очень характеристическій случай. Въ одномъ изъ украинскихъ городовъ, дѣлающихъ скачки изъ XVII въ XIX вѣкъ, не имѣя на то никакихъ разумныхъ правъ, данъ былъ лакейскій балъ. Нѣкто, отличающійся большою наблюдательностью, отпустилъ на балъ своего слугу, только-что поступившаго въ высшее сословіе изъ сословія пахарей. Возвратясь домой, слуга, на вопросъ своего господина: что̀ происходило на балу? отвѣчалъ слѣдующими словами: *Танчили крутька* (1) *и таке неподобне робили, якъ и настоящі пани. У дівчатъ—груди голи, а сзаду — вибачайте въ сімъ слові — якъ пічъ, и все те, мабуть, фалшиво надуто!*

(1) Т. е. вальсъ.

Видите какая бездна раздѣляетъ пахаря отъ папа и лакея, которые служили Гоголю прототипами въ изображеніи простонародной Украйны? Не правда ли, что смѣшна рѣчь слуги-пахаря?.. Но мы вовсе смѣемся не тѣмъ смѣхомъ, какимъ смѣялся Гоголь, когда живописалъ извѣстнаго рода ночныя свиданія простонародья, когда изображалъ сватовство влюбленнаго паробка и когда—помните это?—заставилъ украинскаго рыцаря, полковника XVII вѣка, биться на кулакахъ съ возвратившимся изъ бурсы сыномъ. Но объ этомъ рѣчь будетъ въ своемъ мѣстѣ. Мы смѣемся тому, что образъ жизни пановъ названъ здѣсь *неподобнымъ*. Смѣшно и вмѣстѣ поразительно вѣрно: даже и *подобія* нѣтъ между людьми, брошенными на произволъ судьбы съ XVII вѣка, и между тѣми, которые ускакали на московской тройкѣ въ XIX вѣкъ! Подобіе между ними находилъ только незнавшій простонародной Украины Гоголь, вмѣстѣ съ своими близорукими книжниками—цѣнителями. Мы смѣемся тому, что дівчáта горничныя подражаютъ здѣсь госпожамъ своимъ, которыя такимъ точно образомъ подражали нѣкогда иноземнымъ женщинамъ, притупившимъ тонкое цѣломудріе. Но сквозь этотъ смѣхъ видѣнъ намъ чистый, бѣдностью и отчужденіемъ сохраненный отъ псевдо-просвѣщенія, образъ женской граціи, которую эстетическіе Греки прозвали *стыдливою* и которая стыдлива до-сихъ-поръ въ украинскомъ простонародьи. Намъ смѣшна въ устахъ пахаря-слуги злѣйшая каррикатура, отъ которой не отказался-бы и Гоголь въ *Мертвыхъ Душахъ*. Мы хохочемъ надъ комическимъ простодушіемъ необразованнаго мужичины, лишеннаго «*утонченнаго вкуса*», а между тѣмъ не можемъ не отдать справедливости его простому, природному, вкусу. Такой многозначительный, заставляющій призадуматься, смѣхъ началъ производить Гоголь, забравъ въ свой умъ «всѣ тѣ безчисленныя мелочи и подробности, которыя говорятъ, что взятое лицо дѣйствительно жило на свѣтѣ» и «соображая все отъ мала до велика, ничего не пропустивши» (1). Но въ *Вечерахъ на Хуторѣ*, по его собственному признанію, его «подталкивала молодость, во время которой не приходятъ на умъ никакіе вопросы» (2) и которая для многихъ остается неизмѣннымъ состояніемъ. Этихъ-то многихъ, первыя произведенія Гоголя, которыя такъ горячо отстаивалъ критикъ

(1) «Сочин. и Письма Гоголя», т. III, стр. 515.

(2) Тамъ-же, стр. 500.

Русской Бесѣды, «заставили смѣяться такъ-же беззаботно и безотчетно, какъ и самого автора»; но «другихъ», которымъ, вмѣстѣ съ приближающеюся старостью, даются и ея преимущества, «приводили въ недоумѣніе рѣшить: какъ могли человѣку умному приходить въ голову такія глупости [1]!» Въ самомъ дѣлѣ, посмотрите: пахарь-слуга обнаружилъ гораздо больше условій украинскаго юмора, нежели великій писатель, неприготовленный къ своему дѣлу жизнію, — нежели геній, невооруженный наукою, знаніемъ своего дѣла, опытностію.

Я дѣлаю это сближеніе не для шутки. Слова паробка—слуги о фальшивыхъ прелестяхъ городскихъ красавицъ характеризуютъ вкусъ каждаго паробка, а въ томъ числѣ и Голопу́пенко́ва сына, какъ-бы ни было смѣшно данное ему авторомъ имя. Вообще нашъ поселянинъ ничего не любитъ фальшиваго; чувство это лежитъ не только въ основаніи его быта, но и въ основаніи самой его природы, создающей и возсоздающей безпрестанно этотъ бытъ, несмотря на всѣ извращающія его обстоятельства. Онъ до-того не любитъ называть вещи несоотвѣтствующими имъ именами, до-того противна ему фальшивая оцѣнка чего-бы то ни было, что даже, взявшись за торговлю, онъ не запрашиваетъ лишней цѣны своему товару. Не угодно ли прочесть у И. С. Аксакова, въ его изслѣдованіяхъ украинскихъ ярмарокъ, слѣдующее мѣсто: «Другое существенное различіе между великорусскимъ и малороссійскимъ купцомъ заключается въ самомъ способѣ торговли.... Малороссіянинъ почти никогда не торгуется, а держится, при продажѣ, одной опредѣленной цѣны, которая, разумѣется, условливается торговыми обстоятельствами, но большею частью назначается съ честною умѣренностью. Мы нарочно наблюдали простыхъ Малороссіянъ и Великорусскихъ торговцевъ на ярмарочныхъ рынкахъ. Что̀ стоитъ вещь? напримѣръ, гусь? спрашиваете вы.— «Тридцать шаговъ» (грошей), отвѣчаетъ вамъ, сидя, Малороссіянинъ.— «Вотъ тебѣ гривенникъ» (5-ю коп. ср. дешевле), говорите вы, по русской привычкѣ торговаться.... «И то гро́ши (т. е. деньги), отвѣчаетъ флегматически Малороссіянинъ, и отворачивается въ сторону. Напротивъ того, великорусскій торговецъ тотчасъ распознаетъ своего покупателя, по платью, по рѣчи, по пріему, мигомъ смекнетъ, должно-ли сдѣлать ему «уваженіе», т. е. уступить, или стянуть съ него вдвое болѣе настоящей цѣны» и проч. [2]

---

(1) Тамъ-же, далѣе.

(2) *Русская Бесѣда*, 1858 года, кн. II, отд. наукъ, стр. 101.

Послѣ этого не трудно понять, какъ остороженъ, какъ щекотливъ долженъ быть нашъ простой пахарь, чумакъ, или, выражаясь по-великорусски, вообще простой *хохолъ*, относительно фальши въ товарѣ, который онъ продаетъ. Если-же онъ не любитъ продавать фальшиваго, то судите, можетъ ли онъ, безъ строгой разборчивости, пріобрѣтать фальшивое, а тѣмъ болѣе, когда это пріобрѣтеніе называется: *невѣста!* Паробокъ встрѣтилъ дѣвушку, о которой невольно воскликнулъ: «ай, да дівчи́на!» — этого еще слишкомъ для него мало. Онъ знаетъ, что въ городахъ еще больше красавицъ, нежели въ селахъ; но, можетъ-быть, другіе не знаютъ, что ни на одной изъ нихъ онъ не согласился-бы жениться, несмотря ни на богатство, ни на что̀, — и это не отъ чего иного, какъ отъ одного опасенія фальши. Заѣзжій корнетъ, продувной помѣщикъ, купчина, воздыхающій о капитальцѣ, могутъ, воскликнувъ: «ай да дѣвушка!» черезъ часъ приступить къ сватовству; но Голопупенковъ сынъ, какъ бы онъ ни былъ смѣшонъ въ глазахъ автора, объ этомъ и не подумаетъ.

Можетъ быть, не одинъ изъ моихъ читателей слышалъ разсказы о вечорницахъ, — не о тѣхъ, которыя совершаются подъ балалайку и которыя авторъ *Вечеровъ на Хуторѣ* могъ видѣть на барской кухнѣ, а о настоящихъ украинскихъ хуторскихъ вечорницахъ. Это — сходки молодыхъ людей обоихъ половъ, у одной изъ сосѣдокъ; вовсе не въ домѣ зажиточнаго пасичника, къ которому ѣздятъ въ гости горожане, а непремѣнно у какой нибудь одинокой вдовы, у которой нѣтъ дѣтей и въ хатѣ просторно. Собираются на вечерницы какъ-будто для работы, а въ самомъ дѣлѣ для того, чтобы, вдали отъ надзора женатыхъ, наговориться и наслушаться рѣчей, которыя не приходятъ на языкъ среди степеннаго люду, озабоченнаго дѣтьми и хозяйствомъ. Тутъ-то душа у каждой дѣвушки на-распашку; тутъ-то льются поэтическія пѣсни; тутъ-то ея богатства сіяютъ въ живыхъ рѣчахъ, нестѣсненныхъ предержащею домашнею властью; тутъ-то обнаруживается вся та *природная грація*, весь тотъ *художественный складъ мыслей*, вся та, *доведенная до-нельзя, утонченность въ области чувства*, которыя И. С. Аксаковъ, во время своихъ разъѣздовъ по Украинѣ, находилъ, безъ различія сословій, въ украинскихъ женщинахъ ([1]). И вотъ гдѣ наши па-

---

([1]) Тамъ-же, стр. 98—99.

робки-пахари выбираютъ себѣ невѣстъ, или — лучше сказать — возлюбленныхъ. Это *лучше сказать* прибавлено мною потому, что наши паробки очень долго не женятся, очень долго живутъ одной близкой дружбой съ *кохаиою дівчиною*, и наконецъ удостовѣрясь, *що вона любить вірно* и *що нема й на всему свиті такоі щироі души*, рѣшаются сдѣлать такъ, чтобъ ихъ не разлучили ни отецъ, ни мать, ни чужая сторона (1), подъ которою разумѣется разлука для чумацкаго промысла и заработковъ, а прежде разумѣлись военные походы. Если-же случится такъ, какъ поется въ пѣснѣ:

Полюби́ла коза́ченька, не спита́ла й відки,

или такъ, какъ случилось у Квитки между Василемъ и Марусею, или такъ, какъ случилось у Макаровскаго въ его поэмѣ: *Наталя* (2):

Вінъ ні мо́ви, я ні сло́ва, тіло затрясло́ся, —
Ста́лось ли́хо, и на віки въ се́рденько впило́ся;

тогда паробокъ поступаетъ такимъ образомъ, какъ поступалъ Василь, который подробно развѣдалъ о Марусѣ: кто она? каковъ ея родъ? каковъ ея отецъ? какова ея мать? какихъ она нравовъ? каковъ ея обычай? и прочая, и прочая, и потомъ уже искалъ сямаго благовиднаго предлога, что́ называется, *занять* ее, да не такъ занять, чтобъ тотчасъ влѣпить поцѣлуй среди народа, какъ у Гоголя, а съ полнымъ уваженіемъ къ женщинѣ, въ которой онъ видѣлъ не что́ нибудь *клубничное*, какъ выразился бы, можетъ быть, Гоголь, а будущую жену свою. Или-же такъ поступаетъ въ этакомъ любовномъ казусѣ паробокъ, какъ у Макаровскаго поступилъ Опанасъ Левенецъ, не имѣющій никакой надобности для своего прозвища въ смѣшномъ сочетаніи такихъ словъ, какъ *пупъ*, *пузо*, *ре́пать* и тому подобныхъ, очень понравившихся у Гоголя любителямъ живописи народныхъ нравовъ.

---

(1) Перифразировка слѣдующихъ словъ народной пѣсни:

Ой поможи, Боже, намъ на рушничку́ стати!
Тогді не разлу́чить ні отець, ни мати,
Ні чужая чужи́на,
Коли су́дилася дружина.

(2) См. *Южный Русскій Сборникъ*, изданный Амвросіемъ Метлинскимъ.

Онъ, въ качествѣ чумака, проѣзжалъ черезъ село, въ которомъ жила вдова съ дочкой-красавицей. Пригнавши къ сельскому водопою поить своихъ воловъ, онъ встрѣтилъ Наталю, которая раннимъ утромъ возвращалась отъ рѣчки съ полными ведрами. Чумакъ тоже былъ пораженъ красотою дѣвушки, какъ и Гоголевъ Голопу́пенко; но, какъ онъ былъ сынъ честныхъ родителей - пахарей, а не былъ взятъ съ толкучаго рынка и наряженъ, для повѣсти, въ украинскую свитку, то и не вскричалъ: «ай да дѣвушка!» по–солдатски. Онъ попросилъ позволенія напиться изъ ведра, и только послѣ этого пристально взглянулъ на красавицу. Тутъ–то совершилось обоюдное очарованіе выраженное выше въ двухъ стихахъ. Но Опанасъ не сказалъ ни слова красавицѣ. Все, чтò онъ сдѣлалъ, по внушенію украинской народной влюбчивости, было—освѣдомленіе въ селѣ (и то, безъ сомнѣнія, очень деликатное), кто такая эта красавица? Воротясь домой и услышавъ, что отецъ и мать, въ бесѣдѣ съ пріятелями, высказали готовность принять, въ свой богатый домъ, даже самую бѣдную дѣвушку,

Аби́ до́брая, покірна й сорому́ боя́лась
Да Пана́сові душе́ю й се́рцемъ сподоба́лась, —

онъ началъ помышлять о сватовствѣ. Но для него мало забранныхъ мимоходомъ справокъ: онъ посылаетъ *на розвідини* родственника, человѣка бывалаго и расторопнаго, и, между прочимъ, говоритъ ему:

Роспита́йся: дівка, ка́жуть, до́ня удови́ці....

Прошу обратить вниманіе на подозрительность украинскаго искателя невѣсты. Одно уже то, что въ семьѣ нѣтъ отца, главы и блюстителя нравовъ, наводитъ его на сомнѣніе; ибо дочь отцовская, или по–нашему *оте́цька дитина*, была–бы болѣе надежной женою, была-бы наименѣе фальшивымъ товаромъ въ этого рода пріобрѣтеніи. Но, такъ какъ украинецъ ни въ чемъ не держится безсмысленно одной формы, то Опанасъ говоритъ своему послу далѣе:

Хай и такъ. Якъ–же у се́рці віру й Бо́га ма́е
И худо́і за собо́ю сла́воньки не зна́е,
То я ви́кину, да й шви́дко, молоде́цьку шту́ку:
Дамъ іій се́рденько за се́рце, ру́ченьку за ру́ку!

Прошу позволенія остановиться на этихъ стихахъ. Въ чемъ тутъ

заключается *молодецкая штука?* Въ томъ, что *зажиточный* паробокъ долженъ жениться на *зажиточной* дѣвушкѣ, если слѣдовать обычаю слѣпо; ибо, какъ я уже объяснялъ, зажиточность и достоинство поведенія каждой семьи, въ простомъ пахарскомъ быту, неразлучны. У меня могутъ спросить: почему-же дочь вдовы предполагается незажиточною? Отвѣчаю: дочь вдовы—дворянки, дочь вдовы-мѣщанки, дочь вдовы-горожанки, вообще—не должна, во мнѣніи паробка — предполагаться незажиточною потому только, что у ней нѣтъ отца. Но Опанасъ и авторъ смотрятъ на вещи практическимъ взглядомъ человѣка, очень близко знающаго условія пахарской сельской жизни. Здѣсь капиталовъ и текущихъ безъ труда доходовъ нѣтъ. Здѣсь трудъ награждается самою природою, и притомъ на столько, на сколько нужно для извѣстнаго времени, можно-сказать — для одного сезона. Когда хозяинъ обезпечитъ свое существованіе до весны и когда у него есть рогатый скотъ для весенней запашки, то онъ считаетъ себя и слыветъ во мнѣніи другихъ богатымъ. Онъ до такой степени удовлетворяется тѣмъ, что́ для него необходимо, что никакая плата за новый, необычный для него трудъ — для него вовсе не соблазнительна. Ему не нужно ничего собирать и копить впрокъ. Онъ, по евангельскимъ словамъ, не печется объ утріи, ибо утрій самъ о немъ печется. Онъ знаетъ, что послѣ зимы настанетъ лѣто со всей своей благодатью, и спокойно ѣстъ свой домашній кусокъ хлѣба, не помышляя о болѣе лакомомъ.

Само собою разумѣется, что я говорю о большинствѣ; ибо между пахарями есть люди очень запасливые, равно какъ есть и такіе, которые спустятъ на ярмаркахъ весь осенній сборъ и, по народной пословицѣ, *кладутъ зуби на полицю* до новаго урожая, а попросту—перебиваются кое-какъ. Вообразите же себѣ положеніе семьи пахаря, когда выбываетъ изъ нея мужчина, на которомъ лежала главная часть полевыхъ работъ и домашняго управленія. Наймитъ-пахарь хорошъ только въ глазахъ хозяина. Вдова не въ состояніи держать его въ страхѣ Божіемъ и порядкѣ. На нивѣ онъ заснитъ, а волы попадутъ въ *спашъ*, за который надобно отвѣчать пенею. Воловъ онъ не напасетъ всегда до сыта, не напоитъ во время, не предохранитъ отъ дождя, который дѣлаетъ подъ ярмомъ мучительныя прогоины: отъ этого скотъ зимою худаетъ, хвораетъ и мало по малу изводится. Естественно, что вдова, при всей твердости характера, должна наконецъ уступать силѣ вещей, должна лишиться собствен-

наго *плуга воловъ*, отдать землю въ чужія руки и довольствоваться частью урожая, который весь принадлежалъ хозяину. Такъ и во всемъ другомъ. Вдову и сельская полиція обременяетъ излишнимъ постоемъ; у вдовы и огородъ опустошается безнаказанно солдатами и всякими бродягами; у вдовы некому и плетня поддерживать; у вдовы скорѣе, нежели въ иномъ дворѣ, и комора будетъ обокрадена, и проч., и проч. Подобныя явленія у сельскаго паробка-пахаря безпрестанно передъ глазами. Поэтому онъ и не можетъ съ понятіемъ о вдовѣ соединять понятіе о богатствѣ. И въ народныхъ пѣсняхъ вдова всегда изображается небогатою; напримѣръ:

Чи се та́я вдова́ живе́, що на ріжку́ ха́та?
Хоро́шую дочку́ мае, сама́ небога́та.

Упадокъ дома, изъ котораго выбылъ тотъ, кѣмъ все держится въ порядкѣ, очень хорошо изображенъ въ думѣ о козацкой жизни, въ которой постоянное отсутствіе хозяина соотвѣтствуетъ его смерти:

Зна́ти, зна́ти коза́цьку ха́ту
Скрізь деся́ту:
Вона́ соло́мою не покри́та,
При́спою не оси́пана,
Коло двора́ нечи́ста ма и кола́,
На дріві́тні дровъ ні поліна, —
Седи́ть въ ній коза́цька жінка — околіла.
Зна́ти, зна́ти коза́цьку жінку,
Що всю зіму бо́са хо́дить,
Горшко́мъ воду но́сить,
Поло́пикомъ діти напува́е (¹)

Эти стихи сами собой наводятъ насъ на другую сторону сомнѣнія сельскаго паробка въ томъ, чтобы дочь вдовы могла быть для него достойной женой и хозяйкой въ домѣ; ибо, при разстройствѣ хозяйства, мало-по-малу ослабѣваютъ въ хозяйкѣ привычки, въ которыхъ слѣдуетъ ей воспитывать дочь свою. Предположивъ вдову женщиною самою твердою въ нравахъ и обычаяхъ, все-таки надобно допустить, что хозяйство у ней не можетъ быть такъ полно, какъ въ домѣ, нелишенномъ главы своей; а при исчисленныхъ мною не-

---

¹) *Записки о Южной Руси*, т. I, стр. 220.

благопріятныхъ обстоятельствахъ, случающихся сплошь да рядомъ, она лишается не только воловъ, но часто коровъ и овецъ, для которыхъ не въ силахъ запасать на зиму корму. Чаще всего вдова съ дочерью ограничиваются небольшимъ доходомъ съ пахатнаго поля и лѣтнимъ зажономъ у богатаго землевладѣльца; остальное же время онѣ проводятъ въ домашнихъ рукодѣльяхъ: прядутъ, ткутъ, вышиваютъ. Когда въ пѣснѣ поется:

Чи се тая дівчи́нонька живе́
Що хоро́ші ширинóчки шúе?

то это непремѣнно говорится о дочери вдовы, ибо *хозяйскимъ* дочерямъ бываетъ не до того, чтобы совершенствоваться въ сельскихъ изящныхъ искусствахъ. Суровый взглядъ главы семейства на жизнь и ея нужды всѣ цацки называетъ *пустошью*, и въ домахъ, полныхъ, какъ говорится, всякой благодати, мать съ дочерьми занимаются только украдкой мерéжками, шитыми рушниками, писанками передъ Велúкоднемъ, или же заказываютъ все это одинокимъ вдовамъ и ихъ дочерямъ, платя пшеничной мукой, горохомъ, а иногда и просто насущнымъ хлѣбомъ. Отъ этого выходитъ, что вдовины дочки выростаютъ бѣлоручками, развиваются, какъ уединенныя лиліи и вознаграждаютъ недостатокъ богатства красотою, — неприневоливаемыя къ полевымъ и надворнымъ работамъ, а, пожалуй, и поэтичностью души, которая не была подавлена непреклонною волею старшаго въ семействѣ и воспиталась въ дружескихъ бесѣдахъ и *порáдахъ* съ нѣжною, горюющею, но зато свободною, матерью. Эти преимущества привлекаютъ къ нимъ вниманіе паробковъ–богачей и, такимъ образомъ, уравномѣриваются блага жизни въ простомъ сельскомъ быту, украшаемомъ въ то же самое время поэзіею, рождающеюся изъ лишеній и страданій.

Но паробокъ–богачъ есть болѣе или менѣе представитель нравовъ, которыми весь его родъ дожилъ до его времени, не потерявъ своего кореннаго характера. Есть ли у него родители, или же онъ самъ дошелъ до того *пóвного зрóсту*, въ которомъ уже не пошатнется на–сторону и не спуститъ съ рукъ *батьковщины*, все равно онъ — великій практикъ въ своей сферѣ дѣйствій, при всей поэтичности своей души, влекущей его къ тому, чтó насъ очаровываетъ въ женщинѣ. Развитому гражданственностію человѣку дается особенное, вполнѣ для него ясное, уразумѣніе своего положенія въ жизни

и своей будущности. Неразвитому — дается, такъ сказать, инстинктивное пониманіе полезнаго и вреднаго для его быта, и это въ такой степени, что влюбленный козакъ готовъ умолять свою возлюбленную, чтобъ она напоила его травою забвенія:

Ой дай мині такé зілля, щобъ тебé забу́ти!

Борьбою и колебаньемъ между поэтическими симпатіями и практическою необходимостью — поступать по внушенію родителей и даже *роду* ([1]) — наполнены народныя самыя изящныя пѣсни, — эта вѣчная, драгоцѣнная книга жизни народной, въ которую любившія и страдавшія сердца вписали неизгладимыми словами свою исторію, въ науку и въ симпатичное наслажденіе отдаленнѣйшимъ поколѣніямъ людей, съ поэтическою всезнающею и всечувствующею душою ([2]).

Если-бы Гоголь, при своемъ, истинно-творческомъ, дарѣ, читалъ народныя пѣсни, какъ знатокъ простонародной Украины, — онѣ однѣ повели-бы его перо совсѣмъ въ иную сторону, и тогда-бы сіяющія жизнью, хоть и слишкомъ яркія, картины природы въ *Сорочинской Ярмаркѣ*, сочетавшись съ вѣрною живописью нравовъ, сразу поставили-бы его высоко въ глазахъ истиннаго цѣнителя искусства въ избранномъ имъ родѣ. Но Гоголь, изображая простую сельскую жизнь украинцевъ, былъ, по словамъ Полеваго, больше москаль и горожанинъ, нежели украинецъ, ознакомленный съ бытомъ своего народа, хотя въ то же время онъ былъ и поэтъ, да еще геніальный.

Смотрите однакожъ, въ какой зависимости находится природный геній отъ изученія предмета своей дѣятельности! Сибирякъ, вышедшій изъ лавочныхъ сидѣльцевъ въ литераторы, первый обличилъ геніальнаго поэта въ беззаконіи его творчества.

По-случаю появленія украинскихъ повѣстей Гоголя, нагромождена вавилонская башня сужденій; но народъ, безъ согласія и мимо вѣдома котораго строилось это чуждое его жизни зданіе высшихъ взглядовъ на жизнь и искусство, не сговариваясь между собой, протестовалъ противъ современныхъ властелиновъ знанія — или своимъ очень, очень медленно измѣняющимся бытомъ, или своею единодушною поэтическою

([1]) **Сва́тавъ-бы я дівчи́ноньку, такъ рідъ не вели́ть.**

([2]) **Послѣднія слова покажутся странными тому, кто не помнитъ превосходнаго стиха Шевченка:**

Тому́, хто все знáе, тому́ хто все чу́е...

рѣчью, или, наконецъ, устами своихъ вдохновенныхъ литературныхъ представителей, которыхъ повѣсти о немъ «живы, какъ сама жизнь, прекрасны и вѣрны, какъ сама правда.» Гоголь возвысился впослѣдствіи до уразумѣнія художественнаго самообразованія. Онъ поднялся въ этомъ выше всѣхъ своихъ критиковъ. Въ немъ отъ природы такая заключена была сила истиннаго творчества, сила создавать изящное на долголѣтнюю жизнь въ потомствѣ, такой вѣрный инстинктъ генія, что онъ не былъ остановленъ въ саморазвитіи, въ стремленіи выйти на собственный свой путь даже и неумѣренными похвалами почти всей читающей Россіи, — опаснѣйшимъ изъ всѣхъ препятствій, какія только существуютъ для развитія великаго таланта. Ибо строгая школа предназначена въ жизни всякому истинному поэту, и величайшая требуется отъ него осторожность въ наслажденіяхъ благами, которыя люди обыкновенные могутъ вкушать безъ–оглядки. Гораздо спасительнѣе для поэта, если только онъ истинный поэтъ, быть встрѣченнымъ со стороны большинства цѣнителей та́къ, какъ писалъ, по горькому опыту, Шевченко о своихъ первыхъ произведеніяхъ:

Зна́ю ва́шу сла́ву:
Поглузу́ють, покепку́ють,
Да й ки́нуть підъ ла́ву!

Не бойтесь, его не сломятъ порицанія, насмѣшки и даже совѣты великихъ авторитетовъ, часто очень опасные совѣты для поэта, явившагося не оттуда, откуда приходили другіе поэты, и не съ тою рѣчью, какой они бывали одарены. Сильные аргументы приводятъ эти судьи, справедливо уполномоченные въ своемъ кругу идей — судить объ искусствѣ и изрекать праведные законы искусства. Но, какъ всякій народъ живетъ по своимъ особеннымъ, часто невписаннымъ и въ книгу, законамъ, такъ и законы высокаго дара — потрясать сердца людскія — внушаются избраннымъ людямъ не отъ прославленнаго уже ареопага. Поэты это знаютъ, или, лучше сказать, чувствуютъ, и несмотря на то, что они иногда бываютъ не посвящены въ тайны книжной науки, «огни, а не слова» излетаютъ изъ ихъ устъ въ отвѣтъ на императивные совѣты записныхъ судей дѣла. Такъ, Шевченко, въ слѣдующихъ стихахъ, увѣковѣчилъ современные толки о немъ премудрыхъ міра сего:

Одъ коза́цтва, одъ гетьманства
Висо́кі моги́ли,

Більшъ нічо́го не оста́лось,
Да й ті розрива́ють,
А вінъ хо́че, щобъ слу́хали,
Якъ старці співа́ють!

Ему совѣтовали писать общепринятымъ въ россійской имперіи языкомъ. Ему совѣтовали изображать жизнь, которая у всѣхъ въ виду, т. е. у всѣхъ цѣнителей и судей искусства. Ему очень добродушно внушали, что онъ погребетъ свой талантъ въ стихахъ, которыхъ никто не понимаетъ, и въ изображеніи явленій, которымъ никто не сочувствуетъ. Устами этихъ добродушныхъ людей говорила сама истина, но только горизонтъ ея былъ видимъ съ небольшой высоты. Поэтъ нашъ, озирая, съ своего подъоблачнаго полета, несравненно обширнѣйшія, невѣдомыя другимъ, пространства, отвѣчалъ этимъ господамъ языкомъ демократа:

Пра́вда, му́дрі!
Спаси́бі за ра́ду!
Те́плий кожу́хъ, тілько шко́да —
Не на ме́не ши́тий,
А розу́мне ва́ше сло́во
Брехне́ю підби́те.

И потомъ, развернувъ, въ дикой прелести родныя свои степи съ кровавыми и блистательными ихъ воспоминаніями, и давъ почувствовать своими слезами неразрывную связь между необузданною энергіею стараго времени и разумною энергіею современнаго генія, онъ восклицаетъ:

Одъ-де мое́ добро́, гро́ши,
Одъ-де моя́ сла́ва!
А за ра́ду спасибі вамъ —
За ра́ду лука́ву.

Въ этихъ стихахъ каждый, кто понимаетъ дѣло собственнымъ толкомъ, увидитъ тяжкую борьбу таланта за свое существованіе, за свою будущность и, главное, за идею, которую онъ долженъ возвѣстить міру. Но Гоголь, борясь съ посыпавшимися на него со всѣхъ сторонъ похвалами, совершилъ подвигъ еще болѣе высокій и назидательный. Исторія его жизни, собраніе его писемъ и при этомъ его сочиненія — это такія книги, которымъ не много равныхъ завѣщало

человѣчество будущимъ поколѣніямъ для уразумѣнія высокихъ психологическихъ, критическихъ и философскихъ истинъ.

Но возвратимся къ несчастнѣйшему изъ несчастнѣйшихъ Голопупенкову сыну, котораго уже одно имя дѣлаетъ смѣшнымъ въ глазахъ читателя, а непониманіе, какъ взяться за сватовство, просто — срамитъ во мнѣніи каждаго мужика.

Мы видѣли, какъ зажиточные и, что все равно, порядочные паробки поступаютъ въ этомъ случаѣ. Вотъ, напримѣръ, Опанасъ Левенець: этотъ посылаетъ своего дя́дька (но не дядьку) Хмару *на розвідини* въ то село, въ которомъ онъ полюбилъ случайно встрѣченную дѣвушку, и дя́дько Хмара тотчасъ даетъ читателю понять, что не напрасно выбранъ для такого порученія. Онъ разсуждаетъ не по-гоголевски, а прямымъ толкомъ своего народа, — тѣмъ толкомъ, котораго авторъ украинскихъ повѣстей добился впослѣдствіи, несмотря на весь угаръ отъ журнальныхъ и нежурнальныхъ славословій. Онъ говоритъ молодому человѣку:

. . . . Чи тобі-жъ то талану́ не зна́ти, —
Незнако́му сироти́ну за хозя́йку бра́ти!
Мо́же, ця́ця та по се́ламъ бро́дить безъ свити́ни,
По комо́рі не ходи́ла и коло скоти́ни.
А краса́ — плёва́ть на не́і, якъ добра́ не ма́е,
Колú плечи и грудни́цю ру́бьемъ покрива́е!

Дя́дько Хмара — большой прозаикъ; но его проза совпадаетъ съ народною поэзіею. Въ пѣсняхъ воспѣта жалкая участь невѣстки, взятой изъ такого дома, въ которомъ она не привыкла вставать рано для надворной работы, нетерпящей отлагательства. Ее будитъ свекруха, жестоко упрекая въ былой ея бѣдности, положившей на ней печать свою, нестерпимую для людей работящихъ:

Встава́й, невістко, часъ до череди́ гна́ти!
Поді́й ті́і коро́ви, що одъ ба́тька нагна́ла,
Попрого́нь ове́чки, що роди́на здарова́ла.

Вотъ какимъ взглядомъ на вещи вооружаютъ старшіе молодыхъ людей, сбирающихся жениться! Но часто молодость беретъ свое, и любящіеся приходятъ къ такому заключенію:

Зъ вели́кою худо́бою — се́рденьку доса́да,
А зъ лю́бою дружи́ною — о́ченькамъ одра́да.

Зъ вели́кою худо́бою — би́тись та свари́тись,
А зъ любою дружи́ною — на світі нажи́тись.
Зъ вели́кою худо́бою — го́ре мині бу́де,
А зъ любою дружи́ною — не сти́дно й межъ люде.

Это, однакожъ, происходитъ въ такомъ случаѣ, когда они очень хорошо другъ друга знаютъ и когда зависятъ сами отъ себя. Но, не зная дѣвушки, сельскій па́робокъ не бросится на одну красоту и не рѣшится на сватовство, какъ у Гоголя. Дя́дько Хмара заѣхалъ, подъ благовиднымъ предлогомъ, переночевать къ матери Ната́ли, а на другой день завернулъ въ сельскій шинокъ для повѣрки своихъ наблюденій и привезъ небожу самыя удовлетворительныя извѣстія. Тогда только Опанасъ открылся въ своихъ чувствахъ родителямъ и просилъ ихъ благословенія.

Не извѣстно, были-ли родители у Гоголева паробка. Онъ рѣшился на сватовство скорѣе, нежели каждый изъ его земляковъ, невведенныхъ въ повѣсть, рѣшился на покупку коня, и запилъ съ будущимъ тестемъ, Солопіемъ, могоричъ въ кабакѣ у Жидовки. Въ Украинѣ эти вещи, можетъ быть, слишкомъ для кого нибудь прозаическія, дѣлаются иначе. Украинскій сельскій паробокъ обращается къ самымъ достойнымъ изъ своего сословія людямъ съ просьбою — быть посредниками между нимъ и домомъ невѣсты, и въ этомъ виденъ нетолько народный, скрытый во всякомъ обычаѣ, практическій разумъ, но и тонкое чувство приличія. Еслибы молодой человѣкъ обратился къ родителямъ своей возлюбленной непосредственно, этимъ-бы онъ поставилъ себя съ ними какъ-бы наравнѣ, этимъ-бы онъ всю отвѣтственность за судьбу ихъ дочери принималъ на себя, этимъ-бы онъ явился въ ихъ глазахъ собственнымъ представителемъ и самъ себя аттестовалъ-бы достойнымъ столь великой довѣренности. Но, посылая вмѣсто себя сватовъ, людей степенныхъ, имѣющихъ собственныхъ дѣтей, онъ этимъ самымъ свидѣтельствуетъ передъ родителями невѣсты, что недостоинъ заводить непосредственно съ ними рѣчи о такомъ важномъ предметѣ, въ которомъ онъ, по молодости своей, не можетъ еще быть судьею; въ лицѣ сватовъ онъ представляетъ имъ поручителей, на которыхъ, яко имѣющихъ собственныхъ дѣтей, могутъ они положиться относительно участи дочери; наконецъ — и это самое главное — рекомендація людей постороннихъ, извѣстныхъ трудолюбіемъ и добрыми нравами, тоже гораздо больше

должна значить въ глазахъ родителей невѣсты, нежели все, что̀ могъ бы сказать имъ о себѣ женихъ, или внушить имъ своими поступками.

Поэтому-то, въ повѣсти Квитки *Маруся*, молодой паробокъ, будучи долго вхожъ въ домъ къ Науму Брусу, будучи любимъ въ этомъ домѣ какъ семьянинъ, не осмѣлился заикнуться, въ простыхъ и задушевныхъ бесѣдахъ, о сватовствѣ. Это оскорбило-бы чувства хозяевъ: это показало-бы, что онъ считаетъ себя въ ихъ глазахъ слишкомъ важной особой, если смѣетъ заговаривать съ ними о такомъ предметѣ, о которомъ, по чувству народнаго украинскаго цѣломудрія, ни въ какомъ случаѣ не прилично говорить холостому человѣку съ отцомъ семейства. Это, кромѣ того, уронило-бы его, во мнѣніи хозяевъ, какъ паробка *незвычайнаго*, то есть незнающаго, какъ слѣдуетъ вести себя, выражаясь по-городски, съ людьми порядочными Ибо манера быть съ людьми, тонъ разговора, деликатность въ выборѣ словъ, умѣнье избѣгать вь бесѣдѣ щекотливыхъ предметовъ,— все это внушается доброму украинскому паробку самою природою, а также нравами и понятіями народа, среди котораго онъ выростаетъ. Поэтому-то, зная близко народъ нашъ, не по его худшимъ, облакеенньмъ, или обкулаченнымъ, образцамъ, мы находимъ дикими въ повѣстяхъ Гоголя такія вещи, какъ вопросъ Хиври: не сломили-ли вы себѣ шеи? Да и самъ паробокъ Квиткинъ смотрѣлъ на сватовство, какъ на религіозный обрядъ, и профанировалъ-бы его въ собственномъ чувствѣ, еслибы, сидя запросто съ отцомъ своей возлюбленной, сказалъ ему, какъ оный паробокъ Салопію: «Ну, Паумъ, вотъ, какъ видишь, я и дочка твоя полюбили другъ друга, такъ-что хоть-бы и на вѣки жить вмѣстѣ.»

Не знаю, какъ дѣлается у скитающихся Цыганъ, подъ ихъ «изодранными шатрами»; но въ украинской хатѣ чувство приличія играетъ очень важную роль, что̀ касается до деликатныхъ сердечныхъ струнъ, къ которымъ грубое прикосновеніе такъ нестерпимо для человѣка, развитаго общественностію. Посмотрите въ повѣсть Квитки, въ это совершеннѣйшее зеркало народныхъ нравовъ: нетолько Василь, въ бесѣдахъ съ стариками, не смѣлъ пикнуть о своемъ намѣреніи, но даже Маруся ни единымъ словомъ не выразила передъ матерью своихъ ожиданій. Этого мало: даже мать, желая отъ всего сердца видѣть Василя своимъ зятемъ, никогда не проговорилась объ этомъ передъ дочерью.

Обращу вниманіе читателя, въ повѣсти Квитки, на тотъ моментъ,

когда Настя, мать Маруси, объявила, что идутъ старосты и когда старосты стучались подъ дверью. Читатель не предвидѣлъ отказа со стороны Наума Бруса; но, какъ для каждаго изъ трехъ дѣйствующихъ лицъ это событіе было невыразимою тайною въ ожиданіяхъ, то въ повѣсти возбужденъ интересъ необыкновенный, и вся церемонія сватовства совершается въ такой торжественности, какъ будто это какое-то религіозное дѣйствіе, исполненное таинственнаго значенія. Видите, какъ величава самая простая природа вещей, если только писатель, въ ея изображеніи, возьметъ въ совокупности «всѣ мелочи, ничего не пропустивши!» Квитка не имѣлъ высшихъ теоретическихъ понятій объ искусствѣ; онъ писалъ свою повѣсть въ простотѣ сердца, изъ поэтической любви къ изображаемому имъ быту; онъ разсказывалъ, со всею полнотою милой ему народной рѣчи, о томъ, что̀ узналъ самою жизнью своею, а не научнымъ наблюденіемъ; и потому его твореніе выходитъ «живо, какъ сама жизнь, прекрасно и вѣрно какъ сама правда».

Взгляните еще, ка́къ торжественно дѣйствуютъ у Квитки сваты, ка́къ величаво они держатъ себя. Они сознаютъ, что не для забавы своей взялись за это дѣло и что дѣло это̀ касается счастья отживающей и другой, будущей, семьи. Таковы дѣйствительно бываютъ сваты. Слушая ихъ такъ называемыя *законныя рѣчи*, нельзя удержаться отъ улыбки; но это потому, что мы оставили этихъ людей съ XVII вѣка и воспитаны въ иныхъ нравахъ и обычаяхъ. И при всемъ томъ видишь въ нихъ членовъ общества, которымъ нельзя отказать въ уваженіи. Они дѣлаютъ честное дѣло; они дѣлаютъ дѣло честно. Будущему тестю давно извѣстны личность и достатокъ жениха. Они не надуваютъ ему въ уши небылицъ, подобно обычнымъ московскимъ свахамъ. Они пышными метафорами объ охотящемся за куницею князѣ рекомендуютъ жениха молодцомъ, достойнымъ того, чтобы такіе почтенные люди, какъ они, пришли съ «святымъ» хлѣбомъ въ такой почтенный домъ и произнесли, стоя, тѣ *законныя рѣчи*, которыя произносились ихъ дѣдами, прадѣдами и далѣе — до отдаленнѣйшей старины.

Еслибы Гоголь зналъ демократическую Украину, какъ знаемъ ее «мы, преемники Гоголя въ самопознаніи,» то онъ не заставилъ-бы конокрада Цыгана быть посредникомъ между Голопупенковымъ сыномъ и Солопіемъ, онъ содрогнулся бы за своего паробка, когда этотъ бродяга сказалъ ему: «мы заставимъ Черевика отдать *намъ* Параску!»

его сердцу было бы больно, что свѣжая сельская красавица, убранная свѣжими, какъ она сама, цвѣтами и лентами, будетъ отдана жениху руками, запятнанными воровствомъ, а пожалуй и человѣкоубійствомъ. Самъ же онъ говоритъ: «Человѣкъ, взглянувшій на него (на Цыгана), уже готовъ былъ сознаться, что въ этой чудной душѣ кипятъ достоинства великія, но которымъ одна только награда есть на землѣ — висѣлица.» Но паробокъ, взглянувъ на Цыгана — нетолько не почувствовалъ къ нему естественнаго, въ его сельской простотѣ, отвращенія, напротивъ, тотчасъ заключилъ съ нимъ унизительную для себя сдѣлку, оскорбляющую чувство читателя. Это не украинскій паробокъ: это — петербургскій *мазурикъ* въ нашей честной украинской свитѣ, точно такъ какъ Хивря — не украинская баба, а московская горожанка, и притомъ самая распутная, самая грубая, грубая до-того, что не знаетъ даже различія между ласковымъ и грубымъ словомъ, точно такъ какъ и хата съ подмостками подъ потолкомъ, на которыхъ она спрятала поповича, — не украинская хата, а московская изба съ московскими полатями. Надобно думать, что Гоголь видалъ только снаружи хаты украинскихъ поселянъ, иначе — онъ зналъ бы, что доведенная до-нельзя въ нашемъ народѣ брезгливость къ нечисто приготовленной пищѣ заставляетъ его содержать свои хаты въ необыкновенной чистотѣ, чему препятствовали бы въ значительной степени полати, такъ такъ въ полатяхъ заводятся неискореняемо тараканы и всякія иныя не очень пріятныя насѣкомыя. Украинская хата очень немногосложна, и потому очень чиста; всё въ ней на виду; нѣтъ въ ней темныхъ угловъ, въ которыхъ сосѣдскій или хозяйскій глазъ не замѣчаетъ нечистоты. Скорѣе снаружи запуститъ хозяйка стѣны, въ рабочее время, но внутри она не можетъ сносить на стѣнѣ никакого пятна. Вообразите, какъ бы ее мучилъ видъ почернѣлыхъ и закопченныхъ полатей подъ потолкомъ, который у ней содержится въ такой же опрятности, какъ и столъ! Она каждый день стелетъ на чистыхъ подмосткахъ у стѣны постель, и каждый день своречиваетъ ее и убираетъ къ мѣсту, оставляя подмостки, называемыя *поломъ*, для сидѣнья за работой и для дѣтей. Съ полатей постель сволакивать трудно; лазить на полати для приготовленія постели еще труднѣе. Она должна тамъ оставаться нерушимо какъ въ берлогѣ. Словомъ, видъ полатей непріятно поражаетъ украинца въ великорусской избѣ, и не поразилъ только Гоголя, такъ какъ онъ былъ, по воспитанію, больше москаль и горожанинъ, а простонародный бытъ

украинскій изображалъ только по распросамъ и по соображенію, котораго, какъ видимъ теперь и какъ увидимъ далѣе, у него часто не хватало на изображеніе самыхъ простыхъ и общеизвѣстныхъ предметовъ.

Чтобы понять, какъ благоговѣетъ простой поселянинъ нашъ передъ сватовствомъ, вспомните у Квитки сцену, наступившую послѣ неожиданнаго отказа со стороны Наума Бруса. Торжественность обычая уступила на–время сильному волненью патетическаго момента. Но когда всѣ приступили къ Науму съ просьбою — объяснить причину непостижимаго ни для кого отказа, авторъ, хорошо знавшій демократическую Украину, вдругъ возстановилъ все достоинство сватанья слѣдующимъ отвѣтомъ отца семейства: *Не той часъ: при такому важному ділі, якъ е сватанье, не можна всёго говорити.* Повторяю опять мое замѣчаніе: видите, какъ величава самая простая природа вещей, если только писатель, въ ея изображеніи, возьметъ въ совокупности «всѣ мелочи, ничего не пропустивши!» Гоголь зналъ за собой большіе промахи въ изображеніи того, надъ чѣмъ всѣ смѣялись и надъ чѣмъ самъ онъ смѣялся также безпечно, какъ и читатели, но онъ смѣялся этакъ только до извѣстной поры, послѣ которой онъ, возвысясь надъ самимъ собой, становился уже на точку зрѣнія тѣхъ, которые по его словамъ, «приходили въ недоумѣніе рѣшить: ка́къ могли человѣку умному приходить въ голову такія глупости!» Не даромъ написаны имъ эти слова въ томъ самомъ сочиненіи, въ которомъ онъ главнѣйшимъ условіемъ «полнаго воплощенія» своихъ дѣйствующихъ лицъ считалъ полное вѣдѣніе ихъ сферы дѣйствій и соображеніе всего, отъ мала до велика, безъ всякаго пропуска. Въ «*Сорочинской Ярмаркѣ*» нѣтъ ни одного воплощеннаго лица, потому что Гоголь, не зная простонародной Украины, придалъ своимъ поселянамъ рыночныя городскія свойства и побужденія, и лишилъ ихъ всей поэзіи народнаго быта, которой полны повѣсти непризнаннаго современною ему критикою Квитки, а этимъ самимъ лишилъ ихъ поэзіи правды, поэзіи дѣйствительности. Теперь, когда настали иныя требованія, указанныя самимъ же Гоголемъ въ позднѣйшихъ его произведеніяхъ, — надъ его украинскими повѣстями *пырхаютъ* только такіе люди, которые, въ познаніи Украины, не выше столичныхъ типографскихъ наборщиковъ, а защищаетъ ихъ отъ строгой этнографической критики одинъ только г. Максимовичъ.

Какъ ничтожна сцена между двумя кумовьями, которыхъ освобо-

дилъ отъ узъ Голопупенко, и между имъ самимъ и Цыганомъ (словомъ—XII глава *Сорочинской Ярмарки*)! Не одно то составляетъ здѣсь ничтожество, что украинскіе нравы оцыганены, что малороссійскіе поселяне уничтожены. Авторъ могъ найти между поселянами такія же относительно низкія личности, какъ его чиновники и помѣщики въ первомъ томѣ *Мертвыхъ Душъ*, но надобно изображать и самый упадокъ нравовъ та́къ, чтобы въ этомъ изображеніи была поэзія дѣйствительности. У Квитки, въ повѣсти *Мертвецькій Великдень*, представленъ пьяньчужка, котораго колотитъ жинка, который неисправимъ въ своей беззаботности и пристрастіи къ пьянству. Этотъ типъ очень распространенъ въ Украинѣ ([1]) и вошелъ даже въ пѣсенность:

Би́ла жінка мужика́, пішла́ позива́ти.

Національное чувство наше ни мало не оскорбляется изображеніемъ Квитки; ибо это—*мы*, въ нашемъ упадкѣ; это порокъ нашъ; этотъ выставленный великимъ писателемъ на вѣчный позоръ украинецъ-дрянцо—*братъ нашъ*, недостойный членъ, но тѣмъ не менѣе членъ великаго нашего семейства, и какое бы большинство нашего простонародья ни подходило подъ Квиткинъ унизительный для нашей гордости типъ, мы отъ него не отречемся,—все равно какъ не отречемся отъ стиха Шевченка:

А на́ша пра́вда пья́на спить!

Но отъ Гоголевыхъ украинцевъ, влюбляющихся по-солдатски и сватающихся по-цыгански, отъ Гоголевыхъ рыцарей-полковниковъ, которые позволяютъ себя тузить бурсаку сыну «такъ, что хоть бы и не пробовать ([2]),» мы рѣшительно отрекаемся. Можетъ быть, и есть на свѣтѣ такая нація, которая назоветъ ихъ своими кровными типами, но *мы*, всѣ тѣ, кто въ настоящее время имѣетъ драгоцѣнное право называть себя украинцемъ, объявляемъ всѣмъ вообще, кому о томъ вѣдать надлежитъ, что разобранные и упомянутые мною типы Гоголевскихъ повѣстей—не наши народные типы, что хотя въ нихъ кое-что и взято съ натуры или угадано великимъ талантомъ, но въ главнѣйшихъ своихъ чертахъ они чувствуютъ, судятъ и дѣй-

---

([1]) **О причинѣ мы не говоримъ, покамѣстъ.**
([2]) **См. начало «*Тараса Бульбы*».**

ствуютъ не по-украински, и что поэтому, при всемъ уваженіи нашемъ къ таланту Гоголя, мы признать ихъ земляками не можемъ. Есть у Гоголя прекрасныя страницы объ Украинѣ, возстановляющія значеніе нашей націи въ глазахъ нашихъ соплеменниковъ. Есть у Гоголя художественныя изображенія человѣческаго ничтожества въ образѣ украинцевъ, изображенія, которыя мы сами готовы выставлять «на всенародныя очи», да возгнушается каждый тѣмъ, что̀ унижаетъ насъ передъ цѣлымъ свѣтомъ. Но того, что̀ даже и могло бы льстить народному нашему самолюбію, но что̀ взято не изъ нашей жизни, мы признать художественно вѣрнымъ дѣйствительности не можемъ.

Гоголю, въ его повѣстяхъ изъ простонароднаго быта, повредило именно незнаніе простонародной Украины, именно то, что онъ не понималъ, ка́къ смотритъ самъ на себя народъ, и разумѣлъ народъ по-барски. Онъ не подозрѣвалъ, что простолюдины, въ своей отчужденной жизни, сохранили, въ своихъ нравахъ, обычаяхъ, преданіяхъ и чувствахъ, тѣ первообразы національнаго характера, которыхъ напрасно онъ искалъ въ фамильныхъ дворянскихъ воспоминаніяхъ и даже въ самыхъ пѣсняхъ народныхъ, разсматриваемыхъ съ литературной и ученой точки зрѣнія, безъ пособія народовѣдѣнія. Онъ не подозрѣвалъ, что мужикъ, занесенный пахарскою или чумацкою пылью, мужикъ, валяющійся *по-підъ тинню*, какъ наша пьяная правда въ стихахъ Шевченка, мужикъ въ одеждѣ невѣжества и непониманія даже азбуки нашихъ книжныхъ знаній, есть не что̀ иное, какъ старосвѣтскій кладъ, заклятый тѣмъ, кто положилъ его, на многіе годы, чтобы не дался онъ въ руки тому, кто не въ состояніи сдѣлать изъ него должнаго употребленія.

Всякъ изъ насъ болѣе или менѣе знакомъ съ глупыми бабьими запечными *байками* о кладахъ. Одни клады навалены камнями непомѣрной тяжести, и эти камни можно сдвинуть съ мѣста только двѣнадцатью черными волами отъ одной коровы. Другіе скрыты въ землѣ, подъ нашими ногами, но чтобъ ихъ увидѣть, надобно провести въ бдѣніи Иванову ночь и не продремать того мгновенія, въ которое цвѣтетъ папоротникъ. Третьи являются ослѣпленнымъ гордынею нашимъ глазамъ въ видѣ невзрачнаго, заслюненнаго и—извините—сопливаго старичка, отъ котораго всѣ отворачиваются, не подозрѣвая, что этотъ гадкій старикашка — ходячій кладъ. Но бывали примѣры высокой поэтичности душевной, которая, высшимъ, святымъ взглядомъ на жизнь, уразумѣвала простую, очень простую истину: что

этотъ отверженный всѣми дряхлый старецъ—братъ нашъ. Народъ сохранилъ о такихъ примѣрахъ воспоминаніе, или лучше сказать—передалъ намъ глубокое свое убѣжденіе въ возможности чистаго, невиннаго добра на землѣ, — подъ видомъ кроткой сельской сиротки, которая, приближась безъ отвращенія къ старичку, утирала ему *хусточкою* носъ,—и вдругъ старичокъ разсыпался *скáрбомъ*!

Смотрите, при какихъ трудныхъ условіяхъ, послѣ какихъ тяжкихъ усилій, при какой трезвенности чувствъ и при какой святой любви къ ближнему *дается* наконецъ кладъ, скрытый отъ людей въ теченіе долгихъ лѣтъ, завѣщанный отдаленными предками отдаленнымъ потомкамъ и недоступный ни силѣ, ни мудрости тѣхъ, которые не въ надлежащее время захотѣли бы его открыть! Гоголь, при всей барскости своего дѣтскаго воспитанія, могъ такъ же, какъ и другіе, слышать глупыя бабьи запечныя байки о кладахъ. Гоголь, при всемъ отчужденіи своемъ отъ народа, при всемъ удаленіи отъ непосредственнаго его изученія, могъ быть и былъ наведенъ на мысль, что простой народъ нашъ—какой-то старосвѣтскій кладъ. Но Гоголь не прожилъ столько времени народною самобытною жизнью, чтобы дождаться, на собственномъ хозяйствѣ, двѣнадцати черныхъ воловъ отъ одной коровы и сдвинуть съ клада камень непомѣрной тяжести. Гоголь, описавшій Иванову ночь по разсказамъ, лично не приносилъ жертвъ таинственному, поэтическому, убранному весенними цвѣтами, божеству сельской молодежи, чтобъ оно открыло ему, бодрствующему среди всеобщаго сна, то короткое мгновеніе, въ которое вспыхиваетъ и гаснетъ волшебный всеоткрывающій цвѣтъ папоротника. Гоголь, наконецъ, не бродилъ по селамъ въ такомъ видѣ и съ такой репутаціей въ народѣ, чтобы отъ него не скрывались робкіе, гонимые и вмѣстѣ презираемые, безсильные несчастливцы, и не сближался съ подобными ходячими скарбами до-того, чтобъ они разсыпались передъ нимъ всѣми своими душевными сокровищами.

Принадлежа однакожъ, по своей природѣ, къ тѣмъ избраннымъ вѣдателямъ тайнъ бытія, которыхъ нашъ поэтъ характеризовалъ стихомъ:

Тому, хто все знае, тому, хто все чуе, —

Гоголь не могъ остановить народъ безъ допроса о его старосвѣтскихъ сокровищахъ, и въ повѣстяхъ своихъ не разъ пробовалъ дѣлать съ предполагаемыми ходячими скарбами то, чтò и оная сельская сиротка, но онъ дѣлалъ это не въ простотѣ сердца, онъ дѣ-

лалъ это съ-высока, по-барски, а иной разъ и такъ, какъ описано у Квитки въ его повѣсти: *Отъ тобі й Скарбъ!*

Поэтическая шутка Основьяненка, какъ все истинно поэтическое, вѣрное дѣйствительности, идетъ изъ рода въ родъ и имѣетъ многоразличныя примѣненія. Нѣкій Хома Маслякъ слыхалъ, подобно многимъ поэтамъ, что въ народѣ являются иногда ходячіе скарбы, и выдумалъ обогатиться безъ всякой заслуги, безо всякаго на то права; но вмѣсто обогащенія попалъ только подъ отвѣтственность передъ обществомъ. Это случилось слѣдующимъ образомъ:

«То просючи, то плачучи, протурила ёго жінка объ Середохрестті на заробітки, чи не добувъ бы чого икъ святу, щобъ було чимъ разговітись. Потягъ Хома до слободы верстовъ за сімъ, и йде, и все свое думае: якъ бы то на скорбъ наскочити, забрати ёго та тогді бъ и гадки не мати! Ажъ ось, дивитця—назустрічъ идé дідусь, старенькій, маленький, горбатенький, та ще зігнувсь одъ старости, такъ мовъ при самій землі. Пика ёму не вмита, волоссе роскудовчане, нісъ не втертий, слина зъ рота такъ и бье, ажъ запінився, по всій бороді.

«Хома зъ радощівъ самъ себе не тямить. Чувъ, щó и якъ у такому ділі робити; заразъ підбігъ до дідуся, втеръ ёму нісъ, обітеръ ёму рітъ,—нічого! Дідусь не розсипавсь, а тілько мугиче щось таке та веселенько усміхаючись, знай ёму низесенько кланяетця.

«Хома думае собі: «Чому сей скарбъ та не розсипаетця?... Эге! знàю!» Та зъ симъ словомъ хряпъ дідуся по щоці! а той—бебехъ óбъ землю!... Эге, та й лежить цілісінькій, и скиглить, и плаче, и стогне, и нічого не говорить. Хома думавъ, що ще трохи ёго потовкмачивъ,—принявсь лежачого шкварити. Дідусь не розсипаетця, а Хома знай ёго бебехами годуе....

— «А щò ти, чоловіче, робишъ? За що ти нашого німого старця бьешъ?» обізвавсь до ёго чоловікъ изъ надъулісся, та й гукнувъ на товариство...»

Вотъ обращикъ того, какъ люди, чуждые народа и его чувствъ, допрашиваютъ народъ о его старосвѣтскихъ скарбахъ. Достается отъ нихъ иногда народу, какъ тому дідусю отъ Хомы Масляка, и должны они, рано или поздно, отвѣчать передъ своимъ обществомъ, какъ и Хома Маслякъ передъ своимъ.

Никакой талантъ не можетъ загладить погрѣшностей противъ коренныхъ нравовъ и обычаевъ, сохраняющихъ изъ вѣка въ вѣкъ из-

вѣстную національность, и чѣмъ изобрѣтательнѣе, чѣмъ живѣе воображеніе незнакомаго съ простонародьемъ писателя, тѣмъ въ большія впадетъ онъ несообразности и противорѣчія дѣйствительности. Такъ Гоголь, выдумавъ, въ *Сорочинской Ярмаркѣ*, невозможную интригу, лишилъ народный бытъ лучшихъ поэтическихъ цвѣтовъ его, оборвалъ эти цвѣты цыганскими руками, обратилъ сѣдаго отца невѣсты въ театральнаго пажа или въ ребенка, «забывающаго про всѣ дѣла свои» оттого только, что увидѣлъ дочку, танцующую съ зеркаломъ въ рукѣ подъ собственную пѣсенку. «Когда онъ услышалъ знакомые звуки пѣсни, жилки въ немъ зашевелились; гордо подбоченившись, выступилъ онъ впередъ и пустился въ–присядку» (¹) наединѣ съ дочерью! Такая сцена возможна на театральныхъ подмосткахъ; такая сцена возможна, можетъ быть, въ жизни городничаго, размечтавшагося вслухъ о генеральствѣ; но въ простомъ быту украинскаго пахаря она не возможна, она дика до такой степени, что сама дочь, передъ которой отецъ пустился бы выплясывать въ–присядку, убѣжала бы отъ него, какъ отъ сумасшедшаго. Этотъ вставочный случай самъ по себѣ испортилъ бы весь характеръ Солопія, какъ бы онъ ни былъ веденъ натурально отъ самаго начала повѣсти. Но въ *Сорочинской Ярмаркѣ* испортить ничего невозможно: она вся отъ начала до конца представляетъ самый краснорѣчивый аттестатъ, съ какимъ жалкимъ запасомъ знанія простонародной Украйны уѣхалъ Гоголь, въ 1829 году, въ Петербургъ, откуда пріѣзжалъ къ матери мѣсяца на два, авторомъ «*Вечеровъ на Хуторѣ*,» а потомъ еще разъ, на короткое время, прославленнымъ авторомъ *Миргорода*.

Еслибы этнографія въ то время, какъ нынѣ, входила въ кругъ научныхъ знаній, дающихъ право на имя просвѣщеннаго человѣка, то голосъ Полеваго противъ «Вечеровъ на Хуторѣ» не вопіялъ бы въ пустынѣ: его бы поддержали другіе критики. Еслибы, въ ту эпоху, Украина, въ области ученыхъ изслѣдованій и литературныхъ бесѣдъ, играла ту роль, какую играетъ въ наше время, то *Вечера на Хуторѣ* показались бы передовымъ умамъ дѣтскимъ опытомъ, и первенствующій поэтъ русскій не обратилъ бы вниманія на то, что надъ ними пырхаютъ наборщики въ типографіи.

Еслибы русское читающее общество было воспитано въ духѣ роднаго ему славянства до такой степени, чтобы читать свободно

(¹) Стр. 37.

Квитку и Шевченка, какъ ближайшихъ ему всеславянскихъ поэтовъ, то въ этихъ совершеннѣйшихъ зеркалахъ народныхъ чувствъ, народныхъ нравовъ и обычаевъ, оно увидѣло бы вопіющія погрѣшности повѣстей Гоголя, и пожалѣло бы только, что столько воображенія потрачено на блестящіе призраки изъ несуществующаго въ дѣйствительности міра. Но читающее общество, неохраняемое и невразумляемое критикою, бываетъ легковѣрно и легкомысленно до чрезвычайности. Оно въ литературѣ ищетъ забавы или, такъ-называемаго, легкаго чтенія, точно какъ-будто великіе таланты посылаются Богомъ ему на потѣху, а не въ науку, точно какъ-будто жизнь, которую они изображаютъ, какая-то игрушка, точно какъ-будто, неуразумѣвъ того вполнѣ, что́ было и есть въ этой жизни, можно сдѣлать хоть маленькій шагъ впередъ! Украинскія повѣсти Гоголя приняты были всѣми на-вѣру, потому что «въ его время невозможно было знать Украины больше, нежели *онъ* зналъ; мало того: не возникло даже и задачи изучить ее съ тѣхъ сторонъ, съ какихъ мы, преемники Гоголя въ самопознаніи, стремимся уяснить себѣ ея прошедшее и настоящее». Голосъ Полевого заглушенъ былъ повсемѣстнымъ хвалебнымъ жужжаньемъ и журнальными толками. Вслѣдъ за *Миргородомъ* явился Квитка, подъ именемъ Основьяненка, съ своими повѣстями, точно художникъ-обличитель, и заставилъ плакать ту самую Украину, которая по-дѣтски хохотала, вмѣстѣ съ господствовавшими въ ней журналами, надъ позоромъ собственнаго простонародья. Вслѣдъ за Квиткою явился Шевченко уже изъ среды того простонародья, надъ которымъ потѣшался Гоголь, — и тяжело повернулись многія сердца отъ его демократической, вмѣстѣ и суровой, и нѣжной, и саркастической, и грозной рѣчи. Но и тутъ Гоголь, подъ прикрытіемъ лавровъ, пожатыхъ на всероссійскомъ чиновничьемъ и дворянскомъ полѣ, остался, во мнѣніи публики, всё тѣмъ-же Гоголемъ, какимъ провозгласили его столичные первенствующіе критики. Правда, кругъ читателей Квитки и Шевченка былъ очень малъ, такъ какъ они повели рѣчь о Гоголевой родинѣ языкомъ этой родины, извѣстнымъ въ столицахъ больше всего по такимъ словамъ, какъ *Довгочхунъ*, *Свербигузъ*, *Перерепенко* и тому подобнымъ, которыя Гоголь употреблялъ, въ повѣстяхъ своихъ, не стѣсняясь, но которыя крестьянину стыдно произнести въ своемъ обществѣ, понимающемъ смыслъ каждаго произносимаго въ немъ слова. Правда и то, что многіе изъ украинцевъ оскорблялись не на шутку украинскими повѣстями Го-

голя; но ихъ назвали поклонники журнальной критики людьми отсталыми, и продолжали изучать простонародную Украину по Гоголю.

Извѣстно, что огромное большинство читающаго общества въ Украинѣ составляли помѣщики, которые не могли возвыситься надъ гоголевскою точкою воззрѣнія на предметъ, а любя наслажденія изящныя, увлекались картинностью его описаній природы и нѣкоторыхъ идеализированныхъ личностей, до которыхъ дойдетъ очередь въ нашей критикѣ. Естественно, что наука объ Украинѣ не могла двинуться такимъ повѣствователемъ, какъ Гоголь. Но, по своей поэтической натурѣ, онъ первый почуялъ, что въ области его живописи кроются великія сокровища для поэта, и не разъ подошелъ къ нимъ очень близко. Оставалось только сбросить съ глазъ повязку, наложенную на него первоначальнымъ воспитаніемъ, незнаніемъ народа и обществомъ,—сокровища были бы въ его рукахъ, и украинскія повѣсти Гоголя, въ этнографическомъ отношеніи, стали бы наравнѣ съ другими его повѣстями. Тѣмъ не менѣе, однакожъ, общество обратило глаза въ ту сторону, въ которую онъ такъ долго смотрѣлъ. Украина явилась въ воображеніи великороссіянъ какимъ-то блистательнымъ призракомъ, съ изумрудами, топазами, яхонтами эѳирныхъ насѣкомыхъ, съ сладострастнымъ куполомъ неба, нагнувшимся надъ землею, съ подоблачными дубами, по которымъ прыщетъ золото отъ ослѣпительныхъ ударовъ солнца, съ людьми веселыми, лѣнивыми и беззаботными до-того, что даже выдача дочери замужъ не въ состояніи ихъ озаботить, съ комизмомъ или юморомъ, для котораго нѣтъ никакихъ предѣловъ, съ нравами, для которыхъ нѣтъ ничего останавливающаго, съ исторіею, въ которой происходятъ великія событія по случайной затѣѣ безумца, колотящаго вокругъ себя все и позволяющаго колотить себя роднымъ сыновьямъ, съ воеводскими дочерями, которыя забавляются бурсакомъ, пробравшимся къ нимъ въ спальню черезъ каминъ; съ чертями, которые переносятъ кузнецовъ къ императрицѣ во дворецъ, съ русалками на водѣ, переворачивающимися на спину передъ галопирующимъ по воздуху на вѣдьмѣ семинаристомъ, и со множествомъ истинно смѣшныхъ и истинно поэтическихъ сценъ, которыя обнаружили въ авторѣ самое блестящее литературное дарованіе, какое только являлось до тѣхъ поръ въ россійской словесности. Это дарованіе само ручалось за вѣрность своей живописи, и никому не приходило въ голову, что украинскія повѣсти Гоголя не болѣе, какъ радужныя грезы поэта о родинѣ, что

это только отводъ нападавшаго на него унынія, очень естественнаго на сѣверѣ въ уроженцѣ Украины.

Уныніе это обыкновенно называютъ въ украинцахъ тоской по родинѣ. Оно больше всего губило козаковъ, работавшихъ Ладожскій каналъ по волѣ Петра Перваго, какъ это мы знаемъ изъ исторіи Ладожскаго канала, напечатанной въ *Русскомъ Вѣстникѣ.* Оно гнететъ почти каждаго изъ насъ до сихъ поръ на сѣверѣ, вдали отъ нашей не столь пышной, какъ описано у Гоголя, но гораздо болѣе плѣнительной, природы, вдали отъ нашего не столь комическаго, какъ у Гоголя, но гораздо болѣе влекущаго къ себѣ народа. Оно заставляетъ нашего брата въ Петербургѣ или работать за десятерыхъ, или пустить въ ходъ то, что̀ называется малороссійскимъ умишкой, или играть запоемъ въ карты и спустить съ рукъ всю *ба́тьковщину*, а пожалуй и удесятерить ее. Гоголь, какъ уроженецъ Полтавской губерніи, да еще и великій природный талантъ, не могъ не чувствовать гнета этой особенной болѣзни. Онъ нашелъ отводъ ея въ своемъ богатомъ воображеніи и пустился писать «какъ попало, куда ни поведетъ перо», по собственному его признанію въ *Авторской Исповѣди* (1), гдѣ читатель найдетъ слѣдующія слова: «На меня находили припадки тоски, мнѣ самому необъяснимой, которая происходила, можетъ быть, отъ моего болѣзненнаго состоянія. Чтобы развлекать себя самого, я придумывалъ себѣ все смѣшное, что только могъ выдумать. Выдумывалъ цѣликомъ смѣшныя лица и характеры, поставляя ихъ мысленно въ самыя смѣшныя положенія, вовсе не заботясь о томъ, зачѣмъ это, для чего и кому выйдетъ отъ этого какая польза (2).»

Само собою разумѣется, что Гоголь старался развлекать себя не однимъ смѣшнымъ: фантазія уносила его въ родныя степи, онъ живо писалъ впечатлѣнія дѣтскихъ лѣтъ, онъ олицетворялъ характеры, навѣянные ему родными пѣснями; но смѣхъ, въ его украинскихъ повѣстяхъ, преобладаетъ надъ всѣми иными чувствами и объясняетъ успѣхъ ихъ больше, нежели что-либо другое. Гоголь сознавалъ это самъ: «Я увидѣлъ», говоритъ онъ въ *Авторской Исповѣди*, «что въ сочиненіяхъ моихъ смѣюсь даромъ, напрасно, самъ не зная, за-

(1) См. «Соч. и П. Гоголя», т. III, стр. 516.

(2) Тамъ же, стр. 500.

чѣмъ. Если смѣяться, такъ ужъ лучше смѣяться сильно — и надъ тѣмъ, что̀ дѣйствительно достойно осмѣянья всеобщаго [1].»

Гоголь, какъ талантъ первоклассный, не могъ не понимать, или лучше сказать — не чувствовать, что одно смѣшное да смѣшное надоѣстъ читателю, и поэтому онъ вездѣ, гдѣ представлялся ему удобный случай, бралъ ноту грустную (напр., въ окончаніи *Сорочинской Ярмарки*, или повѣсти о миргородскихъ помѣщикахъ), онъ вводилъ между смѣшнаго величавое или трогательное; но этимъ онъ, такъ сказать, только приправлялъ свою похлебку, какъ человѣкъ со вкусомъ. Всего лучше читатель это увидитъ изъ первоначальнаго его намѣренія, касательно *Мертвыхъ Душъ*: «Я думалъ просто, что смѣшной проэктъ, исполненьемъ котораго занятъ Чичиковъ, наведетъ меня самъ на разнообразныя лица и характеры; что родившаяся во мнѣ самомъ охота смѣяться создастъ сама собою множество смѣшныхъ явленій, которыя я намѣренъ былъ перемѣшать съ трогательными [2]».

Подобная пересыпка трогательнаго съ смѣшнымъ довершила очарованіе, произведенное на умы читателей украинскими повѣстями Гоголя; а когда онъ выпробовалъ свое перо на Украинѣ, тѣмъ самымъ перомъ написалъ нѣсколько вещей изъ петербургской жизни съ безпощадною вѣрностію натурѣ, которая у него была передъ глазами, тогда исчезло и послѣднее сомнѣніе, что Украина не совсѣмъ похожа на его повѣсти.

Гоголь высказалъ однакожъ столько любви къ Украинѣ, сколько можетъ чувствовать поэтъ къ тому, что представляется ему въ поэтическомъ свѣтѣ. Онъ первый открылъ въ украинской старинѣ нѣчто величавое; онъ первый далъ характеру древняго козака широкіе размѣры; онъ первый заговорилъ о поэтической сторонѣ исчезнувшаго уже нашего прошедшаго. Онъ и въ настоящемъ быту поселянъ старался угадать изящныя черты нравовъ и обычаевъ, пробивающіеся сквозь грубую кору повседневности. Но все, что̀ онъ ни изобразилъ подъ вліяніемъ оборотной стороны своего комическаго таланта, было помѣщено имъ въ какихъ-то неопредѣленныхъ сферахъ, было представлено безъ связи съ другими предшествовавшими и послѣдовавшими явленіями, не имѣло вокругъ себя этой мелочи, которая свидѣтель-

---

(1) Тамъ же, стр. 501.
(2) Тамъ же, стр. 502.

ствуетъ, что взятое лице или явленіе дѣйствительно существовало въ такомъ видѣ и иначе существовать не могло. Въ его украинскихъ повѣстяхъ слышится тонъ пѣсень, которыя поэту, содержащему въ своей единицѣ нравственный образъ всего своего народа, открываютъ никому невѣдомыя тайны исчезнувшей жизни, но вообще читателю не разскажутъ ничего такъ, какъ разсказываетъ повѣсть: это уже дѣло вдохновеннаго пѣснями поэта. Онъ схватилъ чуткимъ слухомъ только поэтическій тонъ пѣсень, набралъ изъ нихъ полныя горсти очаровательныхъ въ своей дикости ароматныхъ цвѣтовъ. Онъ поставилъ между читающимъ обществомъ и Украиною радужную ткань своего воображенія и заставилъ взглянуть на Украину иными глазами, заставилъ почувствовать въ этой странѣ и въ населяющемъ ее народѣ достоинства великія, дотолѣ неподозрѣваемыя; но та же самая радужная ткань воображенія поэта не дала обществу ничего разсмотрѣть въ такой ясности и полнотѣ, въ какой является у него многое, если не все, въ *Мертвыхъ Душахъ*.

Тѣмъ не менѣе, однакожъ, какъ я уже сказалъ, общество обратило глаза на Украину, и послѣ Гоголя началось многостороннее изслѣдованіе и опредѣленіе этой страны, которой онъ своими повѣстями не объяснилъ, и объяснить не могъ. Онъ самъ говоритъ, что «угадывать человѣка могъ только тогда, когда ему представлялись самыя мельчайшія подробности его внѣшности (1)». Какимъ же образомъ могъ онъ угадать Тараса Бульбу, прочитавъ только Конискаго да Боплана? Какимъ образомъ могъ онъ угадать украинскаго простолюдина, зная украинскій простонародный бытъ въ такой степени, какую обнаружила передъ нами *Сорочинская Ярмарка?* Сколько онъ ни собиралъ, черезъ переписку по почтѣ, народныхъ пѣсень, сколько онъ ни распрашивалъ объ Украинѣ заѣзжихъ въ Петербургъ земляковъ, онъ не могъ достигнуть такого познанія простонародной Украины, чтобы, творя въ умѣ образъ изъ старины, или изъ настоящаго, не пропустить нѣсколько подробностей; а творческій талантъ его, по собственному его опредѣленію, былъ такого свойства, что «стоило ему нѣсколько подробностей пропустить, не принять въ соображеніе—и ложь у него выступала ярче, нежели у кого другаго» (2). Но она выступала только для такого изощреннаго кри-

---

(1) Тамъ же, стр. 508.
(2) Тамъ же, стр. 509.

тическаго зрѣнія, какое онъ самъ имѣлъ, когда говорилъ, что «чувствовалъ что-то въ родѣ отвращенія къ своему юмору, когда находилъ, что все у него выходило натянуто, насильственно, и даже то, надъ чѣмъ онъ смѣялся, становилось печально (1)».

Мы сами, незнавшіе еще ни Квитки, ни Шевченка, встрѣтили съ восторгомъ «Вечера на Хуторѣ (2)». Мы, будучи дѣтьми, въ эпоху появленія въ свѣтъ повѣстей пасичника Рудого Панька, бросили для него всѣ свои книги и даже *Библіотеку для Чтенія* съ ея первыми повѣстями (3). Мы выучили ихъ наизусть и потѣшались Голопупенками и Перерепенками отъ всей души, а отъ фантастическихъ и печальныхъ сценъ приходили въ восторгъ и умиленье. Но, когда попали намъ въ руки повѣсти Квитки, мы такъ же выучили ихъ наизусть; когда забрело въ Украину московское изданіе *украинскихъ народныхъ пѣсень*, мы и его приняли съ восторгомъ и выучили наизусть; когда явились, наконецъ, *объясняющіе* Украину со многихъ сторонъ стихи Шевченка, печатные и непечатные, мы также и стихи Шевченка, всѣ, до послѣдняго слова, выучили наизусть. Пока происходили эти и другія, второстепенной важности, литературныя явленія, каждый изъ насъ сдѣлался человѣкомъ взрослымъ и началъ жить болѣе или менѣе независимымъ умомъ. И если самъ авторъ украинскихъ повѣстей могъ освободиться наконецъ отъ очарованія своего неосмысленнаго юмора и своей неопредѣленной фантазіи, до-того что находилъ свои поэтическія концепціи, несвязанныя тѣсно съ дѣйствительностію, натянутыми и насильственными, а то, надъ чѣмъ онъ прежде смѣялся, становилось для него печальнымъ,— то что мудренаго, если люди, содержащіе въ умѣ въ тысячу разъ больше противъ него памятниковъ народной поэзіи, люди, озаренные такими писателями, какъ Квитка и Шевченко, и при всемъ томъ взросшіе посреди своего народа, находятъ многія концепціи украинскихъ повѣстей Гоголя натянутыми, насильственными и грустно качаютъ головою надъ тѣмъ, что́ прежде ихъ смѣшило?

Я помню, съ какимъ восторгомъ мы встрѣтили Солопія въ пре-

---

(1) Тамъ же, стр. 502.

(2) Говоря *мы*, я разумѣю здѣсь своихъ сверстниковъ, сходныхъ со мною во вкусахъ и стремленіяхъ, хотя бы они воспитывались и не вмѣстѣ со мною.

(3) *Библіотека для Чтенія* явилась позже *Вечеровъ на Хуторѣ*, но въ Украинѣ, въ нашемъ малокнижномъ затишьѣ, въ одно время съ ними.

лестной сценѣ размечтавшейся съ зеркальцемъ въ рукахъ, Параски. Мы находили его театральный танецъ очень умѣстнымъ и очень естественнымъ. Но теперь, когда мы въ состояніи, на мѣсто выставленной Гоголемъ куклы на пружинахъ, вообразить живую натуру,—намъ танецъ Параски съ сѣдымъ отцомъ напоминаетъ святочные столичные балаганы, гдѣ крещеный людъ коверкаетъ себя на всѣ манеры, не справляясь съ эстетическими и натуральными чувствами. Теперь для насъ былъ бы естественъ въ танцующей дѣвушкѣ крикъ ужаса при видѣ впавшаго въ безуміе отца, и неестественна плѣнительная сцена цвѣтущей молодости, насильственно сгармонированной съ старостью, у которой, не говоря уже о семейныхъ отношеніяхъ, «другія хладныя заботы, другія строгія мечты.»

Во времена оны, мы отъ души раздѣляли радость Параски, которой, въ ярмарочной квартирѣ, объявили, что пришелъ женихъ—вести ее къ вѣнцу. Но теперь ея радость для насъ такъ же противна, какъ и движенія мертваго тѣла подъ вліяніемъ гальванизма. Для незнающихъ простонародной Украины, кажется очень простымъ дѣломъ взять за руку сельскую дѣвушку и повести къ вѣнцу. Для знающихъ—это былъ бы вопіющій фактъ нарушенія обычаевъ, передъ которыми сельская невѣста благоговѣетъ, какъ язычникъ передъ своимъ кумиромъ.

Я уже не говорю о старшихъ; я уже не говорю о *родѣ*, который былъ бы оскорбленъ до глубины души подобнымъ событіемъ и не простилъ бы никогда своего *безчестья* обвѣнчавшейся такимъ образомъ женщинѣ. Но сама невѣста, при всей своей молодости, не согласилась бы на вѣнчанье безъ почетнаго конвоя своихъ сверстницъ—*дружокъ* и *свѣтилокъ*, безъ того конвоя, впереди котораго несутъ свадебный *мечъ* съ пылающею на его остріѣ свѣчкою, какъ эмблему свидѣтельствуемой передъ цѣлымъ міромъ вѣрной, пылающей до гроба, любви. Сама невѣста не пошла бы подъ вѣнецъ безъ *честного* коровая, который печется, наканунѣ вѣнчанья, съ такими торжественными, полуязыческими, очень древними пѣснями и разными изъ рода въ родъ неизмѣнными обрядами. Сама невѣста ужаснулась бы мысли — выдти въ церковь не изъ отцовскаго дома, а изъ этой чужой хаты съ московскими полатями, съ которыхъ наканунѣ упалъ подобравшійся къ ея мачихѣ поповичъ.

У Гоголя все это представлено очень юмористически; и кто же, поднявшійся на высоту критическаго воззрѣнія, не почувствуетъ не-

вольнаго отвращенія къ подобному юмору? Кому не покажется въ этой сценѣ печальнымъ то́, надъ чѣмъ онъ прежде смѣялся? Сама Хивря, кричащая: «Нѣтъ! нѣтъ! этого-то не будетъ!» является обличительницею автора, «незнавшаго простонародной Украйны и изображавшаго ее какъ баринъ, видящій въ мужикѣ одно смѣшное». Пара Цыганъ, держащихъ ее за руки, профанируютъ въ ея, вовсе не народномъ, типѣ весь народъ нашъ съ его священнѣйшими обычаями. Я скажу гораздо болѣе, если прибавлю, что подобнымъ образомъ поступали у насъ только нѣкоторые помѣщики, которые, вовсе не зная и не желая знать простонародной Украины, иногда среди нивъ брали съ одной нивы паробка, а съ другой дѣвушку и заставляли ихъ быть мужемъ и женою, по экономическимъ и домашнимъ соображеніямъ. Еслибы Гоголь наполнилъ свои простонародныя повѣсти подобными фактами да озарилъ ихъ своимъ талантомъ, тогда-бы онъ *объяснилъ* Украину. Но, безъ этого, онъ сдѣлалъ ими одно только истинно достойное дѣло: «далъ новое, сильное побужденіе къ ея объясненію», ка́къ сказано у меня въ осмѣянномъ *Русскою Бесѣдою* эпилогѣ къ *Черной Радѣ*.

Оканчивая свою повѣсть, Гоголь говоритъ: «Странное, неизъяснимое чувство овладѣло бы зрителемъ, при видѣ, какъ отъ одного удара смычкомъ музыканта въ сермяжной свиткѣ, съ длинными, закрученными усами, все обратилось, волею и неволею, къ единству и перешло въ согласіе».

Хорошо сказано, но только противно истинѣ. На нашихъ простонародныхъ свадьбахъ нестройная, разговорившаяся и разшумѣвшаяся толпа дѣйствительно обращается къ единству и переходитъ въ согласіе отъ одного удара смычка. Но музыка тамъ повершаетъ гармонію жизни со всѣми ея варіаціями; музыка обращаетъ къ единству разнородныя чувства свадебной толпы, начиная отъ молодой четы, которая, взаимнымъ влеченіемъ другъ къ другу, предъявила свои права на состоятельность, до старшихъ въ семействахъ, давшихъ, послѣ долгихъ обдумываній и совѣщаній, свое благословеніе на эту самостоятельность, и до послѣдняго посѣтителя свадьбы, свидѣтельствующаго передъ міромъ ея законность.

Простонародныя свадьбы наши никогда не совершаются въ тихомолку. Объ нихъ возвѣщаетъ всему селу хоръ дружекъ, которыя, сбираясь на *дівичъ-вечіръ*, ходятъ по всѣмъ улицамъ и воспѣваютъ въ поэтическихъ образахъ готовое совершиться событіе. Лишь только

соберется народъ, музыка водворяетъ гармонію между нестройными голосами и обращаетъ чувства толпы къ единству. На дѣвичь-вечерѣ у бѣдныхъ людей голоса дружекъ замѣняютъ музыку, такъ какъ голоса коровайницъ замѣняли ее во время печенья коровая. Она дѣлаетъ свое дѣло уже въ день бракосочетанія, и тогда-то оживляются звуками музыки даже тѣ, «на угрюмыхъ лицахъ которыхъ, кажется, вѣкъ не проскальзывала улыбка», и даже самыя «старушки, на ветхихъ лицахъ которыхъ вѣяло равнодушіемъ могилы (1)».

Наблюдая это явленіе мимоходомъ или мимоѣздомъ, какъ наблюдаютъ помѣщики, подобные автору *Вечеровъ на Хуторѣ*, можно подумать, что оно происходитъ «отъ одного удара смычка». Но это все равно, какъ еслибы думать, что душа католика трепещетъ и стремится къ небесамъ отъ одного того, что органистъ ударилъ по клавишамъ органа. Пускай тотъ самый органистъ играетъ свою религіозную симфонію въ мастерской у того, кто дѣлаетъ органы. Набожный католикъ, проходя мимо и зная, что это только проба органа, не содрогнется душою, не перестанетъ размышлять о своихъ дѣлахъ и будетъ продолжать свой путь спокойно. Точно такъ свадьба, сыгранная внезапно, при содѣйствіи ярмарочныхъ конокрадовъ вмѣсто почетныхъ старостовъ и прочихъ представителей сельскаго общества, еслибы только была возможна такая свадьба, — не произвели-бы на народъ такого впечатлѣнія, какъ у Гоголя напѣвъ дочери на старика отца и ударъ смычка на толпу людей, «на угрюмыхъ лицахъ которыхъ повидимому вѣкъ не проскальзывала улыбка и вѣяло равнодушіемъ могилы». Было-бы совершенно напротивъ. Одни развѣ Цыганы-конокрады участвовали-бы въ такой свадьбѣ и удостоили-бы танцовать на ней. Честные же поселяне съ ужасомъ отхлынули-бы отъ сумасшедшихъ, которые, отвергнувъ весь *законъ* (2), затѣяли свадьбу вдали отъ своего дома, точно *жиды на смітнику* (3). Не понеслось бы все и не затанцовало бы, какъ у Гоголя. И тѣ самыя старушки, которыя «подплясывали у него за веселящимся народомъ, даже безъ дѣтской радости, безъ искры сочувствія, подъ вліяніемъ одного хмѣля, заставлявшаго ихъ дѣлать что-то подоб-

---

(1) *Сорочинская Ярмарка*, стр. 38.

(2) Всѣ свадебныя церемоніи вмѣстѣ называются *закономъ;* оттого и *законныя рѣчи.*

(3) Такъ выражается о еврейской свадьбѣ народъ.

ное человѣческому, какъ механикъ своего безжизненнаго автомата», тѣ самыя старушки явились бы на такой свадьбѣ главными представительницами пораженнаго ужасомъ и оскорбленіемъ общества: онѣ бы вдругъ ожили, точно вставшія изъ гробовъ покойницы, и предали-бы всенародно проклятію безумнаго Солопія и безумную молодую чету. Ихъ ветхія лица, на которыхъ вѣяло равнодушіе могилы, сдѣлали-бы страшное впечатлѣніе на «новаго, смѣющагося, живаго человѣка», между которымъ они безсмысленно толкаются у Гоголя. Долго новый, живой человѣкъ не забылъ-бы ихъ замогильныхъ воплей, и въ грядущія поколѣнія перешла бы какая нибудь волшебная легенда въ память ужаснаго беззаконія, совершившагося всенародно.

И вотъ вамъ впечатлѣніе, производимое на критика-этнографа тою самою молодою, смѣющейся поэзіей *Сорочинской Ярмарки*, которая во времена оны заткала радужною сѣткою передъ его глазами дѣйствительность, и непреодолимою силою увлекала его воображеніе въ свой фантастическій причудливый міръ, невозможный на нашей почвѣ. «Не такъ ли и радость», скажемъ словами Гоголя, «прекрасная и непостоянная гостья, улетаетъ отъ насъ (съ лѣтами), и напрасно одинокій думаетъ выразить веселье? Въ собственномъ эхѣ слышитъ уже онъ грусть и пустыню, и дико внемлетъ ему. Не такъ ли рѣзвые други бурной и вольной юности, по одиночкѣ, одинъ за другимъ, теряются по свѣту и оставляютъ наконецъ одного, стариннаго брата ихъ? Скучно оставленному! И тяжело, и грустно становится сердцу, и нечѣмъ помочь ему (1)»!

Да̀, намъ жалко разстаться съ тѣми восторгами, какіе мы чувствовали во времена оны при чтеніи *Вечеровъ на Хуторѣ* — все равно, «какъ жалко исторгнуть изъ памяти первыя игры невозвратной юности (2)». Но всякій возрастъ имѣетъ свои преимущества и свою замѣну того, что̀ было безразлично-хорошо въ прежнее время. Это должно сказать какъ объ одномъ человѣкѣ, такъ и о цѣломъ обществѣ....

П. Кулишъ.

29 іюня 1858.
Хуторъ Мотроновка,
подъ Борзною.

---

(1) Заключительныя слова *Сорочинской Ярмарки*.
(2) Слова Гоголя въ предисловіи къ изданію его *Сочиненій* въ 1842 году.

ГИМНАЗИЧЕСКАЯ ПЕРЕПИСКА.

II.

№ 8. *Отъ исправляющаго должность старшаго учителя татаровской гимназіи, Тропова, къ его брату, баталіонному лѣкарю.*

Какъ куколка сбрасываетъ съ себя свою некрасивую оболочку и превращается въ блестящую бабочку, такъ, въ одно прекрасное утро, по выдержаніи выпускнаго университетскаго испытанія, сбросилъ я съ себя свою подержанную студенческую оболочку и явился въ новой, учительской формѣ. Вмѣсто сюртука, давно уже отжившаго вѣкъ, назначенный ему законами суконной природы и положеніемъ о срокѣ казенныхъ сюртуковъ, на мнѣ былъ новый вицъ-мундиръ, со всѣми опредѣлительными и дополнительными къ нему частями туалета. Превращеніе это совершилось при пособіи 133 рублей, съ копѣйками, третнаго, не въ зачетъ, жалованья. Не разъ, въ минуты безтабачья, испыталъ я, какъ бываютъ дороги и 15 копѣекъ — цѣна вожделенной пачки Жукова; — поэтому сто тридцать три рубля показались мнѣ неистощимымъ капиталомъ, и я тогда только убѣдился въ противномъ, когда у меня въ кошелькѣ осталось не болѣе, какъ сколько было необходимо на прогоны и путевыя издержки въ Татаровку. Зато я былъ во всеоружіи учительскаго облаченія, съ ногъ до головы, то есть отъ клуговскихъ сапогъ до циммермановской шляпы.

Представленіе мое директору — вотъ истинный Рубиконъ, отдѣляющій міръ моихъ прежнихъ, юношескихъ понятій отъ міра оффиціальной жизни. Прежде всего директоръ самымъ чувствительнымъ образомъ поразилъ меня именно съ той стороны, съ которой я считалъ себя менѣе всего уязвимымъ, то есть со стороны безукориз-

ненности моего туалета. «У васъ нѣтъ мундира, г. Троповъ» сказалъ онъ, остановивъ меня почти у порога: «всѣ вы, господа казеннокоштные, таковы! чуть только получили третное не въ зачетъ жалованье, тотчасъ спѣшите запастись клуговскими сапогами, циммермановской шляпой, галстучкомъ изъ Нѣмецкаго магазина, позолоченною цѣпочкою, а о главномъ — о мундирѣ, и забываете. Впрочемъ я васъ и не виню; естественно, что галстучекъ и воротнички интересуютъ студента болѣе, нежели форма; но ваше университетское начальство могло бы наблюсти, чтобы всякій казеннокоштный, получившій не въ зачетъ третное жалованье, прежде всего сшилъ себѣ мундиръ. Не имѣть мундира значитъ неуважать начальства, не дорожить своимъ званіемъ. На безмундирныхъ я смотрю, какъ на санкюлотовъ; ихъ нѣтъ въ моей гимназіи. Поэтому, г. Троповъ, вы немедленно должны сшить себѣ мундиръ. Я знаю, у васъ денегъ нѣтъ: галстучки, воротнички, пуговки, поглотили весь капиталъ; но мундиръ будетъ сшитъ вамъ въ счетъ вашего жалованья, съ васъ снимутъ мѣрку, а постройкою займется надзиратель Михайловъ.»

Говоря это, директоръ въ то же время взглядомъ, голосомъ и жестомъ старался испытать степень моей впечатлительности. То сдѣлаетъ нѣжные глазки и заговоритъ тономъ дружеской бесѣды, то вдругъ посмотритъ сурово и возвыситъ голосъ до самой высокой начальнической ноты, то подойдетъ ко мнѣ, возьметъ за пуговицу, положитъ мнѣ на плечо руку, то отойдетъ и, потомъ вновь приблизившись, вдругъ сдѣлаетъ рукою ораторскій жестъ, будто для того, чтобы испытать степень моей природной расположенности къ перенесенію пощечинъ. Посредствомъ этихъ магнетизерскихъ пріемовъ, директоръ, вѣроятно, желалъ испытать мой нравъ и произвести на меня обаяніе, подобно тому, какъ ремонтеръ испытываетъ нравъ лошади и укротитель животныхъ подчиняетъ ихъ своей волѣ. Въ заключеніе этого магнетизерскаго сэанса, директоръ показалъ видъ, будто желаетъ проститься со мною и подать мнѣ руку, но лишь только я протянулъ свою, какъ онъ обѣ свои спряталъ въ карманы и, кивнувъ мнѣ головою, сухо сказалъ: «прощайте.» Я ушелъ, но не успѣлъ еще запереть дверь, какъ онъ вновь кликнулъ меня. «Г. Троповъ», сказалъ онъ: «пожалуйста, остригитесь; учитель долженъ подавать примѣръ ученикамъ; вакаціонное время дано намъ начальствомъ не на то, чтобы отрощать себѣ волоса.» Такъ кончилось мое первое свиданіе съ директоромъ. По всему замѣтно, что я попалъ въ руки

великаго мастера въ дѣлѣ укрощенія и дресировки подчиненныхъ. Но напрасно со мною, человѣкомъ смирнымъ, онъ сразу обошелся такъ жестко; Богъ ему судья!

На слѣдующій день, директоръ пригласилъ меня къ себѣ поговорить о способѣ преподаванія моего предмета. «Вы назначены въ таговскую гимназію преподавать русскую словесность», сказалъ онъ; «предметъ вашъ я считаю однимъ изъ запутаннѣйшихъ предметовъ гимназическаго курса; съ нимъ однимъ директору хлопотъ болѣе, нежели со всѣми остальными; разумѣется, запутанъ онъ не по своему содержанію, котораго я не касаюсь, а собственно по трудности преподаванія на законномъ основаніи. Вамъ извѣстно, что основаніемъ преподаванія у насъ служатъ: во–первыхъ, начальническое распоряженіе, во–вторыхъ, программа нашего учебнаго округа, въ-третьихъ, одобренные начальствомъ учебники. Къ несчастію, по словесности, начальство, программа и учебники — не во всемъ между собою согласны: въ учебникѣ нѣтъ отвѣтовъ на вопросы програмы, а въ програмѣ нѣтъ вопросовъ на статьи учебника. Равнымъ образомъ програма наша расходится и съ начальническимъ распоряженіемъ, которое состоялось послѣ напечатанія програмы и, по словесности, имѣло въ виду только еще подготовлявшійся въ то время учебникъ. Вотъ собственно въ чемъ заключается трудность и запутанность вашего предмета. Ограничишься однимъ учебникомъ — не удовлетворишь требованіямъ програмы: а вы знаете, кто̀ составлялъ програму! Станешь придерживаться програмы — отступишь отъ учебника, который не только одобренъ, но и напечатанъ самимъ начальствомъ. Чтобы выйти изъ этого затрудненія, я вижу только одно средство, которое, впрочемъ, не нравится начальству, котораго я самъ не люблю и на которое только крайность заставляетъ меня рѣшиться: это — выдавать дополнительныя записки. Но здѣсь новое затрудненіе. По всѣмъ другимъ предметамъ, заглавія разныхъ европейскихъ сочиненій, которыми, на законномъ основаніи, можетъ руководствоваться учитель, въ програмѣ разсыпаны щедрою рукою; по отечественной же словесности, какъ нарочно, ни одного. Нечего дѣлать, г. Троповъ: по тѣмъ вопросамъ програмы, которые не вошли въ учебникъ, составьте ваши собственныя записки, разумѣется, въ духѣ руководства; составивши, препроводите ихъ при рапортѣ ко мнѣ, а я представлю на усмотрѣніе его превосходительства Кузьмы Демьяновича. При этомъ рекомендую вамъ имѣть въ виду, что употребленіе вашихъ записокъ

учащимися должно оставаться безъ всякаго вліянія на употребленіе учебника; кромѣ того, предлагаю вамъ сдѣлать необходимымъ для учениковъ всѣхъ классовъ употребленіе двухъ русскихъ хрестоматій: теперешней и прежней, которой осталось еще у насъ, въ книжномъ магазинѣ, значительное число экземпляровъ.» — Прощай, любезный братъ. Въ слѣдующемъ письмѣ я дамъ тебѣ понятіе о моемъ положеніи въ здѣшнемъ обществѣ и объ отношеніяхъ моихъ къ сослуживцамъ и ученикамъ.

№ 9. *Отъ Софіи Строинской къ гувернанткѣ почетнаго попечителя, Констанціи Подлипской.*

Только послѣ разлуки съ тобою, ma chère Constance, я узнала всю цѣну твоей дружбы. Полжизни отдала бы я зато, чтобы ты теперь была со мною, чтобы имѣть друга, съ которымъ могла бы дѣлиться чувствами. Еще никогда я такъ не тяготилась одиночествомъ моей жизни въ Татаровкѣ. Особенно весна этого года навѣяла на меня какую-то грусть и тревогу. Иногда по цѣлымъ часамъ просиживаю въ нашемъ садикѣ, въ какомъ-то странномъ душевномъ состояніи. Сердце чего-то проситъ, душа куда-то рвется; среди безмятежной природы, я испытываю непонятную борьбу и чувствую, какъ, подъ вліяніемъ какихъ-то неясныхъ грезъ, то краснѣю, то блѣднѣю. Ахъ! если бы въ эти минуты я могла прильнуть къ твоей груди, въ горячихъ поцѣлуяхъ и ласкахъ высказать тебѣ мою душу. Но вокругъ меня все такъ пусто и безжизненно. Маменька постоянно занята по хозяйству, мы рѣдко-гдѣ бываемъ, еще рѣже видимъ у себя чужаго человѣка. Только и отрады, что книга. Зато съ какою жадностію я предаюсь этому удовольствію, съ какимъ восторгомъ переселяюсь изъ бездушной татаровской дѣйствительности въ очаровательный міръ фантазіи. На дняхъ я читала *Валентину*. Ахъ! ma chère Constance, сколько чувства, какое наслажденіе для сердца и воображенія. Въ одномъ только я не согласна съ сочинительницею (говорятъ, что Жоржъ-Зандъ сочинительница, а не сочинитель) мнѣ кажется, что героини ея романовъ слишкомъ уже самоотверженно подчиняются мужчинамъ и переносятъ ихъ капризы. Иногда я ставлю себя въ ихъ положеніе и тогда чувствую, что никогда не позволила бы мужчинѣ имѣть надо

мною столько власти. Чаша блаженства обща, но она должна оставаться въ рукѣ женщины. Всякая зависимость нестерпима для моей *сарматской* натуры.

Раза два я была у мадамъ Риво. Сколько воспоминанiй воскресло въ моей душѣ, при видѣ комнатки, гдѣ провели мы столько счастливыхъ, беззаботныхъ дней. У мадамъ Риво по прежнему десятка два ученицъ, съ которыми она занимается тайкомъ отъ властей учебныхъ и по секретному договору съ властями гражданскими мѣстечка Татаровки. Помнишь, какъ поспѣшно, съ крикомъ: мракъ! мракъ! [1] прятали мы подъ передники всѣ книги и тетради и брали въ руки работу, коль скоро намъ давали знать, что на улицѣ появился кто либо изъ гимназическихъ чиновниковъ. Maman говорила мадамъ Риво, почему она не выхлопочетъ себѣ права открыть формальный пансiонъ, чтобы избавиться наконецъ отъ этой вѣчной тревоги. Но мадамъ Риво отвѣчала, что ей гораздо выгоднѣе знать одного становаго пристава, нежели подчиниться всѣмъ законнымъ формальностямъ и личнымъ капризамъ татаровскаго директора и компанiи.

Вчера мы были съ maman на имянинахъ у аптекарши. Общество состояло изъ нѣсколькихъ семействъ знакомыхъ тебѣ татаровскихъ старожиловъ и полнаго штата гимназическихъ учителей. Сынъ аптекаря воспитывается въ гимназiи, и за то, что учителя набиваютъ разнымъ вздоромъ голову сына, аптекарь считаетъ себя обязаннымъ набивать учительскiе желудки. Танцовали. Я танцовала мазурку и одну кадриль съ недавно назначеннымъ сюда учителемъ литературы, который чрезвычайно смѣшилъ меня своимъ польскимъ произношенiемъ. Онъ—русскiй; не смотря на то, не дурно танцуетъ и умѣетъ найтись въ обществѣ. Вѣроятно, или родился, или долго жилъ въ нашихъ мѣстахъ, а только притворяется, что не умѣетъ по-польски. Этотъ господинъ простеръ свою любезность до того, что и за ужиномъ не оставилъ дамскаго общества и не присоединился къ своимъ сослуживцамъ, которые, за особымъ столомъ, очищали, наперерывъ другъ передъ другомъ, блюда и бутылки. Впрочемъ ихъ и зовутъ только за тѣмъ, чтобы накормить, и на этотъ разъ они честно исполняютъ свое *призванiе*.

Посылаю тебѣ выкройку мантильи моего собственнаго изобрѣтенiя.

---

(1) Въ подлинникѣ: *ćma*, что, кромѣ тьмы, мрака, значитъ еще: ночная бабочка.

Тебѣ извѣстенъ мой талантъ въ дѣлѣ шитья и вышиванья. Недавно я выучилась шить перчатки, и теперь другихъ не ношу, кромѣ своей собственной работы. Кожечку выписываемъ изъ Бердичева. Тетинька кланяется тебѣ. Цѣлую тебя милліонъ разъ въ губки, въ щечки, въ носикъ, въ лобикъ, и прошу не забывать твоей — Sophie.

№ 10. *Отъ учителя исторіи татаровской гимназіи, Трезваго, къ учителю русской словесности Носачевской гимназіи, Наивному.*

Только по прошествіи года, уже порядкомъ окунувшись въ здѣшней жизни, я передаю тебѣ впечатлѣніе, которое эта жизнь произвела на меня. Кажется, Иванъ Андреевичъ, въ университетѣ мы обѣщали другъ другу переписываться чаще; но мало ли что обѣщается и не исполняется. Утѣшимся однако (хоть солжемъ, а утѣшимся!): теперь всѣ замѣчанія наши, какъ болѣе зрѣлый плодъ опытности и размышленія, будутъ гораздо основательнѣе.

Прежде всего я желалъ бы въ нѣсколькихъ словахъ выразить тебѣ отличительный характеръ края, въ которомъ, по волѣ судебъ и начальства, нынѣ обрѣтаюсь. Англію мы представляемъ себѣ не иначе, какъ краемъ разумной свободы гражданской; Германію — царствомъ мысли; Францію — страною утонченныхъ нравовъ. Что же такое Польша, по крайней мѣрѣ тотъ слой Польши, который я видѣлъ въ нашихъ западныхъ губерніяхъ? Это земля славянская, сильно заправленная папизмомъ. Папизмъ и славянская національность діаметрально противоположны другъ другу. Какъ противоположны лукавая казуистика и неподкупный голосъ сердца, задолбленный принципъ и вдохновеніе, Парагвайская республика отцовъ іезуитовъ и Запорожская Сѣчь: такъ противоположны папизмъ и славянская національность. И однако папизмъ глубоко пустилъ здѣсь свои корни.

Напрасно у насъ смѣшиваютъ духъ папизма съ духомъ польской національности: папизмъ только пользуется національностью; но польсти ему — и онъ станетъ подъ знамена какой-угодно національности. Австрія, непопулярная въ католической, но издревле свободномыслящей, отчизнѣ Гусса, очень уважаема въ Моравіи, гдѣ папизмъ всесиленъ. Лишь бы и самому властвовать надъ омраченными умами, моравскій

папизмъ протянулъ руку Австріи и заключилъ съ нею братскій договоръ на порабощеніе славянина нѣмцу. Папизмъ — естественный союзникъ обскурантизма. Живой примѣръ у меня передъ глазами. Директоръ нашъ — страшный деспотъ и обскурантъ; его здѣсь никто не любитъ; но въ ксендзѣ Пущайлѣ онъ нашелъ себѣ ревностнѣйшаго поборника и защитника. Ксендзъ понимаетъ, что іезуитская дисциплина директора готовитъ и ему обильную жатву.

Только вліяніемъ папизма я могу объяснить себѣ нѣкоторыя черты здѣшнихъ нравовъ, несвойственныя славянской природѣ; только папизмъ могъ внушить славянину чуждый ему духъ нетерпимости, самообожанія, пропаганды, резонерства.

Папизмъ говоритъ: «я—свѣтъ міру; все остальное—мракъ, ересь, «расколъ, достойная добыча огня вѣчнаго, а подчасъ и временнаго; одинъ путь къ Небу—мой путь, и мое призваніе — всѣхъ, волею и неволею, обращать на этотъ единственный путь спасенія.» Затѣмъ слѣдуетъ очень справедливое въ устахъ славянина замѣчаніе: «мы всегда отличались ревностью и религіознымъ чувствомъ.» Изъ соединенія этихъ двухъ посылокъ выводится заключеніе: «ergo, мы народъ избранный, насъ ожидаетъ великая будущность, мы должны твердо вѣровать въ свое превосходство и стараться передѣлать другихъ на свой ладъ.» Разумѣется, все это — слова; поэтому фразерство всегда играло здѣсь важную роль и будетъ играть, пока безпристрастный судъ свободной мысли не восторжествуетъ надъ искуственной энергіей папизма. Прискорбенъ видъ смерти: грустно видѣть, какъ умираетъ человѣкъ, какъ исчезаетъ идея, жившая въ убѣжденіи людей въ теченіи многихъ поколѣній; но непріятенъ и видъ насильственной жизни: непріятно видѣть, ка́къ галванизуетъ людей уже отжившее свой вѣкъ начало.

Теперь слѣдуетъ дать тебѣ понятіе о томъ, что̀ дѣлаемъ здѣсь мы, наставники, чтобы поставить школу въ должныя отношенія къ жизни. Ты полагаешь, что для этого мы употребили какія нибудь особенно тонкія воспитательныя мѣры: открыли новыя каѳедры, позаботились о приготовленіи педагоговъ, объ изданіи хорошихъ учебниковъ? Извини, любезный другъ: сражаться невидимымъ оружіемъ педагогіи и всякихъ другихъ *гогій* и *логій* не наше дѣло. Это не только головоломно, но и опасно. Пожалуй, пустившись въ разсужденія, еще самъ попадешь въ просакъ, какъ нѣкій западный докторъ богословія, неосторожно затѣявшій диспутъ съ чертомъ. Мы распо-

рядились по своему. *C'est le petit ventre qui gouverne le monde.* На этомъ основаніи, мы и на воспитаніе дѣйствуемъ здѣсь посредствомъ питанія, и дѣйствуемъ такъ удачно, что о способѣ воспитанія здѣсь теперь никто не думаетъ и не говоритъ, а всѣ заняты только способомъ питанія учащихся. Для всѣхъ самый жизненный воспитательный вопросъ заключается въ томъ, гдѣ дѣти будутъ жить и кто ихъ будетъ кормить. Этихъ блестящихъ результатовъ мы достигли учрежденіемъ большаго питательнаго заведенія, или, такъ—называемой, *общей ученической квартиры.* Ты дворянинъ, хочешь учиться — такъ давай денежки и ступай въ общую квартиру: тамъ ѣшь, пей, ложись, вставай, а за тѣмъ и учись по росписанію и командѣ, безъ излишнихъ разсужденій. Въ сущности общія квартиры не лишены раціональнаго основанія: это учебно—смирительныя заведенія, въ которыхъ успѣхъ элемента воспитательнаго основанъ на благотворномъ вліяніи элемента смирительнаго. Боюсь однако, чтобы образовательная сила подобнаго метода, направленная по преимуществу на органы физическіе, не произвела въ нравственныхъ особаго рода рефлективныхъ движеній, съ которыми, пожалуй, потомъ и не сладишь.

До сихъ поръ однако, все обстоитъ благополучно, особенно на бумагѣ. Какъ докторъ Панглосъ, всѣ мы хоромъ твердимъ, что все у насъ идетъ къ лучшему, въ нашемъ наилучшемъ мірѣ, зачтò хвалимъ другъ друга и благодаримъ другъ другу, по обыкновенію, исправно. Но чтò, если все это не болѣе, какъ самообольщеніе? Тогда раньше или позже послѣдуетъ разочарованіе, и незавидна будетъ участь тѣхъ, которые примутъ отъ насъ въ наслѣдство только хаосъ утраченныхъ иллюзій.

Вотъ тебѣ, дружище, основныя черты здѣшней жизни и здѣшней школы; самъ ты уже догадаешься, что отношенія ихъ другъ къ другу не могутъ быть любезны. Школа и знать не хочетъ жизни, — зато и жизнь всѣми силами старается нагадить школѣ. Блаженна страна, которой чуждо подобное раздвоеніе; блаженна носачевская гимназія, живущая одною общею жизнію со всѣмъ народонаселеніемъ мирнаго города Носачевки; блаженъ и ты, Иванъ Андреевичъ, просвѣщающій юношество, которое въ школѣ ведетъ борьбу только съ буквами *еры* и *иже*, въ области произношенія и правописанія. Какъ бы и мнѣ хотѣлось попасть въ ту родную страну, *wo die Citronen blühen*, то есть, гдѣ такъ безподобно варенье и такъ неподражаемо соленье. Прощай.

№ 11. *Отъ учителя татаровской гимназіи, Тропова, къ его брату, баталіонному лѣкарю.*

Чтобы дать тебѣ вѣрное понятіе о моемъ здѣсь положеніи, я долженъ познакомить тебя съ здѣшнимъ обществомъ.

Просвѣщеніе, или правильнѣе, воспитаніе, *едикасуа*, играетъ важную роль въ жизни здѣшняго общества: это одинъ изъ главныхъ, и нравственныхъ, и экономическихъ, здѣсь двигателей. Всякій считаетъ долгомъ, какъ можно лучше воспитать своихъ дѣтей. Для воспитанія, богатый не жалѣетъ денегъ; бѣдный—жертвуетъ послѣднимъ. Почти четвертую долю всѣхъ учениковъ гимназіи составляютъ дѣти людей достаточныхъ, издерживающихъ на воспитаніе сына отъ 400 до 1000 рублей. Люди эти, по большей части, помѣщики, нерѣдко сами съ семействами поселяются въ гимназическомъ городѣ и привлекаютъ туда множество разныхъ учителей языковъ, музыки, танцованія. Татаровка съ виду деревня, состоящая изъ мазанокъ подъ соломенными крышами; но въ каждой мазанкѣ, съ утра до вечера, совершается служеніе музамъ на разныхъ языкахъ и инструментахъ. Это — Аѳины крюкославской губерніи; всѣ здѣсь живутъ или для воспитанія, или посредствомъ воспитанія. Не смѣшивай однако этого всеобщаго стремленія къ воспитанію съ стремленіемъ къ тому просвѣщенію, душу котораго составляетъ поклоненіе истинѣ. Подъ наружнымъ покровомъ этой гоньбы за воспитаніемъ, таится какой-то консерватизмъ мысли, какая-то вѣра въ букву и авторитетъ, верховнымъ выраженіемъ котораго признаются здѣсь виленскіе и кременецкіе педагоги и ихъ воспитанники. Скорѣе Вагнеръ, нежели Фаустъ, могъ бы быть представителемъ стремленія къ наукѣ здѣшняго общества; это не столько внутренняя жертва духа, сколько внѣшній обрядъ, но все таки обрядъ искренній, а не пустая дань модѣ. Кажется, католическое духовенство, въ рукахъ котораго долгое время находилось здѣсь воспитаніе, дало умственной жизни этого края какой-то старообрядческій характеръ; тѣмъ не менѣе, здѣсь съ давнихъ поръ ведется вѣра въ науку и уваженіе къ наставникамъ. Но увы! уваженіе это ни чуть не распространяется на насъ, оффиціальныхъ распространителей современнаго ученія. Въ насъ они упорно отвергаютъ наставническій характеръ и также мало вѣрятъ нашей образованности, какъ и храбрости австрійскихъ солдатъ. Мы для нихъ не болѣе, какъ чиновники, по-

жалованные начальствомъ въ учителя. По ихъ мнѣнію, процесъ ученія въ гимназіи совершается какъ-то самъ собою, при пособіи благотворнаго вліянія здѣшняго климата и кременецкихъ преданій; а мы только ставимъ шары, переводимъ изъ класса въ классъ и выдаемъ аттестаты. Съ этой только стороны мы и интересны для нихъ. Пока ихъ дѣти въ гимназіи, между ими и нами есть связь, но такая, какая между покупателемъ и лавочникомъ, пока идетъ торгъ. Выбыли дѣти изъ гимназіи — они забываютъ о существованіи нашемъ, какъ забываетъ покупатель о лавочникѣ, когда товаръ взятъ изъ лавки. Правда и то, что, допустивъ въ нашъ учебный міръ разные подъяческіе пріемы, мы сами отчасти способствовали тому, что на учебное заведеніе здѣсь смотрятъ, какъ на подъяческую инстанцію. Довольно тебѣ сказать, что здѣсь есть люди, считающіе татаровскаго директора агентомъ тайной полиціи: *to szpieg, panie* — это шпіонъ, сударь, говорятъ они о нашемъ директорѣ. Я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ въ одномъ обществѣ всѣ вдругъ встревожились и замолчали, потому что кому-то показалось, что подъ окошкомъ подслушивалъ.... директоръ гимназіи.

Учителей, однако, общественное мнѣніе щадитъ въ этомъ отношеніи. Дверь здѣшнихъ гостинныхъ для насъ не закрыта, — разумѣется, кромѣ высшихъ аристократическихъ, которыя и внутри Россіи, какъ и во всемъ образованномъ мірѣ, не слишкомъ-то открыты для учительскаго сословія. Но сближеніе съ здѣшнимъ обществомъ тоже имѣетъ свои невыгоды. Коль скоро вы сблизились, тотчасъ перестаютъ щадить въ васъ ваши убѣжденія, ваше общественное положеніе. Будто для того, чтобы доказать вамъ свое довѣріе и хорошее мнѣніе о вашемъ вкусѣ и чувствахъ, начинаютъ васъ подчивать избитыми анекдотами, въ которыхъ главную роль играетъ невѣжество русскихъ офицеровъ; читаютъ quasi-патріотическіе стихи, въ которыхъ Россія представляется въ видѣ неосѣдлой татарской орды, еще странствующей на повозкахъ, со всѣмъ скарбомъ своимъ и всѣми плодами своего умственнаго и общественнаго развитія. Если духъ фанатической нетерпимости ко всему чужому и слѣпаго пристрастія къ своему такъ силенъ теперь, то что было бы тогда, когда бы этотъ духъ нашелъ себѣ болѣе обширное примѣненіе въ жизни гражданской и политической? Въ исторіи покойной инквизиціи, кажется, можно найти отвѣтъ на этотъ вопросъ.

Вѣжливость, или, лучше сказать, любезность обращенія состав-

ляетъ здѣсь одну изъ важнѣйшихъ общественныхъ добродѣтелей; даже въ сношеніяхъ оффиціальныхъ должно быть любезнымъ. Какъ ни внимателенъ кто къ дѣлу, но если въ тоже время не будетъ внимателенъ и къ лицу — его назовутъ варваромъ.

Я разскажу тебѣ анекдотъ, выдуманный здѣшнимъ же юморомъ, въ насмѣшку надъ излишнею щекотливостью здѣшнихъ понятій о вѣжливости. Во времена оны, когда каждый польскій шляхтичъ былъ *eo ipso* и прямой кандидатъ на польскій престолъ, случилось одному шляхтичу быть на балу у короля. Онъ пригласилъ королеву протанцовать съ нимъ краковяка; но едва успѣлъ пройтись съ королевой разъ, другой, какъ музыка перестала играть краковяка и заиграла мазурку. Шляхтичъ очень обидѣлся такимъ невниманіемъ къ танцующей парѣ и, желая поставить на своемъ, продолжалъ танцовать краковяка. Положеніе королевы было крайне затруднительно: танцовать мазурку—обидѣть шляхтича; танцовать, вмѣстѣ съ шляхтичемъ, краковяка—обидѣть танцующихъ мазурку. Она однако побѣдоносно вышла изъ этого затруднительнаго положенія, протанцовавъ, по вдохновенію утонченной королевской вѣжливости,—одною ногою мазурку, а другою — краковяка. Нерѣдко приходится здѣсь и намъ, чтобы не разстроить гармоніи, танцовать одною ногою краковяка, а другою мазурку; но подобные фокусы вѣжливости тягостны.

Между тѣмъ, тѣ же самые люди, которые такъ требовательны и щекотливы въ дѣлѣ вѣжливости, по своимъ понятіямъ, часто бываютъ очень невнимательны къ требованіямъ вѣжливости, по понятіямъ другихъ. Записные остряки, составляющіе здѣсь штатную принадлежность всякой компаніи, на каждомъ шагу готовы угостить васъ, подъ видомъ плоской шутки, самыми неделикатными намеками. Даже крайняя безцеремонность и невѣжество здѣсь какъ-то уживаются съ любезностью. Недавно я былъ на вечерѣ у здѣшняго аптекаря. Нужно тебѣ замѣтить, что, для сокращенія формальностей, здѣсь въ рѣдкомъ домѣ есть передняя: прямо изъ сѣней являешься въ пріемную. Въ аптекарской пріемной, подъ звуки флейты—гезеля и скрыпки—провизора, танцовали кадриль, когда предъ танцующими явился новый гость, одѣтый по дорожному. Гость этотъ, господинъ почтенныхъ лѣтъ и наружности, снимаетъ шинель, шарфъ, теплые сапоги, наконецъ садится на стулъ и съ словомъ: *przepraszam*, извините, начинаетъ снимать брюки. Я остолбенѣлъ. Вышло однако, что подъ этими верхними брюками, надѣтыми почтеннымъ господиномъ для пре-

дохраненія себя отъ простуды, были другія, въ которыхъ онъ явился предъ обществомъ и оказался не только почтеннымъ, но и очень любезнымъ господиномъ.

О любезности здѣшнихъ женщинъ не скажу тебѣ ни слова; любезность ихъ—это фактъ, засвидѣтельствованный всѣми образованными путешественниками, впрочемъ, по моему, отчасти фактъ взаимной любезности между образованными путешественниками и здѣшними женщинами. Туземцы, а въ особенности мужья, могутъ быть на этотъ счетъ другаго образа мыслей. Лучше обращу твое вниманіе на рѣдкій даръ прозорливости въ дѣлахъ сердечныхъ здѣшнихъ матерей и тетокъ. Ни одинъ докторъ не опредѣлитъ такъ болѣзни, какъ онѣ, по самымъ легкимъ, едва замѣтнымъ, симптомамъ, опредѣлятъ, кто кому нравится и въ какой степени, и ни одинъ докторъ не съумѣетъ такъ повести болѣзни, какъ онѣ поведутъ къ желанному исходу сердечную склонность. На томъ же вечерѣ у аптекаря, довелось мнѣ танцовать кадриль съ очень миловиднымъ созданіемъ — Софіей Строинской. Не успѣли мы обмѣняться нѣсколькими словами, какъ возлѣ насъ очутилась какая-то тетушка Софіи, видимо съ дружелюбнымъ намѣреніемъ облегчить намъ наше знакомство. Я вполнѣ увѣренъ, что въ томъ же самомъ обществѣ возлѣ меня очутилась бы другая тетушка, если бы только въ моей душѣ мелькнула тѣнь предпочтенія къ другой племянницѣ. Достойно замѣчанія, что на русскихъ чиновниковъ—жениховъ здѣсь смотрятъ гораздо гуманнѣе, нежели на просто русскихъ чиновниковъ: это родъ жертвы, приносимой прекраснымъ поломъ въ пользу цивилизаціи варваровъ.

Прекрасную черту здѣшнихъ нравовъ составляетъ религіозное чувство, если только оно соотвѣтствуетъ степени наружнаго благочестія. На развитіе этого послѣдняго, безъ сомнѣнія, имѣло большое вліяніе католическое духовенство, которое, оставляя догматъ неприкосновеннымъ, умѣло искусно пользоваться и логикою страстей, и логикою ума, чтобы облечь благочестіе въ мягкія, успокоительныя, формы.

Труднѣе всего здѣсь примириться свѣжему человѣку съ оффиціальными, гимназическими, нравами. Это, по-истинѣ, міръ сплетень, доносовъ, раболѣпства, взаимнаго недовѣрія и бездушнаго формализма, созданный и поддерживаемый политикою директора, принявшаго за основное правило управленія—*divide et impera*. Не видѣвши, трудно себѣ представить, какимъ образомъ вся эта грязь страстей могла развиться въ учебномъ кругу, гдѣ, кажется, интересы такъ благо-

родны, отношенія такъ просты. Но тѣмъ именно и отвратительны здѣсь страсти, что уродуютъ простыя и благородныя отношенія учебной жизни: это именно мерзость запустѣнія на мѣстѣ святѣ. Жена учителя географіи купила шляпку и подверглась осужденію жены учителя ариѳметики; учитель физики поссорился за преферансомъ съ учителемъ высшей математики; учитель латинскаго языка не поклонился инспектору; дочь учителя русскаго языка пѣла венгерскій романсъ; у младшаго учителя нѣмецкаго языка явились пара утокъ и индѣйскій пѣтухъ, не купленные, сколько извѣстно, на базарѣ; обо всемъ этомъ присяжные директорскіе донощики тотчасъ рапортуютъ директору; а какъ, по долгу службы, инспекторъ долженъ знать прежде директора все, что̀ дѣлается въ гимназіи, то инспекторскіе шпіоны съ своей стороны развѣдываютъ и собранныя свѣдѣнія передаютъ инспектору. Пока производятся разслѣдованія, въ которыхъ сторожа, лакеи, кухарки, являются главными дѣятелями, члены гимназическаго сословія шепотомъ спрашиваютъ другъ у друга: что̀ такое случилось, зачѣмъ у избранныхъ директорскихъ агентовъ такія озабоченныя, таинственныя физіономіи, какъ будто бы они нечаянно открыли комплотъ, угрожающій опасностью политическому равновѣсію Европы? Въ конфиденціальныхъ разсказахъ фактъ искажается, сплетня растетъ, мнѣнія раздѣляются, образуются партіи, разгараются страсти, является новая тема для новыхъ доносовъ и разслѣдованій. И это наше нормальное состояніе. Между тѣмъ, директоръ, пользуясь междоусобицей, старается порознь прибрать къ рукамъ каждаго изъ членовъ гимназическаго сословія. Сначала онъ будто не замѣчаетъ промаховъ подчиненнаго, даже нерѣдко, тѣмъ или другимъ образомъ, смотря по характеру подчиненнаго, самъ вводитъ его въ искушеніе, и когда неосторожная жертва уже достаточно запуталась въ разставленныя сѣти, тогда вдругъ поражаетъ ее и дѣлаетъ съ нею что̀ ему угодно. Обыкновенно онъ казнитъ виновнаго только посрамленіемъ и униженіемъ въ глазахъ всѣхъ, не исключая и учениковъ, и это для того, чтобы потомъ имѣть возможность распоряжаться и лицомъ и голосомъ порабощеннаго, какъ ему угодно. Всякая незапятнанная, и потому болѣе или менѣе независимая, личность для него — какъ бѣльмо на глазу.

Какъ ни всесиленъ директоръ, однако не отдыхаетъ на лаврахъ своего всемогущества: онъ и самъ долженъ вѣчно находиться въ томъ же вооруженномъ положеніи, въ которое поставилъ другихъ. Прежде

всего ему необходимо зорко слѣдить за дѣйствіями своего прямаго врага—инспектора. По наружности они хороши между собою, но въ душѣ ненавидятъ другъ друга, ненавидятъ уже и потому, что власть и блескъ одного могутъ увеличиваться только на счетъ власти и блеска другаго. Рѣшеніе самыхъ непріятныхъ дѣлъ и исполненіе самыхъ щекотливыхъ порученій директоръ возлагаетъ на инспектора; инспекторъ же, при исполненіи подобныхъ коммиссій, чтобы оградить себя отъ нареканій, настоящимъ виновникомъ непріятныхъ приговоровъ старается выставить директора, а иногда, чтобы увеличить раздраженіе, прибавляетъ и отъ себя, на счетъ директора, какую-либо непріятность. Затѣмъ опаснѣйшими врагами директора являются тѣ учителя, которые болѣе другихъ пользуются довѣріемъ родителей и любовью учениковъ. Чтобы не потерять своей популярности, они съ умысломъ и безъ умысла даютъ замѣтить ученикамъ, что не одобряютъ директорскихъ дѣйствій и выставляютъ директора, какъ какую-то чуждую, демоническую власть въ кругу учебной жизни. Не спорю, подобные поступки учителей слишкомъ неблагоразумны и, быть можетъ, безнравственны; но они явились, какъ неизбѣжное слѣдствіе униженія учителей; грубое насиліе отняло у учителей ихъ законную власть, и теперь учителя стараются беззаконно возвратить себѣ то, чего беззаконно лишились: обыкновенная исторія всякой борьбы за права.

Изъ учителей здѣшнихъ мнѣ особенно понравился учитель исторіи, Трезвый, человѣкъ очень даровитый и съ благороднымъ отъ природы характеромъ. Жаль только, что жизнь его какъ-то странно сложилась. Едва успѣлъ сюда пріѣхать, какъ, поддавшись вліянію романтической поэзіи и здѣшнихъ нравовъ, влюбился въ какую-то польку. Дѣвушка сначала кокетничала съ нимъ, потомъ бросила его для какого-то гусара, сама была оставлена гусаромъ, и наконецъ уѣхала въ гувернантки къ почетному попечителю нашей гимназіи. Сильная, здоровая, натура Трезваго глубоко почувствовала рану, нанесенную его сердцу и самолюбію. Къ страданіямъ сердечнымъ присоединились огорченія по службѣ: директоръ безпощадно издѣвался надъ неудачною любовью Трезваго, разсматривая ее, съ своей точки зрѣнія, какъ униженіе учительскаго званія въ глазахъ здѣшней публики, и слѣдовательно, какъ преступленіе по службѣ. Выдержавъ это испытаніе, Трезвый сталъ избѣгать общества, сдѣлался желченъ, язвителенъ, недовѣрчивъ, и, наперекоръ своей фамиліи, началъ придерживаться рюмочки.

Не привлекательна картина моей татаровской жизни, однако въ ней есть и свѣтлая сторона. Бываютъ минуты, когда я вполнѣ доволенъ своимъ учительскимъ званіемъ и не промѣнялъ бы его ни на какое другое; этими минутами я обязанъ—моимъ ученикамъ. Какая славная, даровитая молодежь, и сколько въ ней благородныхъ порывовъ! Право, удивляешься иногда, какъ, при всѣхъ злоупотребленіяхъ власти, при вредномъ вліяніи пристрастнаго суда общества, и при тѣхъ фальшивыхъ отношеніяхъ, въ которыя мы, учителя, нерѣдко ставимъ ее къ себѣ, она успѣла сохранить столько добрыхъ, искреннихъ чувствъ и такой вѣрный инстинктъ правды. Странно только то, что та же самая молодежъ, вышедши изъ гимназіи, тотчасъ проникается понятіями и предубѣжденіями большинства, начинаетъ смотрѣть на вещи съ узкой, исключительной, точки зрѣнія здѣшнихъ сплетницъ, воспитанниковъ разныхъ піарскихъ и базиліанскихъ школъ, органистовъ и другихъ мѣстныхъ политиковъ. Я встрѣчался здѣсь съ молодыми людьми, недавно вышедшими изъ гимназіи, и мнѣ казалось, что примирительный голосъ вѣка и науки никогда не проникалъ въ ихъ душу. Для многихъ еще въ университетѣ начинается это перерожденіе, потому что многіе еще въ университетѣ начинаютъ жить помѣщичьею жизнью.

№ 12. *Отъ студента университета къ ученику татаровской гимназіи.*

Зная нашу Татаровку — акустическій центръ всѣхъ сплетень трехъ губерній — представляю себѣ, сколько тамъ у васъ разныхъ противорѣчивыхъ толковъ объ успѣхѣ нашихъ пріемныхъ университетскихъ испытаній. Одни, вѣроятно, говорятъ, что университетъ пришелъ въ ужасъ отъ нашего невѣжества, и начальство уже командировало чиновника для произведенія строжайшаго разслѣдованія о причинахъ малоуспѣшности учениковъ татаровской гимназіи; другіе разсказываютъ, что мы на экзаменѣ удивили всѣхъ своими познаніями и развитіемъ, и что зато директоръ нашъ представленъ къ ордену, инспекторъ — къ чину, а надзиратель Цаповскій — къ денежному награжденію. Чтобы успокоить на этотъ счетъ татаровскихъ сплетниковъ и сплетницъ, спѣшу сообщить тебѣ, любезный другъ, самыя точныя и подробныя свѣдѣнія о результатѣ нашихъ пріемныхъ испытаній. Смѣло

можешъ сообщить ихъ, для опубликованія, старой паннѣ Кунигундѣ или пану Гербатовичу, этимъ двумъ подвижнымъ телеграфнымъ станціямъ татаровскихъ новостей.

И въ этомъ году экзаменаціонная лотерея разъигралась не безъ фарсовъ капризной фортуны, обманывающихъ своею неожиданностью всякій человѣческій разсчетъ. Вопреки всѣмъ предположеніямъ нашимъ, основаннымъ на степени познаній каждаго изъ насъ, приняты по экзамену въ университетъ: Ясь, Стась, Олесь и даже Михась, который самъ долго не могъ повѣрить своему счастію; не приняты же Булковскій и Щупацкій, на которыхъ такъ много надѣялись наши учителя и всѣ мы. Мнѣ тоже удалось выдержать. — — — —

Къ счастію нашему, съ профессорской точки зрѣнія, безошибочность правописанія еще не можетъ служить пробнымъ камнемъ нормальности нашихъ убѣжденій и нашего воспитанія, и потому басни Крылова намъ диктуются съ музыкальными интонаціями, облегчающими различеніе буквы: *ѣ* отъ буквы *е* и запятой отъ двоеточія. Но бѣда въ томъ, что въ гимназіяхъ рѣшительно не обращаютъ вниманія на развитіе слуха, какъ одной изъ познавательныхъ способностей, даже преслѣдуютъ участіе этого органа въ отвѣтахъ нашихъ на учительскіе вопросы; поэтому, лучшіе изъ насъ менѣе всего приготовлены къ тому, чтобы, при диктовкѣ, пользоваться указаніями слуха, а пользуются ими только тѣ, которые еще въ гимназіи привыкли надѣяться болѣе на свой слухъ, нежели на свою память и постояннымъ упражненіемъ развили свой органъ слуха до того, что явственно могутъ различать каждое слово, шопотомъ имъ подсказанное съ третьей скамейки. Послѣ того не удивительно, что Булковскаго погубили буквы *ѣ* и *е* въ словѣ *тельга*, а Щупацкаго доѣхалъ мягкій знакъ въ словѣ *тюрьма*, тогда какъ Михась, у котораго дѣйствію вполнѣ развитаго слуха не мѣшало излишнее знаніе грамматики, не сдѣлалъ ни одной ошибки въ своей диктовкѣ.

Не понравился мнѣ нашъ университетскій городъ: это смѣсь пустыни съ постоялымъ дворомъ. Къ этимъ двумъ главнымъ элементамъ, пожалуй, можно прибавить и третій, какъ плодъ различныхъ комбинацій двухъ первыхъ, — элементъ перспективы. Здѣсь достраевается красивый домъ, къ которому тѣмъ не менѣе уже прибита дощечка съ надписью: «*сей домъ продается и нанимается;*» за этимъ домомъ большое пустопорожнее мѣсто; за пустопорожнимъ мѣстомъ опять три–четыре дома съ неизбѣжною на каждомъ надписью·

«сей домъ нанимается и продается», а тамъ опять пустырь или оврагъ. Далѣе, крутая гора, воздвигнутая мощнымъ духомъ пустыни. На этомъ пунктѣ предпріимчивый духъ караванной централизаціи побѣждаетъ, положимъ, преграду, поставленную духомъ пустыни и пролагаетъ черезъ гору дорогу; но, у подошвы горы, среди песчаныхъ или топкихъ низменностей, опять принужденъ вступить съ духомъ пустыни въ борьбу, изъ которой не всегда выходитъ побѣдителемъ. Зато перспектива хороша здѣсь вездѣ. Поднявшись, въ потѣ чела, на гору, путникъ можетъ, съ вершины горы, любоваться прекраснымъ видомъ низменностей; а утопая въ песку или тундрахъ низменностей, можетъ наслаждаться прекраснымъ видомъ горъ. Городъ состоитъ изъ нѣсколькихъ частей, отдѣленныхъ другъ отъ друга болѣе рѣзкими естественными границами, нежели естественныя границы прусскаго королевства. Въ каждой изъ этихъ частей имѣется свой особенный комплектъ разныхъ географическихъ принадлежностей: есть свои горы, свои овраги, свои тундры, и свои песчаныя степи. Здѣсь кстати было бы сказать: еже Богъ разлучи, человѣкъ да не соединяетъ; но къ несчастію, эти естественно-разрозненныя части соединены въ одно гражданское цѣлое, и горе путнику, принужденному странствовать черезъ горы и долы изъ одной части города въ другую.

Какъ въ цѣломъ, такъ и въ частностяхъ таже борьба двухъ враждебныхъ элементовъ: пустыннаго съ караваннымъ. Какъ на постояломъ дворѣ, ты найдешь здѣсь предметы роскоши, для удовлетворенія прихоти проѣзжаго графа, и, какъ въ пустынѣ, нуждаешься иногда въ предметахъ первой необходимости, потому что и самый запасливый содержатель гостинницы все таки не хозяинъ, для котораго домъ—гнѣздо, свитое не на одинъ день и не для аферы.

Самое народонаселеніе города постоянно измѣняется, какъ въ гостинницѣ. Вмѣсто однихъ бюрократовъ, являются другіе; прежніе полки гарнизона смѣняются новыми; на мѣсто прежнихъ паціентовъ Эскулапа, Минервы и Өемиды, поступаютъ новые. И между всѣми этими лицами внутренней общественной связи не болѣе, какъ и между случайными обитателями постоялаго двора. Есть здѣсь и театръ, и клубъ, бываютъ и собранія, но на всемъ этомъ лежитъ печать непостоянства, аферы, будто все это только затѣя содержателя гостинницы для развлеченія временныхъ гостей. Кто здѣсь коренные жители, гдѣ они, какой ихъ образъ жизни, — не знаю; вижу только содержателей постоялыхъ дворовъ и проѣзжихъ. Развѣ одно только

можетъ служить доказательствомъ, что здѣсь съ давнихъ поръ ведется человѣческая осѣдлость, что въ основѣ караванъ-серая лежатъ кадры добраго стараго города—это духъ сплетни.

Адресъ мой: студенту университета, за журавлиными песками, на бараньемъ болотѣ, въ домѣ надворнаго совѣтника Замороки.

№ 13. *Примѣчаніе издателя.* Въ связкѣ сохранившихся у меня писемъ, № 13 выставленъ на моемъ собственномъ письмѣ къ одному изъ лицъ начальствующихъ. Помѣщаю здѣсь, безъ всякой перемѣны, и это письмо.

Ваше Высокородіе

Милостивый Государь,

Архипъ Сисоевичъ!

Въ письмѣ своемъ отъ 23 мая сего года, Ваше Высокородіе изволили обратиться ко мнѣ съ вопросомъ о дѣйствительныхъ причинахъ бѣгства подрядчика продовольствія общихъ ученическихъ квартиръ при татаровской гимназіи. По долгу службы и моей личной къ Вамъ преданности, потщусь оправдать довѣріе Вашего Высокородія и разскажу все, ничего не утаивая и не прибавляя.

Продовольствіе общихъ ученическихъ квартиръ отдается въ нашей гимназіи съ подряда тому, кто согласится взять на себя эту обязанность на самыхъ выгодныхъ для заведенія кондиціяхъ. Въ этомъ учебномъ году явилось нѣсколько подрядчиковъ-соискателей. Воспользовавшись возникшею при торгахъ перебивкою, г. директоръ предложилъ такія условія, отъ которыхъ болѣе всего могли выиграть экономическія суммы заведенія. Условія эти были приняты нынѣ бѣжавшимъ подрядчикомъ, Лазанковичемъ, какъ человѣкомъ несостоятельнымъ, и слѣдовательно ничѣмъ не рисковавшимъ, кромѣ 150 рублей залога, и то занятыхъ имъ у Еврея Шмуля Бохера.

На основаніи пункта шестаго упомянутыхъ условій, плата подрядчику за продовольствіе учениковъ въ каждомъ истекшемъ мѣсяцѣ производится перваго числа слѣдующаго мѣсяца, *по наличному числу учениковъ*, то есть, если, напримѣръ, перваго апрѣля, при уплатѣ подрядчику за продовольствіе въ мартѣ, въ общей квартирѣ было на лицо только десять учениковъ, то подрядчикъ получалъ только

за продовольствіе десяти, хотя бы, въ теченіи марта, продовольствовалъ и двѣсти. Условіе это оказалось въ этомъ учебномъ году очень выгоднымъ для заведенія, потому что не только перваго января, по причинѣ роспуска учениковъ на праздники Рождества Христова, въ общей квартирѣ не имѣлось на лицо ни одного ученика, и слѣдовательно подрядчикъ ничего не получилъ за продовольствіе въ декабрѣ; но также и перваго апрѣля, по причинѣ роспуска учениковъ на праздники Христова Воскресенія. Обстоятельство это, непредвидѣнное подрядчикомъ, дотого разстроило его денежныя средства, что онъ дождался только перваго мая, чтобы получить деньги за продовольствіе въ апрѣлѣ и, затѣмъ, ночью, съ перваго на второе мая, тайно бѣжалъ, о чемъ дежурный надзиратель и не упустилъ своевременно донести господину директору.

Хотя, по произведенному осмотру, въ анбарахъ и кладовыхъ общихъ ученическихъ квартиръ не оказалось никакихъ запасовъ; однако смѣю увѣрить Ваше Высокородіе, что внезапное бѣгство подрядчика не имѣло никакого вліянія на твердый у насъ порядокъ ученическаго продовольствія, за исключеніемъ только того, что второго мая, то есть на другой день послѣ бѣгства подрядчика, ученики остались безъ завтрака; но въ замѣнъ онаго данъ былъ имъ неположенный по росписанію полдникъ. Съ третьяго числа сего мая, впредь до пріисканія благонадежнаго подрядчика, въ завѣдываніе продовольственною частью вступилъ надзиратель Цаповскій. Если до Его Превосходительства, Кузьмы Демьяновича, дошли жалобы на счетъ продовольствія пищею воспитанниковъ общихъ квартиръ татаровской гимназіи, то это слѣдуетъ приписать извѣстной нерасположенности жителей сего края къ общимъ квартирамъ.

Чтó касается до печальнаго происшествія 20 мая, то я уже имѣлъ честь донести объ ономъ Вашему Высокородію по эстафетѣ, отъ 22 мая.

Въ маѣ мѣсяцѣ сего года, заведеніе наше удостоилось посѣщенія его высокопревосходительства, г. корпуснаго начальника 15-го кавалерійскаго корпуса. Его высокопревосходительство изволили остаться вполнѣ довольны, въ чемъ Ваше Высокородіе можете убѣдиться изъ письма надзирателя Михайлова къ его женѣ, которое при семъ честь имѣю приложить. Письмо это было вручено мнѣ, для отсылки на почту, вмѣстѣ съ гимназической корреспонденціею, но оказалось не

запечатаннымъ. Такъ какъ въ немъ не заключалось ничего особенно интереснаго для г-жи Михайловой, то я позволилъ себѣ удержать оное, для представленія Вашему Высокородію.

Съ глубочайшимъ уваженіемъ и совершенною преданностью честь имѣю быть

Вашего Высокородія
всепокорнѣйшій слуга
Иванъ Линейкинъ.

№ 14. *Письмо надзирателя Михайлова къ женѣ.*

Извини, мать моя, Анна Семеновна, некогда мнѣ было переписываться съ тобою: ждали смотра его высокопревосходительства господина корпуснаго командира 15 легкаго кавалерійскаго корпуса; повозились довольно, зато представили заведеніе въ полной парадной формѣ.

И у насъ не безъ грѣха. Къ концу учебнаго года въ иныхъ мѣстахъ обвалилась штукатурка, въ иныхъ полъ прогнилъ отъ сырости. Все это было прикрыто, такъ сказать, нашею собственною грудью. Возлѣ печки стоялъ надзиратель Тропаревичъ и прикрывалъ своимъ корпусомъ вывалившіяся зимою печныя дверцы; чернильное пятно на стѣнѣ въ учебной комнатѣ находилось подъ прикрытіемъ надзирателя Кондаковскаго; у самого входа въ общую квартиру, гдѣ прогнилъ полъ, былъ постъ твоего благовѣрнаго; прочіе чиновники были разставлены въ прочихъ неприличныхъ мѣстахъ. Его Высокопревосходительство изволили найти заведеніе въ отличномъ состояніи и благодарили господина директора; замѣтили только на счетъ ученическаго ранжира, о чемъ я всегда говорилъ господину директору.

Съ нѣкотораго времени у насъ неладно: ученики заводятъ свою сумбурдинацію; мѣсяца два назадъ, одного исключили, теперь другой накуролесилъ. Я, слава Богу, здоровъ, чего и тебѣ желаю.

№ 15. *Отъ надзирателя крюкославской гимназіи, Архикарманскаго, къ надзирателю татаровской гимназіи, Цаповскому.*

Позвольте, многоуважаемый Амфилохій Аввакумовичъ, по старому знакомству, просить Вашего ходатайства у господина директора татаровской гимназіи о перемѣщеніи моемъ изъ крюкославской гимназіи

въ татаровскую. Не безъизвѣстно, вѣроятно, Вамъ, что у насъ воспослѣдовала перемѣна въ начальствѣ. Господинъ новый директоръ фонъ–Лобенбрехъ, въ противность видамъ своего предмѣстника, явно выражаетъ свое неудовольствіе мною. Между учителями завелъ буттерброды [1]; но меня, равно и письмоводителя съ бухгалтеромъ, въ опые не пригласилъ. Злые языки донесли ему на меня, что я будтобы обманывалъ господина бывшаго директора, при дѣлежѣ денегъ, собираемыхъ съ родителей за, якобы, незаконную переправку шаровъ и переводы въ высшій классъ. По наущенію тѣхъ же недоброжелателей, господинъ фонъ–Лобенбрехъ возобновилъ дѣло объ оскорбленіи, нанесенномъ въ моемъ лицѣ надзирательскому званію. Словомъ, всячески тѣснитъ меня и прочитъ на мое мѣсто родственника здѣшняго аптекаря, Цулобенбреха, въ которомъ принимаетъ участіе родственникъ господина директора, статскій совѣтникъ, Лобенанбрехъ, по рекомендаціи ихъ общаго сродника, его превосходительства Ивана Ивановича Анцулобенбреха. Въ этихъ крайнихъ обстоятельствахъ, я рѣшился перемѣститься изъ крюкославской гимназіи, гдѣ новый начальникъ заводитъ новые порядки, въ татаровскую, подъ крыло его высокородія, Спиридона Павловича. Не откажите, достопочтѣннѣйшій Амфилохій Аввакумовичъ, оказать мнѣ въ семъ случаѣ свое ходатайство, за что́, по мѣрѣ силъ моихъ, постараюсь благодарить Васъ.

№ 16. *Отъ адвоката Загоновскаго къ поселившемуся въ Татаровкѣ, бывшему адвокату Пржепіорковскому.*

Прежде всего, любезный, спѣшу сообщить тебѣ новость, новость важную, радостную, новость, дѣйствіе которой на нашу братію шляхту можетъ сравниться развѣ съ дѣйствіемъ, произведеннымъ нѣкогда на народъ библейскій новостью о торжествѣ Мардохея надъ Аманомъ. Если ты еще не совершенно позабылъ священную исторію, то знаешь, кто былъ Аманъ и какія были его отношенія къ народу библейскому; если же наука ксендзовъ піаровъ уже испарилась изъ твоей головы, то по крайней мѣрѣ имѣешь понятіе о той необыкновенной радости,

---

[1] Подъ именемъ буттербродовъ надзиратель Архикарманскій разумѣетъ, вѣроятно, ученые вечера, заведенные директоромъ крюкославской гимназіи, на которыхъ подавалась умѣренная закуска, сообщившая свое названіе и самимъ вечерамъ. *Примѣчаніе издателя.*

которую обнаруживаютъ наши евреи, во время *пурима*, и которую ты ежегодно имѣешь удовольствіе читать на лицахъ всѣхъ ветхозавѣтныхъ твоихъ знакомыхъ, не забывающихъ, надѣюсь, поздравить тебя съ пуримомъ и при этомъ поднести тебѣ вкусныя амановы уши (¹). Боюсь, что всѣ вы, сколько васъ ни есть въ Татаровкѣ, затѣете своего рода пуримъ, когда узнаете счастливое событіе, послѣдовавшее 22 іюля сего года за № 777; боюсь, что, отъ частыхъ тостовъ, у Лафура не станетъ въ погребѣ шампанскаго, а у васъ, отъ крику и толковъ, изсѣкутся языки; боюсь, что вы надсадите всѣхъ лошадей вашихъ, разсылая гонцовъ ко всѣмъ роднымъ и знакомымъ съ извѣстіемъ о радостномъ событіи; боюсь, что, желая сдѣлать участниками въ общей радости и дѣтей вашихъ, вы позволите имъ цѣлую недѣлю не ходить въ классъ; боюсь, что, вдавшись въ соображенія о связи этого важнаго событія съ политикою европейскихъ кабинетовъ вы зафантазируетесь и, пожалуй, потеряете должное уваженіе къ вашему исправнику. Тогда мнѣ же бѣда: бѣгай и хлопочи у центральныхъ властей о переводѣ вашихъ дѣтей въ слѣдующіе классы, или о примиреніи васъ съ исправникомъ.

Но, быть-можетъ, вы знаете уже эту несравненную новость, отъ 22 іюля сего года за № 777? Быть-можетъ, на этой недѣлѣ, въ Татаровкѣ, случилось землетрясеніе, на крюкославскомъ горизонтѣ являлись необычайныя небесныя знаменія; быть можетъ, у васъ ручьи потекли вспять, и оба татаровскіе пруда, выступивъ изъ береговъ, затопили обѣ татаровскія мельницы; быть можетъ, съ 21 на 22 іюля татаровскія курицы пѣли пѣтухами или чья-нибудь гончая сука родила щенка съ заячьимъ хвостомъ? Умы татаровскихъ политиковъ, настроенные этими необыкновенными явленіями къ ожиданію столь же необыкновенныхъ событій, быть-можетъ, уже смекнули въ чемъ дѣло; жидовская почта, не уступающая въ быстротѣ соображеніямъ татаровскихъ политиковъ, быть-можетъ, уже успѣла дополнить положительными извѣстіями смутныя гаданія политиковъ, и вы уже знаете, что 22 іюля сего года за № 777.... Однако, любезный другъ, если ты еще не знаешь никакой необыкновенной новости, превосходящей все то́, на что́, въ дѣлѣ новостей, можетъ рѣшиться изобрѣтатель-

(¹) Амановыми ушами называются здѣсь пряники, которые Евреи разсылаютъ другъ другу и христіанамъ, поздравляя съ пуримомъ — праздникомъ, учрежденнымъ въ память гибели Амана. *Примѣчаніе издателя.*

ный умъ панны Кунигунды, то не мѣшаетъ предупредить тебя, чтобы ты приготовился услышать вещь, которая, если ее сказать тебѣ безъ приготовленія, можетъ слишкомъ поразить тебя, разстроить нервы. Смотри, когда узнаешь эту необыкновенную новость, не растеряйся, торопясь сообщить ее другимъ, не выбѣги изъ дому безъ шляпы или безъ чего другаго.

И такъ слушай. Распоряженіемъ отъ 22 Іюля сего года за № 777— еще разъ, любезный другъ, предупреждаю тебя, приготовься услышать вещь необыкновенную—распоряженіемъ отъ 22 Іюля сего года за № 777, его превосходительство, господинъ главный начальникъ, Кузьма Демяновичъ. . . . . . . получилъ другое назначеніе. Быть-можетъ, съ разу ты не понялъ всего значенія этихъ словъ: «получилъ другое назначеніе,» быть-можетъ, еще боишься понимать. «Получилъ другое назначеніе» значитъ, что Кузьма Демяновичъ уже не нашъ начальникъ, что на его мѣсто назначенъ къ намъ другой. Чтобы довершить вашу радость, спѣшу увѣдомить васъ, что̀ на мѣсто Кузьмы Демяновича назначенъ къ намъ графъ, намъ старый знакомый. Во всемъ образованномъ мірѣ, гдѣ только извѣстны почтенныя званія судей, адвокатовъ и вообще чиновниковъ, благость и мудрость законовъ, сами по себѣ, а злость и глупость ихъ исполнителей сами по себѣ; изъ этого слѣдуетъ, что во всемъ образованномъ мірѣ характеръ управленія во многомъ зависитъ отъ личности главнаго мѣстнаго начальника, а изъ сего непосредственно вытекаетъ, что назначеніе къ намъ графа, мы дожлны считать истиннымъ для себя благодѣяніемъ. — — — — —

Что̀ касается перевода дѣтей твоихъ въ слѣдующій классъ, то, не смотря на всѣ старанія, я не могъ устроить этого дѣла канцелярскимъ порядкомъ. У старшаго твоего сына четыре единицы, у младшаго пять; у обоихъ въ среднемъ выводѣ $1^2/_5$. Эти математическія выраженія, въ переводѣ на обыкновенный языкъ, значатъ, что сыновья твои ничего не знаютъ. Развѣ представишь медицинское свидѣтельство, въ которомъ должно быть выражено, что дѣти твои были больны именно во время производства годичныхъ испытаній, и будешь просить о допущеніи ихъ къ переиспытанію. Только, въ такомъ случаѣ, прежде всего надо позаботиться на мѣстѣ, чтобы переиспытаніе было удачнѣе испытанія.

Если ты имѣлъ терпѣніе дочитать мое письмо и не побѣжалъ еще разгласить по мѣстечку новость отъ 22 іюля сего года за № 777,

то смотри, повторяю, не выбѣги безъ шляпы и вообще сохрани должную умѣренность. Помни этотъ совѣтъ и не забывай твоего искренняго друга.

№ 17. *Отъ Софіи Строинской къ гувернанткѣ почетнаго попечителя, Констанціи Подлипской.*

Ты знаешь, безцѣнная Констанція, и мои чувства, и мои убѣжденія: скажи, посовѣтуй, что́ мнѣ дѣлать? Я растерялась, сердце съ головой въ разладѣ; совѣты близкихъ мнѣ такъ пристрастны; людскіе толки такъ противорѣчивы. Ка́къ мнѣ отвѣтить Тропову: да или нѣтъ? Сказавши *да*, не измѣню ли я другимъ моимъ обязанностямъ? Тетушка Щупальская сначала сама старалась сблизить меня съ Троповымъ, теперь перешла на сторону корнета Ращa, бывшаго ученика здѣшней гимназіи, которому, кажется, я нравлюсь и который еще болѣе нравится тетушкѣ. Еслибы не различіе вѣры, я не колебалась бы соединить судьбу мою съ судьбою Тропова. Я сама дочь учителя и съ дѣтства привыкла къ той скромной жизни, которая можетъ ожидать меня, какъ жену учителя. Другъ безцѣнный, уничтожь мои сомнѣнія, успокой меня, скажи что́ дѣлать мнѣ?

№ 18. *Отъ Констанціи Подлипской къ Софіи Строинской.*

Ты избрала, дорогая Соня, судью не безпристрастнаго. Помнишь, года два тому назадъ, я сама была въ твоемъ положеніи, сама испытывала твою борьбу, твои сомнѣнія. Въ то время и мнѣ внушали, что я не вправѣ сказать—да, и однако потомъ, когда я сказала—нѣтъ, сами же меня осудили, назвали легкомысленной, кокеткой. Вѣрь мнѣ, дорогой другъ, лучшій судья въ этомъ дѣлѣ—собственное сердце. Голосъ его неподкупенъ. Вотъ скоро три года, какъ каждый день мое бѣдное сердце спрашиваетъ меня, кто далъ мнѣ право пожертвовать его чувствами для людскихъ понятій. И кто знаетъ, справедливы ли эти понятія. Вѣдь Богъ одинъ. Что́ думаю — я сказала; что́ дѣлать тебѣ — рѣши сама.

О корнетѣ Ращѣ замѣть слѣдующее: часть его эскадрона размѣ-

щена по квартирамъ въ нашей деревнѣ, и онъ часто у насъ бываетъ. Если меня не обманываетъ мой женскій инстинктъ, онъ очень неравнодушенъ къ старшей дочери господина попечителя и еще болѣе, ка́къ кажется, къ ея приданному. Но—*za wysokie progi na jego nogi* (высокъ порогъ для его ногъ.)

№ 19. *Отъ учителя татаровской гимназіи, Трезваго, къ учителю носачевской гимназіи, Наивному.*

Изъ письма твоего, Иванъ Андреевичъ, вижу, что и у васъ, въ административныхъ сферахъ, тѣже тенденціи, таже заботливая опека; вся разница въ тенденціяхъ опекаемыхъ. Вами овладѣлъ духъ высшихъ соціальныхъ теорій и стремленіе къ уясненію міровыхъ общественныхъ вопросовъ; у насъ, напротивъ, преобладаютъ мѣстные интересы, а общегуманные отодвинуты на второй планъ. Вы вѣруете въ обновленіе человѣческаго рода, по рецептамъ Прудона; на Ламартина смотрите, какъ на пророка новой политической жизни; вы съ сердечнымъ трепетомъ читаете листочки иностранной газеты и, съ каждымъ новымъ номеромъ, ждете извѣстія о благополучномъ наступленіи вѣка фаланстерскаго блаженства, чаяніе коего не прекращалось въ родѣ человѣческомъ, со временъ грѣхопаденія до дней господина Фурье. Блаженъ, кто вѣруетъ. Оно, разумѣется, пріятно, благоденствуя подъ кровомъ носачевской гимназіи, мысленно отправиться, вмѣстѣ съ мосье Жакомъ, *à la recherche de la meilleure des républiques*; жаль только, что подобное препровожденіе времени порождаетъ въ васъ превратные, по моему мнѣнію, вкусы и понятія. Пожалуй, нѣкоторое причастіе массъ къ благамъ міра сего или эманципація прекраснаго пола, при ограниченности учительскаго жалованья, вещи хорошія и, если хочешь, вещи въ порядкѣ вещей; но зачѣмъ, напримѣръ, вслѣдствіе тревоги по дѣламъ общественнымъ, у васъ объявлено, на военномъ положеніи, и искусство? Ты говоришь, что въ нашъ вѣкъ искусство—не игрушка празднаго воображенія, а мощный двигатель общественный; что, поэтому, и художественное достоинство произведеній искусства болѣе всего зависитъ отъ прогрессивности ихъ содержанія. Не спорю, во всѣ времена, начиная отъ вѣка царя Викромадитіи и поэта Калидасы до вѣка императора Августа и Виргилія и отъ сихъ послѣднихъ до Людовика XIV и Расина, поэты всегда обнаруживали

нѣкоторое поползновеніе къ облизыванію чужихъ блюдъ; однако и вѣкъ Кромвелей имѣлъ своихъ Мильтоновъ, и во времена Аристофана, Данте, Шекспира, Кальдерона, людямъ не чужды были общественные вопросы. Не правильнѣе ли поэтому было бы сказать, что вѣкъ величія гражданскаго есть вмѣстѣ съ тѣмъ и вѣкъ поэзіи; что упадокъ искусства—вѣрный признакъ упадка всей духовной жизни; что посредственности чужда безкорыстная любовь къ искусству, не потому, однако, что посредственность призвана къ разрѣшенію важныхъ общественныхъ вопросовъ, а потому, что она посредственность.

Ваши общественные вопросы, о которыхъ, увы! общество и не знаетъ, сбили съ толку даровитѣйшаго романиста нашего времени и заставили его писать окружныя посланія о присылкѣ ему общеполезныхъ и душеспасительныхъ поэтическихъ данныхъ; благодаря тѣмъ же общественнымъ вопросамъ, у васъ прослыли великими поэтами люди, которыхъ стихъ, вѣроятно, мучимый демономъ общественныхъ вопрососъ, производитъ эффектъ лѣсопильнаго завода. Но у всякаго свой вкусъ или, пожалуй, свое безвкусіе.

Твоя новелла, о любовныхъ похожденіяхъ вновь назначеннаго къ вамъ инспектора, очень интересна. Чтобы не остаться у тебя въ долгу, сообщу тебѣ нѣсколько татаровскихъ новостей.

Тотъ самый вопросъ, который вашъ испекторъ, рискуя спиною, пытался разрѣшить эманципированнымъ способомъ, у насъ учитель Троповъ разрѣшилъ на законномъ основаніи, по старому заведенному порядку, то есть, по-просту, женился. Бракъ его, какъ бракъ старой школы, не обошелся безъ участія свахи, роль которой, въ настоящемъ случаѣ, разъиграла тетушка невѣсты, мадамъ Щупальская, одна изъ тѣхъ дамъ, которыхъ средства и общественное положеніе здѣсь очень удачно выражаютъ непереводимой фразой: *na kapitale siedzi, a z procentow zyje*. Она свела, развела и опять свела Тропова съ его дульцинеею,

Но интереснѣйшая новость — это назначеніе къ намъ новаго директора; прежній, бѣдняжка, палъ жертвою страстей, возбужденныхъ его же собственнымъ чаемъ и конфектами. Сначала, говорятъ, предполагали назначить къ намъ Лобенбреха, или, какъ называли его университетскіе сторожа, Лобобрюхова; но потомъ передумали и назначили какого-то господина, который, на своемъ директорскомъ мѣстѣ, находится теперь въ положеніи пирожника, тачающаго сапоги.

Въ сѣрогорскую гимназію назначенъ тоже новый директоръ. Этотъ

послѣдній разсматриваетъ, говорятъ, псовую охоту, какъ средство сближенія школы съ жизнью. Онъ, вѣроятно, полагаетъ, что если чаще будетъ являться въ гимназію въ егерскомъ костюмѣ, нежели въ форменномъ вицъ-мундирѣ, то въ публикѣ и ученикахъ возбудитъ болѣе довѣрія и симпатіи къ себѣ и заведенію, котораго онъ представитель. Къ сожалѣнію, этотъ путь сближенія заведенія съ обществомъ имѣлъ до сихъ поръ вліяніе только на распространеніе между учениками кражи гончихъ и лягавыхъ собакъ.

№ 20. *Отъ Эльвиры Щупальской къ Темирѣ Гузицкой, въ С. Петербургъ.*

Помнишь ли, дорогая Темира, кіевскіе контракты и бердичевскую ярмарку, помнишь ли гусаръ корпнескаго полка и балы графа Буцефала, помнишь ли восторги и увлеченія нашей молодости и твою подругу Эльвисю? Какъ все измѣнилось теперь! Тебя счастливый случай привелъ въ Петербургъ, гдѣ твой умъ и красота были оцѣнены по достоинству и доставили тебѣ твое блестящее и независимое положеніе въ обществѣ; я, послѣ смерти нашей благодѣтельницы, принуждена была изъ барскихъ палатъ перейти подъ соломенную крышу моихъ родственниковъ и навсегда остаться въ Татаровкѣ — ничтожномъ мѣстечкѣ. Но и здѣсь жизнь моя прошла не безъ радостей и тревогъ сердечныхъ. Остальные мои годы я рѣшилась посвятить людямъ, съ которыми связана узами родства и дружбы. Недавно племянница моя вышла замужъ за учителя здѣшней гимназіи, Тропова. Боже милостивый! Теперь только я вижу, какое это несчастное учительское сословіе. Есть и умъ, и чувство, и умѣнье найтись въ обществѣ, а жалованья не стаетъ и на хлѣбъ насущный; между тѣмъ, здѣсь же какое нибудь чучело, жена становаго пристава, въ бархатѣ и кружевахъ, разъѣзжаетъ себѣ въ коляскѣ. Темира, дорогая Темира! Именемъ нашей прежней дружбы умоляю тебя, сдѣлай что-нибудь для Тропова: доставь ему мѣсто штатнаго смотрителя или инспектора въ одной изъ гимназій здѣшняго учебнаго округа. По твоимъ связямъ въ Петербургѣ и твоему вліянію, ты можешь это сдѣлать. Ты все можешь сдѣлать. *My rządzim światem, a nami kobiety* (мы управляемъ міромъ, а женщины—нами).

Тебѣ только стóитъ сказать, чтобы написали нѣсколько словъ

въ пользу здѣшняго округа. Только ради Бога, чтобы не переводили его въ другой учебный округъ и въ даже въ другія губерніи здѣшняго округа. Здѣсь, покрайней мѣрѣ, племянница моя живетъ съ людьми. Суровый сѣверъ не могъ охладить твоего нѣжнаго сердца, и блескъ настоящаго не могъ сдѣлать тебя равнодушною къ воспоминаніямъ прошедшаго; поэтому надѣюсь на твое участіе и съ нетерпѣніемъ жду отвѣта.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Въ февралѣ мѣсяцѣ сего года, утромъ, лишь только я вошелъ въ инспекторскую, мнѣ дали знать, что татаровскій почтмейстеръ проситъ меня немедленно явиться на почту, по очень экстренному дѣлу. Оставивъ въ инспекторской, для наблюденія за порядкомъ, надзирателя Цаповскаго, я поспѣшилъ къ почтмейстеру. Почтеннѣйшій Иванъ Петровичъ встрѣтилъ меня вопросомъ: что́ у васъ случилось?— Ничего, сколько мнѣ извѣстно,—отвѣтилъ я.—Ка́къ—ничего,—возразилъ Иванъ Петровичъ:—изъ-за-чего же эта сумотоха: всѣ ваши учителя и чиновники, въ томъ числѣ и вы, вчера сами отправили, а сегодня получили. по нѣскольку писемъ. Это не безъ причины.—Мои письма, Иванъ Петровичъ, самыя обыкновенныя; что́ же касается другихъ, то, кажется, мы можемъ удостовѣриться.—Мы удостовѣрились, и, къ удивленію нашему, нашли, что во всѣхъ письмахъ говорилось объ одномъ и томъ же, и почти одними и тѣми же словами: именно, во всѣхъ письмахъ заключалось извѣстіе о воспослѣдовавшей перемѣнѣ формы, съ изъявленіемъ особеннаго удовольствія, по поводу форменныхъ сюртуковъ.

№ 21. *Отъ учителя носачевской гимназіи, Наивнаго, къ учителю татаровской гимназіи, Трезвому.*

Состояніе педагогіи и соціальное положеніе инструктирующаго корпуса—это два коррелата, которыхъ прогрессъ составляетъ постулатъ разумнаго развитія общественнаго организма. Гдѣ нѣтъ конкурренціи, гдѣ педагогія является въ видѣ монополіи лица нравственнаго или физическаго, тамъ положеніе педагоговъ должно быть гарантировано по крайней мѣрѣ привиллегіею. При отсутствіи конкурренціи и безъ атрагирующей силы привиллегіи, монополія можетъ парализовать интеллекту-

альную дѣятельность, поставленную въ условіе отъ субъективности дѣятелей. Только люди теоріи и доктрины, съ заднею мыслію обскурантизма, могутъ оспаривать универсальность этого принципа. Ясно, количество гонорара составляетъ главный элементъ педагогической привилегіи, поэтому и главный нервъ педагогической дѣятельности. Движеніе прогрессивныхъ идей, такъ побѣдоносно заявившихъ въ наше время свою экспансивную силу, коснулось и этого капитальнаго педагогическаго вопроса. Говорятъ, вопросъ этотъ первоначально былъ поднятъ на периферіи административнаго центра, но, энергически промовированный, теперь достигъ окончательнаго фаза своего развитія. Кому бы впрочемъ ни принадлежала честь иниціативы, громадное значеніе самого вопроса внѣ всякого сомнѣнія. Оптимисты наши поднимаютъ проектированный гонораръ до непривычной цыфры; пессимисты выставляютъ фантомъ бюрократической развязки; умѣренные боятся, чтобы экстрема предъявленныхъ требованій не произвела конфликта, могущаго рефлектироваться ретроградным рѣшеніемъ вопроса. Я полагаю, что переставивъ этотъ вопросъ изъ сферы губернаментальной въ сферу общественную, то-есть, признавъ въ рѣшеніи его компетентнымъ судьею само общество, можно достигнуть болѣе удовлетворительныхъ результатовъ. Разумѣется, было бы слишкомъ поспѣшно доводить автономію общества до предѣловъ суприматіи; но согласись, одно неполное пониманіе общественныхъ интересовъ и обязанностей можетъ назначать обществу въ этомъ случаѣ только пассивную роль. Очевидно, стоитъ перевести раціонально-опредѣленную плату за ученіе въ общественное сознаніе, и вопросъ разрѣшится самъ собою. Здѣсь неумѣстны ни скрупулы рутинистовъ, которыхъ идеалъ въ прошедшемъ, ни обидная апатія скептиковъ, отрицающихъ всякій идеалъ и унижающихъ общественные инстинкты. Само собою разумѣется, что при этомъ необходимо отказаться отъ всякой нивелирующей нормы и допустить нѣкоторую децентрализацію социальныхъ индивидуальностей, солидарныхъ по условіямъ жизни исторической и изолирующихся по условіямъ административнаго прогресса. Въ противномъ случаѣ, тенденціи привилегированнаго меньшинства могутъ измѣнить назначеніе ценза непривилегированной массы. Какъ бы то ни было, несостоятельность прежней системы очевидна, и реформа должна быть произведена какъ можно скорѣе и на возможно широкихъ основаніяхъ: пребываніе *in statu quo* угрожаетъ обязаннымъ дѣятелямъ всѣми бѣдствіями пауперизма. Не можешь вообразить, какую жалкую роль

играютъ наши педагоги въ здѣшнемъ обществѣ, въ которомъ, вопреки даже примитивной мудрости пословицъ, по платью не только встрѣчаютъ, но и провожаютъ. Особенно печальна участь тѣхъ педагоговъ, которые, по своей вульгарной непредусмотрительности, позволили себѣ жениться.

№ 22. *Отъ учителя татаровской гимназіи, Трезваго, къ учителю косачевской гимназіи, Наивному.*

Письмо твое, любезный Иванъ Андреевичъ, я получилъ, но, извини, не поручусь, что безошибочно понялъ, о чемъ ты въ немъ говоришь и что́ хочешь сказать. По прочтеніи твоего письма, я сталъ ясно понимать только одно—сказаніе о смѣшеніи языковъ во времена вавилонскаго столпотворенія. Пойми меня, любезный другъ, и прости мнѣ мою откровенность: я упрекаю тебя не въ неумѣніи выразиться, а въ злоупотребленіи таланта выражаться. Я всегда признавалъ и цѣнилъ въ тебѣ дарованіе складно говорить и писать, отдаю и теперь полную справедливость твоему искусству владѣть перомъ на всѣ манеры и только не вижу ничего хорошаго въ томъ манерѣ, которымъ ты теперь вздумалъ выражаться. По самому точному счету письмо твое состоитъ изъ двухъ третей словъ иностранныхъ и только изъ одной трети русскихъ. Но болѣе всего меня удивило то, что твои иностранныя выраженія показались мнѣ удобопонятнѣе употребленныхъ тобою выраженій отечественныхъ. При пособіи словарей и ученой терминологіи, насколько она мнѣ извѣстна изъ разныхъ наукъ и художествъ, я разобралъ смыслъ твоихъ коррелатовъ съ постулатами, соціальныхъ индивидуальностей, солидарныхъ въ центрѣ и изолирующихся на периферіи; но какóй точный смыслъ твоихъ нравственныхъ и физическихъ лицъ съ задними мыслями, что́ значатъ поднятые и переставленные вопросы, заявленные (какъ векселя) идеи, несостоятельные (какъ должники) системы,—рѣшить не берусь ни на широкихъ, ни на узкихъ основаніяхъ. Спасибо, братъ, зато, что въ письмѣ своемъ ты разставилъ, какъ часовыхъ, оберегающихъ общественное спокойствіе, слова̀: ясно, очевидно, разумѣется. Безъ успокоительной силы этихъ ободряющихъ откликовъ, мною могла овладѣть мрачная мысль, что—либо въ мое́й головѣ не все благополучно,—либо въ твоей.

Скажи, сдѣлай милость, Иванъ Андреевичъ, наитіемъ какого демона ты вдругъ заговорилъ такимъ тарабарскимъ языкомъ, съ какихъ поръ и вслѣдствіе чего приключился съ тобою этотъ грамматическій переворотъ? Не лишній ли аршинъ содержанія, прибавленный къ формѣ, та́къ подѣйствовалъ на тебя? Ты жестоко, любезный другъ, ошибаешься, если движеніе бумаги и типографскихъ станковъ принимаешь за движеніе идей. Видѣли мы уже не разъ это словесное движеніе и знаемъ его результаты. Было время, когда не только всѣ саардамскія и амстердамскія слова двинулись на русскую землю, но и самыя православныя имена передѣлывались на амстердамскій манеръ; и, однако, вся эта этимологическая революція не одолѣла нашей природной грамматической конструкціи. Напрасно ожидаешь ты какихъ-то особенныхъ результатовъ и отъ современнаго словеснаго движенія; напрасно въ явленіяхъ его усматриваешь какой-то особенно-знаменательный смыслъ. Другъ ты мой милый, это не прогрессъ, а только ремонтъ, и притомъ ремонтъ, не выходящій изъ смѣтныхъ суммъ, положенныхъ на содержаніе такъ-называемаго общественнаго организма. Слыхалъ я, что, вмѣстѣ съ новыми идеями, появляются и новыя слова, но въ этомъ случаѣ, полагаю, честь иниціативы принадлежитъ не словамъ, а идеямъ. Правда, русскій человѣкъ мастеръ говорить одно, а думать другое,—умѣетъ, въ случаѣ нужды, наборомъ глупыхъ словъ и выраженій прикрыть прехитрую работу ума. Это особая риторическая фигура національнаго краснорѣчія, о которой не упоминается въ твоемъ руководствѣ, составленномъ по образцамъ иноземнымъ. Но не пора ли уже отстать намъ отъ этого литературнаго лукавства? Къ чему оно? Публика, располагающая обстоятельствами, отъ другихъ независящими, очень хорошо понимаетъ, что упражненія въ краснорѣчіи на языкѣ временъ смѣшенія языковъ такъ же неопасны, какъ и томы нѣкоторыхъ книгъ, покоящіеся на полкахъ университетскихъ библіотекъ, для поддержанія бодрости духа посвященныхъ. Но, быть можетъ, ты только желаешь попасть въ присяжные ораторы этого краснорѣчія, которое, какъ свѣтъ, выставляется на удивленіе Европы,—какъ мракъ, годится и для домашняго обихода? Это другое дѣло. Но, въ такомъ случаѣ, не совѣтую тебѣ пускаться въ перестановки вопросовъ изъ центра на периферіи, а смѣло и рѣшительно сосредоточиться въ центрѣ.

Если не ошибаюсь, въ письмѣ своемъ ты говоришь о предполагаемой прибавкѣ жалованья. Дай Богъ, чтобъ это случилось, какъ

можно скорѣе. Чтóже касается твоихъ собственныхъ предположеній объ обращеніи суммы за ученіе исключительно въ пользу учителей, то предположенія эти я считаю несбыточною мечтою. Всѣ суммы, названія которыхъ ты знаешь изъ ежемѣсячныхъ вѣдомостей, представляютъ, говоря твоимъ языкомъ, номинальную модификацію суммы государственнаго казначейства; одна эта сумма имѣетъ объективную реальность и тó только вѣрно, чтó будетъ отпущено намъ изъ этого источника.

При случаѣ, пришли мнѣ неводокъ и хорошую складную удочку, со всѣми къ ней принадлежностями, о которыхъ распроси у Афанасія Ивановича Куцаго. Въ здѣшнихъ мѣстахъ усовершенствованы средства только для ловли жениховъ.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Логика школы Кузьмы Демьяновича была непоколебима, риторика — сильна, философскія начала этой школы внушались намъ, подъ руководствомъ Спиридоновъ Павловичей и Архиповъ Сисоевичей, съ должнымъ настояніемъ; и, однако, опытъ показалъ, что дѣйствіе ихъ на наши умы было довольно слабо и поверхностно. Лишь только новое начальство посмотрѣло на воспитаніе съ другой точки зрѣнія и послѣдовали нѣкоторыя измѣненія въ учебной администраціи, какъ все гимназическое сословіе, даже въ своей частной корреспонденціи, заговорило на другой ладъ и, сказать правду, заговорило на этотъ новый ладъ съ большимъ убѣжденіемъ и достоинствомъ, какъ будтобы весь вѣкъ свой училось думать и говорить въ школѣ какого-нибудь парламентскаго лорда, а не въ школѣ Кузьмы Демьяновича. Гимназическую переписку, относящуюся къ этому послѣднему времени, я намѣренъ издать особо.

И. Липейкинъ.

ХУРТО́ВИНА.

«А що, Пе́тре, чи далеко заідемо? бачъ яка хурто́вина, бачъ якъ куёвдить! уже такъ-що й світа Божого не видно, ажъ ко́ней збивае зъ дороги... Дивись, якъ стреля́е у видъ, — чи воно крупи́, чи хто ёго зна?... Аже́ ти не забувъ, Трохиме, якъ ище, мабуть, лі́тъ тому шість, ми блудили съ тобою за Депті́вкою; тоді прихо́дилось та́къ, що трохи душі не рішилились... Приіхали у Дептівку, уже смеркло, а хурто́вина такъ розгулялась: крутить да стріхи рве, слеве, Божого світу невидно. Якъ би тоді сей розумъ бувъ, що́ теперъ! Ви́іхали ми за Дептівку а темно стало, хоть би що дрючко́мъ потягну́ло, то не вгледівъ би; якъ убра́лись ми у долину, такъ ко́нямъ по че́рево, — тілько уші видно, — такъ-тілько: плигъ, плигъ, плигъ! насилу ми вибрались изъ тіеі доли́ни; а воно, въ-ночі, хоть яка маленька долинка, стане такъ якъ велике провалля. Ви́брались ми, поіхали, — хто ёго знае куди и ідемо; а тутъ такъ припікае! — то було по вітру угадаешъ куди іхать, а то та́къ якъ заморо́чило; та сбились ми на Коронецькый шляхъ, — ди́вимось, ажъ люде і́дуть; ми тоді давай гука́ть на іхъ: «скажіть, люде добрі, куди дорога на Понори?» — «Э, се ви не туди попали: дорога осталась сзаду!» Дакъ ми давай іхать за ни́ми, та й переночували у Коронецькій; отъ, я, съ того часу, и зарікся, — ні въ світі не поіду у-ночі, якъ ху́рія на дворі, бо трохи не наложили головою.

«Ти́! ёго, вражого сина, — я́къ стреляе у ліву щоку! Давай лишъ сяду за вітромъ! (Пересівъ на правий бікъ ро́звальнівъ, — звісивъ ноги) Отепе́ръ трошки затишній буде. Надержуй, Петре, оглобельну у ліво, бо вітеръ все збивае у-право!... Ну, вже, учора померзли руки у ме́не! Колибъ не стидно, тобъ и заплакавъ; якъ потеръ снігомъ, дакъ ище й лучче... Дивись, дивись, заець, заець! отже, дорогу перебігъ: катя́, катя́, га-га, га-га! бачъ, и перебігъ! Ка́жуть, буде якась прити́чина, не тутъ ка́жучи... Дивись, — и сівъ! що́-то сучого сина за звіръ! бачъ, и не боітця; а якъ-би було ружжя́, тоді-бъ и

не лучилось такъ. Хитрий звіръ. Нащò ворона — инший разъ якъ за хвістъ не вхопишъ; а піди зъ ружжя́мъ, — такъ, óсторонь, одъ тебе усе и піде.

«Ні, да й припікае! учора руки помéрзли, а сёгодня ноги... А ти, Пéтре, змерзъ?—Да ще ні! — «Держи, держи у-ліво, щобъ не збитьця зъ дорóги, бо такъ у слідъ и замітá, и сліду не видно! Уже, підъ таку хурý мовъ у димý усé: и млинъ тобі здаетця такимъ чуднимъ, и дерево мовъ манія́ яка вста́ла, — такъ и нависло, мовъ на тéбе хоче падать. Нема въ світі, якъ літомъ! Хоть и нá-полі доведетця заночувать, дакъ не страшно; иноді и рýба сухого не буде, — порозвішуешъ одежу, пригріе сонечко, — не знать де й дíлось, — и пішовъ далі. Літомъ, хоть и протú-ночі виідешъ,—тілько півень заспіває— и не бійсь нічого; бо то, кажуть, нічъ весела: зла тварь недуже вештаетця; самъ перехрúстисся, перехрúстишъ дорогу, та й íдешъ сміло.

«Дивись, Пéтре, онъ щось чорніе?»—Да то нéхворощъ, здаетця! А ми якъ íхали у Конотíпъ, передъ Миколаемъ, — подушне, правда, возивъ,—íхавъ я, та ще Санбíрскихъ чоловіка два, виїхали за Санбíръ; сижу я собі,—тілько стали доіздúть ось до первого ярка́, — зиркъ нá-бікъ, дивлюсь—два вовки, такъ якъ дві тичини, стоять; ми на іхъ: тю, тю, тю! а вони, хочь би тобí зъ місця рýшили. Покíйний Лиськó (уже було якъ íдешъ изъ нимъ, дакъ не задрімаешъ, якъ стане росказувать, може щó збреше, а щó й правду скаже, — да вже було инший и правди такъ гладко не роскаже, якъ вінъ булó збреше: уже чистобрéха бувъ покійний!) росказувавъ, що у вовківъ есть свій богъ — ***Ригорій***, каже. Пасли пастухи, а далі пішли у лісъ, дивлятця: стійло збито коло дуба; щó воно за-знакъ, що коло дуба такъ стопцёвано? А одинъ парубокъ и обізвавсь: щó дастé? я переночую на сімъ дубі! Отъ, злізъ на того дуба, узявъ — привьязавъ себé поясомъ до дерева, та й сидить; тілько такъ, якъ у глупу-нíчъ, приходить чоловíкъ у бíлому óдягу, поназбігалась сила вовківъ — вінъ и давай ділить: ти піди тé візьми, ти пíдú,—тé, ти піди до удовú — у неі одно порося, да й тé візьми. Остаетця старий: а тобі тé, щó на дубí!—Розсвіло, товариші и приходять. «Отеперъ же, пропавъ я!»—якъ?—Вінъ и росказавъ імъ усе.—Да ну, годí, чóр-зна чого боятьця! — Стали ночувать на другу нíчъ; узяли — полягали усí головами на того парубка; устають у ранці: тілько одні кістки валяютця; звісно—сýжене: не счуеся, якъ тебе й розúрве, и другі не почують. Вже на-щó, годівъ тому

три, поіхали ми зъ ба́тькомъ за копами на́-нічъ, виіхали до Корсунки, наложили ячме́ню на візъ, (та й ячмінь ще добрий бувъ тоді); корови́ пасутця, а ми полягали спать, — думка така щобъ світомъ до дому; батько жъ заснувъ, а міні усе не спитсе, уже я повертавсь и сюди́, и туди́, — ні! Слухаю, коли корови́ чмишуть; я вставъ, о́страхъ мене́ такъ и взявъ; дивлю́сь — ніч́ого не ви́дно, а ко́рови все чмишуть; я тоді до ба́тька: та́ту! о, тату! тату! чи ви спите́? — А чого? Та поідьмо до-дому, щось корови не ідять!» — То й запрягай, и поідьмо. —

Запрягли; на во́зі положили півтори ячменю (та й ячмінь же добрий!) а вони та́къ идуть, та́къ идуть; проіхали, такъ-сказать, го́нівъ зо́ двое; стали, ось, такъ якъ противъ Го́лубовоі-верби, — тілько воно: ме-ме-ме! Батько на мене поглянувъ, да й мовчить; а міні здалось що дікконъ стереже конопе́ль, та книжку читае, — такий синъ, коли брешу! Се, кажу, діяконъ стере́же конопель у полі; дакъ, видно, читае книжку, щобъ не скучно було. Тілько воно зразу: ме-ме, ме-ме, ме-ме! Я тоді, собі на думці: добрий діяконъ! а вовки напали на теля, — що тутъ-же и люди ночували! — сказать-що коло са́мого во́за ззіли на́зімка живого: — такъ якъ укусне́ одинъ, то воно тілько: ме! другий кусне, то воно — ме-ме! Такъ живого и ззіли. Батько каже: «одпустімъ корову, до вона одніме:» дакъ побоялись. Уже якъ гуртова скотина, дакъ ні въ вікъ-вічний не візьме вовкъ; скотина становитця задами у сере́дину, а ко́ні мордами у середину; и свині́ гуртовоі не візмуть. Покійний дідъ, Ми́кита, росказувавъ, що набігъ вовкъ на табунъ гуртови́хъ свиней; вони і́ого якъ напьялй, одна и попінила: дакъ того вовка и розирвали другі вовки́.»

— Постой, Трохи́ме, и я тобі роскажу: ище покійний мій батько бувъ живий, — поіхали ми на гречку орать; орали ми у Сідьковихъ-мо́гилокъ; стали ночувать, воливъ поодпрягали да й полягали. Тілько ставъ я очима зводить, чую щось: хрьо-хрьо, хрьо-хрьо, хрьо-хрьо; я підвівсь, — дивлюсь: такъ якъ го́нівъ двое сидить свиня на заднíхъ ногахъ, а воно — щось якъ розжене́тця, да якъ ви́тягнетця, да такъ про́жогомъ до свині́, — то вона тоді — хрьо-хрьо, хрьо-хрьо, та до ёго риломъ; то, отсе, свиня якъ поже́нетця, воно тоді назадъ, зогнетця, да скорчитця, да тоді, впьять, якъ випрямитця, та до свині, — то свиня такъ и сунетця до ёго. Я тоді: «тату! тату! о, тату! чи ви чуете, що воно таке́!» — Да то́ лисиця граетця изъ свинею. — Дакъ и не аби́-якажъ и свиня: — нічого и не вдіявъ. На другий вже день батько каже: — то не лисиця, а вовкъ; се я тобі не

казавъ, щобъ ти не лякавсь. — А вона, сучого сина свиня, одбилась одъ чері́дки. Якъ би вовкъ піни не боявсь, то він̂ъ би іі не помилувавъ. —

«Отже вітеръ бувъ у лівий бікъ, а теперь прямо, у пику. Постой лишъ, здаетця, собаки гавкають! Держи, Петре, оглобе́льну, бо такъ и збиваетця.— Уже воно якъ чоловікъ розумний, то любо й словомъ перекинутьця; та якъ и скотина придастця гарна!.. Була въ мене кобила ворона́, — пусти ій віжки, сама такъ и простуе, а де була разъ, туди такъ и верне,— вже не забуде, ні въ-вікъ.» — Ти кажешъ, Трохиме, кобила:—нащо́ заець—якій! піди ти одури ёго́: — якъ тілько думае лягать, такъ слідъ и заплу́тае: попу́та, попута, та тоді ступнівъ на пьять и перестрибне́, и зариется; або птиця, отже — яке хитре: пішли ми торі́къ у леваду зъ Тарасомъ; тілько утка дика лопъ-лопъ-лопъ, кри́лами; я на Тараса: отже, утка підбита! та за нею, а вона одъ мене, а я за нею; одвела мене отъ дітей, да тоді знялась, да й полеті́ла. Не лихого жъ батька, яке хи́тре! засміялись ми зъ Тарасомъ, да й пішли. —

— Зайця тілько ноги ратують,— каже Петро:—кого він̂ъ не боітця! и чолові́ка, и вовка, и лисиці. Разъ ми поіхали у лугъ,—тілько і́хъ шість чоловіка вовківъ, якъ напьяли одного зайця: одинъ біжить, а другі одстануть; а далі другий, якъ уляже: отъ-о́тъ нажене́, отъ-отъ нажене́; отъ, заець у-бікъ, якъ уломить, — вовкъ и останетця. Вовкъ зайця не дожене́, — хиба та́къ, лежачого нагі́ба. —Заець, кажуть-би-то, намі́ривсь утопитьця: піду утоплюсь, каже, ніщо́ мене не боітця; піду самъ собі смерть заподію—утоплюсь у морі. Прийшовъ до моря; тілько жаба—плигъ! злякалась, та въ море. «Отже, вернусь: годі топитьця,—есть таке що́ й мене боитця.» Що́ отсі́ стрільці і́хъ перенівечять! Орали ми зъ Лиськомъ надъ гайко́мъ; тілько два стрільці і́здять, та й і́здять. Тілько десь и назбрили зайця, та зразу: бухъ! та ногу й перебивъ; він̂ъ такъ якъ димъ, — такъ и котитця, да прямо на ме́не. Я и́стикъ наготовивъ,—думаю собі: якъ порівняетця, та́къ ёго и вчищу. Не вспівъ и оком̧ъ змигнуть, він̂ъ такъ по підъ ногами и шамну́въ. Отакъ, каже Лисько: упустивъ со́кола зъ рукъ.

«Ти кажешъ, Пе́тре, що самий плохий звіръ—заець; надъ вівцю нема й пліхшого. Сміхъ та й годі: колись я волочивъ, а ватага не подалеці ходила; вовкъ и підкравсь. Я—тю-тю, тю-тю, тю-тю! а він̂ъ не слуха,—та́къ и кинувсь до баранця́; ватага у-ро́стичъ, баранець проти ёго: тупъ-тупъ-тупъ, ногою; а вовкъ ёго за шию, — пере-

кусивъ горло, скинувъ на спи́ну, да й помчавъ. Вівчарі за нимъ: тю-тю, тю-тю, тю-тю! дакъ він̃ъ такъ и подався до Тимоше́нкового ярка́.

«Отже й Саранівка! (Спустились у яръ) «У яру́ заразъ и поти́хшало, и вітеръ не той. — Привертай до ши́нку: нехай коні духъ переведуть, а ми трохи погріемось. Отó замело! обтруси, Петре, мене, а я тебе. (Уходять у хату) «Здорова шинкарко! Дай Боже здрастувать! — «Ну, да й пить-же хочетця.» — «Не пий, Петре, води, — випий лучше горілки! Я звіривъ на собі, що нема й гірше, якъ води випьешъ съ холоду; а горілки хоть трошки випьешъ — и смагу проженешъ. Уже якъ Савка нашъ! вінъ не розбíра ніколи: якъ допавсь до води, такъ и дудлить; дивись, и не минетця ёму, черезъ те́ такъ часто и занепада́. Бачъ, у шинку якъ замуровало вíкна!.. А де́ твій чоловікъ, молодице!» — У мене нема чоловіка — Бачъ, и вклепався. — «Отсе другий разъ топишъ?» — Та де́-тамъ! уже третій. — «А ну, пора, Трохиме: нерано. Якъ би давъ Богъ на́-нічъ у Дептівку.» (Виіхали на Степокъ.) «Отже, хуртóвина и не здаетця.» — «А куди поідемъ?» — Паняй побíля могили... Ти кажешъ, Петре, заець хитрий? Надъ лиси́цю нема, мабуть, и хитрішого звíра! Іхавъ я у восени́, — да не самъ, а зобралась валка чимала. Я дивлюсь — коли́ лисиця бíжить; тілько зу́здріла насъ, та́къ и прилягла, якъ грудочка; я тоді: онъ-онъ, онъ-онъ, онъ-онъ, лисиця! — Де? — Онъ прилягла! — Да то ввидíлось тобі, та́къ! — Дивлюсь, коли и друга побачила, и та прилягла; а далі третя, четверта, та́къ и поприлягали. Якъ тілько ми поминули, — вони тоді повставали, да такъ, стопа́-въ-стóпу, и біжять. Я тоді: а щó, не правда?... Да ще які здорові!... Торікъ ми зъ Тарасомъ нагибали нору́ лисичу, на Лізкахъ; отъ, и давай копать. Якъ почали, якъ почали! оце поведе туди, а далі въ бікъ, а потімъ прямо, а далí впьять зверне; чуемо, щось хропе; оце, думка така, лисинята; — докопались, ажъ тамъ кублó, такъ якъ собаці повернутьця; дивимось — ажъ тамъ два íжаки́! Я, зъ серця, узявъ та й повбивавъ. «А вона уже вивела.»

— А то, разъ, та й видрали Царе́нкови лисинятъ; вона, по сліду, и дойшла, ажъ до самоі хати, — та все ходить. А надъ Дубиною оравъ Хведоръ Курченко. Отъ, лисиця прийшла, та й лягла, надъ горою, у борозенці. Вінъ примітивъ, та й підкравсь, — та якъ учи́стить и́стикомъ: вона такъ и витяглась... А вона молока напрягла. —

«А ну, ну, паняй, Петре, бо невидно... Міні здаетця, що пьяному чоловіку, у ночі, частій усёго лучаютця приведенціі; чоловікъ якъ

не пье довго, та зразу почне пить багато, то ёму, що́-небудь, и привидитця. Аже́ ти чувъ, якъ Наумъ бивъ пеньки: ёму здалося що чорти... А я, такъ, якъ-би и теперъ, тверезий, якъ сёгодня знаю, на масниці,—уставъ у ночі́,—бачу—ві́теръ;—пі́ду,—кажу,—пущу млинъ. Ви́йшовъ на го́ру, ось-такъ, якъ порівнятьця зъ Дворянською нивою; — чую, грімъ загремі́въ! зімою, та грімъ загримі́въ? Дивлюсь—змій такъ и розсипавсь искрами, да й упавъ у Лепу́рчиному саду.» — Да вінъ, кажуть, часто сі́дае тамъ,—обізвавсь Петро́. «Уже я злякавсь тоді, такъ, що й себе не знаю!» — Ні́коли я не злякавсь та́къ, якъ поза́торікъ,—каже Петро. Шивъ чоботи у дворі́; літомъ, дакъ лубка́ нестало: побі́жу,—кажу,—до-дому, та ві́зьму лубка на закаблуки. Біжу собі,—тілько зъ конопель вовкъ, проти проваля, такъ и вискочивъ; я такъ злякався, що волося на голові такъ и полі́зло въ гору. Я тоді на дівчатъ: (а ді́вчата у Гудевівщині тютюнъ підбивали)—Дівчата, ось вовкъ!—Де́?—Ось!—Ві́нъ такъ и прянувъ на гору... Да ще злякався здорово, якъ покійний ді́дъ живий бувъ. Поіхали гречки вьязать; у ночі́, я коло ді́тей,—коли ді́дъ прибі́гае: «тікайте, ді́ти, на ві́зъ!» Узявъ, та й поссажувавъ на ві́зъ. А ні́чъ була мі́сячна. Тілько-що посхо́плювались ми на ві́зъ, ажъ табунъ коней біжить — гнали вовки; отъ и погнали ажъ у Миронівъ яръ; тіжъ погнали, а одинъ перебігъ навпере́йми, та й засівъ;—якъ тілько порівнялись ко́ні, вінъ якъ прискочивъ до лошака, якъ ухопивъ за горло, такъ и повали́въ! и почали тутъ і́сти. Корній да Йванъ, побачивши, узяли—ві́хтівъ навьязали изъ соломи,—отсе запалять, та до і́хъ: то вони назадъ отбі́жять ступнівъ двадцять, да тоді постають, та зубами—клацъ-клацъ-клацъ!.. Отже, ноги стали промерзать, — давай про́йдемо.

«И Санбірські́ млини́ уже манячять! Якъ собаки гавкають! чи не пробі́раетця до овець собачий дядько... А ну, сідай! лучче раньше настигнемо у Дептівку... Що за славний дідъ отсей Коноплянний! — якъ сяде, та якъ почне гу́тарить, и тебе пришануе и конямъ сі́на по́-боки. Воно бъ и до-дому можно у волю настигнуть, та дорога забитна; тамъ, за Дептівкою, по глибокимъ дорогамъ, снігу ва́лява:— лучче рано встанемо.» — А куди поідемо, чи прямо, чи кругомъ? — «Паняй прямо!» — Лучче поідьмо кругомъ: хто кругомъ і́здить, той дома ночуе. Аже́, якъ питали жі́нки, чи скоро чоловікъ приде: якъ поіхавъ, каже, кругомъ, такъ сёгодня буде, а якъ навпрошки, то хиба завтра.

«Вжежъ, якъ прийдемо до діда, дакъ я заразъ на пічъ; я люблю, съ холоду, на печі попаритьця: хочъ якъ перемерзнешъ, а на печі, якъ спотієшъ, то все минетця, и здоровъ станешъ.» — А я люблю,— обізвавсь Петро́,—долі, на соломі: долі, кажуть, дві волі, и рука и нога спить... А вставай, Трохиме, та одчиняй воро́та; на́ пу́гу одъ собакъ!—(Собаки такъ и гунули, та впьять назадъ) Отже, и собаки хвижі боятця,—такъ и ховаютця.»—Отже, щось иде,—каже дідъ Ничипоръ.—А вийди, Секлето!—«Та се, якісь люде приїхали,—за хвижею и невидно.» (Убігла Секлета, та заразъ и ско́чила на пічъ грітьця.)

«Обтруси мене, Петре, а я тебе.» (И давай тупотіть у сіняхъ.)—А Гривко́ ажъ двері гризе.—«Добривечіръ, діду!» — Здоровъ!— (Дідъ придивляетця)—Се ти, Трохиме? бачъ, я й не пізнавъ! «Пустіть ночувать!» — Добривечіръ, діду!—Здоровъ, Петре! скидай кобенякъ.—Ну, дай куда́ жъ! и світа Бо́жого невидно... Підъ таку хвижу не одно одубіе, не тілько пьяне, а й тверезе.—Роспрягайте жъ коні,—та отамъ, у клуні, сіно.—

«Иди, Петре, роспрягай, а язъ дідомъ таба́ки понюхаю... А дай лишъ діду табаки.»—Біжи, Марку, до Тимоша́, позичъ табаки. Отсе якъ-разъ не стало, а міні вже якъ нема табаки...! Устанешъ у ночі, сядешъ на припічку — отсе мое місце, — развіъ десятокъ понюхаешъ, и мислі розибьешъ; — звісно, старому не спитця, а друге те — и думки... Сідай, Трохиме! — «Ну, въ тебе, діду, и собачки́!»— Бачишъ, Трохиме,—одъ поля живемо, звірі тягаютця. — «Та-и въ насъ, сю зиму, у Мусія Нагірного потягнули свиню.»

—Не чого й вовки ходять у село,—почавъ дідъ: — може воно й брехня, дакъ и я буду брехать,—а може воно колись и правда була, та теперъ за брехню править... Собаки та й зробили договоръ зъ вовками, щобъ вовки у село не ходили; вовки й дали росписку собакамъ, що уже, бачъ, вони не будуть ходить у село. Отъ, собаки та й отдали сю росписку, на схо́ванку, котамъ, а коти мишямъ, а миші, возьми, та и ззіжъ! Отъ, и завелась сварка: собаки на котівъ сердятця, а коти на мишей,—а вовки все-таки ходять у село; якъ тілько собаки скажуть вовкамъ: а чого ви ходете у село? ви жъ дали росписку!—дакъ вовки́ и кажуть: «а покажіть росписку!»

(Уходить, Петро, випрігши коней.) «А що́, постановивъ коней?» —Постановивъ, діду!—И сіна підложивъ?—Підложивъ!—А, ну, лишъ, стара, чи буде намъ що́ вечерять?... А моя стара да хоче мене покинуть!...—Якъ-то, діду,—каже Трохимъ:—я заходивъ до тебе у

хату, ідучи у Конотіпъ,—дакъ баба журилась за тобою: «поіхавъ», каже, «мій старий,—колибъ не змерзъ, бо на-двóрі хурá піднялась.»— Тó вона при людяхъ тáкъ каже.—(Усміхнувся Ничипоръ, да й поглянувъ на стару.)—Ти вже зъ жартами своіми, старий!...—Усе у людяхъ: учора гребенівъ уводили, а сёгодні веретепа запрядáли,— видно, хоче собі молодого підчипити.—(Зареготались усі.)—И почавъ витрибіньковать! узявъ би лучче та людей почастувавъ. — А ну лишъ, дочко, бери настільникъ, та накривай стілъ; клади хлібъ, ложкú, та станови борщъ. — (Дідъ бере пляшку, чарку, и насипá.)— Пий, Трохиме! — У хазяіна у рукахъ, у хазяіна и въ устахъ.— Будьмо живі, та Богу милі!—(Випивъ дідъ.)—Колись и дешевша була горілка, та міцніша... Нехай же въ гóроді, що подешевшала, а въ насъ и подорогшала, та погана така: иноді ажъ кисла, ажъ живíтъ обдимá: тілко звáніе, що горілка.—(Сказавъ и сплюнувъ дідъ.)— Ну, пий, стара: гості будуть та й підуть, а ми съ тобою вікъ зжили! — (Почастовавъ дідъ Трохима, а потімъ — Петра; посідали за стілъ.)—А ну лишъ, стара, чоловікъ на'дній нозі не ходить, а на двохъ: наливай лишъ по дрýгій! — Пошли, Боже, вікъ, здоровье и спасеніе!—(Випила сама,—тоді старого почастовала, а тоді вже гостей. Поіли борщъ.)

— Подавай іще тамъ, що é! Выпий три, да й усú протри, пословиця говóритця; наливай лишъ по третій!... — Чому ти, дíду, кобили не перемінишъ? У мене уже, після тиеі, що на *Чéсного* (¹). купивъ,—дрýга. «А нá що міні перемінять? Міні кобили не гризти. Міні, якъ и ся возить, дакъ и дóбра.

(Повечеряли, выпили на-потýху, стали дякувать:) «Спасибі Господу-Богу, Матері Божій и всíмъ святимъ, за хлібъ, за сіль и за вечéрю; и тобі, дíду, и тобі, бабо, и тобі, Марку, и тобі Секлето!»— Богу милосердному! —

— Дакъ ти, дíду, íздивъ у Мельню?

— Та іздивъ: купивъ тамъ дощокъ съ пьять! Думка такá,— якъ прійдетця помірать, дакъ пі-съ-чогó буде и домовини збить. Я вже домовину готую, а вона, не бійсь, молодого собі шукае...

— Стеліть соломи: хто ляже долі, а я на полу, а ти, стара, на печі... «Та же-жъ!»—Баба тоді й хвабра, якъ на печí. Подавайте сюди онучки, та ýстілки, яіположу на кóмні, то вони висохнуть.—

(¹) *На Чвсного*, значить—на Воздвиженіе.

(Помолились Богу, полягали де-кому припало.)—Тушішь же й каганéць.—

Трохимъ и Петро такъ и захропли, мовъ побиті; а тамъ, заспувъ и дідъ, понюхавши разівъ съ пьять табáки. А хуртóвина все завивае, та порощить у вікна; вже й людъ, утихомиривсь, а вона все насвистуе, та все дёрготить вікнами. Спить людъ Божий, кому припало тепло; а инший, у кого думка думку пошибае, той и не спить, та повертуетця зъ боку-на-бікъ; та не спить той, кого застигла хвижа, у полі: хýкае собі у руки, та стукае ногами, повертаетця зъ своею скотиною, мовъ той червякъ у кучугурі; ажъ засáпалась Булана, та повéртуетця у заметахъ,—поспішаетця до-дому, бо и ій хочетця у зáтишку, у хливці, задрімати. Уже й собаки не чутно на селі, хиба, де-небудь, зла тварь пробіраетця для своеі поживи.

Нічъ-мати усіхъ пригорнула; тілько зайчичокъ-стрибайчичокъ, обгризуе молодіі пáгонці на вишняхъ, да й той козирить ушима, щобъ не попастись у слопéць. Заспівали треті півні; уже старий устававъ тричі, посидівъ на припічку, понюхавъ табаки, та й опьять задрімавъ. Тутъ и стара давай бухикать; а тутъ и бабина унука заходилась плакать; заворушились усі. Уже и Трохимъ прокинувся. — А що, діду, чи унишкла хуртóвина?—Та внишкла: уже тихо стало, и морозець малий; після хуртóвини, на дощъ перевелось; а перéдъ-світомъ морозець ухопивъ. Теперь тáкъ, якъ листовимъ жалізомъ покрило снігъ...

— Міні, Секлето, снилась Тимошенкова Настя,—озвалась баба:—здаетця, я бачу, що у іі дворі огонь: тáкъ поломья и піднімаетця, и піднімаетця стовпомъ; а потімъ—димъ! такий димъ, такий димъ, да кучерявий—такъ и качаетця по землі.—Кажуть, буде якесь диво,—обізвалась Секлета.

(Засвітили каганéць; дé хто лежить; Секлета на гребині пряде.)

— Скілько не лежать, а треба вставать,—каже Трохимъ.—Пора й до-дóму братьця. —

— Чого ви такъ поспішаете? Іщебъ поснідали, — каже дідъ.

— Та спасибі! істи не хочетця.—Прощавайте жъ!

— Спасибі-жъ вамъ за хлібъ, за сіль, и за вашу ласку! дай, Боже, вамъ здоровья! —

— Богу святому дякуйте!...

Степанъ Нісъ.

Село Понори, Черніговського повіту. 1860.

ТРИ ПИСЬМА О ПЧЕЛОВОДСТВѢ.

Помѣщаемыя въ «Основѣ» *Письма о Пчеловодствѣ* взяты изъ полнаго сочиненія, подъ этимъ же названіемъ, извѣстнаго малороссійскаго пчеловода, *Як. Ив. Костенецкаго*, вполнѣ изучившаго, собственнымъ опытомъ, эту, столь любимую и распространенную, въ нашемъ краѣ, отрасль сельскаго хозяйства. По отзыву людей, близко знакомыхъ съ предметомъ, *Письма о Пчеловодствѣ* представляютъ замѣчательнѣйшее у насъ явленіе, и въ теоретическомъ и въ практическомъ отношеніи. Сочиненіе нашего пчеловода можетъ служить чрезвычайно-полезнымъ руководствомъ для любителей и хозяевъ, и потому редакція «Основы» пріобрѣла все сочиненіе и намѣрена издать его отдѣльною книгой въ теченіи настоящаго лѣта.

Въ помѣщаемыхъ *трехъ письмахъ*, г. Костенецкій излагаетъ многія собственныя наблюденія надъ природой и дѣятельностью пчелъ, и свою новую гипотезу о таинственномъ и самомъ спорномъ вопросѣ въ жизни этихъ насѣкомыхъ—«о взаимномъ отношеніи и свойствахъ трехъ членовъ пчелинаго семейства»,—при чемъ разбирается существующія, до настоящаго времени, теоріи иностранныхъ и нашихъ пчеловодовъ по этому любопытному предмету.

ПИСЬМО II.

Пчелиное семейство: матка, трутни, рабочія пчелы. Дѣланіе пчелами меду и воску. Рожденіе пчелъ. Прежнія гипотезы о половомъ отношеніи существъ пчелинаго семейства. Моя объ этомъ гипотеза. Гипотеза Дзирзона.

Подобно нѣкоторымъ другимъ насѣкомымъ, пчелы живутъ большимъ семействомъ, заключающимъ въ себѣ иногда до сорока и болѣе тысячъ существъ. Каждое семейство живетъ отдѣльно, дружелюбно и имѣетъ свою общую собственность, но не имѣетъ никакихъ сношеній съ другими семействами и даже враждебно одно другому, такъ-что ежели внезапно соединить между собою два семейства, то между ними произойдетъ драка, могущая уничтожить оба семейства. Пчелиное семейство состоитъ существъ изъ трехъ видовъ: матки или царицы — всегда одной; нѣсколькихъ тысячъ рабочихъ пчелъ и множества трутней — странный тройственный составъ, какого, сколько извѣстно, не имѣютъ никакія другія животныя.

Матка, пожалованная пчеловодами въ царицы, отличается отъ рабочихъ пчелъ и трутней видомъ и величиною. Единственное, до-сихъ-поръ подсмотрѣнное пчеловодами, ея занятіе есть—класть яички въ ячейки. Она несетъ два рода яичекъ: пчелиныя и трутневыя,—послѣднія нѣсколько болѣе первыхъ. Въ сотахъ три вида ячеекъ: обыкновенныя пчелиныя, трутневыя—нѣсколько шире пчелиныхъ, и маточныя, имѣющія видъ желудя, или наперстка. Матка кладетъ яички или сѣмена во всѣ три вида ячеекъ; хорошая, или добрая, матка кладетъ каждый рядъ яичекъ въ назначенныя для нихъ ячеи и всегда по одному, дурная же (дѣлаетъ безпорядокъ) кладетъ въ одну ячейку часто по нѣскольку яичекъ, или и во-все не кладетъ пчелиныхъ, а одни трутневыя. Другаго какого-либо занятія матка не имѣетъ или, по крайней мѣрѣ, до-сихъ-поръ болѣе не открыто. Она очень рѣдко вылетаетъ изъ улья, только во время роенія, и изрѣдка на *проигру*, будучи еще молодою. Она имѣетъ жало, но рѣдко его употребляетъ, развѣ будучи раздражена до–крайности. Одна матка ненавидитъ другую, и если ихъ въ одномъ семействѣ случится двѣ, то онѣ дерутся до–тѣхъ–поръ, пока одна не убьетъ другой. Почти всѣ пчеловоды приписываютъ маткѣ неограниченную власть въ семействѣ и разныя, даже умственныя свойства, отъ которыхъ будто бы зависитъ все благосостояніе семейства; но, по моему мнѣнію, въ этомъ взглядѣ много фантазіи. Матка живетъ долѣе пчелы, (которой вѣкъ менѣе года), отъ пяти и до восьми лѣтъ; въ молодости бываетъ цвѣта темнаго, а подъ старость—желтѣетъ.

Отъ качества матки зависитъ все благосостояніе пчелинаго семейства: если въ немъ будетъ дурная матка, т. е. такая, которая или вовсе не кладетъ яичекъ, или кладетъ однѣ только трутневыя, то семейство это непремѣнно вскорѣ уничтожится. А потому пчеловоды прежде всего должны знать основательно всѣ тѣ признаки, по которымъ узнается качество матки. По наружному виду матки, нельзя узнать ея достоинства: оно узнается только по ея дѣйствіямъ. Но такое знаніе не легко, и составляетъ еще секретъ для многихъ пасичниковъ, не изучившихъ этого предмета отъ образованныхъ пчеловодовъ. Читая иностранныя руководства къ пчеловодству, убѣждаешься, что не только прежде, но и въ настоящее время, иностранные пчеловоды неимѣли никакого понятія о разныхъ качествахъ матокъ. У насъ же, можно сказать, всѣ примѣты, по которымъ узнаются добрыя и худыя матки, подсмотрѣны окончательно и до–того вѣрно, что для

ученаго и опытнаго пчеловода это не составляетъ уже никакой трудности. Честь всѣхъ этихъ наблюденій, систематическаго ихъ изложенія и практическаго распространенія между пчеловодами, безспорно принадлежитъ нашему Прокоповичу, который своимъ ученіемъ о разныхъ качествахъ матокъ и вѣрными способами исправленія дурныхъ пчелиныхъ семействъ, разогналъ бывшую до него тьму въ пчеловодствѣ и указалъ совершенно новый и вѣрный способъ выгоднаго веденія пасики.

Всѣхъ матокъ, по ихъ происхожденію, можно раздѣлить на два рода: на *натуральныя* и *свищевыя*, или самовыпложенныя. Первыя рождаются естественнымъ образомъ, отъ сѣменъ, положенныхъ въ маточники самими матками, а вторыя,—въ случаѣ лишенія матки,—производятся уже пчелами изъ сѣменъ, или яичекъ, первоначально предназначаемыхъ для рабочихъ пчелъ. Такъ-какъ яичекъ этихъ нельзя переносить съ одного мѣста на другое, то маточники этихъ матокъ, дѣлаемые изъ пчелиныхъ ячеекъ, бываютъ не на ребрахъ сотовъ, какъ это обыкновенно бываетъ у природныхъ матокъ, но на пластахъ. Натуральныя и свищевыя матки, по качеству своему, раздѣляются на *добрыя* и *трутневыя*. Добрыми матками признаются тѣ, которыя кладутъ пчелиныя и трутневыя яички сообразно времени и потребности и содержатъ въ должномъ порядкѣ все пчелиное семейство; трутневыми же считаются тѣ, которыя кладутъ однѣ только трутневыя яички, или вовсе никакихъ. Матки бываютъ трутневыми или по природѣ, или отъ приключеній: отъ старости, увѣчья послѣ драки и отъ болѣзни; поэтому и добрыя матки впослѣдствіи дѣлаются трутневыми. Пчеловоды-писатели утверждаютъ, что матка въ брюшкѣ своемъ имѣетъ два отдѣленія: одно для пчелиныхъ яичекъ, а другое для трутневыхъ, Сваммердамъ и Кристъ утверждаютъ, что въ лучшіе микроскопы можно примѣтить. въ яичникѣ матки, двѣ вѣтви яицъ, одну трутневую а другую пчелиную. Но я не думаю, чтобы это было совершенно такъ, и полагаю, что въ происхожденіи яичекъ того и другаго рода есть тайна, еще никѣмъ неразгаданная. Такъ я заключаю изъ того, что матка, при неблагополучіи своемъ, теряетъ всегда способность класть только пчелиныя яички; но еще никогда не замѣтили, чтобы матки, способныя класть пчелиныя яички, были бы не въ состояніи класть яичекъ трутневыхъ. Свищевыя, или самовыпложенныя, матки производятся пчелами при двухъ случаяхъ: во 1-хъ, когда онѣ по какимъ либо обстоятельствамъ лишаются сами нечаянно своей натуральной матки, и во 2-хъ, когда пче-

ловодъ отбираетъ ее у нихъ при дѣланіи насильныхъ роевъ, или для другой надобности.

Трутни — второй видъ существъ въ пчелиномъ семействѣ. Они больше рабочей пчелы, отличаются отъ нея наружностью, имѣютъ совершенно другіе органы и неимѣютъ жала. Они рождаются изъ яичекъ, положенныхъ маткой въ ячейки, собственно для нихъ предназначенныя, которыя дѣлаются болѣе ячеекъ рабочихъ пчелъ, а отъ этого и трутни бываютъ болѣе рабочей пчелы; но иногда они раждаются и въ пчелиныхъ ячейкахъ: тогда они величиною бываютъ почти равны рабочей пчелѣ. Пребываніе трутней въ пчелиномъ семействѣ есть только временное: они раждаются весною и истребляются пчелами осенью. Какое занятіе трутней?—Этого, кажется, еще никто настояще не опредѣлилъ; вѣрно только то, что они не собираютъ меду, а ѣдятъ его готовый, собранный пчелами. Поэтому, они, не только осенью, когда въ нихъ, какъ бы уже минуется какая-то неизвѣстная намъ надобность, но даже и лѣтомъ истребляются пчелами, какъ-скоро сдѣлается въ ульѣ недостатокъ въ кормѣ. Вопросъ о назначеніи трутней всегда занималъ не только пчеловодовъ, но и знаменитыхъ натуралистовъ. Въ послѣднее время, трутни считается за самцевъ, оплодотворяющихъ матку, и эта гипотеза признана на столько правдоподобною, что болѣе не дѣлаютъ никакихъ надъ ними наблюденій; но, по моему мнѣнію, это обстоятельство также сомнительно, какъ и всѣ другія мнѣнія объ отношеніяхъ между собою всѣхъ трехъ видовъ существъ пчелинаго семейства, о чемъ я ниже буду говорить подробнѣе.

Третій и главнѣйшій видъ существъ пчелинаго семейства составляютъ *рабочія пчелы*, такъ названныя потому, что онѣ однѣ производятъ всѣ работы, необходимыя для существованія семейства. Рабочая пчела менѣе матки и трутня, потому что выводится въ ячейкѣ гораздо менѣе маточной и трутневой ячеекъ. Ячейки, въ которыхъ пчелы еще въ первый разъ выплаживаются, бываютъ болѣе тѣхъ, въ которыхъ онѣ уже нѣсколько разъ выводились, а отъ этого и самыя пчелы бываютъ менѣе или болѣе, ибо пчелы, какъ и бабочки, вышедшія изъ кокона, не растутъ болѣе. Цвѣта онѣ всегда одинаковаго съ небольшою только разницею, то темнѣе, то желтѣе; я полагаю, что пчелы во всѣхъ странахъ бываютъ одинаковой наружности, величины и цвѣта съ самыми небольшими развѣ измѣненіями, и поэтому не думаю, чтобы были различныя породы пчелъ, какъ нѣкоторые утверждаютъ. Пчелы снабжены разными орудіями, нужными для

производства работъ. Изъ нихъ первое—хоботокъ или язычокъ, находящiйся надъ самимъ ртомъ, помѣщающiйся въ особаго рода трубочкѣ, какъ бы футлярчикѣ, куда пчела его прячетъ когда неупотребляетъ. Хоботокъ этотъ длиненъ, остроконеченъ, гибокъ, но, какъ описываетъ Кристъ, не имѣетъ внутри отверстiя, а покрытъ волосиками на подобiе лисьяго хвоста, и потому пчела не втягиваетъ имъ медоваго сока, а слизываетъ его изъ цвѣточныхъ чашечекъ. Кромѣ хобота пчела имѣетъ на головѣ межъ глазъ два *усика* или *щупальца* служащiе ей какъ бы осязательными органами; *клещи,* состоящiе изъ двухъ зубовъ, довольно твердыхъ, которые также составляютъ пособiе въ ея работахъ. Она имѣетъ четыре крыла и шесть ногъ, состоящихъ изъ нѣсколькихъ членовъ. На обѣихъ парахъ заднихъ ногъ находится. на каждой, по *щеточкѣ* или небольшому четвероугольнику, покрытому волосами, которыми она собираетъ съ цвѣтовъ цвѣточную пыль. Между вторымъ и третьимъ членомъ двухъ заднихъ ногъ находятся углубленiя на подобiе ложечки, называемыя *лопаточками,* въ которыя она набиваетъ цвѣточную пыль. Брюшко пчелы состоитъ изъ шести параллельныхъ чешуекъ, растягивающихся и сжимающихся по надобности. Въ брюшкѣ помѣщены кишки, медовой пузырекъ, желудокъ, пузырекъ съ ядомъ и жало.

Всѣ вообще работы, въ пчелиномъ семействѣ, производятся рабочими пчелами; онѣ собираютъ изъ растенiй медъ, составляющiй ихъ главную пищу, дѣлаютъ изъ него воскъ, а изъ воску—вощину, собираютъ цвѣточную пыль, или *пергу*, составляющую пособiе въ пищѣ лѣтомъ и которая особенно необходима для приготовленiя пищи для молодой *дѣтки*, носятъ воду и выводятъ дѣтку изъ сѣмянъ, положенныхъ маткой. Каждое пчелиное семейство всегда имѣитъ у себя стражу, которая, прогоняя чужихъ пчелъ, впускаетъ въ улей только своихъ, опознавая ихъ щупальцами. Каждая пчела узнаетъ свой улей не по его наружному виду, но по его мѣсту или по навыку своего полета, такъ-что если улей сдвинуть съ мѣста хотя на аршинъ, то пчела его уже не найдетъ, а сядетъ на то мѣсто, гдѣ стоялъ улей. Но если перевезти улей на далекое разстоянiе, версты на три, то пчела обознавши мѣстность, привыкаетъ опять къ новому направленiю. Пчелы могутъ отлетать отъ своего улья верстъ на шесть и болѣе и никогда, при возвращенiи, не сбиваются съ пути. Пчела можетъ издавать звукъ, который она разнообразитъ, смотряно надобности, и всѣ другiя пчелы одного семейства хорошо понимаютъ эти условные тоны.

Если пчела чужаго семейства захочетъ пристать въ улей, то она всегда, ставъ на *летикѣ*, упрашивается, издавая особый звукъ, или, какъ говорятъ пчеловоды, присягаетъ, послѣ чего ее и принимаютъ въ улей.

Дѣланіе меду и воску.

Пчелы собираютъ медъ, изъ многоразличныхъ цвѣтовъ, иногда изъ листьевъ различныхъ растеній, болѣе или менѣе имѣющихъ свойство производить эту сладкую жидкость, которую пчелы слизываютъ хоботкомъ и, если хотятъ употребить въ пищу, то чрезъ ротъ препровождаютъ ее въ желудокъ, если же хотятъ сохранить въ запасъ, то пропускаютъ ее чрезъ ротъ въ особый пузырекъ, находящійся въ брюшкѣ, гдѣ она, подвергаясь измѣненію, дѣлается уже медомъ и опять чрезъ ротъ извергается въ ячейки.

О дѣланіи пчелами воска было много предположеній. Первые и, разумѣется, самые неопытные наблюдатели принимали за воскъ пергу, которую пчелы носятъ на своихъ ножкахъ, цвѣтомъ дѣйствительно похожую на воскъ. Женевскій натуралистъ–пчеловодъ Губеръ, который, какъ я уже говорилъ, былъ слѣпъ и свои наблюденія надъ пчелами дѣлалъ съ помощью слуги, еще въ срединѣ прошлаго столѣтія, первый началъ оспаривать это мнѣніе и утверждалъ, что пчелы дѣлаютъ воскъ изъ меду и другихъ сладкихъ соковъ, но съ нимъ не только не соглашались, но даже называли это мнѣніе нелѣпостью. Иные утверждаютъ, (даже Кристъ и за нимъ Прокоповичъ) что пчелы, эту цвѣточную пыль, или особо собираемое восковое вещество, смѣшиваютъ съ медомъ въ особомъ восковомъ желудкѣ и изъ него выпускаютъ чрезъ ротъ уже воскъ. По моему–жъ мнѣнію, которое я уже давно печатно изложилъ въ одной изъ статей моихъ о пчеловодствѣ, пчелы дѣлаютъ воскъ прямо и единственно только изъ меду, который онѣ, переработавъ въ своемъ желудкѣ, испускаютъ не чрезъ ротъ, а чрезъ поры брюшка, гдѣ онъ, охладѣвая и твердѣя, образуетъ между брюшными чешуйками маленькія и иногда видимыя для глаза пластинки, которыя онѣ берутъ потомъ въ ротъ, мѣсятъ зубами и дѣлаютъ изъ нихъ вощину. Это ясно изъ того, что пчелы дѣлаютъ вощину и тогда, когда у нихъ вовсе не бываетъ перги, и когда онѣ даже не вылетаютъ изъ улья; такъ напримѣръ, если раннею весною подрѣзать соты въ ульѣ, въ которомъ много будетъ меду, а мало вощины, то пчелы, даже не вылетая изъ улья, будутъ дѣлать вощину. Также и во время сильнаго взятка, когда недостаетъ порожнихъ сотовъ

для наполненія ихъ медомъ, пчелы съ необыкновенною быстротою и въ большомъ количествѣ дѣлаютъ вощину, между-тѣмъ какъ въ то время почти не носятъ перги. Когда, во время сильнаго взятка, производится самая большая и поспѣшная работа вощины, то пчелы, въ торопливости, даже роняютъ множество восковыхъ пластинокъ, которыя тогда, на подобіе разсыпаной крупы, можно видѣть на подмосткахъ подъ ульями. Однажды у меня случилось, что вышедшій рой, собранный въ *роевню*, отъ недосмотра задушился. Когда я началъ его разсматривать, то у каждой пчелки между брюшными чешуйками явственно были видны продолговатыя, тоненькія, бѣленькія пластинки воска. Однимъ словомъ, дѣланіе пчелами воска изъ меду, а не изъ чего-либо другаго, и выкатываніе его изъ желудка сквозь поры тѣла, а не выпусканіе его чрезъ ротъ, такъ очевидно, что я, съ самаго начала занятія моего пчеловодствомъ, составилъ себѣ это понятіе, и удивляюсь, какъ другіе пчеловоды, въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ, этого не постигли и даже большая часть ихъ, а особливо иностранныхъ, еще и теперь остается при невѣрномъ понятіи объ этомъ предметѣ.

Изъ воску пчелы дѣлаютъ разной величины ячеи для выплаживанія въ нихъ своей дѣтки или *черви*:—пчелиныя трутневыя ячеи, составляющія непрерывные, сверху внизъ идущіе пласты вощины, а на концахъ ихъ, на ребрахъ вощинъ, маточныя ячеи. Кто не знаетъ этихъ сотовъ, и кто при видѣ ихъ не удивляется той геометрической правильности и вѣрности, съ какою эти чудныя насѣкомыя устраиваютъ свои ячейки, и у кого при этомъ не раждается желаніе имѣть хотя какое-либо понятіе о естествѣ и свойствахъ этого непостижимаго животнаго?

Рожденіе пчелъ.

Не смотря на всю таинственность пчелинаго семейства, не смотря на многочисленность его ядовитыхъ жалъ, всегда устремленныхъ противъ любопытнаго, наблюдательные пчеловоды успѣли проникнуть въ самыя сокровенныя ихъ убѣжища, высмотрѣть все, что только можно видѣть невооруженнымъ глазомъ, и, послѣ разныхъ недоразумѣній и ошибокъ, исправляя одинъ другаго, достигли наконецъ до самаго точнаго понятія о многихъ занятіяхъ пчелинаго семейства. Послѣ дѣланія воска, самое любопытнѣйшее и необходимѣйшее для знанія дѣйствіе составляетъ рожденіе пчелъ и другихъ существъ этого семейства.

Пчела, подобно прочимъ насѣкомымъ, до полнаго своего развитія имѣетъ два превращенія, что называется двумя періодами ея образованія: въ первый періодъ она находится въ состояніи зародыша или яичка и,, потомъ червяка или личинки, а во второй—въ состояніи куколки.

Матка, которая одна только несетъ яичка, передъ сѣменеиіемъ, дѣлается очень полною, до-того, что ежели чуть-чуть пожать ее пальцами, то она испускаетъ изъ конечной части своего брюшка свѣтлую, желтоватую жидкость. Когда пчелы очистятъ отъ сора ячейки, тогда матка, въ сопровожденіи ихъ, отправляется класть въ нихъ яички. Вложивши въ ячейку брюшко, она опускаетъ туда одно маленькое, продолговатое, бѣленькое яичко, которое приклеивается въ ней посрединѣ и первоначально стоитъ въ ячейкѣ, не прислоняясь къ стѣнкамъ, вертикально къ отверстію; положивши въ ячейку одно яичко, матка кладетъ въ смежную ячейку другое, и такъ далѣе, пока не истощится. Добрая матка кладетъ всегда по одному яичку въ ячейку и притомъ пчелиные яички—въ пчелиныя, а трутневыя—въ трутневыя ячейки, которыя, какъ я сказалъ, нѣсколько болѣе пчелиныхъ; дурная же матка кладетъ ихъ по два и по три вмѣстѣ и въ какія ни попало ячейки, и преимущественно кладетъ яички трутневыя. Неизвѣстно только, можетъ ли добрая матка, положивши сначала пчелиныя яички въ пчелиныя ячейки или, какъ говорится, засѣменивши пчелиный пластъ вощины, засѣменить потомъ безъ остановки трутневой пластъ, и обратно; или она, для каждаго такого сѣмененія, употребляетъ особое время, и слѣдовательно не разомъ имѣетъ въ себѣ запасъ тѣхъ и другихъ яичекъ. По мнѣнію Криста, матка до тѣхъ поръ кладетъ одного рода яички, пока истощатся у нея всѣ бывшія въ готовности для того дня. Мнѣніе Зибольта противоположно мнѣнію Криста. Такое несеніе маткою яичекъ начинается съ самой выставки пчелъ и продолжается до положенія ихъ въ омшаникъ (даже и въ омшаникѣ она кладетъ ихъ, но только въ самомъ маломъ числѣ) и количество ихъ всегда сообразно бываетъ теплотѣ времени, а еще болѣе обилію или скудости взятка. Иногда она кладетъ ихъ очень много, такъ что засѣменяетъ вдругъ почти всю порожнюю вощину; но пчелы высиживаютъ ихъ столько, сколько въ холодное время могутъ закрыть собою ячеекъ, а въ теплое, сколько успѣютъ ихъ запечатать, то есть вскормить и снабдить необходимымъ продовольствіемъ; прочія же яички остаются въ ячейкахъ, гдѣ онѣ, въ хорошее время, могутъ сохраняться довольно долго, или же съѣдаются пчелами.

Надъ опредѣленными для высиживанія яичками пчелы сидятъ постоянно, поддерживая тѣмъ необходимую теплоту. Три дня яичко находится въ одинаковомъ положеніи, не претерпѣвая никакого видимаго измѣненія; наконецъ, на четвертый, изъ него раждается червячокъ бѣлый и безногій, состоящій изъ нѣсколькихъ колецъ. Червячокъ этотъ, или личинка, растетъ до-тѣхъ-поръ, пока одинъ его конецъ сойдется съ другимъ и своею величиною займетъ все основаніе ячейки,—что̀ продолжается для пчелъ—четыре, а для трутней—шесть дней. Впродолженіе этого времени, пчелы неупустительно заботятся о питаніи и согрѣваніи дѣтки. Пищу составляютъ для нея изъ меду и перги, только-что принесенной съ поля или же имѣющейся въ запасѣ— и вотъ единственное назначеніе этой перги, носимой пчелами на своихъ ножкахъ, а вовсе не для дѣланія воска, ка́къ нѣкоторые объ этомъ еще и теперь думаютъ. Пища эта съ возрастомъ червячка дѣлается разнообразною во вкусѣ и цвѣтѣ и, слѣдовательно, въ составныхъ своихъ частяхъ.

Когда червячку будетъ отъ семи до восьми дней отъ положенія яичка, смотря по погодѣ, и когда онъ приблизится къ превращенію, тогда онъ переходитъ ко второму періоду своей жизни: онъ перемѣняетъ свое положеніе, перевертывается со всею силою и оборачивается однимъ концомъ ко входу ячейки, тѣмъ именно, изъ котораго должна образоваться голова пчелы. Въ это время, пчелы, наполнивъ ячейку пищею, дѣлаютъ надъ нею плотный сводъ изъ воску, или, какъ говорится, *печатаютъ* дѣтку; послѣ того прекращаютъ уже питаніе и только неотступно сидятъ на дѣткѣ, усиливая тѣмъ надъ нею теплоту. Вскорѣ по заключеніи своемъ, червячокъ, въ продолженіи трехъ дней, завертывается въ куколку, состоящую изъ самой нѣжной, бѣлой плевочки, которую онъ образуетъ, выпуская изо рта своего тончайшую липкую нить и обвивая ее вокругъ своего тѣла. Это явленіе, впрочемъ, только предположительное, котораго никто, по невозможности наблюденія, подсмотрѣть не можетъ.

Послѣ этого начинается второй періодъ образованія пчелы, въ продолженіи котораго, въ одинадцать или тринадцать дней отъ запечатанія ячеи, смотря по погодѣ, куколка, находясь въ состояніи сна, живетъ только внутреннею жизнью, и въ это время постепенно образуются въ ней разныя части тѣла будущей пчелы. По достиженіи полнаго развитія, продолжающагося отъ положенія яичка въ ячейку не менѣе 20-ти дней, пчелка сама, или съ помощью старыхъ пчелъ,

разгрызываетъ сводъ своей ячейки и вылазитъ изъ нея, оставляя въ ней свою плеву или коконъ, который плотно пристаетъ къ стѣнкамъ ячейки, отчего она послѣ нѣсколькихъ выходовъ пчелъ, значитель- уменьшается и чернѣетъ. Еще день или два, смотря по погодѣ, молодая пчелка остается въ ульѣ, гдѣ ее очищаютъ старыя пчелы, а потомъ она вылетаетъ, сначала на такъ-называемую *проигру* около улья, а потомъ и въ поле, за добычей. Пчелы любятъ только совершенныхъ во всемъ молодыхъ пчелъ, калѣкъ же умерщвляютъ, или живыми выносятъ вонъ изъ улья и бросаютъ. Это жестокосердіе очень не нравится тѣмъ пчеловодамъ-писателямъ, которые изъ этого насѣкомаго сдѣлали самое радушнѣйшее и нравственнѣйшее существо, и ставятъ его въ примѣръ не только человѣку, но даже государствамъ.

Такъ образуются и растутъ рабочія пчелы и трутни; матки же, хотя зараждаются изъ такого же яичка, какъ и рабочія пчелы, но получаютъ совершенно другое воспитаніе и, вслѣдствіе этого, выходятъ совершенно иными существами. Ячеи для матокъ дѣлаются гораздо болѣе пчелиныхъ, круглыя, на подобіе жолудя или наперстка, и висящія на ребрахъ сотовъ. Едва яичко обратиться въ червяка, какъ для него приготовляется самая обильная, а, можетъ-быть, и особая пища, такъ что червячекъ въ ней плаваетъ совершенно незамѣтнымъ, и когда этою пищею наполнится ячейка (или маточникъ), тогда ее печатаютъ. Матка подвергается такимъ же періодамъ превращенія какъ и пчела, но они бываютъ короче, и матка выростаетъ въ двѣнадцать или тринадцать дней отъ положенія въ маточникъ яичка.

Гипотезы о половомъ отношеніи существъ пчелинаго семейства.

Составъ пчелинаго семейства изъ трехъ видовъ, представляю- большую рѣдкость въ природѣ, весьма рано началъ обращать на себя вниманіе и пчеловодовъ, и натуралистовъ, которые, весьма правильно, подозрѣвали въ немъ загадку всего непонятнаго въ жизни пчелы; но, къ сожалѣнію, должно сказать, что они ограничились только гипотезами по этому предмету, и, сочтя ихъ достаточно правдоподобными, перестали имъ болѣе заниматься. По моему же мнѣнію, всѣ, до-сихъ-поръ, составленныя гипотезы о половомъ отношеніи существъ пчелинаго семейства еще далеки отъ истины, и натуралистамъ еще предстоитъ большое поприще для изслѣдованій. Здѣсь я постараюсь изложить важнѣйшія объясненія этихъ отношеній, какъ прежнія, такъ и теперешнія, также и мои объ этомъ предположенія.

Матка, или царица, почитается всѣми единственною настоящею самкою, которая одна несетъ яички всѣхъ видовъ, производящія какъ матку, такъ и прочія виды существъ пчелинаго семейства. Сначала думали, что матка несетъ яички въ одномъ мѣстѣ, которыя потомъ рабочія пчелы разносятъ по ячейкамъ; но это мнѣніе, при первомъ же, болѣе внимательномъ, наблюденіи было опровергнуто, ибо въ каждомъ ульѣ можно видѣть, кáкъ сама матка кладетъ яички въ каждую ячейку. Также думали, что матка раждается только изъ яичка, положеннаго маткой въ особо для того назначенную ячейку—маточникъ; но Ширахъ, нѣмецкій пчеловодъ, первый (въ 1761 г.) доказалъ, что матка можетъ быть выведена пчелами и изъ яичка, положеннаго въ пчелиную ячейку и даже изъ червячка рабочей пчелы, когда онъ не старѣе трехдневнаго возраста, какое открытіе и послужило основаніемъ къ дѣланію отводковъ или искуственныхъ роевъ. Открытіе Шираха, показавшееся сначала нелѣпостью, возбудило впослѣдствіи много къ нему неудовольствія, и желаніе унизить такое открытіе заставило многихъ обнаружить, что искуственное выплаживаніе матки давно уже было извѣстно многимъ простымъ германскимъ, и въ особенности, польскимъ пчеловодамъ. Но если это и дѣйствительно такъ, то все-таки Шираху принадлежитъ честь что это открытіе сдѣлалось достояніемъ науки. Знаменитый нѣмецкій пчеловодъ, Дзирзонъ, утверждаетъ, что онъ дознал многолѣтними наблюденіями, что время годности личинокъ для вывода изъ нихъ матокъ простирается съ 8–ми дней почти до времени запечатанія ячеекъ и превращенія червячка въ куколку. Изъ этого обстоятельства Кристъ выводитъ слѣдующія заключенія: 1) что внѣшнія обстоятельства, какъ-то: обильный кормъ, большая ячейка, въ которой зародышъ имѣетъ болѣе свободы развиться, производятъ, что изъ всякаго пчелинаго яичка или червячка, изъ котораго вышла бы обыкновенная пчела, можетъ произойти и матка, и 2) что всѣ рабочія пчелы первоначально суть *несовершенныя самки*, изъ которыхъ каждой слѣдовало бы быть одной только степенью болѣе образованной для того, чтобъ сдѣлаться *совершенною самкою* и матерью другихъ пчелъ. Впрочемъ, говоритъ Кристъ, вѣроятно, что дѣтородные члены пчелъ должны быть или очень малы, либо и совершенно изглажены, ибо, какъ не могъ бы примѣтить яичниковъ у пчелъ знаменитый голландскій натуралистъ и анатомикъ *Сваммердамъ*, столь превосходно описавшій и изобразившій маточные яичники? Какъ не могли примѣтить ихъ великіе натуралисты Миральди и Реомюръ? Между тѣмъ, въ примѣчаніи, Кристъ присовокупляетъ,

что Реймъ, въ опытахъ своихъ въ 1776 году, утверждаетъ, что у него и рабочія пчелы произвели до ста яицъ, изъ которыхъ выходятъ только трутни, но что ни онъ (Кристъ), ни Бонне никогда не замѣтили, чтобы пчелы несли яичка. Заключенія Криста очень логическія и поэтому справедливы; но онъ несправедливо допускаетъ совершенное уничтоженіе въ пчелахъ дѣтородныхъ частей, и наблюденіе Рейма въ этомъ случаѣ совершенно вѣрно. Нашимъ пчеловóдамъ давно извѣстно, что рабочія пчелы имѣютъ способность несть яички, изъ которыхъ раждаются только трутни, и такихъ пчелъ называютъ *выродками*. Когда пчелиное семейство лишится матки и нѣтъ въ немъ ни яичка, ни червячка, изъ котораго можно бы вывести матку, тогда нѣкоторыя изъ рабочихъ пчелъ кладутъ трутневыя яички, только въ небольшомъ количествѣ и безъ должнаго порядка, по два и по три въ одну ячейку. Этихъ пчелъ–матокъ нельзя отличить отъ другихъ пчелъ, и сколько ихъ бываетъ въ семействѣ—неизвѣстно, хотя Пономаревъ и утверждаетъ что не болѣе пяти. Такія пчелы-выродки тѣмъ бываютъ вредны, что ихъ прочія пчелы любятъ какъ матокъ, и поэтому не принимаютъ уже настоящихъ матокъ. Любопытно мнѣніе Прокоповича объ этомъ явленіи, изложенное въ сочиненіи послѣдователя его, Пономарева. Онъ полагаетъ, что каждая пчела, еще въ состояніи червя, *изъевнушивается*, или кастратится другими пчелами, то–есть, лишается своихъ половыхъ органовъ; но когда пчелы потеряютъ свою матку, то, въ безпокойствѣ, забываютъ поскопить нѣкоторыхъ пчелъ, которыя поэтому и не лишаются способности быть матками, хотя и несовершенными. — Гипотеза, вызванная только необходимостію чѣмъ–либо объяснить это непонятное явленіе.

Принимая матку за единственную совершенную самку, всѣ вообще пчеловоды и натуралисты, начиная съ Сваммердама, считаютъ самцами трутней. Реомюръ, составившій превосходные анатомическіе рисунки половыхъ органовъ трутня, и Реймъ, говорятъ, что они были сами очевидцами совокупленія трутней съ матками, какъ внутри, такъ и внѣ улья, хотя послѣднее, по словамъ ихъ, и рѣдко случается. Матка, по свидѣтельству Реомюра, вскакиваетъ на трутня, ибо мужескій членъ его выходитъ вверхъ, на подобіе дуги, чтó можно видѣть и въ такомъ случаѣ, если трутня прижать по срединѣ. Но членъ этотъ не можетъ уже обратно войти въ тѣло, имѣя неровности, препятствующія втащить его, а потому самецъ послѣ совокупленія всегда умираетъ. Губеръ утверждаетъ, что онъ дѣлалъ наблюденія надъ маткою, только–что совокупившеюся будто бы съ трутнемъ, и въ маточ-

никѣ ея ясно видѣлъ бѣловатую сѣмянную жидкость и остатки дѣто-родныхъ частей трутня, которыя матка сама изъ себя старалась извлечь; послѣ чего, говоритъ Губеръ, нѣтъ мѣста сомнѣнію копуляціи матки съ трутнемъ. Такъ думаетъ и Кристъ, присовокупляя, что природа для того и обезпечила матку большимъ количествомъ трутней, простирающимся въ ульѣ отъ 300 до 1000. Какъ бы ни было рѣдко это явленіе совокупленія трутня съ маткой, но безъ сомнѣнія могли бы когда-нибудь замѣтить его и многіе другіе пчеловоды, всегда съ особеннымъ стараніемъ употреблявшіе къ тому всѣ средства, между-тѣмъ это никому неудалось; а потому увѣренія Реомюра и Рейма безъ-сомнѣнія ошибочны, а мнѣніе Губера, какъ слѣпца, видѣвшаго не своими глазами, а глазами своего слуги, еще менѣе достовѣрно ([1]). Мнѣніе Реомюра, Рейма и Губера о копуляціи матокъ оспаривали многіе — между прочимъ Ширахъ, который утверждалъ, что его молодыя матки, выпложенныя пчелами, въ особыхъ ящикахъ, изъ червы, куда онъ не впускалъ ни одного трутня, наносили потомъ значительное число оплодотворенныхъ яичекъ. Это бываетъ и ежегодно съ матками, которыя весною, почти до половины мая мѣсяца, когда еще во всей пасикѣ нѣтъ ни одного трутня, кладутъ пчелиныя и трутневыя яички безъ всякаго, разумѣется, сообщенія съ трутнями. Сваммердамъ, предполагая, что мужескій членъ трутня слишкомъ великъ противъ женскаго матки, думаетъ, что матка оплодотворяется душистыми частицами, исходящими изъ тѣла самцевъ; это предположеніе, быть-можетъ, и не такъ странно, какъ его обыкновенно считаютъ. При разговорѣ моемъ объ этомъ предметѣ съ Пономаревымъ, прежде нежели я высказалъ ему мое предположеніе, онъ сталъ мнѣ доказывать, что матка кладетъ пчелиныя яйца безъ совокупленія съ трутнемъ. «Въ этомъ,» говоритъ, «я убѣдился неоднократными опытами: часто я, набравши въ маленькій улей немного *мухи*, и впустивши туда только что выплодившуюся матку, отвозилъ его верстъ за восемь отъ всякой пасѣки, и возвратясь къ нему чрезъ нѣкоторое время, находилъ заложенною пчелиную черву; иногда же ставилъ такіе ульи въ омшаникъ — и тамъ тоже находилъ чрезъ нѣсколько времени такую же черву.»

Принимая во вниманіе, что матка часто бываетъ плодовита, когда

([1]) Копуляція всѣхъ вообще перепончато-крылыхъ насѣкомыхъ, къ какимъ принадлежатъ и пчелы, продолжается долгое время и потому видима нами; отчего же мы не видимъ копуляціи пчелъ?

еще нѣтъ трутней, Кристъ думаетъ, что матка, оплодотворясь одинъ разъ трутнемъ, не только сама дѣлается плодовитою на нѣсколько лѣтъ, но передаетъ плодовитость и другимъ, рожденнымъ отъ нея, маткамъ, подобно тому какъ улитки, а въ особенности древесныя вши, которыя, по наблюденіямъ Левенгока, Цестини и Бонне, могутъ распложаться безъ совокупленія съ самцами даже до шестаго поколѣнія. Еще въ 1848 году, не зная этого мнѣнія Криста, я помѣстилъ, въ «Земледѣльческой Газетѣ» (стр. 361), статью о самооплодотвореніи пчелиной матки, гдѣ изложилъ, что, основываясь на наблюденіяхъ ученыхъ, дѣлаемыхъ надъ пауками, травяною вошью (aphis) и разными бабочками, которыя плодятся нѣсколько поколѣній безъ участія самца, быть-можетъ, можно сдѣлать такое же заключеніе и о пчелахъ. Ученый Карлье получилъ изъ яицъ бабочки-липарисъ (Liparis dispar) три поколѣнія, изъ которыхъ предпослѣднее произвело только однихъ самцевъ; подобное явленіе бываетъ постоянно и у пчелъ, ибо когда состарѣется матка, то она кладетъ только трутневыя яички. Еще разительнѣе представляетъ примѣръ самооплодотворенія *свищевая* матка, которую сами пчелы выплаживаютъ весною и которая потомъ кладетъ яички, такъ-сказать, отроду не видавъ трутня, потому-что ихъ въ то время еще не бываетъ въ пасикѣ. Сюда можно присоединить еще и примѣръ осы, очень близко подходящей къ пчелѣ. Извѣстно, что осы на зиму всѣ пропадаютъ, а весною являются однѣ только ихъ матки, которыя, отыскавъ сдѣланное прошлымъ лѣтомъ гнѣздо, кладутъ въ ячейки яица и производятъ молодыхъ осъ, которыя къ зимѣ опять погибаютъ. Мнѣніе мое о самооплодотвореніи пчелиной матки, изложенное въ помянутой статьѣ, было только *предположеніемъ*, а не полнымъ убѣжденіемъ, и написано болѣе для того, чтобы вновь возбудить вниманіе натуралистовъ къ этому важному, но оставленному ими, явленію природы. Всѣ сравненія пчелъ съ другими насѣкомыми, какъ бы они ни были къ нимъ подходящи, не могутъ быть вполнѣ примѣнимы. Изъ замѣчанія моего о свищевой маткѣ можно вывести только одно вѣрное заключеніе, что всѣ вообще матки дѣйствительно дѣлаются плодородными безъ участія трутня, но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы онѣ получали это свойство, какъ бы по наслѣдству отъ прежде оплодотворенной своей матки, — даже напротивъ, мнѣ кажется, что обстоятельство это можетъ служить опроверженіемъ такого мнѣнія. Извѣстно, что свищевыя матки выплаживаются пчелами по смерти настоящей матки изъ всякаго пче-

линаго яичка или молодаго пчелинаго червя. Эти матки не могли получить отъ прежней матки плодотворной способности болѣе нежели получаютъ ихъ всѣ пчелы, потому что онѣ не могли быть опредѣлены прежнею маткою къ тому назначенію, которое получили по смерти ихъ.

Нѣмецкій пчеловодъ, Лукасъ, признавая неосновательною гипотезу объ оплодотвореніи матки трутнями, въ сочиненіи своемъ о пчеловодствѣ 1796 года, излагаетъ слѣдующее мнѣніе объ этомъ предметѣ: почитая матку совершенною самкою, онъ думаетъ, что самцевъ должно искать только между рабочими пчелами, изъ которыхъ одна часть бываетъ мужескаго пола, а другая — женскаго. Сіи послѣднія — не совершенныя матки, а выродки; будучи неспособны раждать подобныхъ себѣ, они раждаютъ трутней–ублюдковъ, которыхъ какъ строеніе тѣла, такъ и недостатокъ нѣкоторыхъ органовъ дѣлаетъ какими–то уродами, нисколько неспособными къ совокупленію, но которыхъ назначеніе, впрочемъ, ему неизвѣстно. Пчелы женскаго пола или несовершенныя самки — трутневыя матки, которыя порождаютъ трутней, по мнѣнію его, суть тѣ продолговатыя черныя пчелы, которыхъ называютъ *лакомками*, которыя весной вьются подобно хищнымъ пчеламъ передъ ульями, хотя онѣ вовсе не хищныя пчелы. Такъ-какъ въ то время нѣтъ еще надобности въ самкахъ, то рабочія пчелы мужескаго пола ихъ прогоняютъ, а потомъ, когда выйдетъ молодая муха, настанетъ изобиліе меду, и родится потребность въ совокупленіи, то ихъ принимаютъ. Это сочетаніе, или совокупленіе, самцевъ съ трутовыми матками совершается чрезъ одно цѣлованіе, чтó можно видѣть даже передъ ульями. Совокупленіе настоящей матки съ самцами изъ рабочихъ пчелъ производится также, по мнѣнію Лукаса, чрезъ соединеніе язычковъ или цѣлованіе, ибо всегда видѣть можно, что матка безпрестанно окружена свитою пчелъ, ласкающихся около нея и цѣлующихся съ нею, протягивая къ ней язычки свои. Сіи–то пчелы суть совершенные самцы, имѣющіе дѣтородные свои члены напереди, такъ какъ и матка. Чтó же касается того, что эти члены находятся не назади, какъ у прочихъ животныхъ, а напереди, то этому нечего удивляться, ибо это бываетъ не только у пчелъ, но вообще у всѣхъ тѣхъ насѣкомыхъ, которыя снабжены жаломъ и ядовитымъ пузыркомъ. Въ подтвержденіе этого послѣдняго обстоятельства, Кристъ присовокупляетъ, что пауки, улитки и проч. имѣютъ дѣтородный членъ напереди, улитки — на шеѣ, а пауки — на головѣ, на подобіе усиковъ. Эта замысловатая гипотеза Лукаса, явившаяся въ то время, когда

еще такъ мало было сдѣлано наблюденій надъ жизнью пчелъ, могла дѣйствительно въ свое время обратить на себя большое вниманіе, но теперь, когда извѣстно, что одна и таже матка несетъ пчелиныя и трутневыя яички, гипотеза эта можетъ служить только примѣромъ оригинальности взглядовъ. Однако, отвергая мнѣніе Лукаса о существованіи въ пчелиномъ семействѣ особыхъ трутневыхъ матокъ и объ отсутствіи всякаго назначенія въ существованіи трутней, въ вышеизложенной гипотезѣ есть нѣчто похожее на истину, о чемъ я скажу ниже.

Въ послѣднее время обратила на себя особенное вниманіе теорія половыхъ отношеній пчелъ, обнародованная силезскимъ священникомъ, пчеловодомъ Дзирзономъ. Теорія эта имѣетъ тѣсную связь съ предшествовавшими гипотезами по этому предмету и подтверждена весьма сильными авторитетами, каковы: баронъ Берлепшъ, повѣрившій всѣ опыты Дзирзона, Зибольтъ и Лейкартъ, доказавшіе микроскопическими изслѣдованіями основательность теоріи Дзирзона. Ученіе Дзирзона состоитъ въ слѣдующемъ: 1) матка оплодотворяется трутнями и оплодотвореніе ея совершается въ воздухѣ, внѣ улья. Въ копуляціи оплодотворяется не яичникъ, а хранилище сѣмени—пузырекъ, который у молодыхъ матокъ бываетъ наполненъ водянистою жидкостью, по оплодотвореніи же наполняющая его влага имѣетъ бѣлый цвѣтъ; 2) дѣятельность яичниковъ пробуждается копуляціею, но не всегда. Иныя неоплодотворенныя матки вовсе не кладутъ яицъ, другія же кладутъ яица только трутневыя, что̀ иногда случается и съ рабочими пчелами, оплодотвореніе которыхъ Дзирзонъ считаетъ невозможнымъ по недостаточному развитію у нихъ хранилища сѣмени. Яйцо, изъ котораго должна развиться пчелка или матка, должно придти въ соприкосновеніе съ оплодотворенною влагою, наполняющею хранилище семени, а потому произведеніе такихъ яицъ возможно только для матки; 3) матка оплодотворяется однажды и получаетъ запасъ плодотворности на два или на четыре года: для этого матка только разъ въ жизни вылетаетъ изъ улья; если же она не вылетитъ, то остается безплодна навсегда, или будетъ плодить однихъ трутней. Для кладки яицъ на трутня нужно не оплодотвореніе, а способность класть яица; на это же бываютъ способны и матка и пчелы безъ участія самцовъ. Дзирзона навело на эту мысль наблюденіе надъ тремя матками, которыхъ крылья были искалѣчены отъ рожденія, и которыя потому не могли вылетѣть и оплодотвориться, но, не смотря на то, во всю свою жизнь клали трутневыя яица.

Анатомико-микроскопическіе опыты Зибольта, относящіеся къ этому предмету, повидимому во всемъ согласны съ теоріей Дзирзона и тѣмъ самимъ даютъ ей особенную вѣроятность. Зибольтъ, еще въ 1837 году, открылъ присутствіе *живчиковъ* (spermatozoa) въ самкахъ многихъ насѣкомыхъ и, въ томъ числѣ, въ самкахъ пчелъ, которыхъ онъ долгое время содержалъ отдѣльно отъ самцовъ, и которыхъ, слѣдовательно, нельзя подозрѣвать изловленными послѣ копуляціи. Живчики и самая жидкость, содержащая ихъ, лежатъ у самки въ особомъ хранилищѣ (receptaculum seminis, Sieboldt), отдѣленномъ отъ яйцевода. Этихъ живчиковъ онъ находилъ и въ такихъ маткахъ, которыя были плодотворены уже нѣсколько лѣтъ назадъ. Дѣлая микроскопическія наблюденія надъ самыми яичками, Зибольтъ открылъ несомнѣнное присутствіе живчиковъ въ пчелиныхъ яичкахъ и отсутствіе ихъ въ трутневыхъ. Баронъ Берлепшъ дѣлалъ слѣдующій опытъ: имѣя въ виду, что живчики должны быть чувствительнѣе къ холоду, нежели самый организмъ содержащихъ ихъ матокъ, и что слѣдовательно, можно умертвить живчики не умертвивъ матки, т. е. можно отнять у матокъ возможность класть яйца на рабочихъ пчелъ, не отнимая возможности класть яйца на трутней, онъ подвергалъ оплодотворенную матку сильному холоду, положивши ее на ледъ. Изъ трехъ такихъ матокъ двѣ пропали, а одна осталась живою и клала потомъ во всю свою жизнь яйца только на трутней. Наши пчеловоды тоже давно уже замѣтили, что свищовыя матки, выплаживаемыя весною въ холодную погоду, всегда бываютъ трутневыя.

Ученіе Дзирзона о половыхъ отношеніяхъ и о зарожденіи пчелъ, подтвержденное, или лучше сказать, выведенное изъ опытовъ натуралистовъ Лейкарта и Зибольта, Рулье въ сочиненіи своемъ: *Три открытія въ естественной исторіи пчелы*, считаетъ совершеннѣйшимъ, которымъ будто бы разрѣшается окончательно вся таинственность зарожденія пчелы. Но съ этимъ я согласиться не могу.

Во 1-хъ: довѣряя вполнѣ показаніямъ Лейкарта и Зибольта о присутствіи живчиковъ какъ въ хранилищѣ сѣмени у матки, такъ и въ самыхъ яйцахъ пчелиныхъ и объ отсутствіи ихъ въ яйцахъ трутневыхъ, я могу изъ этого вывесть только то, что они дѣйствительно тамъ бываютъ, но откуда эти живчики берутся?—этотъ вопросъ, по моему мнѣнію, требуетъ еще изслѣдованій. Дзирзонъ рѣшаетъ его тѣмъ, что матка оплодотворяется трутнями и что для этого она должна непремѣнно, хотъ одинъ разъ въ жизни, вылетѣть изъ улья. Это

онъ выводитъ изъ наблюденія своего надъ тремя матками, у которыхъ онъ подрѣзалъ крылья и которыя, оттого, будучи не въ состояніи вылетѣть изъ улья, не могли имѣть копуляціи съ трутнями, и поэтому не могли класть яицъ на рабочихъ пчелъ, а только на трутней. Но если наблюденіе это и вѣрно, то тѣмъ не менѣе оно недостаточно. Дзирзону могли попасться три матки, отъ природы уже несовершенныя, какихъ въ пчелиномъ семействѣ множество; иногда изъ десяти вновь-вышедшихъ матокъ едва одна бываетъ доброю, которую пчелы избираютъ для поддержанія ихъ рода, а остальныхъ или умерщвляютъ, или прогоняютъ. Чтобы совершенно убѣдиться въ своемъ предположеніи, Дзирзону нужно было сдѣлать опытъ не надъ тремя, а по крайней мѣрѣ надъ тридцатью матками и то съ самою точною наблюдательностью и съ соображеніемъ еще многихъ другихъ обстоятельствъ этого явленія.

Во 2-хъ: ежели допустить утвержденіе Дзирзона, что матка только одинъ разъ во всю свою жизнь оплодотворяется трутнемъ и залогъ оплодотворенія сохраняетъ на три и четыре года своей жизни, то по закону природы, молодая матка, первое время послѣ оплодотворенія, должна бы быть наиболѣе плодородною, т. е. класть наибольшее количество пчелиныхъ яицъ, а потомъ, постепенно, по мѣрѣ ея старости, класть ихъ менѣе. Но на дѣлѣ мы видимъ совершенно противное: матка бываетъ вначалѣ менѣе плодородна, нежели впослѣдствіи, и даже можно утвердительно сказать, что чѣмъ матка старѣе, тѣмъ она плодовитѣе, кромѣ, разумѣется, послѣдней старости. При этомъ сдѣлаю очень важное замѣчаніе, что большая или меньшая плодовитость матки, кромѣ ея собственнаго достоинства, зависитъ еще отъ *количества пчелъ* въ ульѣ: чѣмъ пчелиное семейство сильнѣе, т. е. чѣмъ больше оно имѣетъ мухи, тѣмъ и матка его плодовитѣе, а при маломъ семействѣ матка, самая добрая, кладетъ немного яицъ.

Въ 3-хъ: основное положеніе ученія Дзирзона состоитъ въ томъ, что матка, безъ копуляціи съ трутнемъ, не можетъ класть яицъ на рабочую пчелу и подобныхъ себѣ матокъ. Но я и многіе лучшіе пчеловоды знаемъ положительно изъ опытовъ, что *матка кладетъ яйца* и *на рабочую пчелу безъ участія трутня,* что́, какъ я упомянулъ выше, было первоначально и давно уже замѣчено Ширахомъ, а этотъ фактъ — *кладка пчелиною маткой яицъ на рабочую пчелу безъ копуляціи съ трутнемъ*, въ дѣйствительности котораго я не

сомнѣваюсь, и который каждый пчеловодъ легко можетъ повѣрить, въ особенности надъ свищевыми матками, — разбиваетъ совершенно все ученіе Дзирзона о зарожденіи пчелъ.

Кромѣ всего этого, мнѣ приходятъ на мысль еще слѣдующія соображенія. 1-е: Одна матка, по увѣренію Прокоповича и многихъ другихъ пчеловодовъ, кладетъ въ годъ до сорока тысячъ яичекъ, а по наблюденіямъ Понамарева даже до ста тысячъ; въ одинъ день она кладетъ иногда до трехъ тысячъ яицъ. Какъ эти яички ни малы, но если взять ихъ всѣ три тысячи вмѣстѣ, то они объемомъ своимъ далеко превзойдутъ брюшко матки, слѣдовательно они не могли образоваться въ ней разомъ заблаговременно. Но неужели же такъ сильна въ маткѣ образовательная способность и такъ много у нея образовательнаго матеріала, что она въ одинъ день можетъ порождать сама собою такое огромное количество яичекъ?—2-е. При извѣстной надобности, для того, чтобы матка не закладывала червы, пчеловоды запираютъ ее въ клѣточку, гдѣ, какъ бы долго она ни находилась, (иногда недѣли три) но будучи удалена отъ сообщенія съ пчелами и отъ ячеекъ, она дѣйствительно не несетъ яичекъ, ни весною, когда еще нѣтъ трутней, ни лѣтомъ въ самое сильное время закладыванія червы; но коль скоро выпустятъ ее изъ клѣточки къ пчеламъ, она на другой или третій день начинаетъ уже нести яички въ большомъ количествѣ. Какъ же это объяснить? Если бы матка имѣла сама въ себѣ полную образовательную способность, то она, будучи заперта въ клѣточку, до-того бы наполнилась плодотворной матеріей, что или невольно несла бы яички и клала ихъ, если не въ ячейки, то въ клѣточку, или же умерла бы; но этого съ ней не бываетъ: находясь въ клѣточкѣ очень долгое время, она даже особенно не полнѣетъ и имѣетъ обыкновенное брюшко.

Послѣ всѣхъ изложенныхъ мною замѣчаній и фактовъ, я прихожу къ слѣдующимъ соображеніямъ: Рабочія пчелы, по устройству своего организма, и по способности, въ извѣстныхъ случаяхъ, класть яички, весьма близко подходятъ къ маткамъ; если же онѣ самки, т. е. способны несть какія бы то ни было яички, то нужно, чтобы онѣ, или были оплодотворяемы самцами, или же получали эту способность еще въ зародышахъ отъ своей матки, по примѣру травяной вши или бабочки-липариса. Если допустить это послѣднее предположеніе, то въ такомъ случаѣ матка, передавъ, какъ будущей другой маткѣ, такъ и всѣмъ пчеламъ, плодотворное начало, не имѣла бы уже надобности

порождать самцевъ—трутней, до тѣхъ поръ пока бы не истощилось ея оплодотворяющее начало, какъ это бываетъ, по наблюденіямъ Карлье, съ бабочкою-липарисъ. Но мы видимъ, что самцы или трутни наралдаются въ пчелиномъ семействѣ ежегодно и въ значительномъ количествѣ: по изсчисленію нѣкоторыхъ пчеловодовъ, на двадцать рабочихъ пчелъ приходится по трутню.

У матки нѣтъ физической возможности производить собственными силами организма то огромное количество яицъ, которое она въ одинъ день кладетъ лѣтомъ, и такъ-какъ она, будучи удалена отъ ячеекъ и заперта въ клѣточку, не мечетъ ихъ совершенно, и не обнаруживаетъ особенныхъ страданій отъ избытка въ ней образовательной матеріи, то нѣтъ возможности не усомниться въ основательности ученій (о зарожденіи пчелъ и ихъ половыхъ отношеніяхъ) всѣхъ тѣхъ натуралистовъ и пчеловодовъ, которые признаютъ матку единственною виновницей поддержанія пчелинаго семейства.

Всѣ эти противорѣчія и неполнота теорій могутъ, какъ мнѣ кажется, быть обойдены предположеніемъ, что въ распространеніи пчелинаго семейства, т. е. въ произведеніи новаго поколѣнія пчелъ, участвуютъ не только однѣ матки и ничтожная, по мнѣнію Дзирзона, Губера и другихъ, часть трутней, но всѣ вообще существа составляющія пчелиное семейство. Наблюдательные пчеловоды весьма хорошо знаютъ слѣдующее явленіе въ жизни пчелъ: во время кладки яицъ маткою ее окружаютъ рабочія пчелы. Послѣ кладки каждыхъ 7—10 яицъ, матка отдыхаетъ, и въ это время, окружающія ее рабочія пчелы, кормятъ ее и ухаживаютъ возлѣ нея съ особенною заботливостію. Почему не допустить, что кормъ, который въ это время рабочія пчелы передаютъ посредствомъ своихъ язычковъ, маткѣ, есть не простой медъ, но та образовательная матерія, тотъ высшій продуктъ организма пчелъ, изъ котораго производятся яйца? Допустивъ это предположеніе, мнѣ кажется, имъ будутъ объяснены многіе факты, бывшіе въ наукѣ пчеловодства до сего времени загадками, и, сверхъ-того, получатъ болѣе правдоподобное объясненіе тѣ факты, которые имѣли уже нѣкоторыя толкованія. При такомъ предположеніи, надобно будетъ допустить, что всѣ рабочія пчелы должны быть оплодотворяемы трутнями, и въ такомъ случаѣ трутни получаютъ законное мѣсто въ порядкѣ природы, тогда какъ до-сихъ-поръ ихъ считаютъ какими-то уродами или ублюдками, вовсе ни къ чему негодными и какъ-бы лишними, каковыя предположенія совершенно противны природѣ, которая ни-

чего не создаетъ безполезнаго или ненужнаго. При господствѣ убѣжденія, что трутни имѣютъ совокупленіе только съ маткой, всѣ старались подсмотрѣть исключительно это явленіе, и нѣкоторые, какъ-то Реомюръ и Губеръ, утверждали даже, будтобы видѣли это совокупленіе; но никто до сихъ поръ не обратилъ никакого вниманія на совокупленіе трутней съ пчелами, а потому никто его и не замѣчалъ, между-тѣмъ, есть одно явленіе въ пчелиномъ семействѣ, которое очень похоже на такое дѣйствіе. Когда выходитъ изъ улья рой и носится еще въ пасикѣ, то пчелы, сильно и радостно кружась въ воздухѣ, играютъ съ трутнями, гоняются за ними, ловятъ ихъ, сцѣпляются съ ними и отбиваютъ ихъ одна отъ другой. Этого явленія никакъ нельзя назвать дракой: трутни видимо выражаютъ восторгъ свой; они весело снуютъ по всему рою и трубятъ самымъ сильнымъ и энергическимъ голосомъ. Такое зрѣлище каждый пчеловодъ видитъ ежегодно, а во время роенія и ежедневно, но, по предубѣжденію, никому не приходитъ въ голову вывести изъ него сказанное мною заключеніе, и каждый относитъ его къ игрѣ или шалости этихъ насѣкомыхъ. Это предположеніе объясняетъ причину, почему матка, закладывая пчелиную дѣтку, закладываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и трутневую, а особливо передъ роеніемъ. Производя на свѣтъ пчелъ-самокъ, она производитъ для нихъ и соразмѣрное количество самцевъ-трутней. Быть можетъ, даже очень вѣроятно, что пчела, одинъ разъ совокупившись съ трутнемъ, сохраняетъ надолго способность плодотворенія, подобно многимъ яйценоснымъ животнымъ, вслѣдствіе чего, старая пчела, въ прошедшемъ году совокупившаяся съ трутнемъ, не имѣетъ болѣе къ тому побужденія, трутни же необходимы только для молодой пчелы. Этому можетъ быть подтвержденіемъ то обстоятельство, что, когда выходитъ первый рой, большею частію съ старою маткой и быть можетъ со старою пчелою, то его сопровождаетъ немного трутней; вторые рои, выходящіе съ молодою маткой и съ большимъ количествомъ молодой мухи, имѣютъ болѣе трутней; третіе же или четвертые рои, состоящіе почти исключительно изъ одной молодой мухи, имѣютъ на половину трутней. и столькоже ихъ остается и въ старомъ ульѣ, гдѣ тоже остается одна молодая пчела. Это очень сообразно съ потребностію пчелы, хотя одинъ разъ въ жизни, совокупиться съ самцомъ.

Безъ помощи матки, пчелы не могутъ производить подобныхъ себѣ совершенныхъ существъ; матка же, принимая отъ пчелъ плодо-

творную матерію и присоединяя къ ней свою, образуетъ настоящія яички, изъ которыхъ рождаются совершенными всѣ виды существъ пчелинаго семейства. Еслибы не было такого отношенія между пчелами и маткой, вслѣдствіе котораго она становится для нихъ единственнымъ существомъ, могущимъ дать полную жизнь ихъ зародышамъ, то, во-первыхъ, пчелы жили бы отдѣльно одна отъ другой, какъ мухи, а во-вторыхъ, между ними не было бы такой сильной любви и взаимности, которая, какъ извѣстно, въ царствѣ животномъ, бываетъ только вслѣдствіе половыхъ отношеній существъ между собою. Какъ пчелы любятъ свою матку, во всемъ ей повинуются, вездѣ за нею слѣдуютъ, кормятъ и берегутъ ее, такъ и матка любитъ своихъ пчелъ, любитъ быть только единственною между ними и потому уничтожаетъ всякую другую матку, а предвидя, съ увеличеніемъ семейства, необходимость для молодыхъ существъ другой матки, уходитъ съ приверженными пчелами изъ стараго жилища и ищетъ себѣ новаго. По такому моему предположенію, рабочая пчела, будучи въ отношеніи къ трутню самкой, становится въ отношеніи къ своей маткѣ самцомъ — какъ бы двуполымъ существомъ, гермафродитомъ.

Вотъ моя гипотеза о половыхъ отношеніяхъ существъ пчелинаго семейства. Быть-можетъ, она и невѣрна, но ею, какъ мнѣ кажется, можно объяснить всѣ явленія, какія до-сихъ-поръ замѣчены въ этомъ насѣкомомъ. Этой гипотезой объясняется и назначеніе трутней, и способность рабочихъ пчелъ класть яйца, и приверженность ихъ къ маткѣ, и необыкновенная плодовитость сей послѣдней, и, наконецъ, роеніе пчелъ. Матка сначала закладываетъ пчелиную черву, потомъ соотвѣтственное ей количество трутневой; когда же семейство ея значительно увеличится, и еще будетъ много червы, отъ которой оно еще болѣе можетъ умножиться, тогда она закладываетъ матокъ, и дождавшись удобнаго времени, сама, съ приверженными къ ней пчелами, оставляетъ улей. Еслибы она захотѣла остаться въ томъ же семействѣ, то она, быть можетъ, не имѣла бы возможности удовлетворить желаніямъ народившагося новаго поколѣнія, которое, оплодотворившись съ трутнями, чувствовало бы необходимость совокупиться съ нею или передать ей свою плодотворную влагу. А потому, она вылетаетъ навсегда изъ улья, вѣроятно вмѣстѣ со старыми пчелами, т. е. уже совокупившимися съ трутнями, и оставляетъ въ немъ новое поколѣніе съ новыми зародышами пчелъ, трут-

ней и матокъ. Когда народится новая муха и вылупится нѣсколько матокъ, тогда опять новая пчела съ трутнями, видя, что въ ульѣ должно еще народиться много новыхъ пчелъ и матокъ, избравъ себѣ новую матку, ищетъ новаго мѣста для своего поселенія.

Эти предположенія были составлены мною еще до 1857 года, до выхода въ свѣтъ сочиненія К. Ф. Рулье: *три открытія въ естественной исторіи пчелы*. По выходѣ этой брошюры, которую я получилъ только въ 1859 году, я думалъ найти въ ней окончательное разрѣшеніе этой двухвѣковой задачи о половыхъ отношеніяхъ пчелъ, и, въ случаѣ опроверженія моихъ предположеній объ этомъ предметѣ, бросить ихъ какъ неудачную мою попытку. Но послѣ самаго внимательнаго и безпристрастнаго обсужденія всего изложеннаго въ этой брошюрѣ, я рѣшаюсь сдѣлать извѣстными мои предположенія, какъ ни мало не опровергнутыя новѣйшими наблюденіями надъ пчелами.

Впрочемъ, моя гипотеза, сколько ни кажется мнѣ удовлетворительною, но чтобы ей быть вполнѣ доказанною или же совершенно отвергнутою, требуетъ многихъ наблюденій и открытій. Нужно прежде всего сдѣлать множество дзирзоновскихъ опытовъ надъ матками съ подрѣзанными крыльями; потомъ, сдѣлать, напримѣръ, такой опытъ: изъ сильнаго пчелинаго семейства, гдѣ много пчелиной червы, готовой къ выходу и нѣсколько созрѣвшихъ маточниковъ, выгнать всю муху, вырѣзать въ гнѣздѣ трутневую черву, закрыть его и продержать нѣсколько дней въ тепломъ мѣстѣ. Потомъ, когда часть мухи вылупится, раскрыть готовую къ выходу матку и отвезти этотъ улей въ такое мѣсто, куда бы ни одна посторонняя пчела не залетала. Чрезъ нѣсколько времени въ этомъ ульѣ вышла бы вся черва, которая, равно какъ и матка, не видѣла бы трутней, и слѣд. не могла бы имѣть съ ними совокупленія. Еслибы тогда матка заложила пчелиную черву въ гнѣздѣ, то этимъ подтвердилась бы гипотеза оплодотворенія матки и пчелъ еще въ зародышѣ ихъ, подобно бабочкѣ-липарисъ; но еслибы въ такомъ изолированномъ отъ трутней гнѣздѣ вовсе не оказалось никакихъ яичекъ, то это совершенно подтвердило бы мою гипотезу о двупололомъ устройствѣ рабочей пчелы, о совокупленіи ея сначала съ трутнемъ, а потомъ — съ маткой. Я пробовалъ дѣлать такой опытъ, но онъ мнѣ не удавался по близости сосѣднихъ пасикъ, пчелы которыхъ уничтожали такое гнѣздо, но, быть-можетъ, кому другому онъ и удастся. Но еслибы, послѣ такихъ тщательныхъ и многочисленныхъ наблюденій, подтвердилось и мое предположеніе о

копуляціи пчелъ съ трутнями, и ученіе Дзирзона о копуляціи матки съ трутнями, чего бы я даже желалъ, тогда бы составилось такое понятіе объ отношеніи существъ пчелинаго семейства: матка и рабочія пчелы суть самки; та и другія совокупляются съ самцами трутнями, и послѣ такого совокупленія и въ маткахъ и въ пчелахъ образуется матерія, изъ которой хотя и могутъ образоваться существа, но не совершенныя; но когда матка получивъ отъ рабочихъ пчелъ плодотворную влагу, присоединитъ къ ней свою, въ которой, положимъ, есть и живчики, тогда только, изъ положеннаго ею яичка образуется существо уже совершенное. Такое ученіе, которое соединяетъ въ себѣ всѣ противоположныя мнѣнія наблюдателей, и объясняетъ собою не часть, а уже всѣ извѣстныя доселѣ явленія въ жизни пчелинаго семейства, было бы уже вполнѣ истиннымъ и, слѣд., окончательнымъ рѣшеніемъ этихъ таинственныхъ отношеній между собою трехъ различныхъ существъ пчелинаго семейства.

Поэтому я хотя питаю особенное довѣріе къ составленнымъ мною предположеніямъ, но имѣю въ виду также и то, что всѣ доселѣ сдѣланные опыты и наблюденія еще недостаточны для полнаго убѣжденія въ ихъ истинѣ, и если я рѣшаюсь теперь сдѣлать эти предположенія извѣстными, то единственно съ тою цѣлію, что, по мнѣнію моему, гипотезы о какомъ бы то ни было явленіи, какъ бы онѣ ни были нелѣпы, бываютъ часто полезны тѣмъ, что вызываютъ къ труду новыхъ дѣятелей, которые проводятъ новыя идеи, и производятъ новые, болѣе удачно поставленные опыты, которые, или подтверждаютъ прежнія предположенія изыскателей, или опровергаютъ ихъ и даютъ новое направленіе предмету. Я позволяю себѣ надѣяться, что многіе пчеловоды обратятъ на мои предположенія свое вниманіе, и не только попробуютъ пополнить мои наблюденія производствомъ своихъ опытовъ, о которыхъ я упомянулъ выше, но произведутъ также многіе другіе, которые послужатъ въ подтвержденіе или въ опроверженіе моихъ предположеній. Желательно только чтобы эти опыты, и всѣ соображенія пчеловодовъ по этому предмету не оставались безъизвѣстными. Если они въ отдѣльности будутъ неполны и нерѣшительны, то, быть можетъ, изъ соображенія ихъ, можно будетъ впослѣдствіи вывести какое–либо положительное заключеніе. Какъ бы я желалъ, чтобы окончательное рѣшеніе этой двухвѣковой загадки половыхъ отношеній существъ пчелинаго семейства, надъ которою такъ много трудятся иностранные пчеловоды и натуралисты, достались бы на долю нашимъ пчеловодамъ!..

При всемъ моемъ несогласіи съ мнѣніемъ Рулье о томъ, что ученіе Дзирзона будто бы окончательно уже разрѣшило эту задачу, я не могу не отдать полной справедливости покойному профессору за сочиненіе его: *три открытія въ естественной исторіи пчелы.* Это сочиненіе есть первое, которое объяснило намъ историческое развитіе ученія о зарожденіи пчелъ и о половыхъ отношеніяхъ существъ пчелинаго семейства, и заявило, что разрѣшеніемъ вопроса о зарожденіи пчелы занимаются и теперь многіе пчеловоды и натуралисты германскіе. Жаль только, что они оставляютъ безъ вниманія наши наблюденія и мнѣнія.

Въ сочиненіи г-на Рулье находится изображеніе внутренняго устройства брюшка матки, сдѣланное еще Сваммердамомъ.

ПИСЬМО VII.

Второй періодъ состоянія пасѣки: — роеніе пчелъ. Причины роенія. Два рода роенія. Изобрѣтеніе искуственнаго роенія. Дѣланіе искуственныхъ роевъ. Методы пчеловодства: хозяйственная, промышленная и смѣшанная. Исправленіе слабыхъ пчелъ роями. Прекращеніе роенія пчелинаго семейства. Занятіе въ пасикѣ во время этого періода.

Роеніе пчелъ есть отдѣленіе части пчелинаго семейства и удаленіе ея изъ роднаго жилища. Это явленіе принадлежитъ къ числу необыкновенныхъ въ природѣ, по крайней мѣрѣ, сколько намъ до-сихъ-поръ извѣстно, оно свойственно однимъ только пчеламъ. Причина роенія пчелъ, по моей гипотезѣ о половыхъ отношеніяхъ ихъ между собою, есть потребность чувства любви, дарованное природою вообще всѣмъ тварямъ, но котораго до сихъ поръ натуралисты не признаютъ въ пчелахъ. Когда увеличеніе пчелинаго семейства доходитъ до огромнаго количества, простирающагося иногда до сорока и болѣе тысячъ пчелъ, изъ которыхъ каждой хочется жить и любить: тогда невозможность одной матки удовлетворить любви всѣхъ заставляетъ пчелъ заботиться о выведеніи большаго количества матокъ. Вслѣдствіе этого, пчелы дѣлаютъ маточники, матка кладетъ въ нихъ яички, которыя

потомъ, пчелы, по своему произволу или по чувству потребности, возращаютъ или уничтожаютъ. Когда выплодятся молодыя матки, тогда старая матка, не желая имѣть себѣ соперницы, удаляется изъ улья, а съ нею и приверженныя къ ней, вѣроятнѣе всего, старыя пчелы. Что́ улей оставляетъ старая матка, а не молодая, это происходить быть можетъ еще и оттого, что въ то время пчелы необыкновенно расположены къ любви, вслѣдствіе чего слишкомъ изобильно осѣменяютъ матку, въ старомъ же ульѣ, гдѣ все гнѣздо занято червою или медомъ, нѣтъ ячеекъ для положенія яичекъ. Сыскавши новое мѣсто, пчелы необыкновенно быстро дѣлаютъ вощину, и по мѣрѣ того какъ она поспѣваетъ, матка кладетъ въ ячейки сѣмена. Молодая же матка, которая остается въ ульѣ, не вдругъ дѣлается плодовитою, и самыя пчелы не вдругъ оплодотворяются трутнями, а потому они удобнѣе могутъ ожидать того времени, когда, по выходѣ червы, будетъ вновь мѣсто и для кладки яичекъ. Эти, по мнѣнію моему, естественныя причины производятъ роеніе пчелъ, которое, поэтому, можно назвать слѣдствіемъ ихъ любви. Это сильное расположеніе пчелъ къ любви и, вслѣдствіе того, сильная плодовитость матки бываютъ только подъ условіемъ извѣстной, довольно высокой, температуры и при изобиліи хорошаго корма, а потому, когда весна бываетъ теплая и погода постоянная, тогда при хорошемъ кормѣ, даже искуственномъ, пчела будетъ хорошо роиться; напротивъ въ холодную, дождливую и непостоянную весну, она нѣсколько разъ приготовляется къ роенію и потомъ уничтожаетъ маточники, такъ-что часто мало, или же и вовсе не роится. Замѣчу еще одно важное свойство роевъ по выходѣ ихъ изъ роднаго своего улья: гдѣ бы вы ихъ ни поставили, они тотчасъ привыкаютъ къ новому своему мѣсту и *роевая муха* никогда не возвращается къ старому семейству, даже если вы какого роя и не поставите отдѣльно и соедините съ другимъ семействомъ, чего, въ другое время, какъ вамъ извѣстно, не бываетъ, и пчела *нероевая* переселенная въ другое мѣсто, всегда возвращается на старое. Поэтому *роевая* муха есть самая удобнѣйшая для усиленія слабыхъ пчелъ.

Кто занимается пчеловодствомъ, какъ хозяйственною статьею и какъ удовольствіемъ, тому зрѣлище выхода роя доставляетъ большое наслажденіе. Сначала видѣнъ необыкновенный и быстрый вылетъ пчелы изъ улья, предъ которымъ она сгущается почти облакомъ; потомъ разнообразный, круговращательный полетъ по пасикѣ, гдѣ она видимо наслаждается своею жизнію и—то вертится быстро, то гоняется одна

за другою и сцѣпляется съ трутнями: все это сопровождается самымъ радостнымъ жужжаніемъ, которымъ любитель природы всегда будетъ наслаждаться также какъ шумомъ водопада или ревомъ моря. Къ этому величественному зрѣлищу особенно неравнодушны пчеловоды. Кристъ говоритъ, что любитель природы не промѣнялъ бы его ни на какое театральное зрѣлище, а для него этотъ пчелиный концертъ пріятнѣе иного музыкальнаго концерта, хотя онъ также любитель и музыки. Любуйтесь этимъ зрѣлищемъ смѣло и не бойтесь пчелинаго жала. Пчела въ это время бываетъ очень кротка, и не укуситъ васъ если вы ее не прижмете или не ударите.

Первоначально, въ пчеловодствѣ, было одно только естественное или натуральное роеніе и пчеловоды долго имъ довольствовались; но какъ пчела роится не каждый годъ, а безъ роевъ не знали прежде никакого способа получить отъ пасики значительный доходъ, то придумали еще другой, искуственный, способъ роенія. Поэтому, въ настоящее время два рода роенія: *естественное*, когда пчелиное семейство само собою отпускаетъ роя, и *искуственное*, когда пчеловодъ отбираетъ его отъ семейства, и поэтому первые рои называются *натуральными*, а вторыя *искуственными*, или *насильными*.

Когда пчелиное семейство приготовляется къ естественному роенію, то въ маточникахъ, поставленныхъ на ребрахъ или концахъ вощины, появляются сначала яички, по одному въ каждомъ, потомъ они наполняются постепенно густою, бѣлою наподобіе молока жидкостію, въ которой совершенно тонетъ родившійся изъ яйца червячекъ; наконецъ маточники печатаются, и чрезъ двѣнадцать или четырнадцать дней отъ положенія яичка, выходятъ изъ нихъ матки, послѣ появленія которыхъ въ ульѣ, если только благопріятствуетъ погода, выходитъ первый рой, или *перва́къ*, съ старою маткою. Сначала рой летаетъ по пасикѣ, а потомъ гдѣ нибудь собирается въ кучку около своей матки, гдѣ будетъ сидѣть часа два; въ это время его убираютъ въ улей. Всегда стараются чтобы рой собрался въ поставленную для того нарочно сборню, натертую растѣніемъ мелиссой или маточникомъ, куда онъ большею частію и садится. Матка перваго роя, будучи старою и сѣменистою, отъ слабости или тягости выходитъ изъ улья очень медленно, а иногда возлѣ него падаетъ; поэтому искусный пасичникъ, во время выхода перваго роя, сидитъ всегда возлѣ летика улья и схватываетъ матку руками, которую, посадивъ въ клѣточку, ставитъ въ сборню, что́ значительно ускоряетъ поимку

роя. Первые рои, выходящіе изъ ульевъ имѣющихъ природную матку, которые собственно и называются перваками, имѣютъ ее всегда одну, и поэтому матку сажаютъ въ улій прямо безъ всякой переборки пчелы. Но иногда даютъ роя и такіе ульи, которые, лишившись природной своей матки, выплодили потомъ у себя нѣсколько свищевыхъ матокъ, и какъ въ такихъ рояхъ, хотя и первакахъ, бываетъ по нѣскольку матокъ, то, при посадкѣ ихъ въ улей, перебираютъ пчелу, излавливаютъ всѣхъ матокъ и даютъ рою только одну лучшую; такимъ же образомъ поступаютъ при вторыхъ и третьихъ рояхъ. Пчеловодамъ часто кажется, что первые рои выходятъ прежде нежели изъ маточниковъ выйдутъ молодыя матки. Это потому, что они въ то время видятъ наружные маточники, бывающіе на концахъ вощины; но пчелы закладываютъ прежде маточники внутри гнѣзда, которыхъ нельзя видѣть, и изъ которыхъ, какъ прежде заложенныхъ, матки выходятъ ранѣе. Появленіе этихъ матокъ можно узнать по ихъ писку или пѣнію, которое отличается совершенно отъ пчелинаго жужжанія и слышно даже внѣ улья, особенно вечеромъ. По выходѣ изъ улья первака, дней чрезъ шесть, а иногда ранѣе или позже, выходитъ другой рой, или *другакъ*; потомъ чрезъ день послѣ сего третій, и такъ далѣе. Всѣ эти рои выходятъ уже съ молодыми матками, которыхъ имѣютъ отъ одной и до десяти, вслѣдствіе чего посадка ихъ въ ульи должна производиться съ переборкою пчелы. Вторые и послѣдующіе рои бываютъ менѣе первыхъ, а потому не всегда сажаются отдѣльно, но соединяются по два или по три роя въ одно семейство. Иногда, въ хорошее лѣто, первые рои даютъ сами роевъ, которые называются *парои*.

Вообще при натуральномъ роеніи, слѣдуетъ имѣть правиломъ: 1-е, сажать большіе, сильные рои, потому что слабые будутъ худо плодиться, и мало внесутъ меду. Величину ихъ можно соображать съ временемъ. Если ройба началась рано, то вначалѣ можно ставить рои и не такъ сильные съ двумя фунтами мухи, потому что ко времени взятка онѣ успѣютъ еще сами собою усилиться, но съ приближеніемъ взятка необходимо ставить ихъ сильнѣе; рои же, выходящіе въ самое взяточное время, должны быть какъ можно сильнѣе, фунтовъ до шести. 2-е. Не ослаблять старыхъ пчелъ. Поэтому не слѣдуетъ желать, чтобы улей слишкомъ роился; достаточно, если онъ дастъ одного роя и, развѣ очень сильный, двухъ; еслижъ онъ будетъ роиться болѣе, то не допускать его къ тому, извѣстными способами;

иначе онъ до-того изроится, что нетолько будетъ хуже роевъ своихъ, но можетъ и совершенно погибнуть. 3-е. Не допускать въ одномъ роѣ нѣсколькихъ матокъ, отчего пчелы бунтуются и часто оставляютъ улей; но, отобравъ всѣхъ матокъ, дать рою одну любимую матку и то, сначала, въ клѣточкѣ.

Другой видъ роевъ составляютъ искуственные или насильные рои. Самовыплаживаніе пчелами свищевой матки открылъ, въ концѣ прошедшаго столѣтія, какъ я уже говорилъ выше, нѣмецкій пчеловодъ и натуралистъ Ширахъ, который, заключивъ въ нѣсколько отдѣльныхъ ящиковъ по одному соту съ пчелиной дѣткой и пчелой, увидѣлъ потомъ, что въ каждомъ изъ нихъ пчелы сами вывели себѣ матокъ. Это подало ему мысль къ дѣланію искуственныхъ роевъ, чѣмъ онъ доказалъ неслыханную до того новость, что изъ каждаго пчелинаго червя, до трехдневнаго его возраста, можетъ выплодиться пчелиная матка, между-тѣмъ какъ въ то время думали, что пчелиная матка раждается только изъ особыхъ яичекъ, которыхъ будто бы матка несетъ много, но пчелы ихъ прячутъ въ особомъ мѣстѣ и хранятъ до надобности. Открытіе Шираха развилъ въ-особенности французскій пчеловодъ Пальто, а Кристъ изложилъ очень много правилъ и пріемовъ дѣланія искуственныхъ роевъ. Нашъ Прокоповичъ обогатилъ это открытіе многими новыми наблюденіями и правилами, и первый сдѣлалъ извѣстною у насъ эту методу роенія. Въ настоящее время, ученикъ и послѣдователь его Пономаревъ, въ своемъ сочинененіи о пчеловодствѣ, объяснилъ этотъ предметъ самымъ лучшимъ образомъ.

Искуственный рой отбирается отъ пчелинаго семейства преимущественно въ то время, когда оно уже само приготовляется къ роенію и имѣетъ уже печатные маточники или только налитые, называемые *назолки*. Рои съ назолковъ я и буду называть собственно *искуственными*. Но очень часто они отбираются гораздо ранѣе появленія зародыша въ маточникахъ, когда въ ульѣ бываетъ много мухи и много червы. Такіе рои, взятые съ червы, я буду называть, для различія отъ первыхъ, *насильными*. Преимущество искуственныхъ роевъ предъ натуральными состоитъ въ томъ, что, 1-е, рои эти можно дѣлать произвольной величины, тогда-какъ натуральные бываютъ величины случайной; 2-е, при натуральномъ роеніи, когда нѣсколько роевъ выходитъ вмѣстѣ, они смѣшиваются и уничтожаютъ или калѣчатъ много матокъ; разбирать ихъ потомъ трудно: этого не бываетъ при иску-

ственномъ роенiи; 3-е, насильными роями вѣрнѣе и значительнѣе увеличивается пасика, тогда-какъ неблагопрiятная погода можетъ очень уменьшить натуральное роенiе или, даже, совершенно не допустить его; когда же пасика не увеличится роями, то, при употребленiи исключительно цѣльныхъ ульевъ, нельзя получить много дохода отъ пасики, какъ уничтоженiемъ старыхъ пчелъ и чрезъ то уменьшить ея комплектъ. Невыгода же искуственныхъ роевъ противъ натуральныхъ заключается въ томъ, что они, 1-е, требуютъ вывозки ихъ изъ пасѣки; если же оставляются въ ней, то требуютъ много заботъ и предосторожностей; 2-е, ихъ труднѣе отбирать нежели натуральные, и 3-е, въ ульяхъ, изъ которыхъ взяты насильные рои съ червы, выводятся не натуральныя матки, а свищевыя, которыя, какъ извѣстно, не всегда бываютъ добрыми.

Выгоды и недостатки одного и другаго вида роенiя пчелъ породили много мнѣнiй и споровъ, которые и теперь еще остаются нерѣшеными. Одни пчеловоды придерживаются только натуральнаго роенiя и свойственной ему методы пчеловодства, доказывая основательность своихъ убѣжденiй, кромѣ трудностей операцiй, требуемыхъ искуственнымъ роенiемъ, преимущественно тѣмъ, что отъ сего послѣдняго роенiя заводится въ пасикѣ много свищевыхъ матокъ, которыя, если и бываютъ добрыми, то недолговѣчны, а также и тѣмъ, что искуственные рои составляютъ большой рискъ, и если отъ нихъ, при хорошемъ взяткѣ, бываетъ большая выгода, за то не только при худомъ, но даже при посредственномъ взяткѣ, погибаютъ какъ самые рои, такъ и старыя семейства, которыя такимъ роенiемъ ослабляются и получаютъ дурныхъ матокъ. Методы натуральнаго роенiя придерживаются, большею частiю, простолюдины и помѣщики, неимѣющiе ученыхъ и опытныхъ пасичниковъ; ее можно назвать *натуральною* или *хозяйственною* методою пчеловодства. Другiе же пчеловоды, напротивъ, не ожидая натуральнаго роенiя, которое не всегда бываетъ успѣшно, въ видахъ полученiя отъ пасики бóльшей прибыли, берутъ насильные рои изъ каждаго улья, изъ котораго только можно ихъ взять, не смотря на то, приготовляется ли онъ къ роенiю или нѣтъ, и такимъ способомъ быстро увеличивая, даже удвояя, свою пасику, въ хорошее лѣто получаютъ очень значительный доходъ. Эту методу можно назвать *промышленною*, потому что ее употребляютъ большею частiю пчеловоды-промышленники, думающiе только о наивозможно-большемъ полученiи дохода отъ своей пасики. Этой методѣ слѣдуютъ у насъ

всѣ пчеловоды-старообрядцы, живущіе въ Новозыбковскомъ уѣздѣ и служащіе пасичниками у многихъ помѣщиковъ другихъ уѣздовъ. При благопріятномъ лѣтѣ, быстрое увеличеніе пасики и большое количество продаваемаго меда, удивляя и восхищая многихъ, заставляетъ ихъ слѣпо слѣдовать этой промышленной методѣ. Но какъ послѣдствія ея, при неблагопріятномъ лѣтѣ, бываютъ иногда до-того пагубны, что разомъ уничтожается почти вся пасика, то нельзя сказать, чтобы она была дѣйствительно лучше хозяйственной методы. — Которой же изъ нихъ слѣдовать?—По моему мнѣнію, въ простомъ пчеловодствѣ, при неопытныхъ пасичникахъ, гораздо лучше придерживаться натуральнаго роенія; но кто имѣетъ у себя знающаго пасичника, тотъ долженъ въ этомъ случаѣ избрать путь, указанный намъ Прокоповичемъ и объясненный Пономоревымъ, который я постараюсь изложить здѣсь систематическимъ образомъ.

Начну съ того, что искуственные рои не всегда берутся только по произволу пчеловода, но иногда они составляютъ необходимость; такъ, во 1-хъ, бываютъ такія пчелиныя семейства, которыя независимо отъ погоды, то приготовятся къ роенію, то уничтожатъ назолки, что повторяя нѣсколько разъ, потомъ совершенно не роятся. Съ такихъ пчелъ необходимо взять искуственные рои, иначе вы потеряете новое и хорошее пчелиное семейство. Во 2-хъ, иныя семейства бываютъ до-того сильны, что мухи въ нихъ полонъ улей, а между-тѣмъ, хотя уже и роевая пора, но они и не думаютъ роится, и ежели ихъ такъ оставить, то они впослѣдствіи ослабѣютъ; съ такихъ пчелъ, по тому же расчету, необходимо брать насильные рои, хотя бы то и съ червы. Въ 3-хъ, при перевозкѣ пасѣки иныя пчелы до-того бываютъ сильны, что едва помѣщаются въ ульѣ; если изъ нихъ не взять насильныхъ роевъ, хотя бы они впослѣдствіи и могли дать натуральныхъ, то они могутъ задохнуться или обломать соты. Этихъ трехъ случаевъ достаточно уже, чтобы видѣть, ка́къ много теряютъ тѣ, которые придерживаются одного натуральнаго роенія. Но польза искуственнаго роенія очевидна еще и въ другихъ случаяхъ, а именно: 1-е. Въ большой пасикѣ, гдѣ въ одинъ день выходитъ пятьдесятъ и болѣе натуральныхъ роевъ, они непремѣнно смѣшаются, отъ чего погибнутъ многія хорошія матки, и самый разборъ ихъ будетъ труднѣе нежели взятіе искуственныхъ роевъ; кромѣ того, изъ пятидесяти роевъ натуральныхъ едва удается пасѣчникамъ поставить тридцать, тогда какъ взявши эти пятьдесятъ роевъ искуственнымъ образомъ

вы не подвергнете ихъ никакимъ приключенiямъ и всѣ они будутъ цѣлы и хороши; 2-е. Многiя сильныя пчелы даютъ очень слабыхъ натуральныхъ роевъ; а искуственнымъ образомъ можно взять у нихъ рои желаемой величины; 3-е. Съ первыми роями, которые всегда бываютъ лучшими, обыкновенно выходятъ старыя матки, которыя, вылетая изъ улья, иногда отъ слабости, и въ самую тихую погоду падаютъ на землю и теряются, а потеря такой матки очень значительна; но этого не бываетъ, когда эти рои отбираются искуственнымъ образомъ.

Но эта метода искуственныхъ роевъ, при всѣхъ своихъ выгодахъ, будетъ нетолько безполезною, но даже гибельною, если брать насильно рои безъ всякаго соображенiя, на–удачу, какъ дѣлаютъ большею частiю пчеловоды – промышленники, а потому въ ней слѣдуетъ руководствоваться слѣдующими правилами: 1-е. Брать рои только *съ прибора*, т. е. изъ тѣхъ пней, въ которыхъ появятся печатные или налитые маточники, назолки, чрезъ - что́ не только рои будутъ хороши, но изройки будутъ имѣть натуральныхъ матокъ, и слѣдовательно не заведется въ пасикѣ множество свищевыхъ матокъ, какъ бываетъ при промышленной методѣ. 2-е. На основанiи этого правила, а также вслѣдствiе того, что рои, выходящiе натурально съ старыми матками, часто ихъ теряютъ, должно всѣ первые рои, особливо въ большой пасикѣ, отбирать непремѣнно искуственно. 3-е. Въ трехъ вышеуказанныхъ мною случаяхъ, а именно, когда пчелы, приготовляясь къ роенiю, уничтожаютъ потомъ свои назолки, когда онѣ, будучи очень сильны, не приготовляются къ роенiю въ самое роевое время и, наконецъ, при перевозкѣ пасики изъ ульевъ, полныхъ мухою, необходимо брать искуственнымъ образомъ рои нетолько съ приборныхъ пчелъ, но даже съ червы. 4-е. Всѣхъ вообще искуственныхъ роевъ, особенно раннихъ, сажать на медки, и позднѣйшихъ, за неимѣнiемъ медковъ, на вощанки, и отбирать ихъ не иначе какъ вѣсомъ; раннiе рои могутъ быть меньше, а позднiе — больше. Меньшiй вѣсъ раннихъ роевъ, сажаемыхъ на медки, можетъ быть два съ половиною фунта; по мѣрѣ приближенiя взятка нужно постепенно увеличивать вѣсъ ихъ до шести фунтовъ, а для сажаемыхъ на вощанки,—что́ можно дѣлать только при началѣ яриннаго взятка,—меньшiй вѣсъ можетъ быть пять фунтовъ. 5-е. При отборѣ искуственныхъ роевъ, кромѣ знанiя правилъ, должна быть соблюдаема акуратность, большая осторожность и необходимое проворство,—чего ловкiй пасѣчникъ при

частыхъ опытахъ можетъ легко достигнуть. Легче отбирать искуственные рои изъ тѣхъ ульевъ, у которыхъ снимается дно и пчела гонится чрезъ голову улья. Въ линеечныхъ ульяхъ ловкимъ пасичникомъ отбирается рой въ пять и не болѣе десяти минутъ. 6-е. Въ-особенности надобно стараться, чтобы рои эти *по посадкѣ въ ульи* не слетали на старые ульи: въ такомъ случаѣ они ослабѣютъ и пропадутъ, и вы только напрасно разстроите старое семейство. Для этого, лучше всего вывозить ихъ изъ пасики въ другое мѣсто, не ближе четырехверстнаго разстоянія: поэтому, выгоднѣе всего отбирать ихъ при перевозкѣ пасики. Но можно ставить и въ одной пасикѣ каждый рой возлѣ его изройка, по способу ихъ раздвиганія, въ особенности если ульи въ пасикѣ стоятъ рѣдко, не менѣе сажени одинъ отъ другаго. Этотъ способъ, однакожъ, требуетъ большой внимательности пасичника; при заботливости и знаніи, онъ также безопасенъ, какъ и первый. Я всегда употребляю этотъ способъ, и всегда удачно, а перевозкой пользуюсь только при случаѣ. Способъ этотъ объясненъ мною въ письмѣ XI-мъ.

Руководясь этими правилами, при искуствѣ и ловкости пасичника, вы всегда будете имѣть отъ своей пасики болѣе выгоды, нежели въ томъ случаѣ, еслибы вы придерживались исключительно одного только натуральнаго роенія, и будете подвергаться менѣе риску, нежели при промышленной методѣ. Вы будете всегда имѣть больше и лучшихъ роевъ, которые, такъ же какъ и ихъ изройки, сдѣлавшись къ яринному взятку сильными, даже при посредственности его, внесутъ достаточно меду и, слѣдовательно, вы получете бо́льшую пользу. Совершенно скудный взятокъ будетъ конечно гибеленъ для пасики, но это самое случилось бы и при натуральномъ роеніи, ибо, по этой методѣ, насильнымъ роеніемъ вы берете почти тѣхъ же натуральныхъ роевъ только искуственнымъ образомъ. Методу эту, для отличія ея отъ натуральной, промышленной, я назову *смѣшанною*, такъ-какъ въ ней приняты всѣ три рода роенія: натуральное, искуственное и насильное. Всѣ эти три методы, имѣющія цѣлію главнымъ образомъ увеличеніе пасики, предполагаютъ полученіе отъ нея дохода не иначе, какъ посредствомъ уменьшенія количества пасики увеличившейся роями, чрезъ умерщвленіе части ея пней, — о чемъ я буду говорить впослѣдствіи.

Для тѣхъ пчеловодовъ, которые держатъ пчелъ въ цѣльныхъ ульяхъ, всѣ эти способы роенія не представляютъ достаточно надежнаго

способа для полученія хорошаго дохода въ нероистое лѣто. Не увеличивая числа семействъ, они должны лишиться почти всякаго дохода отъ пасики; съ другой стороны, не зная, будетъ ли впереди хорошій и продолжительный взятокъ, они не могутъ рѣшиться брать насильныхъ роевъ съ червы, потому что, въ случаѣ неудачи, они рискуютъ потерять всю пасику. Поэтому во всякое нероистое лѣто эти пчеловоды бываютъ сначала въ большомъ недоумѣніи, а по истеченіи его, если они были осторожны, то почти не получаютъ дохода отъ пчелъ; если же дѣйствовали на авось, то торжествуютъ удачи риска или оплакиваютъ потери. Эти обстоятельства бываютъ причиною всѣхъ тѣхъ безконечныхъ толковъ о преимуществахъ различныхъ способовъ роенія пчелъ, которые постоянно ведутся между пасичниками, и частыхъ перемѣнъ убѣжденій пасичниковъ, послѣ испытанныхъ ими потерь или удачъ. Въ продолженіи моихъ занятій пчеловодствомъ, обсуждая и испытывая всѣ эти методы, я подвергался также частымъ колебаніямъ, но наконецъ рѣшилъ мои недоумѣнія только тѣмъ, что оставилъ цѣльные ульи и ввелъ составные, и теперь рѣшаюсь сказать, что одно только веденіе пчелъ въ составныхъ ульяхъ есть единственное средство, которое можетъ избавить пчеловода отъ рисковъ и колебаній, при избраніи системы роенія пчелъ, и принести ему, во всякомъ случаѣ, обильный доходъ. Въ такой пасикѣ, еслибы роевъ и вовсе не было, при изобильномъ взяткѣ, получится тотъ же самый доходъ безъ уменьшенія пасики, какой бы могъ получиться и при роеніи, а иногда и бо́льшій; въ случаѣ же скуднаго взятка, нѣтъ риска лишиться всей пасики. Особенно легко и удобно достигается все это въ линеечныхъ ульяхъ, о чемъ я буду говорить впослѣдствіи. Прежде нежели я достигнулъ *въ своей пасикѣ* до надлежащаго количества линеечныхъ ульевъ, я придумалъ еще одну особую методу для полученія и изъ цѣльноулейной пасики значительнаго дохода, не уменьшая увеличившагося роями количества пасики и не подвергая ее, въ случаѣ неблагопріятнаго взятка, значительному риску, — о чемъ также скажу въ другомъ мѣстѣ.

Теперь обратимся къ занятіямъ въ пасикѣ въ продолженіе періода роенія. Они бываютъ слѣдующія:

1. *Отборъ* и *посадка роевъ*. Въ это время пасичникъ долженъ неотлучно находиться въ пасикѣ, и къ нему, смотря по величинѣ ея, нужно еще прибавить рабочихъ людей, проворныхъ и хотя нѣсколько пріученныхъ къ обращенію съ ульями. При пересмо-

трѣ пасики, почти ежедневномъ, небходимо отмѣчать приборные ульи установленными для того знаками, изображающими различный возрастъ маточниковъ, и, при натуральномъ роеніи, слѣдить за приборными ульями, не прозѣвать выхода роя; при выходѣ перваковъ, сидѣть у самаго летика и стараться изловить матку, а потомъ, собравши рои, сажать ихъ, со всѣми предосторожностями, въ заблаговременно приготовленные, съ медками или вощанками, ульи. По выходѣ вторыхъ и послѣдующихъ роевъ, въ которыхъ большею частію бываетъ нѣсколько матокъ, никогда не сажать ихъ въ ульи, не отобравъ всѣхъ матокъ, какъ тό дѣлаютъ простолюдины, отъ чего матки дерутся, иногда погибаютъ лучшія изъ нихъ, и рои бунтуютъ. Наблюдать, чтобы натуральные рои имѣли достаточно силы, и ежели выходятъ малые рои, то ихъ или соединять по два вмѣстѣ, или же усиливать ими слабыхъ перваковъ, или изройковъ. При искуственномъ роеніи, изъ отмѣченныхъ вечеромъ приборныхъ ульевъ, на слѣдующее утро отобрать рои, и стараться кончить это пораньше, до вылета пчелы на взятокъ, если только погода не сдѣлается холодною. При этомъ надобно стараться какъ можно скорѣе изловить матку, ибо чѣмъ она скорѣе будетъ поймана, тѣмъ скорѣе сдѣлается искуственный рой, но надобно быть также очень осторожнымъ, чтобы не задавить ея. Для отбора искуственныхъ роевъ поставить попарно пасичника съ рабочимъ и каждой парѣ брать рои особо, чтό ускоряетъ работу. По отборѣ роевъ, непремѣнно по вѣсу мухи и по посадкѣ ихъ въ ульи, необходимо или вывозить ихъ изъ пасики, или же ставить возлѣ ихъ изройковъ, поступая при этомъ такъ, какъ будетъ сказано въ письмѣ XI-мъ. По посадкѣ въ ульи какъ искуственныхъ, такъ и натуральныхъ роевъ, необходимо сдѣлать на нихъ постоянную надпись года и дня посадки роя, а также первый ли или второй рой; на изройкахъ отмѣтить время выхода, или отбора изъ нихъ, роевъ, чтό необходимо какъ для наблюденія надъ роями, такъ и для другихъ работъ. Изъ ульевъ, у которыхъ взяты первые искуственные рои, вторые выходятъ большею частію натурально; но если они не выходятъ, а въ изройкѣ сила и черва большáя, то можно брать и вторые рои искуственно, но уже такъ, что для роя забрать почти всю муху, а на изройка, въ которомъ останестя много червы, накинуть маленькаго натуральнаго ройка.

2. *Усиленіе слабыхъ.* Когда нѣкоторыя пчелиныя семейства отъ какихъ либо обстоятельствъ ослабѣли, то въ это время представляется

самый лучшій случай ихъ усилить. Для этого уже не нужно подбавлять имъ мухи изъ другихъ ульевъ, пересаживать, или переставлять ихъ — ка́къ дѣлалось до ройбы, а сто́итъ только накинуть имъ натуральнаго ройка, такого, котораго особо сажать не слѣдуетъ, или прибавить имъ сколько нужно роевъ мухи, имѣющей свойство тотчасъ привыкать къ новому своему жилищу и не возвращаться въ старое. Такія усиленныя пчелы, если уже и не будутъ роиться, то, по крайней мѣрѣ во время взятка, внесутъ довольно меду и будутъ хорошими *зимовиками*—пчелами, оставляемыми въ зиму. Вообще надобно постоянно помнить основное правило, что выгоднѣе имѣть менѣе пчелъ, но сильныхъ, нежели много слабыхъ, а потому не слѣдуетъ стараться каждый небольшой роекъ сажать въ отдѣльный улей, но лучше употребить его на усиленіе слабаго.

3-е. *Недопущеніе изройковъ до ослабленія.* Иныя пчелы даютъ двухъ и болѣе роевъ, которые, будучи всегда небольшими, не могутъ быть сажаемы отдѣльно; изройки же при этомъ сильно ослабѣваютъ. Для предупрежденія этого нужно въ старомъ ульѣ, по выходѣ изъ него перваго или втораго роя, смотря по силѣ его, посчищать всѣ маточники; если же и послѣ сего онъ будетъ продолжать отпускать роевъ, то нужно выгнать изъ него всю муху и, соединивъ ее съ вышедшимъ роемъ, посадить въ особый улей, т. е. сдѣлать насильнаго втораго роя, а на гнѣздо изройка накинуть маленькаго натуральнаго ройка. Ко взятку они будутъ оба хороши, а безъ этого они будутъ оба слабы и, слѣдов., не въ состояніи будутъ внести себѣ достаточно на зиму меду. Вообще на изройковъ надобно обращать большое вниманіе и не допускать ихъ до слабости: они большею частію предназначаются для полученія отъ нихъ меду въ доходъ, а потому нужно чтобъ было кому работать и наполнять медомъ ихъ длинные зано́сы. Но многіе пасѣчники объ этомъ не заботятся и, какъ остроумно замѣчаетъ Пономаревъ, хотя, во время большаго выхода роевъ, въ пасикѣ у нихъ есть такіе изройки, которые едва существуютъ, но они бѣгаютъ, ищутъ новой посуды и дорого за нее платятъ, не подозрѣвая вовсе того, что у нихъ есть очень достаточно ульевъ — слабыхъ изройковъ, куда они могли бы посадить рои, и не только избавили бы себя отъ хлопотъ и убытка, но даже получили бы гораздо больше пользы, нежели сажая каждый маленькій рой отдѣльно.

4-е. *Исправленіе безматковъ.* Во время роенія, когда такъ

много молодыхъ и хорошихъ матокъ, надобно всѣмъ тѣмъ семействамъ, которыя не имѣютъ матокъ или имѣютъ худыхъ, дать новыхъ хорошихъ матокъ. Въ это время слѣдуетъ: 1-е, удостовѣриться въ качествѣ свищевыхъ матокъ, ежели таковыя завелись въ нѣкоторыхъ семействахъ, и если онѣ дурны, то перемѣнить; 2-е, наблюдать, есть ли матки и хороши-ли онѣ у первыхъ искуственныхъ или натуральныхъ роевъ, — что́ узнается по червѣ и другимъ признакамъ гнѣзда, и въ случаѣ неблагополучія дать новыхъ матокъ, за которыми опять имѣть такое же наблюденіе; 3-е, наблюдать за качествомъ матокъ у тѣхъ изройковъ, которые не предназначаются для подкурки на медъ, а пойдутъ въ зиму или на перегоны; у тѣхъ же, которые назначаются на медъ, если матки нѣтъ, особенно если это случится уже во взяточное время, то нѣтъ надобности давать ее имъ, и даже иногда лучше, если можно лишить ихъ матки. Въ такихъ изройкахъ, по выходѣ изъ ячеекъ всей червы, прежде нежели свищевая матка будетъ способна класть яички, пчелы зальютъ медомъ всю вощину, а отъ этого по окончаніи взятка, у нихъ нетолько будетъ болѣе меду, но медъ, сверхъ того, будетъ совершенно чистый и безъ червы.

5-е. *Кормленіе пчелы.* Въ роевое время, если въ природѣ нѣтъ обильнаго взятка, вся пасика требуетъ хорошаго корму отъ хозяина; особливо онъ нуженъ молодымъ роямъ, которые, если не будутъ достаточно кормлены, то, ослабѣвъ, или погибнутъ, или же если доживутъ до яриннаго взятка, то не будутъ въ состояніи внести себѣ достаточно меду на зиму. Поэтому, въ роевое время нечего жалѣть меду и надобно кормить, какъ вообще всю пасику на корыто, такъ особливо рои, тѣмъ—болѣе въ ненастную погоду, подставкою меду въ корытцахъ.

6-е. *Перевозка пасики.* Пасики, расположенныя въ лѣсной или луговой мѣстности, гдѣ бываетъ изобиленъ весенній взятокъ, большею частію отроиваются на мѣстѣ, до яриннаго взятка; но полевыя пасики роятся позже, и очень часто роеніе ихъ происходитъ въ то время, когда нужно перевозить пасику къ степному или яровому взятку. Такая необходимость перевозки, кромѣ пользы хорошаго взятка, можетъ быть выгодна и для роенія. Если вы вспомните необходимость отвоза изъ пасики всѣхъ насильныхъ роевъ, то догадаетесь какъ можно воспользоваться въ этомъ случаѣ перевозкою пасики. Если перевозка пасики случится въ роевое время, то сначала нужно постепенно отвозить въ избранное новое мѣсто всѣхъ взятыхъ прежде искуствен-

ныхъ роевъ и усиленныхъ пчелъ, а потомъ, во время самой перевозки, взять насильные рои изъ всѣхъ тѣхъ ульевъ, которые къ тому назначены вами, и, по отвозѣ ихъ изройковъ, дня черезъ два, перевезти ихъ въ новую пасику.

Когда будутъ приняты во вниманіе всѣ изложенныя въ этомъ письмѣ правила, тогда къ яринному взятку — этому важнѣйшему періоду пчеловодства, при благопріятной, разумѣется, погодѣ, пасика будетъ нетолько обильна роями, (иногда удвоится), но всѣ рои, изройки и старыя пчелы или *нерои* будутъ обильны мухою—этою рабочею силою, которой чѣмъ больше въ ульѣ, тѣмъ лучше; и ежели будетъ хорошій взятокъ — медъ польется рѣкою въ пасику, и каждый улей внесетъ его нетолько достаточно для своего, почти годоваго, существованія, но и для дохода хозяина. Въ противномъ же случаѣ, при слабости пчелиныхъ семействъ, при недостаткѣ рабочей мухи, и самый изобильной взятокъ принесетъ хозяину мало пользы, а при посредственномъ взяткѣ всѣ слабые рои и изройки подкурятся сѣрой, и удвоенная пасика вдругъ уменьшится на–половину своего весенняго количества, не принеся хозяину никакого дохода.

(VIII-е письмо въ слѣдующей книжкѣ.)

КРАТКОЕ

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ КРАЯ,

НАСЕЛЕННАГО ЮЖНОРУССКИМЪ (УКРАИНСКИМЪ ИЛИ МАЛОРОССІЙСКИМЪ) НАРОДОМЪ.

Страна, населенная Южноруссами (Украинцами, Малороссами), занимаетъ часть Восточной Европы. Протяженіе ея съ запада на востокъ занимаетъ собою почти 20 градусовъ долготы, т. е. отъ 38 до 58 градусовъ восточной долготы (считая отъ острова Ферро), чт̀о составитъ слишкомъ 1,800 верстъ. Наибольшее протяженіе съ сѣвера на югъ простирается до 900 верстъ, т. е. отъ 44 градусовъ 30 минутъ, до 53 градусовъ 45 минутъ сѣверной широты.

Изъ разсмотрѣнія *границъ* Южной Руси читатели увидятъ, что край этотъ имѣетъ весьма разнообразную фигуру и входитъ въ составъ двухъ государствъ: Россіи и Австріи; меньшая часть (одна четырнадцатая) принадлежитъ послѣдней.

На западѣ граница Украины начинается отъ г. Сандеча, въ Галиціи, въ 10-ти миляхъ отъ Кракова, и идетъ на сѣверо востокъ чрезъ г. Ярославъ въ Царство Польское до мѣстечка Туробина и далѣе; оттуда граница поворачиваетъ на востокъ, пероходитъ Западный Бугъ и идетъ на Ковель и по южной долинѣ р. Припети до ея впаденія въ р. Днѣпръ при м. Старе-място; отсюда граница идетъ на сѣверъ по Днѣпру до м. Лоева и потомъ на сѣверо-востокъ до г. Мглина, самаго сѣвернаго пункта южнорусскаго населенія. Отъ Мглина Украинское населеніе граничитъ съ великорусскимъ (Орловскою губерніею) и идетъ на юго-востокъ; далѣе,—въ Курской губерніи, съ точностію границу эту опредѣлить нельзя, потому что нѣкоторыя селенія Украинскія находятся восточнѣе Курска, и нѣкоторыя великорусскія села

лежатъ близъ границъ Черниговской губерніи. Отъ г. Богодухова на югъ, жители сплошь Украинцы и граница, направляясь на востокъ, входитъ нѣсколько въ Воронежскую губ. и оттуда круто поворачиваетъ на югъ до верховьевъ р. Калміуса. Отъ этого мѣста на югѣ лежитъ отдѣльная земля Кубанскаго (б. Черноморскаго) Козачьяго Войска, населенная безъ исключенія Украинцами. Между Азовскимъ моремъ и Украинскимъ населеніемъ Екатеринославской и Таврической губерній, поселены Ногайскіе татары и нѣмецкіе колонисты [1]. Затѣмъ, отъ Перекопскаго перешейка до Турецкихъ владѣній, берега́ Чернаго моря заселены Украинцами и составляютъ южную границу страны. Рѣка Днѣстръ составляетъ юго-западную границу Украины до м. Ямполя, а оттуда граница идетъ на западъ по южному склону Карпатскихъ горъ и доходитъ, на крайнемъ западѣ, до г. Сандеча. Изъ этого обзора границъ видно, что населеніе южно-русскаго народа занимаетъ большую часть Австрійской Галиціи, половину Люблинской губерніи Царства Польскаго, малую часть Гродненской и Минской губерній, всю Волынскую, Каменецъ-Подольскую, Херсонскую, Кіевскую, Полтавскую, Харьковскую, Черниговскую губернію, части Курской и Воронежской, Екатеринославскую, третью часть Таврической губерніи и Землю Кубанскаго (Черноморскаго) войска.

Мы не говоримъ, что на всемъ этомъ пространствѣ обитаютъ одни Украинцы; такъ, напримѣръ, въ Галиціи и Люблинской губерніи высшій классъ и городскіе обыватели большею частію Поляки; въ Подольской, Волынской и Кіевской губерніяхъ почти всѣ помѣщики и нѣкоторые мѣщане также Поляки; въ Херсонской и Таврической живутъ Нѣмцы-колонисты, Сербы, Болгары, Греки и проч.; въ Харьковской—много переселенцевъ великорусскихъ; и, во всей западной Украинѣ весьма много Евреевъ. Но земледѣльческій классъ почти весь состоитъ изъ населенія, говорящаго Южно-русскимъ или Украинскимъ языкомъ. За исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстъ въ горахъ Карпатскихъ, Припетскихъ болотъ и земель, лежащихъ на лиманахъ рѣкъ, впадающихъ въ Черное море, вся описываемая нами страна отличается плодородіемъ и считается житницею Россіи и даже Европы. Чер-

[1] Отсюда къ сѣверовостоку, отдѣльныя украинскія поселенія разсѣяны въ Донской Землѣ, преимущественно на правой сторонѣ верхняго и нижняго Дона, частію въ Саратовской, Самарской, Астраханской, Оренбургской и другихъ губерніяхъ.

ноземъ доставляетъ обильную жатву зерноваго хлѣба, а умѣренный климатъ способствуетъ произрастанію плодовъ.

Пространство земель, населенныхъ Украинцами, въ точности опредѣлить нельзя, но, приблизительно, оно составляетъ слишкомъ 10,870 кв. геогр. миль, изъ коихъ на Австрійскія владѣнія въ Галиціи, Венгріи и Буковинѣ приходится около 1,650 миль. На всемъ этомъ пространствѣ находится около 14,300,000 жителей, говорящихъ южнорусскимъ языкомъ. Такимъ образомъ, по пространству, Украина или Малороссія превышаетъ Францію на тысячу географическихъ миль, а по абсолютному населенію уступаетъ Испаніи двумя милліонами жителей. По причинѣ значителчнаго пространства, занимаемаго страною, *мѣстность* въ ней весьма разнообразна: начиная отъ гористаго запада Галиціи, Венгріи и Буковины, до пространныхъ степей Екатеринославской и Херсонской губерній и до болотистой равнины р. Припети, можно встрѣтить мѣстоположеніе всѣхъ родовъ; такъ, *Карпатскія* горы, на границѣ Венгріи и Галиціи, достигаютъ до 6,000 футовъ высоты надъ поверхностію моря. Главный хребетъ этихъ горъ тянется отъ запада къ юго-востоку и имѣетъ въ ширину отъ 40 до 70 верстъ. Покатости его положе къ югу и обрывистѣе къ сѣверу. Отъ хребта къ югу отдѣляется нѣсколько замѣчательныхъ вѣтвей, какъ напримѣръ, идущая отъ деревни Полянки до г. Варано между притоками р. Ондавы; вѣтвь, отдѣляющаяся отъ хребта при деревнѣ Ростоки и оканчивающаяся двумя отраслями: западною, называемою *Свинскій камень* и восточною, оканчивающеюся при г. Унгварѣ. Восточнѣе, отъ горы Шерейнкъ (Ширинка), идетъ гребень горъ, который кончается круто при кр. Мункачѣ. Отъ горы *Попадьи*, тоже отдѣляется нѣсколько вѣтвей на югъ, — не длинныхъ, но весьма суроваго характера. Гора *Петро́* служитъ узломъ, при которомъ Карпатскій хребетъ круто поворачиваетъ на югъ, распространяя отрасли на востокъ по Буковинѣ до долины рѣки Прута. На сѣверъ отъ главнаго хребта, вѣтвей гораздо менѣе, но зато тѣ, которыя существуютъ, длиннѣе, хотя онѣ не сохраняютъ альпійскаго характера южныхъ отраслей. Самая важная начинается отъ горы Ширинки, проходитъ между источниками рѣкъ Сана и Днѣстра и тянется сперва на сѣверъ до Новаго-мѣста, потомъ на востокъ до Львова (Лемберга), откуда раздѣляется на три отрасли, изъ коихъ одна идетъ на сѣверо-западъ до р. Танева, впадающей въ р. Санъ; другая, по сѣверному направленію, между притоками Сана съ одной и притоками р. Буга

(Западнаго) съ другой стороны, направляется въ Люблинскую губ., гдѣ, при м. Томашовѣ, принимаетъ направленіе съ запада на востокъ и служитъ началомъ р. Вепржа и другихъ рѣкъ, впадающихъ въ рѣки Вислу и Бугъ. Наконецъ, третья отрасль направляется на востокъ, проходя между притоками Днѣстра и Буга, входитъ въ предѣлы Россіи и служитъ раздѣленіемъ водъ, текущихъ въ Черное и Балтійское моря.

Самый хребетъ Карпатскій, проходящій по западной части Южнорусскаго края, хотя и не бываетъ покрытъ вѣчными снѣгами, однако имѣетъ почти вездѣ альпійскій характеръ, т. е. рѣчки, имѣющія въ немъ начало, не пересѣкаютъ хребта и имѣютъ берега обрывистые и скалистые; подъемы на горы возможны только по дорогамъ; во многихъ мѣстахъ вершины оканчиваются пиками, и снѣга почти на всемъ гребнѣ лежатъ 8 и болѣе мѣсяцевъ.

Не смотря на такой суровый характеръ горъ, дорогъ въ нихъ весьма много, въ особенности въ западной части, какъ-то: изъ Н. Сандеча въ Мусину; изъ Грибова туда же и въ Бартфельдъ; изъ Горлице, чрезъ Зборо, въ Бартфельдъ; изъ Змигрода туда-же; изъ Змигрода въ Свидникъ; изъ Дуклы въ Стропко, и проч.; въ восточной же части, отъ дороги изъ Турки въ ст. Веречку до восточнаго поворота, исключая тропинокъ, нѣтъ ни одной удобной дороги. Южный склонъ Карпатовъ сохраняетъ тотъже характеръ, что́ и ихъ гребень. Сѣверный же, не смотря на крутые спуски, понижается мало по малу и, при рѣкахъ Санѣ и Бугѣ, обращается въ равнины.

Вся Галиція съ запада на востокъ имѣетъ видъ холмистый, въ Люблинской же губерніи — на западѣ мѣстность волнообразная, а на востокѣ представляетъ большею частію плоскія возвышенія, теряющіяся въ долинѣ Западнаго Буга.

Эти возвышенія входятъ въ Польшу при Тарнополѣ и потомъ разворачиваются, какъ-бы вѣеромъ: на западъ до Вислы, на востокъ до Буга, а на сѣверъ ограничиваются большою дорогою изъ Грубешова въ Люблинъ. Въ этой части самое возвышеное мѣсто есть гора *Гута*, Красноставскаго уѣзда, болѣе 1,095 футовъ.

Въ южной Галиціи и Буковинѣ рѣки прорѣзали глубокія, въ нѣсколько сотъ футовъ, долины и текутъ чрезвычайно изгибисто; въ сѣверной же части, тамъ гдѣ почва наносная, рѣки имѣютъ теченія почти прямыя и долины ихъ широкія.

Въ Россію отрасли Карпатовъ входятъ небольшими горами между

городами Владиміромъ—Волынскимъ и Кременцомъ и образуютъ три главныя вѣтви: 1-я вѣтвь, идущая на сѣверъ между источниками р. Луга, впадающей въ Бугъ и притоками р. Стыри, Туры и Припети, имѣетъ на югѣ характеръ гористый съ нѣсколькими возвышеніями до 1120 ф. (при м. Бѣлозеркѣ); на сѣверѣ же и востокѣ, постепенно понижаясь, превращается въ равнину; 2-я идетъ на востокъ, составляя нагорный берегъ р. Припети, возвышаясь до г. Староконстантинова и отбрасывая отрасли къ сѣверу между рѣками Стырью, Горынью, Случемъ и другими, впадающими въ Припеть. Отъ г. Староконстантинова горы обращаются въ возвышенную равнину и только подъ Кіевомъ становятся холмисты; 3-я отрасль направляется на юго-востокъ,—подъ г. Кременцомъ достигаетъ 1,328 футовъ высоты и составляетъ нагорный берегъ р. Днѣстра, образуя глубокія долины его притоковъ; эта же отрасль, давъ начало р. Бугу (Южному), идетъ на востокъ не превышая 1,180 футовъ. Южныя отпрыски даютъ странѣ видъ горный, съ нѣсколькими остроконечными гранитными вершинами и крутые берега рѣкъ и овраговъ. Отрасль же, идущая на востокъ, волнообразна и проходитъ по сѣвернымъ уѣздамъ Херсонской губерніи до Никополя и Днѣпровскихъ пороговъ. Вся эта полоса имѣетъ въ основаніи гранитъ, который показывается въ обрывистыхъ берегахъ рѣкъ и рѣчекъ и проходитъ отъ м. Ямполя на востокъ, пересѣкаетъ р. Бугъ между Ольвіополемъ и Вознесенскомъ, и потомъ, близъ Никополя, р. Днѣпръ.

Все это гористое, возвышенное пространство ограничено—на сѣверо—западъ—ровнымъ плато, служащимъ раздѣльною чертою водъ, текущихъ въ Балтійское и Черное моря; на сѣверѣ Волынской и Кіевской губерній оно превращается въ плоскую равнину, почти сплошь поросшую лѣсами и называется *Полѣсьемъ*. Возвышенности оканчиваются и Полѣсье начинается по слѣдующей чертѣ: отъ м. Торчина на г. Луцкъ, м. Олыку, Клевань до Бронниковъ, по р. Горыню до м. Тучина, а оттуда чрезъ Новгородъ—Волынскій и, отдѣляя двѣ трети Радомысльскаго и третью часть Кіевскаго уѣздовъ, доходитъ до р. Днѣпра.

Отъ вышесказанной гранитной полосы мѣстность, постепенно понижаясь на югъ, доходитъ до береговъ Чернаго моря, образуя плодородныя степи, покрытыя черноземомъ.

Изъ этого обзора мѣстности отъ запада до Днѣпра, мы видимъ, что Карпатскій хребетъ составляетъ самую возвышенную часть края и пускаетъ отъ себя вѣтви короткія на югъ, длинную на сѣверъ, и

еще длиннѣйшую на востокъ и составляетъ, такимъ-образомъ, выпуклую часть, оканчивающуюся на юго-востокѣ берегами Чернаго моря, на сѣверо-востокѣ—болотистою равниною Полѣсья и на сѣверѣ равнинами Польши.

По лѣвой сторонѣ Днѣпра тянутся двѣ главныя возвышенности: одна идетъ изъ сѣверной части Курской губерніи на юго-западъ, на югъ и юго–востокъ и даетъ начала рѣкамъ: Окѣ, Соснѣ, Сейму и др; а другая, перерѣзавъ Днѣпръ между Екатеринославомъ и с. Знаменкою, идетъ сперва на востокъ, а потомъ на сѣверо–востокъ и составляетъ такимъ образомъ продолженіе гранитной полосы, о которой мы упоминали выше. Эти двѣ возвышенности нигдѣ не образуютъ горъ, но имѣютъ характеръ холмистый и только по берегамъ рѣкъ бываютъ круты. Вѣтви этихъ возвышенностей, проходя между рѣками Полтавской, Харьковской и Екатеринославской губерній, образуютъ какъ бы котловину къ лѣвому берегу Днѣпра между м. Лоевымъ, гг. Черниговомъ, Лубнами и Золотоношею. Полуостровъ Крымъ состоитъ изъ двухъ частей: горной и степной; большая дорога изъ Ѳеодосіи, чрезъ Симферополь, вь Севастополь служитъ чертою раздѣленія этихъ мѣстностей. Къ сѣверу отъ дороги есть холмы, но горъ не имѣется, къ югу же сплошь все горы. Эти горы суть продолженіе Кавказскихъ горъ. *Крымскія* горы, начинаясь на южномъ берегу полуострова отъ монастыря св. Георгія, тянутся по берегу на востокъ; первая часть ихъ до Біюкъ–Ламба—та носитъ названіе *Яйла*; далѣе, отъ Балаклавы, хребетъ, приближаясь къ Черному морю, отъ мыса Віолента до мыса Аія, образуетъ отвѣсные берега моря; отъ Аія–горы опять нѣсколько удаляются отъ южнаго берега, такъ–что гребень ихъ отдаленъ отъ одной до четырехъ верстъ.

Наиболѣе возвышенные пункты хребта суть: *Аи-петра*—3,661, *Чатыръ-Дагъ* — 5,047 и *Бабуганъ* — 5,117 футовъ. Отъ горы *Демерджи* горы удаляются отъ моря верстъ на десять и притомъ становятся все ниже и ниже, и подъ Ѳедосіею теряются въ степи. Южный склонъ горъ крутъ и скалистъ и, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, совершенно отвѣсенъ. На немъ примѣчательна гора *Аюдагъ;* она выдается далеко въ море, и, образуя мысъ, занимаетъ пространство въ три версты длиною и въ двѣ съ половиною шириною; высота ея равняется 1,918 футовъ. Оканчивая орографію страны, мы укажемъ на примѣчательныя высоты относительно поверхности Океана: *Черная гора* въ Карпатахъ, на границѣ Галиціи и Венгріи, 6,000 футовъ;

Гута, Красноставскаго уѣзда, Люблинской губерніи—1,095$^1/_2$ футовъ; *Кавенчинъ* Замойскаго уѣзда—1,088$^1/_2$ футовъ; *Бѣлозерскія* горы Волынской губерніи—1,120 футовъ; у деревни *Кривочинцы*, на границѣ Подольской и Волынской губерніи, 1,155 футовъ; при м. *Фельштинѣ* Подольской губерніи—1,159 фут.; *при с. Тучѣ*, Бердичевскаго уѣзда Кіевской губерніи—1,055$^1/_2$ фут. Г. *Кіевъ*, старый, 651$^1/_2$ фут. и гора *Крименецъ*, Харьковской губ., на берегу р. Донца—800 фут. Земля Черноморскаго, или Кубанскаго, козачьяго войска почти вся есть равнина, прорѣзанная небольшими рѣчками, имѣющими медленнное теченіе съ юго-востока на западъ; она ограничена съ юга р. Кубанью, которая имѣетъ берега весьма низменные, въ-особенности у своего устья.

Обратимся теперь къ описанію примѣчательныхъ равнинъ края, начиная съ запада.—Въ Царствѣ Польскомъ наибольшая равнина находится по обѣимъ сторонамъ р. Западнаго Буга. На лѣвомъ берегу этой рѣчки, она начинается отъ м. Опалина и тянется на юго-востокъ до Владиміра; длина ея—болѣе 80, а ширина отъ 7 до 30 верстъ. Въ Галиціи примѣчательна равнина, лежащая между городами Соколомъ и Бродами и идущая по юго-восточному направленію; она соединяется съ другою, идущею отъ г. Сокола на западъ до м. Любицы.

Въ Русскихъ предѣлахъ особенно замѣчательна равнина р. Припети, называемая *Полѣсьемъ*. Она занимаетъ страну плоскую, низменную, покрытую огромными болотами и дремучими лѣсами. Открытыя поля составляютъ исключенія; рѣка Припеть и ея притоки имѣютъ паденіе ничтожное и потому теченіе медленное, а берега плоскіе, неопредѣленные. Въ этой странѣ населеніе весьма скудное, сообщенія затруднительны, а во время весеннихъ разливовъ почти вездѣ прекращаются; такъ-что въ Минской и Волынской губерніяхъ нѣкоторыя селенія не имѣютъ между собою сообщенія по два и болѣе мѣсяца. Полѣсье имѣетъ въ длину до 450 верстъ, а въ ширину, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, болѣе 80-ти. Въ Подольской губерніи находится одна большая равнина, имѣющая въ длину 110, а въ ширину до 15-ти верстъ. Она начинается отъ м. Уланова, по лѣвому берегу р. Синеводы и Буга до с. Приборовки; Балтскій уѣздъ, какъ степной, также образуетъ равнину. Въ Кіевской губерніи, кромѣ Полѣсья, большая равнина находится около м. Бѣлой-Церкви, ограниченная съ юга р. Росью, съ запада — р. Красною, съ востока — берегомъ р. Стугны и съ сѣвера с.с. Пологи и Мозепицы. Длина равнины 80,

ширина 40 верстъ. Вся южная часть Херсонской губерніи, принадлежа къ разряду степей, есть вмѣстѣ съ тѣмъ и обширная равнина, перерѣзанная рѣками: Днѣстромъ, Бугомъ и Днѣпромъ, незначительными рѣчками и болотами. Черниговская губернія хотя сама по себѣ ровна, но—будучи покрыта большими лѣсами—имѣетъ не много равнинъ. Можно указать только на южные, степные уѣзды: Конотопскій, Борзеннскій, Нѣжинскій и частію Козелецкій, небольшія ровныя открытыя мѣста близъ г. Глухова и м. Воронежа, имѣющія каждое пространства около 130 квадр. верстъ. Сѣверные и восточные уѣзды Полтавской губерніи принадлежатъ къ степнымъ мѣстамъ, а потому тамъ находятся обширныя равнины.

Харьковская и Екатеринославская губерніи, почти безъ исключенія, составляютъ одну общую равнину, пересѣкаемую въ нѣкоторыхъ мѣстахъ холмами, рытвинами и рѣками, имѣющими крутые и пологіе берега.

О полуостровѣ Крымѣ мы уже говорили; сѣверная же часть Таврической губерніи представляетъ степь, кончающуся около Азовскаго моря и Сивашскаго залива частію песчаными, частію глинистыми солончаками. Кромѣ отроговъ возвышенностей, проходящихъ между рѣками, Землю Войска Донскаго можно назвать равниною открытою; исключеніе составляетъ Міускій округъ, который имѣетъ мѣстность волнообразную и возвышенную.

Рѣки южнорусскаго края принадлежатъ къ бассейнамъ водъ Балтійскаго и Чернаго морей. Балтійское море не входитъ въ предѣлы нашего края, а потому займемся описаніемъ только Чернаго съ его заливомъ — Азовскимъ моремъ. *Черное море*, есть море внутреннее, имѣющее исходъ на юго-западѣ, гдѣ посредствомъ Константинопольскаго пролива оно соединяется съ Средиземнымъ. Наибольшая длина его отъ запада къ востоку 1,060 верстъ; наибольшая ширина отъ Тилигульскаго лимана до устья р. Сакарты, на Анатолійскомъ берегу,—585 верстъ. Берега Чернаго моря вообще возвышены съ востока и юго-юго-запада, и низменны съ сѣверо-запада и сѣвера, а потому это море болѣе открыто для сѣверныхъ вѣтровъ. Море имѣетъ теченіе постоянное, отъ Керченскаго пролива, по сѣвернымъ берегамъ съ востока на западъ до Одессы, а оттуда на югъ въ проливъ, куда стремится и общее теченіе моря.

Черное море островов (кромѣ трехъ небольшихъ) не имѣетъ. Отмели находятся только на сѣверномъ берегу между устьемъ Дуная и Перекопскимъ перешейкомъ, а также въ Керченскомъ проливѣ; а

потому плаваніе около береговъ безопаснѣе, чѣмъ въ другихъ моряхъ. Самыя сильныя бури бываютъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ, при южныхъ и юго-западныхъ вѣтрахъ.

Море ежегодно замерзаетъ на мелководьи; порты же съ глубокою водою никогда не замерзаютъ. Вода въ Черномъ морѣ менѣе солона, чѣмъ въ Средиземномъ и болѣе солона, чѣмъ въ Балтійскомъ. Приливамъ и отливамъ Черное море не подвержено, за исключеніемъ тѣхъ приливовъ, которые происходятъ отъ постоянно и сильно дующихъ нѣсколько дней, съ одной стороны, вѣтровъ.

Главныя углубленія въ материкъ, на сѣверныхъ берегахъ моря, суть: *Азовское* море съ заливомъ *Сивашъ*, *Каркинитскій* заливъ, омывающій сѣверо-восточные берега Крымскаго полуострова и южный берегъ материка; западнѣе этого залива находятся другіе, образуемые лиманами рѣкъ: Днѣпра, Тилигула, Днѣстра и Кагульника. Берега Азовскаго моря вообще низменны, за исключеніемъ части южнаго берега отъ Казантинскаго мыса до входа въ Керченскій проливъ. *Сивашскій* заливъ, или *Гнилое* море, соединяется съ Азовскимъ посредствомъ Геническаго пролива, имѣетъ берега плоскіе и весьма извилистые. Длина этого моря, отъ устья р. Дона до Керченскаго пролива, равна 290, а ширина—212 верстамъ; наибольшая глубина 46 футовъ. Вода гораздо прѣснѣе воды Чернаго моря. Отъ Азовскаго моря Сивашъ отдѣляется узкою полосою земли, называемою Арабатскою косою. Проливъ имѣетъ только 45 саженъ ширины. На Сивашѣ находится множество полуострововъ, изъ которыхъ примѣчателенъ Чангаръ, соединенный съ Крымомъ посредствомъ постояннаго моста. Азовское море ежегодно замерзаетъ на полтора и два мѣсяца.

Керченскій проливъ, соединяющій Азовское море съ Чернымъ, имѣетъ фарватеръ длиною въ 40 верстъ, чрезвычайно извилистъ, съ нѣсколькими песчаными отмелями и каменистыми рифами,—что при малой глубинѣ (уменьшающейся иногда до $2^1/_4$ футовъ), дѣлаетъ плаваніе кораблей весьма затруднительнымъ. Теченіе пролива—съ сѣвера на югъ; но при южныхъ продолжительныхъ вѣтрахъ оно останавливается. Проливъ начинается отъ мыса Фанаря и кончается на югѣ м. Таклынскимъ, отъ котораго берега становятся возвышеннѣе, и тамъ, гдѣ къ нимъ примыкаютъ Крымскія горы, круты и скалисты. Для укрытія судовъ отъ бурь на полуостровѣ удобны слѣдующія углубленія: *Ѳеодосійскій* заливъ,—открытъ только южнымъ вѣтрамъ и, при твердомъ грунтѣ, способенъ для якорной стоянки; *Судакскій* рейдъ

удобенъ менѣе Ѳеодосійскаго, но хорошо защищенъ отъ сѣверныхъ вѣтровъ; *Ялтинскій* портъ неудобенъ, по причинѣ каменистаго грунта; *Балаклавская* гавань глубока, закрыта отъ всѣхъ вѣтровъ, но весьма узкій входъ (95 саженъ) представляетъ важное неудобство. На западномъ берегу Крыма въ–особенности замѣчательна *Севастопольская* бухта, длиною въ 6 верстъ, шириною до 400 саженъ; глубина бухты отъ 6 до 10 сажень при илистомъ грунтѣ. Эта бухта еще имѣетъ три небольшіе рукава, въ которыхъ суда совершенно защищены отъ западныхъ вѣтровъ, единственныхъ, волнующихъ главную Севастопольскую бухту. Послѣдняя на полуостровѣ гавань, *Эвпаторійская*, совсѣмъ неудобна для якорной стоянки по своей открытости.

Отъ Карканитскаго залива на западъ, берега Чернаго моря хотя и имѣютъ много углубленій въ материкъ, но устроить въ нихъ порты невозможно по мелководью. Отъ Перекопа до оконечности Кинбурнской косы море у береговъ мелко. Отъ этой же косы начинается обширный Днѣпровскій лиманъ, о которомъ, равно какъ и обо всѣхъ лиманахъ рѣкъ, впадающихъ въ Черное море, мы скажемъ при описаніи рѣкъ. Берега моря отъ устья Кагальника нигдѣ не превышаютъ 30-ти саженъ, какъ напримѣръ около Одессы; въ другихъ же мѣстахъ они почти въ уровень съ моремъ и образуютъ соленыя озера, какъ пространство на югъ отъ Одессы до устья Дуная. Городъ Одесса есть единственный портъ на этомъ пространствѣ; рейдъ Одесскій открытъ для восточныхъ, сѣверо и юго-восточныхъ вѣтровъ, покрывается въ большіе морозы льдомъ, и грунтъ его состоитъ изъ клейкаго ила. — Нѣкоторые писатели прославили Черное море, какъ опасное для плаванія кораблей; но это мнѣніе не совсѣмъ справедливо, потому–что на этомъ морѣ очень мало подводныхъ камней и рифовъ; песчаныя отмели всѣ извѣстны; бури бываютъ сильны только въ извѣстное время, т. е. въ концѣ осени, и для береговаго плаванія по берегамъ, какъ Чернаго, такъ и Азовскаго морей, устроено много маяковъ и другихъ знаковъ.

Рѣкъ, протекающихъ по странѣ, населенной южно-русскимъ народомъ и принадлежащихъ къ Балтійскому бассейну, весьма мало и всѣ онѣ суть притоки р. Вислы. *Санъ* вытекаетъ изъ горы Ширинки на сѣверъ до м. Дынова; потомъ поворачиваетъ на востокъ до г. Пржемысля, а оттуда, принявъ сѣверо-западное направленіе, впадаетъ въ Вислу между городами Завихостомъ и Сандомѣржемъ. Все теченіе простирается на 360 верстъ. Въ вершинѣ своей, Санъ

есть горный, быстрый потокъ и течетъ до Пржемысля въ узкой долинѣ и чрезвычайно извилисто до г. Ярослава, а отсюда по широкой долинѣ до своего впаденія въ Вислу. Судоходство по Сану начинается отъ Дубецка, но оно удобно только въ полноводье; внизъ спускается не болѣе 300 барокъ и 200 плотовъ. Изъ притоковъ Сана примѣчателенъ *Вислокъ*, впадающій въ него съ лѣвой стороны ниже г. Пршеворска. Съ правой стороны при м. Улановѣ, Санъ принимаетъ сплавную р. *Таневъ*. Санъ и Вислокъ протекаютъ по Галиціи, а Таневъ по Царству Польскому. Рѣка *Вепржъ* имѣетъ источники близъ м. Томашева, протекаетъ 243 версты,—сперва на сѣверъ и сѣверо-западъ, потомъ 60 верстъ на западъ, и вливается въ Вислу при кр. Иванъ-городѣ. Ширина ея, на 170 среднихъ верстахъ, до 20, у устья70 саженъ. Русло рѣки сжато берегами до Красностава, а далѣе долина ея шире и рѣка дѣлается судоходною. Кромѣ 40 различнаго рода переправъ, чрезъ р. Вепржъ, на шоссе, перекинутъ отличный *американской* постройки мостъ, при д. Косьмино.

Р. *Бугъ* (западный) получаетъ начало въ Галиціи, верстахъ въ 20 отъ г. Бродъ, изъ отрасли Карпатскихъ горъ, называемыхъ *Недоборжецъ*. До кр. Бреста-Литовскаго течетъ на сѣверъ, потомъ на сѣверо-западъ до сліянія съ р. Нуржецъ, потомъ поворачиваетъ на западъ и при м. Сероцкѣ сливается съ р. Наревомъ, гдѣ, принявъ наименованіе *Буго-Нарева*, впадаетъ въ Вислу при кр. Новогеоргіевскѣ. Длина его 676 верстъ, ширина средняго теченія отъ 15 до 20, а въ нижнемъ—до 100 саженъ. Долина Буга только въ верховьяхъ своихъ сжата между берегами; отъ г. Бродъ она уже расширяется и становится ровною, и въ немногихъ мѣстахъ пересѣкается холмами, какъ при Устилугѣ и Городло. Отъ впаденія же въ Бугъ рѣчки Кржны долина становится низменною и болотистою. На всемъ теченіи р. Буга до м. Грана (сѣверный предѣлъ южнорусскаго населенія) можно указать только на слѣдующія возвышенныя на рѣкѣ мѣста: при м. Крыловѣ, Влодавѣ, Славатычѣ, Коденѣ—на лѣвомъ, и при м. Гранѣ — на правомъ берегу рѣки. Переправъ чрезъ Бугъ весьма много; примѣчателенъ при Брестѣ висячій, чугунный мостъ, Р. Бугъ служитъ водянымъ сообщеніемъ Балтійскаго и Чернаго морей. Съ первымъ соединяется посредствомъ Августовскаго канала и р. Нѣмана, а также и посредствомъ Вислы; со вторымъ—посредствомъ Днѣпровско-Бугскаго канала и Днѣпра. До впаденія въ Бугъ Муховца, судоходству препятствуютъ мельницы и плотины, кото-

рыхъ, на указанномъ нами протяженіи, считается 52. Замѣчательные притоки Буга съ лѣвой стороны: *Ливецъ*, имѣетъ въ длину 98 верстъ и впадаетъ въ Бугъ въ Варшавской губерніи; *Кржна* или *Тржна*, длиною въ 88 верстъ; по ней весною сплавляютъ лѣсъ; *Гучва*, впадающая въ Бугъ ниже Грубешова, имѣетъ теченіе длиною въ 69 верстъ. Съ правой стороны, кромѣ судоходной р. *Муховца*, впадаютъ въ Бугъ двѣ сплавныя рѣки—*Неретва* и *Лугъ*.

Обратимся теперь къ описанію замѣчательнѣйшихъ рѣкъ, принадлежащихъ къ бассейну Чернаго моря. *Днѣстръ* имѣетъ источники въ $8^1/_2$ верстахъ отъ м. Турки и впадаетъ въ Черное море при Овидіополѣ, пробѣгая 1,550 верстъ,—одну треть изъ нихъ по Галиціи, а остальныя по русскимъ владѣніямъ. До м. Фельштина, въ видѣ горнаго потока, рѣка течетъ на сѣверъ, до с. Конюшки на сѣверо-востокъ, а оттуда по восточно-юго-восточному направленію до г. Ямполя, гдѣ поворачиваетъ на югъ до впаденія. Теченіе этой рѣки чрезвычайно извилисто, въ берегахъ крутыхъ, иногда возвышающихся до нѣсколькихъ сотъ футовъ. Сплавная до г. Самбора, она становится отъ него судоходною; но судоходство вообще весьма затруднительно, какъ по быстротѣ теченія, такъ и по причинѣ крутыхъ, на ней имѣющихся, поворотовъ. Поднимаются же по рѣкѣ суда на незначительное разстояніе отъ устья. При м. Ямполѣ на Днѣстрѣ находятся пороги, образовавшіеся отъ Карпатскаго гранитнаго отрога, пересѣкающаго рѣку въ этомъ мѣстѣ. Множество мелей, острововъ и полуострововъ составляютъ отличительный характеръ Днѣстра. Эти послѣдніе образуются отъ чрезвычайно изгибистаго теченія рѣки. Ширина ея весьма разнообразна: берега то съуживаются до 15, то расширяются до 200 саж. Въ Галиціи есть нѣсколько постоянныхъ мостовъ; въ русскихъ же предѣлахъ ни одного, и переправы производятся на паромахъ. Грунтъ рѣки каменистый и скалы иногда встрѣчаются на обоихъ берегахъ, какъ напримѣръ отъ Бамоса до Козлова. Выше р. Ягорлыка, Днѣстръ входитъ въ степь, и ширина его до лимана отъ 80 до 120 саженъ. Отъ г. Тирасполя долина рѣки расширяется, дѣлается болотистою и образуетъ на низменномъ берегу нѣсколько озеръ. Въ Днѣстрѣ полноводье бываетъ три раза каждое лѣто: весеннее, около Иванова дня, и около осенняго Іакова (Якуба). Днѣстровскій лиманъ имѣетъ въ длину 40, а въ ширину отъ 6 до 9 верстъ; отъ Чернаго моря лиманъ отдѣляется песчаною низменностію, соединяющею два противоположные берега узкою пересыпью. Въ обыкновенное время,

глубина его отъ $6^1/_2$ до 8 футовъ. Входъ въ лиманъ совершается съ моря двумя протоками и не затруднителенъ, потому что глубина протоковъ до 9 футовъ. Одинъ изъ важнѣйшихъ притоковъ Днѣстра въ Галиціи—*Стрый*, вытекаетъ съ вершины горы Пикуй и впадаетъ въ Днѣстръ съ правой стороны, при Жидачовѣ. Съ той же стороны Днѣстръ принимаетъ въ себя р. *Свинцу* и *Быстрицу*. Съ лѣвой стороны въ Днѣстръ впадаютъ, въ Галиціи: *Злота-Липа*, *Стрія*, *Середъ* и *Збручъ* или *Подгорца*; послѣдняя составляетъ пограничную черту австрійскихъ и русскихъ владѣній, протекаетъ 176 верстъ и вездѣ проходима въ бродъ, кромѣ тѣхъ мѣстъ, гдѣ устроены плотины, которыхъ на рѣкѣ весьма много; р. *Смотричъ* съ высокими и скалистыми берегами, длиною въ 143 вер.; р. *Ушица*, впадающая въ Днѣстръ при мѣстечкѣ того же имени, протекаетъ 105 верстъ; р. *Мурафа* течетъ въ глубокомъ, каменистомъ корытѣ на протяженіи 145 верстъ.

Между Днѣстромъ и Бугомъ въ Черное море впадаютъ: р. *Куяльникъ; Тилигулъ*, лиманъ коего имѣетъ до 40 верстъ длины и отъ 2-хъ до 4-хъ верстъ ширины, и *Аджалыкъ*, съ лиманомъ въ 10 верстъ длины. Р. *Бугъ* (*южный*) имѣетъ источникъ на сѣверо-западѣ отъ г. Проскурова, сперва течетъ на востокъ, а потомъ на юго-востокъ до впаденія своего въ Днѣпровскій лиманъ. Длина его около 600 вер., глубина въ нижнемъ теченіи до 28 фут. Бродовъ много въ верховьяхъ; на 200 же нижнихъ верстахъ бродовъ Бугъ не имѣетъ. Ширина его весьма разнообразна: при Вознесенскѣ 70 саженъ, а 40 верстъ ниже Николаева — до 975 саж. Берега его въ Подольской губерніи большею частію примыкаютъ къ руслу рѣки, ниже Ольвіополя возвышаются до 20 саж., круты и состоятъ изъ гранитныхъ скалъ. Въ этихъ же мѣстахъ находятся и пороги. Полноводье бываетъ только весною. Судоходство по Бугу производится отъ Вознесенска до устья. Примѣчательнѣйшіе притоки р. Буга суть: р. *Волкъ* и *Бужокъ* — двѣ болотистыя рѣчки; *Иква*, течетъ по ровной мѣстности, имѣетъ много прудовъ и заливныхъ озеръ; *Синевода* весьма быстрая въ полноводье; *Синюха* имѣетъ пороги и гранитные берега; *Ингулъ* имѣетъ начало близъ с. Сентона, теченіе его, въ 200 верстъ, съ сѣвера на югъ; ширина у устья до ста саженъ. Въ верховьяхъ рѣка имѣетъ быстрое теченіе, а при впаденіи въ Бугъ при Николаевѣ медленное. Между с. Христофоровкою и Балацкимъ, на рѣкѣ находится озеро, длиною въ 2, шириною въ $1^1/_2$ версты.

Р. *Днѣпръ* имѣетъ источники въ Бѣльскомъ уѣздѣ, Смоленской губерніи проходитъ чрезъ Могилевскую, Минскую, Черниговскую, Полтавскую, Кіевскую, Херсонскую и Екатеринославскую губерніи и имѣетъ всего протяженія около 2,000 верстъ. До г. Копыса, Днѣпръ течетъ въ тѣсныхъ и открытыхъ берегахъ, а оттуда долина расширяется отъ 1 до 6 верстъ; нагорные берега его большею частію круты, но противъ сліянія Припети берега плоски и покрыты лѣсами. Отъ Кіева до Кременчуга Днѣпръ усѣянъ песчаными отмелями, перемѣняющимися ежегодно. Около г. Черкассъ и Чигирина и с. Мошны видно прежнее русло Днѣпра. Отъ Кіева почти до самаго устья правый берегъ Днѣпра выше лѣваго. При впаденіи Самары лѣвый далеко отходитъ отъ русла. Ниже Екатеринослава оба берега составляютъ отвѣсныя высокія скалы (до 35 саж.), гдѣ рѣка пересѣчена порогами. Отъ Александровска лѣвый берегъ дѣлается низменнымъ и болотистымъ, а правый — нагорнымъ, доходитъ до р. Базавлука и потомъ понижается. Въ 12-ти верстахъ ниже Екатеринослава начинаются пороги, тянущіеся по Днѣпру на $65^1/_2$ верстъ. Пороговъ считается 13, но главнѣйшихъ, опасныхъ для судовъ, спускающихся по Днѣпру, 9-ть: 1) *Старокайдацкій*, на 150 саженяхъ имѣетъ паденія 8 футовъ. 2) *Сурскій*, при впаденіи р. Суры, имѣетъ двѣ каменныя поперечныя гряды; длина порога 120 саж., паденія 3 фут. 6 дюймовъ. Сурскій порогъ лежитъ отъ перваго въ 7 вер. 3) *Лоханскій*, одинъ изъ опаснѣйшихъ; на срединѣ три гранитныхъ острова. Онъ начинается въ полуверстѣ отъ Сурскаго и на 200 саж. длины имѣетъ паденія 86 ф. и 2 дюйм. 4) Въ разстояніи 5 верстъ, начинается порогъ *Звонецкій*, длиною во 125 саж., паденія 4 ф. 9 дюйм. 5) *Ненасытенскій*, самый опасный изъ всѣхъ Днѣпровскихъ пороговъ; онъ удаленъ на 6 верстъ отъ предъидущаго. Гряды подводныхъ и надводныхъ камней, косвенное съ одного берега на другой теченіе, и въ особенности одна пучина, называемая *адомъ*, при малѣйшей неосторожности въ управленіи и при боковомъ вѣтрѣ губятъ суда мгновенно. Длина порога 643 саж., паденія 24 саж. 3 дюйма. 6) Ниже на разстояніи 13 верстъ лежитъ *Волнинскій* порогъ, длиною въ 150 саж., паденія 5 ф. 7 дюймовъ. 7) *Будиловскій* въ 5 вер. отъ предъидущаго, длиною во 100 саж., паденіе 4 ф. 10 дюйм. 8) Въ 14 верстахъ отъ этого находится *Лишній* порогъ, длина его 150 саж., паденіе 3 фут. 5 дюйм. и 9) *Вильный* порогъ, чрезвычайно извилистый, проходитъ по гранитному грунту, со множествомъ острововъ

лежитъ въ $5^1/_2$ верстахъ отъ предъидущаго. Длина порога 450 саж., паденіе въ 1 саж. 11 дюймовъ. Паденіе всѣхъ же пороговъ, на разстояніи $65^1/_2$ верстъ, составляетъ 22 саж. и 1 фут. За порогами Днѣпръ принимаетъ медленное теченіе и далѣе образуетъ много рукавовъ. При устьяхъ Буга и Днѣпра находится *Днѣпровскій лиманъ*, имѣющій въ длину съ востока на западъ 60 верстъ, а въ самомъ широкомъ мѣстѣ 15 верстъ, съуживаясь у моря до 5-ти. Вдоль обоихъ береговъ тянутся мели, между которыми три прохода въ море, отъ 25 до 45 футовъ глубиною. Фарватеръ расчищенъ до 140 саженъ ширины и до 22 футовъ глубины. Днѣпръ вливается въ лиманъ шестью рукавами, или гирлами, изъ коихъ *Бѣлогрудовскій* считается для судоходства лучшимъ. Говоря вообще о судоходствѣ Днѣпра, нельзя назвать его удовлетворительнымъ, по причинѣ отмелей перемѣняющагося русла рѣки и описанныхъ выше пороговъ. Постоянное же судоходство существуетъ внизъ и вверхъ по рѣкѣ, отъ Кременчуга до Шклова, и отъ моря до Херсона и нѣсколько выше. Сверху же внизъ по теченію, пользуясь весеннимъ полноводьемъ, суда ходятъ отъ г. Дорогобужа до самаго моря. Изъ притоковъ Днѣпра мы укажемъ только на примѣчательнѣйшіе, протекающіе по странѣ, населенной Украинцами.

Съ правой стороны, Днѣпръ принимаетъ *Березину*, имѣющую источники въ м. Докшицахъ Минской губерніи; она протекаетъ по этой губерніи 310 верстъ, а по Могилевской только 4 версты и при г. Рогачевѣ сливается съ Днѣпромъ. Березина входитъ въ составъ водянаго сообщенія, соединяющаго Днѣпръ съ Западною Двиною, посредствомъ *Березинскаго* канала, (прокопаннаго на $7^3/_4$ верстахъ) между озерами *Плавіо* и *Берештою;* изъ Плавіо въ озеро Манецъ, а оттуда въ р. Сергутъ — притокъ Березины, изъ Берешты въ р. Берешту, потомъ въ Эссу, въ Лепельское озеро и оттуда въ р. Уллу, впадающую въ Двину. Рѣка *Припять* (Припеть) вытекаетъ изъ болотъ и озеръ близъ м. Шацка и направляется на востокъ до г. Мозыря 360 в., потомъ на юго-востокъ до впаденія въ Днѣпръ (120 верстъ). Припеть получаетъ свое названіе при соединеніи рѣкъ: Пины, Ясельды и Стыри, откуда она становится судоходною. Берега ея низменны, неопредѣленны, болотисты и покрыты лѣсами и кустарниками. Глубина ея лѣтомъ отъ 5 до 10 фут. Весною разливается рѣка на значительное пространство, въ иныхъ мѣстахъ до 20 верстъ. Единственное исключеніе въ низменности береговъ составляетъ правый

берегъ около г. Мозыря, который возвышенъ и скалистъ. Теченіе рѣки весьма медлѐнно, и во время полноводья, для указанія пути судамъ, надобно фарватеръ обозначать вѣхами. Припеть также входитъ въ составъ водянаго сообщенія, соединяющаго Днѣпръ съ Вислою и Нѣманомъ. Съ Вислою Припеть соединяется посредствомъ Днѣпровско-Бугскаго (Королевскаго) канала, проведеннаго между р. Пиною (притокъ Припети) и р. Мухавцемъ (притокъ Буга). Изъ Припети въ Нѣманъ суда поднимаются по Ясѐльдѣ, Огинскому каналу въ р. Щару, которая впадаетъ въ Нѣманъ. Съ правой, т. е. съ южной стороны, въ Припеть впадаютъ слѣдующія рѣки: *Стырь*, начало которой въ Галиціи, протекаетъ 425 верстъ; ширина отъ 15 до 30 саж.; нижнее же теченіе во всемъ подобно р. Припети; а южнѣе есть берега возвышенные и крутые, какъ напримѣръ, между с. Вербяевымъ и Мстишиномъ. Общее паденіе рѣки отъ 4 до 6 дюймовъ на версту. Хотя рѣка Стырь считается сплавною, но по ней, при небольшомъ исправленіи бичевника и нѣкоторыхъ отмелей, могли бы суда подниматься и вверхъ по теченію. Р. *Иква*, притокъ Стыри съ правой стороны, длиною 150 верстъ; по ней сплавляются плоты. *Горынь* имѣетъ источники на югѣ Волынской губерніи, судоходна на 537 верстъ. *Случъ* вытекаетъ изъ Староконстантиновскаго уѣзда и, пройдя 400 верстъ, впадаетъ въ Горынь. По Случу весною сплавляются внизъ плоты. *Стоходъ* — болотистая рѣка, притокъ Припети. *Тетеревъ*, источники котораго около м. Янушполя, вливается въ Днѣпръ близь с. Пилявы. По рѣкѣ этой сплавляется внизъ болѣе 800 плотовъ. Р. *Рось* течетъ изъ Бердичевскаго уѣзда весьма быстро, имѣетъ утесистые берега. Эта рѣка несудоходна, но, по обилію воды, на ней много устроено мельницъ и вододѣйствующихъ фабрикъ. *Тясминъ* впадаетъ въ Днѣпръ при Новогеоргіевскѣ; это довольно быстрая рѣка во время весеннихъ разливовъ. *Ингулецъ* беретъ начало изъ мѣстности Александрійскаго уѣзда (Херс. губ.), называемой *Чернымъ лѣсомъ* и верстахъ въ 15 отъ Херсона вливается въ Днѣпръ. Правый берегъ рѣки этой крутъ, обрывистъ и во многихъ мѣстахъ каменистъ, а лѣвый — отлогій; при устьи оба берега низменны, болотисты и поросли камышемъ. Ингулецъ имѣетъ въ длину 320 вер. а ширины 30 саженъ; онъ не судоходенъ, по причинѣ запрудъ.

По лѣвую сторону въ Днѣпръ вливаются: *Сожь*, вытекаетъ изъ Смоленской губерніи и впадаетъ въ Днѣпръ у м. Лоева, на границѣ Могилевской, Черниговской и Минской губерній. Длина ея болѣе 300

верстъ; ширина въ нижнемъ теченіи до 40, а глубина отъ г. Чирикова внизъ — до 2 саж. Долина рѣки широкая, въ иныхъ мѣстахъ до 4-хъ верстъ и весною затопляется; берега круты и возвышены, правый выше лѣваго. *Сожь* становится сплавною отъ м. Кричева, а ниже — и судоходна. *Десна* имѣетъ источники въ Ельнинскомъ уѣздѣ Смоленской губерніи и сливается съ Днѣпромъ въ 10 верстахъ выше Кіева. Въ обыкновенное время ширина ея отъ 12 до 70 саж. Берега Десны вообще пологи, крутые встрѣчаются рѣдко; правый господствуетъ надъ лѣвымъ. Судоходною рѣка становится отъ г. Брянска, вверхъ же по Деснѣ ходитъ только небольшое число судовъ съ солью. Важный притокъ Десны — *Сеймъ* — имѣетъ нѣсколько шлюзовъ, посредствомъ которыхъ нѣсколько десятковъ судовъ спускается внизъ по рѣкѣ. *Трубежъ* сливается съ Днѣпромъ близъ Переяславля. Р. *Сула* имѣетъ начало въ Харьковской губерніи и вливается въ Днѣпръ при м. Чигринъ-Дуброва; Сула течетъ по широкой долинѣ. *Псёлъ* выходитъ изъ Курской губ., имѣетъ большею частію возвышенные и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ каменистые берега; рѣка могла бы быть судоходною по причинѣ глубины ея — отъ 2 до 3-хъ саж. Псёлъ извѣстенъ своею живописностью. *Ворскла* впадаетъ въ Днѣпръ близъ м. Переволочны; правый берегъ ея возвышенъ, иногда обрывистъ, лѣвый — пологій; глубина отъ 4-хъ футовъ до 2-хъ саж. *Орель*, составляющая границу Полтавской и Екатеринославской губерній и впадаетъ въ Днѣпръ при м. Орликѣ, гдѣ берега рѣки усѣяны гранитными отломками. Р. *Самара* вытекаетъ изъ Харьковской губерніи въ Изюмскомъ уѣздѣ, впадаетъ въ Днѣпръ при с. Михайловкѣ и м. Игрени, противъ Екатеринослава, имѣя въ длину 200 вер. Правый берегъ рѣки почти вездѣ выше лѣваго, но лѣвый круче; въ верхнемъ теченіи берега пологи. Глубина рѣки отъ 1 аршина до 4 саж., ширина доходитъ до 100 саж. Самара судоходна на незначительномъ разстояніи. Притокъ Самары — р. *Волчья* — не уступаетъ ей въ протяженіи; на ней устроено много мельницъ. Р. *Конская* или *Конка* замѣчательна медленнымъ теченіемъ, въ-особенности въ нижнихъ частяхъ; длина ея 160 верстъ. Рѣка *Молочная*, впадающая въ озеро Молочное, съ притокомъ Токмакомъ, маловодная рѣка, хотя теченіе ея простирается на 120 верстъ.

Въ Азовское море впадаютъ: р. *Кальміусъ*; беретъ начало въ с. Яковлевкѣ, Бахмутскаго уѣзда, течетъ на протяженіи 150 верстъ и впадаетъ въ море при г. Маріуполѣ; судоходенъ только на 6 верстъ отъ устья. Р. *Міусъ* при впаденіи своемъ въ море образуетъ лиманъ, имѣющій до

30 верстъ длины и до 3 верстъ ширины. Р. *Донъ* вытекаетъ въ Тульской губерніи изъ Ивановскаго озера и проходитъ Рязанскую, Тамбовскую и Воронежскую губерніи и Землю Войска Донскаго и впадаетъ въ море при г. Азовѣ. Длина Дона около 1,500 верстъ. При входѣ въ Донскую Землю онъ имѣетъ ширины 100 саженъ, а при устьѣ 260; глубина не превышаетъ 10 саженъ. Въ полноводье Донъ вполнѣ судоходенъ отъ впаденія въ него Воронежа и выше. На рѣкѣ, впрочемъ, много отмелей, которыя измѣняютъ ежегодно свое положеніе. Донъ соединяется съ моремъ 30 рукавами (гирлами); изъ нихъ только по тремъ проходятъ суда: по *Мертвому Донцу*, *Каланчѣ* и *Донскому-гирлу*; еще слѣдуетъ указать на рукавъ *Южный Аксай*, который служитъ сообщеніемъ Ново-Черкаска съ Дономъ. За исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстъ, правые берега рѣки выше лѣвыхъ. Съ лѣвой стороны Донъ принимаетъ въ себя: р. *Воронежъ*, вытекающую изъ Рязанской губерніи и впадающую въ Донъ ниже г. Воронежа въ 16 верстахъ. Въ Тамбовской губерніи эта рѣка плавная, въ Воронежской же судоходна. *Битюгъ*, имѣетъ протяженіе до 200 верстъ, ширина отъ 5 до 10 саженъ; рѣка проходитъ чрезъ *Черкаское* озеро. Р. *Хоперъ*, имѣетъ источники на границѣ Пензенской и Саратовской губерніи; всего теченія имѣетъ до 500 верстъ; сплавъ на немъ бываетъ только весною. *Медвѣдица* беретъ начало въ Саратовской губерніи и впадаетъ въ Донъ у Спасова монастыря. Теченіе рѣки медленное, берега возвышенные, судоходство бываетъ по низовьямъ весною. *Иловля* весьма излучиста и мелководна. *Манычъ* сливается съ Дономъ при Манычской станицѣ. Составленная изъ непрерывнаго почти ряда озеръ, рѣка имѣетъ теченіе только при устьѣ, а потому предположеніе о соединеніи Азовскаго съ Кайспійскомъ моремъ не только возможно посредствомъ Маныча, но и не потребуетъ большихъ издержекъ. Съ правой стороны Донъ имѣетъ слѣдующіе притоки: въ верховьяхъ можно указать только на сплавную рѣку *Сосну*; на Землѣ же Войска Донскаго, Донъ принимаетъ въ себя р. *Сѣверный Донецъ*, который беретъ начало въ Карачевскомъ уѣздѣ Курской губерніи и впадаетъ въ Донъ при Кочетовской станицѣ. Имѣя глубину не менѣе $3^1/_2$ футовъ, Донецъ могъ бы быть судоходенъ на протяженіи болѣе 500 верстъ. Берега во многихъ мѣстахъ скалисты, возвышаются надъ уровнемъ воды отъ 10 до 20 саженъ, вообще же правый берегъ выше лѣваго, который въ иныхъ мѣстахъ имѣетъ низменныя пространства. Судоходству по рѣкѣ препятствуютъ устроенные въ верхнихъ и среднихъ частяхъ ея плотины и запруды. Впрочемъ, въ Изюмѣ строятся суда и спускаются внизъ до Ростова

Важнѣйшій притокъ Донца—р. *Осколъ* вытекаетъ изъ Тимскаго уѣзда, Курской губерніи и сливается съ Донцомъ въ 12 верстахъ отъ Изюма.

Всѣ рѣки Земли Черноморскаго войска берутъ начало на юго-востокѣ, не далеко отъ р. *Кубани* и впадаютъ въ Азовское море. Медленное теченіе рѣкъ, какъ напримѣръ—*Челбаса*, *Бейсука* и *Заразной*, есть главное ихъ отличіе, а судоходство, по малой промышленности края, почти не существуетъ. Р. *Кубань*, составляя южную границу Земли Черноморскаго войска, имѣетъ источники на горѣ Эльбрусъ и соединяется многими рукавами съ Азовскимъ моремъ. На востокѣ Черноморской земли Кубань имѣетъ правый берегъ возвышенный, при устьѣ же оба берега низменны, покрыты болотами и камышемъ.

Рѣки Таврическаго полуострова весьма не велики. Укажемъ ихъ: *Салгиръ*, источникъ котораго у подошвы Чатыръ-Дага, а устье близъ деревни Шимкой, гдѣ онъ впадаетъ въ Сивашъ. Длина его 140 верстъ, но лѣтомъ, въ верховьяхъ, Салгиръ на пересыхаетъ. Принявъ въ себя р. *Біюкъ-карасу*, Салгиръ изъ горъ вступаетъ въ степь, гдѣ также на нёмъ много бродовъ. Рѣки *Алма, Кача* и *Бельбекъ* или *Кабарта* вытекаютъ изъ хребта Яйлы и текутъ сперва на сѣверъ, потомъ поворачиваютъ на западъ и впадаютъ въ Черное море,—первая у мыса Лукулъ, третья у Севастопольской бухты, а вторая между устьями Алмы и Белбека.

Подробное разсмотрѣніе теченія показываетъ, что почти всѣ рѣки, лежащія на западъ отъ Днѣпра, въ верховьяхъ своихъ имѣютъ направленіе или съ юга на сѣверъ, или съ запада на востокъ и, небольшая часть — съ востока на западъ; а потому эти рѣки, описывая дугу, всѣ склоняются на югъ и впадаютъ въ Черное море. Такое положеніе рѣкъ никакъ нельзя приписать какому либо геологическому перевороту, а скорѣе общему склону Карпатскихъ отроговъ, которые въ Галиціи имѣютъ покатость на сѣверъ, на границахъ владѣній Прусскихъ и Австрійскихъ—на сѣверо-востокъ и востокъ, и потомъ общая, почти ровная, покатость степной полосы имѣетъ склонъ на югъ. По лѣвую сторону Днѣпра текущія рѣки, почти безъ исключенія, имѣютъ правые берега выше лѣвыхъ.

Значительныхъ *озеръ* въ Ю.—русскомъ краѣ нѣтъ; въ Галиціи на всѣхъ рѣкахъ дѣлаются запруды, въ которыхъ сберегается рѣчная рыба для употребленія. Въ сѣверной части Люблинской губерніи много небольшихъ озеръ, но они не заслуживаютъ вниманія, потому что самое большое изъ нихъ—*Ставъ Вельско-Семенскій* въ ширину не имѣетъ и $1^1/_2$ еврсты, при длинѣ въ $5^1/_2$ верстъ. На долинѣ р. Припети число озеръ,

значительно; изъ нихъ, бо́льшія по пространству суть: *Князь* или *Жидъ*, Мозырскаго уѣзда, *Погоское* Пинскаго уѣза, *Свитязькое* и *Пулемецкое* Волынской губерніи. Въ нагорной полосѣ Волынской, Подольской, Кіевской и Херсонской губерній озеръ совсѣмъ нѣтъ, но зато на каждой рѣкѣ встрѣчаются запруды, какъ для вододѣйствующихъ фабрикъ и мельницъ, такъ и для храненія рыбы. По долинѣ Днѣпра, на тѣхъ мѣстахъ, которыя заливаются водою, находятся озера, но какъ они ежегодно измѣняются, то многія изъ нихъ не имѣютъ даже названій. Въ долинѣ же нижняго Днѣпра, постоянныя заливныя озера, хотя и имѣютъ названія, но по малости своей не заслуживаютъ вниманія. Озера, составляющія богатство страны, суть соленыя: они снабжаютъ солью даже сѣверныя мѣстности Южнорусскаго края. *Тузла* отдѣляется отъ Чернаго моря пересыпью; *Аджиполь* или *Горькое*; оба находятся въ Одесскомъ уѣздѣ. Озеро *Лонго*, въ г. Новомиргородѣ, съ соленою минеральною водою. Въ Таврической губерніи наибольшее число озеръ; изъ нихъ примѣчательны: *Молочное*, длиною въ 30, шириною отъ 6 до 8 верстъ; вода въ немъ мало–солона. *Бердянское*, образуемое р. Бердою, какъ лиманъ ея; имѣетъ длины 8, ширины до 3 верстъ. По Кинбургской косѣ раскинуто до 180 озеръ. Семь озеръ находится въ Мелитопольскомъ уѣздѣ, четыре въ Днѣпровскомъ; изъ всѣхъ добывается поваренная соль. Близъ Геническаго пролива два соленыя озера: *Геническое* и *Аверьячівское*. Въ Перекопской дистанціи: *Старое* озеро имѣетъ въ окружности болѣе 14 верстъ; въ немъ добывается отличная соль. *Красное* озеро, въ окружности до 33 верстъ, даетъ соли около трехъ милліоновъ пудовъ. По бѣлизнѣ и легкости лучшая соль добывается изъ *Кіятскаго* озера. Во внутреннихъ губерніяхъ: Черниговской, Полтавской и Харьковской находятся небольшія озера; но можно упомянуть только объ озерѣ *Лиманъ* (Зміевскаго уѣзда, Харьковской губ.), имѣющемъ въ длину 7, а въ ширину 3 версты; вода въ немъ горько-солонцеватая, и объ *Моисѣевскомъ* (въ Зѣньковскомъ уѣздѣ, Полтавской губ.), которое постоянно увеличивается. Въ Землѣ Войска Донскаго всѣ озера лежатъ на заливныхъ долинахъ большихъ рѣкъ; ихъ считается болѣе тысячи, но они не важны ни по обширности, ни въ промышленвомъ отношеніи ([1]).

(*Продолженіе впредь*).

---

(1) **Названія мѣстностей, въ этой статьѣ, бо́льшею частію, не народныя. Мы были бы весьма благодарны за сообщеніе въ «Основу» мѣстныхъ названій, — чего мы прежде всего ожидаемъ отъ людей, живущихъ въ окрестностяхъ упомянутыхъ мѣстъ.**

ОБЪЯСНЕНІЕ КЪ РИСУНКАМЪ «ЖИВОПИСНОЙ УКРАИНЫ».

II.

Рисунокъ IV — представляетъ *бабу́сю въ намиткѣ и свиткѣ*; гравированъ мною съ рисунка И. И. Соколова, который снялъ его съ натуры, въ селѣ Вереміевкѣ, Полтавской губерніи. Свитка-бѣлая, сапоги—двухъ цвѣтовъ: голенища—желтыя, а низъ—черный. Тамъ, гдѣ носятъ цвѣтные сапоги, почти всегда—у старухъ сапоги желтые, а у дѣвушекъ—красные.

Кому не извѣстны украинскіе *бандуристы*, *кобзари*? Кто не видѣлъ ихъ, живя въ Малороссіи? Эти поэтическія личности, бродящія по свѣту—прямые наслѣдники Бояновъ и Гомеровъ,—это воплощенная дума — пѣснь и исторія народа. Самое достойное и поэтическое мѣсто въ народной украинской жизни принадлежитъ бандуристамъ. Они одушевляютъ своей игрой сходку, свадьбу, ярмарку; разгоняютъ *тугу* зажурившагося *діда*, учатъ молодое поколѣніе старинѣ и внушаютъ любовь къ тѣмъ могучимъ руинамъ, которыя заростаютъ мхомъ и пшеницей.—Мнѣ попадались бандуристы двухъ родовъ:—у однихъ преобладала печаль, доброта, мягкость,—въ другихъ я встрѣчалъ крутой нравъ, жесткую, суровую рѣчь. Тѣ, которые думаютъ, что узнали кобзарей наблюдая ихъ только на улицѣ, знаютъ ихъ мало, хотя и больше тѣхъ, которые иногда заставляютъ спѣть бандуриста за деньги. Чтобъ имѣть понятіе о бандуристѣ болѣе полное, надо съ нимъ познакомиться ближе, пріобрѣсть довѣріе его, сдружиться съ нимъ. Образъ жизни имѣетъ на нихъ, какъ и на каждаго, сильное вліяніе. Вліяніе это не только внутреннее, но и внѣшнее: рѣчь бандуриста не та, что́ у простаго селянина; руки его можно отличить межъ сотней пахарскихъ рукъ; игра развила ихъ и онѣ деликатны, тогда какъ пахарю плугъ натеръ мозо-

ли. Часто, во-время пѣнія, выраженіе кобзаря бываетъ вдохновенно, нѣжно; ему знакома трудовая жизнь и вся поэзія народа; онъ знаетъ цѣну поэзіи; она его кормитъ, она ему и мила и доходна.

Я никогда не могъ равнодушно слушать бандуристовъ: они сразу были мнѣ по сердцу и я полюбилъ ихъ съ ихъ рубищемъ, съ ихъ слѣпотой, съ ихъ бродячей пѣснью. Въ первый разъ мнѣ случилось видѣть и слышать бандуриста въ мѣстечкѣ *Се́дневѣ*, Черниговскаго уѣзда. Слѣпой, онъ шелъ на ярмарку; я остановилъ его на перепутьи, чтобъ его послушать,—зазвалъ къ себѣ и начертилъ его портретъ, какъ могъ. Выраженіе его лица особенно меня удивляло своею вдохновенностью и идеальностью.—Прилагаемый рисунокъ (Ѵ) представляетъ именно этого бандуриста, съ поводиремъ, у меня въ комнатѣ.

Левъ Жемчужниковъ.

ПРИГЛАШЕНІЕ ([1])

(отъ директора Земледѣльческой Школы и редактора журнала «Сельское Хозяйство»).

Два года тому назадъ былъ изданъ мною «Ботаническій Словарь» или собраніе названій, какъ русскихъ, такъ и многихъ иностранныхъ растеній на языкахъ латинскомъ, русскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ и другихъ, употребляемыхъ различными инородцами, живущими въ различныхъ мѣстахъ Россіи.

Первоначальною цѣлію этого труда, изданнаго первымъ изданіемъ

([1]) Съ особеннымъ удовольствіемъ помѣщаемъ *Приглашеніе* автора извѣстнано *Ботаническаго Словаря, Н. Ив. Аннекова*, въ «Основѣ», гдѣ было уже указано на важность изученія народной ботаники (*О естествознаніи на Русскомъ Югѣ. Основа, февраль*), и душевно желаемъ, чтобы новое обращеніе къ просвѣщенному содѣйствію нашихъ читателей и читательницъ увѣнчалось успѣхомъ. *Приглашеніе* придетъ на Югъ во время собиранія ягодъ, грибовъ, травъ, хлѣбовъ и проч., — когда грамотные чаще обыкновеннаго сходятся съ простымъ народомъ, — когда самъ-собою открывается сподручный, богатѣйшій источникъ народныхъ преданій, опытовъ, наблюденій, повѣрій, примѣтъ и названій, относящихся къ растительному міру. — Разные обычаи, которыми сопровождаются лѣтніе сельскіе праздники, украшеніе жилищъ травами и цвѣтами, лекарственные запасы, и т. д. представляютъ удобный случай для собиранія матеріяловъ народной ботаники.—Вспомнимъ, при этомъ, охотниковъ, рыбаковъ, пастуховъ, красильщиковъ, маляровъ, бабокъ, костоправовъ, знахарей и знахарокъ, отъ которыхъ также можно добыть драгоцѣнныя для ботаники и этнографіи свѣдѣнія. — Занятіе, къ которому мы приглашаемъ всѣхъ, чрезвычайно пріятно, вовсе не трудно и неизмѣримо-полезно: знакомство съ внутреннею жизнью народа, съ его вѣковымъ опытомъ, своеобразными вѣрованіями и понятіями, открываетъ намъ новый міръ, котораго мы, не смотря на такое близкое сосѣдство, и не подозрѣвали... Знаменитый Мишле́ говоритъ, что «польза, поучительность, пріобрѣтаемая нами отъ разумнаго сближенія съ народомъ, равняется той, которую доставляетъ намъ знакомство генія». Мы, грамотные до-сихъ-поръ еще, ксожалѣнію, не привыкли та́къ думать. *Ред.*

подъ именемъ: «Простонародныя названія русскихъ растеній», было желаніе доставить возможность понять русскія мѣстныя названія и опредѣлить ихъ латинское наименованіе. При второмъ изданіи, значеніе это было расширено и Ботаническому Словарю было дано уже назначеніе болѣе обширное—служить вообще пособіемъ при чтеніи сочиненій о растеніяхъ, будутъ ли онѣ писаны по русски, французски, нѣмецки или латински. Трудъ этотъ состоитъ нынѣ изъ списка латинскихъ названій растеній въ алфавитномъ порядкѣ. Латинскія названія приняты самыя общеупотребительныя при настоящемъ состояніи науки. При каждомъ названіи растенія, приведены его русскія мѣстныя, простонародныя, названія съ указаніемъ мѣстностей, въ которыхъ употребительны они, имени лица, сообщившаго ихъ, или сочиненія, въ которомъ они обнародованы. Далѣе, приведены французскія и нѣмецкія названія этого растенія, заимствованныя изъ лучшихъ ботаническихъ сочиненій и, наконецъ, названія на языкахъ различныхъ инородцевъ, живущихъ въ Россіи, какъ-то: татаръ, финновъ, мордвы, черемисъ, чувашъ, эстоновъ, остяковъ, вотяковъ, тунгузовъ, армянъ, грузинъ и т. д.

Кромѣ того, приведены фармацевтическія названія растеній врачебныхъ и главнѣйшая синонимія растеній, получившихъ въ послѣднее время, въ наукѣ, новыя названія.

Со времени изданія этого словаря, я имѣлъ случай собрать еще множество новыхъ матеріаловъ, которые увеличиваютъ сумму изданныхъ названій, можетъ-быть вдвое, но тѣмъ-не-менѣе я совершенно далекъ отъ мысли, что мною исчерпано все. Зная по опыту, что пополненія подобнаго рода изданія совершаются медленно и только при содѣйствіи многихъ сотрудниковъ, проживающихъ въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи,—я обращаюсь ко всѣмъ просвѣщеннымъ читателямъ журнала «Основы» съ моей покорнѣйшей просьбой—оказать содѣйствіе къ возможному пополненію изданнаго мною Ботаническаго Словаря сообщеніемъ:

1) всѣхъ мѣстныхъ простонародныхъ названій растеній, на какомъ бы то ни было нарѣчіи, съ указаніемъ, если возможно, свойствъ, употребленія растеній и, вообще, тѣхъ данныхъ, которыя заставили простолюдина обратить вниманіе на растеніе и дать ему имя. Вмѣстѣ съ тѣмъ, прошу сообщить существующій выговоръ названія принятыми знаками ударенія;

2) всѣхъ названій на языкахъ различныхъ народовъ, живущихъ

въ Россіи. На эту просьбу прошу обратить особенное вниманіе. Большая часть нашихъ иноплеменниковъ, особенно тѣхъ, которые живутъ въ Сибири, на Кавказѣ и Восточной Россіи, находясь вдали отъ сношенія съ другими народами, и не будучи знакомы съ научной стороной цивилизаціи, естественнымъ-образомъ должны обратиться къ природѣ для отысканія въ ней удовлетворенія своихъ нуждъ въ практической жизни, и путемъ опыта и наблюденія изучить пользу или вредъ различныхъ растеній. Отъ этого, собраніе названій растеній, даваемыхъ этими народами, имѣетъ для насъ интересъ изслѣдованія; и я покорнѣйше прошу—вмѣстѣ съ названіемъ растенія сообщить, буде возможно, значеніе этого названія по-русски, не говоря уже, что знаніе свойствъ и употребленія этихъ растеній, у различныхъ туземцевъ, было бы въ высшей степени любопытно. Здѣсь также прошу обратить вниманіе на способъ выговариванія инородческихъ названій;

3) указанія на неправильности и ошибки, вкравшіяся въ нынѣ изданное сочиненіе.

4) Имѣя въ виду—въ слѣдующее изданіе Ботаническаго Словаря ввести названія отдѣльныхъ частей растенія, я при этомъ покорнѣйше прошу обратить вниманіе на существующія простонародныя названія этихъ частей, которыя, вѣроятно, не всегда одинаковы въ различныхъ мѣстностяхъ и, что́ всего замѣчательнѣе, вѣроятно, не всегда совпадаютъ съ названіями, принятыми въ наукѣ. Это вопросъ тоже важный. Мы говоримъ — вѣнчикъ, чашечка, прицвѣтникъ и т. д., а народъ, можетъ-быть, называетъ эти части иначе.

5) Всѣ другія свѣдѣнія и пополненія будутъ приняты съ особенной благодарностью.

Всѣхъ, желающихъ оказать мнѣ услугу сообщеніемъ просимыхъ мною свѣдѣній, я покорнѣйше прошу адресовать свои письма по слѣдующему адресу: *въ Москву, въ домъ Земледѣльческой школы, Николаю Ивановичу Анненкову.*

Вслучаѣ затрудненія, ка́къ назвать по-латыни то́ растеніе, котораго извѣстно мѣстное, простонародное, русское или инородческое, названіе, я прошу присылать мнѣ экземпляры самого растенія въ засушенномъ видѣ. Всѣ издержки переписки и пересылки я съ удовольствіемъ принимаю на свой счетъ, высоко цѣня одно участіе къ общеполезному дѣлу.

Н. Анненковъ.

ВІСТІ.

Изъ г. Ромна (Полт. губ).

(*3 марта, 1861*).

Маслянская роменская ярмака. Маслянская ярмарка, по результамъ своимъ, плоха. Обыкновенно, эта ярмарка всегда начиналась съ 15 февраля и длилась до 1 марта, а теперь, до 22 числа, не было покупателей и, начавшись съ 22, она все таки кончилась 1 марта. Покупателей было немного, покупали мало, сбираясь на плохую торговлю по городамъ, да притомъ, по случаю дурного пути очень до́роги были провозы.—Казалось бы, послѣ Крещенской (въ Харьковѣ) и контрактовъ (въ Кіевѣ), гдѣ торговали очень хорошо, слѣдовало ожидать и здѣсь хорошей торговли, но вышло совершенно иначе: въ Крещенской ярмаркѣ рѣдкій изъ торговцевъ былъ *недоволенъ* ярмаркой, а въ Маслянской рѣдкій *доволенъ*; — мануфактурщики торговалиплохо, еврейскій рядъ (галантерейный) тоже; бакалейщики и сахарники, которыхъ здѣсь было не много, тоже крѣпко жалуются.

Касательно Украинскихъ товаровъ сообщаю вамъ слѣдующее:

Воску здѣсь было до 2000 пуд.; въ началѣ ярмарки, цѣна была 22 р. 75 коп.; потомъ, по причинѣ неудобной и дорогой отправки, упала до 22 рублей.

Щетины было до 4000 пуд., цѣна—Слободской отъ 16 до 20 рублей, Рашевской—отъ 22 до 23 рублей.

Перо мелкое—$4^1/_2$ рубля за пудъ.

Пухъ—16 рублей за пудъ.

Грива—(3000 пудъ) отъ $3^1/_2$ до 4 рублей.

Заяцъ—въ заминкѣ, безъ требованія, и хотя количество было

гораздо меньшее противъ прошлаго года, именно 120 тыс.;—но за него не давали и 20 рублей—(за сотню).

Табакъ—лучшій сортъ—до 12 рублей за куль (5 пуд.); средній—до 10 рублей.—Желтыхъ тонколистыхъ табаковъ здѣсь бываетъ очень мало.—Торговля этимъ товаромъ составляетъ принадлежность Нѣжина.

Сахара рафинада было не болѣе 10 тыс. пудъ; продавали отъ 8 р. 70 к. до 7 р. 70 коп.

Песку сахарнаго привезено было около 3 тыс. пуд. Проданъ тъ 5 р. 10 к., до 5 р. 60 к.—Назывались песками при заводахъ, оно въ покупки никто не входилъ.

Теперешняя зима причинила огромныя потери и извощикамъ и хозяевамъ. Дороги, отъ большого снѣга, дотого дурны, что гдѣ было ѣзды извощику 20 дней, тамъ онъ ѣхалъ 30 и 40,—многіе извощики измучили лошадей, разбросали товаръ и «попроѣлись».—Позднія отсюда отправки табаку заставляютъ многихъ призадуматься (товаръ этотъ боится подмочки, а теперь, отъ наступившихъ оттепелей, по дорогамъ много воды). Провозы здѣсь достигли неимовѣрныхъ цѣнъ: въ Москву (разстояніе 740 верстъ) подъ табакъ и сахаръ платили 80, 90 к., рубль, съ пуда, и дороже; до Мценска подъ табакъ 40 коп.

За февраль, съ табакомъ, вышло въ Москву около 2 т. лошадей; съ сахаромъ и пескомъ около 500 лошадей; въ Мценскъ съ табакомъ до 700 лошадей. Были значительныя отправки табаку въ Ростовъ (Яросл. губ.), Калугу и Арзамасъ; главныя же отправки были въ январѣ. До Елисаветграда (на Егорьевскую ярмарку) за мануфактурный товаръ платятъ рубль съ пуда; туда требуется ежегодно около 1000 лошадей.

О. Н—ій.

Изъ с. Карабиновки,

(*Новомосковскаго уѣзда*, *Екатеринославской губ.*).

(*4 марта*, *1861 г.*).

Разставшись съ вами въ Петербургѣ 12 января, въ день выхода первой книжки «Основы», я, возвратившись домой, получилъ ее толь-

ко 12 февраля, т. е. ровно *чрезъ мѣсяцъ*. Я вамъ и лично жаловался на чрезвычайно позднее полученіе у насъ ежемѣсячныхъ журналовъ: вообразите себѣ, что мы до сихъ поръ еще не получили здѣсь первыхъ книжекъ ни «Отечественныхъ Записокъ», ни «Современника», которыя уже почти *шесть недѣль* какъ вышли въ Петербургѣ! Вѣдь и мы, провинціальные подписчики на столичныя періодическія изданія, имѣемъ свои права на вниманіе къ намъ гг. издателей во-первыхъ, мы доставляемъ не малую, едвали не бо̀льшую, всравненіи съ столичными подписчиками, матеріальную поддержку всякихъ періодическихъ изданій; во-вторыхъ, болѣе или менѣе дальнее разстояніе отъ столицъ справедливо возбуждаетъ въ насъ и бо̀льшее любопытство къ свѣжимъ новостямъ, которое жители столицъ могутъ удовлетворять та̀къ или иначе, мы же единственно посредствомъ періодическихъ изданій... Если старые журналы равнодушны въ этомъ случаѣ, не смотря на неоднократно заявлявшіяся издателямъ ихъ какъ письменно, такъ и печатно, претензіи провинціальныхъ подписчиковъ на позднее полученіе этихъ журналовъ; то вашему новому изданію въ видахъ успѣшнѣйшаго распространенія его и сугубаго интереса для провинціальныхъ подписчиковъ, которыхъ оно, конечно, имѣетъ преимущественно въ виду, не мѣшало бы подать первый примѣръ скораго и исправнаго доставленія его въ провинціи. Нѣтъ сомнѣнія, что высшее почтовое начальство, приглашающее къ обнаруживанію всякихъ неисправностей и неудобствъ для частныхъ лицъ по его вѣдомству, не откажется содѣйствовать благовременной разсылкѣ по провинціямъ періодическихъ изданій, издаваемыхъ въ столицахъ. Естественно, чѣмъ скорѣе мы будемъ получать періодическія изданія, выходящія въ столицахъ, тѣмъ быстрѣе и дѣятельнѣе можетъ быть и участіе съ нашей стороны въ нихъ—какъ кореспондентовъ и сотрудниковъ.

Этимъ самимъ я перехожу къ обѣщанію, данному мною вамъ, сообщать для вашего изданія нѣкоторыя мѣстныя свѣдѣнія... Есть пословица: «что̀ у кого болитъ, тотъ о томъ и говоритъ». Вамъ извѣстна моя библіоманія; поэтому начинаю *библіографическими свѣдѣніями*, а за скудость ихъ не взыщите, по другой пословицѣ: «чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ».

Въ слѣдствіе вызова редакціи «Основы», спѣшу сообщить о настоящемъ состояніи книжнаго дѣла въ г. Екатеринославѣ. Въ 1859 году, напечатана въ «Библіографическихъ Запискахъ» № 18, статья

моя *объ общественной библіотекѣ и книжномъ магазинѣ въ г. Екатеринославѣ*. Въ ней было объяснено, что первоначальная формальная переписка объ учрежденіи публичной библіотеки въ г. Екатеринославѣ относится къ 1830 году; а въ 1834 г. 9, мая въ первый разъ открыта библіотека, составившаяся изъ книгъ большею-частію пожертвованныхъ, а въ теченіи времени пополнявшася почти исключительно періодическими изданіями, присылаемыми безденежно отъ разныхъ оффиціальныхъ редакцій. Но и эта первоначальная библіотека истреблена пожаромъ въ 1836 году, во время помѣщенія ея въ домѣ дворянскаго собранія; въ 1843 году, будучи возобновлена, она имѣла нѣкоторое время успѣхъ, но, постоянно упадая, съ 1851 г. перестала существовать вовсе. Изъ остатковъ этой библіотеки и новыхъ пріобрѣтеній, она открыта 1 сентября 1859 года и, по составленному тогда же каталогу, состояла изъ 546 сочиненій. Въ минувшемъ 1860 году она продолжала преуспѣвать, и впродолженіи года, пріобрѣтено дла нея на деньги подписчиковъ и посѣтителей 22 лучшихъ періодическихъ изданія русскихъ и иностранныхъ и 102 тома разныхъ сочиненій, такъ, что теперь бибтіотека состоитъ изъ 1552 томовъ. Въ доходъ библіотеки поступило, отъ подписчиковъ и посѣтителей, 452 руб. 70 коп. Читавшихъ въ библіотекѣ и бравшихъ книги для чтенія на домъ было 153 лица. Библіотека эта обязана своимъ существованіемъ въ настоящемъ ея видѣ г. Ульману, который завѣдываетъ также и книжнымъ магазиномъ А. А. Смирдина (сына) и комп. Магазинъ этотъ существуетъ здѣсь съ 1 сентября 1858 года. Книги въ этомъ магазинѣ продаются по петербургскимъ цѣнамъ, съ надбавкою 10%. Эта выгода могла бы значительно распространить мѣстную книжную торговлю, еслибы не препятствовала тому весьма медленная доставка книгъ посредствомъ тяжелыхъ транспортовъ, такъ-что интересующіеся свѣжими литературными новостями вынуждены выписывать книги изъ столицъ чрезъ почту: обоюдная потеря и для покупателей книгъ и для магазина! По свѣдѣніямъ отъ г. Ульмана, въ минувшемъ 1860 году продано книгъ на 4782 руб. 92 коп. Въ статьѣ «Библіографическихъ Записокъ» упоминалъ я, что главными покупателями были помѣщики; за ними слѣдовали чиновники, ученики—особенно гимназисты и мальчики изъ евреевъ, потомъ колонисты-нѣмцы, купцы и мѣщане, и, въ послѣднее время, государственные крестьяне. Больше всего распродано дѣтскихъ книгъ и учебниковъ; затѣмъ, надо назвать полныя собранія произведеній

русскихъ классиковъ,–книги, относящіяся къ сельскому хозяйству и политико-экономической дѣятельности,–далѣе, сочиненія богословскія; романовъ и повѣстей книгъ легкаго чтенія — безъ особеннаго внутренняго достоинства, почти вовсе не спрашивалось; математическія сочиненія не имѣли хода; историческія, съ народнымъ интересомъ, какъ вообще все современное, продавались тотчасъ. Екатеринославъ, не смотря на относительную свою ограниченность по пространству и народонаселенію между губернскими городами, можетъ похвалиться, что кромѣ типографіи при губернскомъ правленіи имѣетъ двѣ частныхъ типографіи съ литографіями, и одну собственно литографію. Въ типографіи губернскаго правленія напечатана «памятная книжка для Екатеринославской губерніи на 1860 годъ», заключающая въ себѣ 1) адресъ-календарь лицъ служащихъ въ губерніи по всѣмъ вѣдомствамъ, 2) статистическое обозрѣніе Екатеринославской губерніи за 1859 годъ и 3) разныя свѣдѣнія, какъ-то: о цѣнѣ гербовой бумаги, о полученіи и отправленіи почтъ въ Екатеринославской губернской почтовой конторѣ и въ почтовыхъ мѣстахъ Екатеринославской губерніи, о разстояніи отъ г. Екатеринослава до смежныхъ губернскихъ городовъ, почтовой дорожникъ Екатеринославской губерніи, свѣдѣнія о количествѣ земли и о числѣ мукомольныхъ мельницъ въ Екатеринославской губерніи, и, наконецъ, объ уѣздномъ городѣ Новомосковскѣ, или, собственно, о кожевенномъ въ немъ промыслѣ. Изданіе книги не дѣлаетъ чести губернской типографіи:—бумага и печать напоминаютъ *дѣла давно минувшихъ дней — преданья старины глубокой*. За сообщенныя же въ памятной книжкѣ свѣдѣнія нельзя не быть признательнымъ заботливости мѣстнаго начальства и не пожелать, чтобы какъ въ Екатеринославѣ, такъ и въ другихъ губернскихъ городахъ такія памятныя книжки издавались ежегодно.

Н. Мизко.

Изъ Полтавы.

(Мартъ 1861.)

I.

Полтавскіе колонисты. Болѣе 50-ти лѣтъ, какъ въ Полтавѣ поселены нѣмецкіе колонисты; но до-сихъ-поръ, кажется, объ нихъ не вспомнили ни однимъ печатнымъ словомъ, какъ-будто этихъ

полезныхъ людей и не существуетъ, или, какъ-будто совершенно нéчего сказать объ нихъ; но стóитъ только взглянуть на нихъ, чтобъ убѣдиться въ противномъ. Я представлю здѣсь лишь краткій очеркъ нашихъ колонистовъ, прося всѣхъ, кому болѣе моего извѣстно ихъ положеніе, дополнить мой очеркъ (*).

На основаніи доклада министра внутр. дѣлъ, утвержденнаго 20 іюня 1808 г., для усиленія въ Россіи сукнодѣлія, вызваны были изъ Богеміи и Моравіи суконные фабриканты и поселены: — въ Полтавѣ, 54 семейства (249 душъ обоего пола), и въ Константиноградѣ — 41 семейство (218 душъ). При поселеніи ихъ, правительство сдѣлало имъ разныя пособія: построены для нихъ на городской землѣ каменные дома; куплены, необходимые для сукнодѣлія, инструменты; для выдѣлки суконъ, на счетъ казны покупалась шерсть, а за работу, отъ штуки сукна, платилось 30 р. асс.; но кто хотѣлъ, — могъ выдѣлывать сукно въ сырцѣ (суровьѣ) и изъ собственной шерсти; за штуку такого сукна казна платила 20 р. асс. Завѣдывалъ этими фабрикантами особый инспекторъ фабрикъ. — Повидимому, благосостояніе колонистовъ было упрочено; но на дѣлѣ, оно годъ-отъ-году становилось хуже, и чрезъ 10 лѣтъ, въ Высочайшемъ указѣ, данномъ 27 Декабря 1818 г. министру внут. дѣлъ, сказано: что «иностранные суконщики находятся въ разстроенномъ положеніи.» Для поправленія ихъ благосостоянія тѣмъ же указомъ повелѣно: 1) казенный долгъ съ колонистовъ сложить и не взыскивать; 2) каменные дома, въ коихъ они живутъ, предоставить имъ въ собственность и присоединить къ дому необходимую часть земли для огорода и сѣнокоса; 3) казенные инструменты для сукнодѣлія отдать тоже въ собственность; 4) выдать заимообразно изъ казны, на каждое семейство, по сто р. на три года; 5) предоставить колонистамъ учредить у себя судъ и расправу, по примѣру прочихъ иностранныхъ колонистовъ въ Россіи, съ изъятіемъ ихъ отъ управленія, доселѣ ими завѣдывавшаго; и 6) предоставить имъ свободу заниматься ремесломъ своимъ независимо отъ мѣстнаго начальства. При этомъ, колонисты поручены въ особенное попеченіе бывшаго малороссійскаго генералъ-губернатора, на обязанность котораго возложено приведеніе ихъ *въ лучшее устройство*. Князь Рѣпнинъ, исполняя это повелѣніе, 13 мая 1820 года издалъ особую инструкцію, по которой для управленія колони-

---

(*) За эти свѣдѣнія приношу благодарность г. Дробышу.

стами учреждены приказы изъ старосты и двухъ бейзицеровъ, избираемыхъ обществомъ на три года.

Но и эта мѣра не достигла своей цѣли; благосостояніе колонистовъ не улучшилось: не смотря на то, что они никакихъ, ни частныхъ, ни государственныхъ повинностей не несутъ, они все таки приходили въ бѣдность. Какая была коренная причина этого зла — трудно опредѣлить: сами колонисты находили её въ присоединеніи колоніи къ управленію государственныхъ имуществъ; стороннія же лица причину обѣдненія видѣли въ томъ, что фабриканты продавали издѣлія свои (сукно, фланель, одѣяла, и проч.) по самымъ низкимъ цѣнамъ, нерѣдко съ убыткомъ. Какъ бы то ни было, только князь Долгоруковъ, будучи генералъ–губернаторомъ здѣшняго края, обратилъ вниманіе на бѣдное положеніе колонистовъ; и по ходатайству его, комитетъ министровъ призналъ «единственнымъ благонадежнымъ средствомъ къ улучшенію благосостоянія фабрикантовъ» выдать имъ заимообразно, изъ полтавскаго приказа общественнаго призрѣнія 40,000 р. асс. на пять лѣтъ по 6%. На это послѣдовало 4 ноября 1842 г. Высочайшее повелѣніе, съ тѣмъ, чтобы выдѣлываемое сѣрое фабричное сукно было поставляемо въ кременчугскую коммиссаріатскую коммиссію для обмундированія рекрутъ полтавской губерніи, съ платою за выдѣлку штуки сукна въ сырцѣ, мѣрою 42 аршина, 7 р. 43 к. серебр. Въ то же время, учрежденъ «особый комитетъ» для улучшенія состоянія суконныхъ фабрикантовъ. Комитетъ составляется изъ шести членовъ, избираемыхъ самимъ обществомъ изъ среды себя, подъ предсѣдательствомъ попечителя колоній, назначаемаго мѣстнымъ начальствомъ. — Въ томъ же году, 13 апрѣля, объявлено Высочайшее повелѣніе объ отчисленіи полтавскихъ колонистовъ изъ вѣдомства палаты государственныхъ имуществъ и подчиненіи ихъ общему городскому управленію.

Въ настоящее время, всѣхъ колонистовъ въ Полтавѣ считается 254, а въ Константиноградѣ 268 душъ; но межъ ними найдется не болѣе пяти-шести сколько-нибудь достаточныхъ семействъ; всѣ же прочіе въ самомъ скудномъ положеніи, хотя долгъ приказу общ. призрѣнія уже выплаченъ. — Гдѣ же, въ самомъ дѣлѣ, зло бѣдности? Между колонистами *положительно нѣтъ* ни пьяницъ, ни воровъ, ни расточителей; всѣ они люди трудолюбивые, аккуратные; но отчего они бѣдны? отчего правительственныя пособія не улучшили ихъ состоянія? Наши нѣмцы объясняютъ это явленіе слѣд. образомъ: 42 арш.

сукна выдѣлывается, семействомъ изъ 4 душъ, въ 14 дней; при этомъ, кромѣ труда, фабрикантъ разсходуется на масло, клей, освѣщеніе, отопленіе, на починку инструментовъ, на валку, стрижку и отдѣлку сукна, да на свой счетъ укупоритъ и отвезетъ сукно въ Кременчугъ, гдѣ изъ коммисіи ему дадутъ, за каждый аршинъ, 75 к.; а съ этого не разживешься. По этому расчету выработаешъ въ сутки отъ 7 до 10 к. Развѣ можно изъ этого содержать семейство? Слава Богу, теперь долгъ казнѣ уплатили, авось поправимся!..»

Въ обѣихъ колоніяхъ, для поддержанія состарѣвшихся фабрикантовъ, заведены особыя суммы, составляемыя изъ ежегодныхъ взносовъ. Каждый мастеръ вноситъ ежегодно 10 р., подмастерья—5, а ученикъ — 1 р. ассиг.; сверхъ того, при удостоеніи въ мастера́, при выдачѣ свидѣтельства, платится, единовременно, 5 р. асс. Въ колоніяхъ находятся учители нѣмецкаго языка, обучающіе дѣтей обоего пола и содержимые на счетъ общества. Всѣ колонисты, при малѣйшихъ средствахъ, охотно отдаютъ своихъ дѣтей учиться въ городскія учебныя заведенія. Вѣроисповѣданія они частію лютеранскаго, частію римско-католическаго; въ обѣихъ колоніяхъ устроены церкви (довольно бѣдныя).

О чистотѣ, опрятности и честности колонистовъ нѐчего и говорить: сто́итъ только придти въ воскресный день въ церковь, чтобъ увидѣть, какъ эти бѣдные труженики прилично одѣты. За все существованія колоній, едва-ли между колонистами было два-три уголовныхъ преступленія, и наши присутственныя мѣста не могутъ жаловаться на обремененіе ихъ дѣлами отъ колонистовъ, или о колонистахъ... (*)

Александръ Конисскій.

II

— — — Чи воно жъ-таки до ладу̀ слухать усякого *полу̀панка*, якъ почне розводить—про народъ и школи? Чого вінъ не наговорить! Чижъ

(*) Редакція весьма была бы благодарна почтенному автору за сообщеніе свѣдѣній о взаимныхъ отношеніяхъ туземцевъ — украйцевъ и поселенцевъ— нѣмцевъ; безъ-сомнѣнія, можно подмѣтить много характеристическихъ чертъ сходства и различія обоихъ племенъ.

и міжъ ними мало такихъ, що кажуть: «судовикамъ не соромъ брать хаба рі, бо имъ малѐ жалованне дають;» та́къ чи тожъ імъ и ймуть віри? Гай-гай! та й годі!... Нехай же наша недільня школа буває здорова, а ми поговоримо де́-про-що инче, приміромъ: хочъ про журнали й газети.

То-рікъ у Полтаві получалось усіхъ московськихъ и чужеземнихъ газетъ и вістниківъ мало не 800. Ми приведемо ліку тілько такіхъ, которіхъ получалось більше 10-ти штукъ: *Московськихъ Відомостей*—45, *Сина Отечества*—43, *Современника* 36, *Петербурськихъ Відомостей* 34, *Руського Вістника* 29; *Библіо́теки для чтенія* 26; *Отечественнихъ Записокъ* 23; *Стра́нника* 23; *Духовноі Беседи*, *Вістника Министерства Юстиціі* и *Вістника для Землевладільцівъ* по 20; *Иллюстраціі* 18; *Нашого Времени*—17; *Народнёго Чтенія*, *Московського Вістника*, *Искри*, *Семейного Листка* и *Иноземніхъ романівъ*—по 15, *Вази* 14; *Библіотеки медицинськіхъ наукъ* 12, *Русскаго Слова* 11. Приміромъ можно класти що усіхъ газетъ и вістниківъ торікъ у Полтаві виписувалось на 10,000 карбованцівъ; а въ сёму року́ мабуть буде більше. Книжокъ то-рікъ найбільше куповали: «*Кобзаря*, *Хати*, *сочиненій Білинського* и *Гизо*. *Кобзаря* куповали бъ въ трое більшъ, колибъ бувъ дешевий; а то́—якъ-таки бідному селянинові заплатить за книжку 2 карбо́ванці? Отъ колибъ найшлась добра душа, та напечатала удруге дешевого «Кобзаря», такъ би сказать не дорогше коповика, щобъ то за добре діло було! П. А. Кулішъ надруковавъ у друге «Хату» да все таки не поцінно для селянъ. А скілько доводилось мині стрічать людій, котрі и проби ради бъ купити «Кобзаря,» або «Хату», та ба! у кишені пусто! и виходить, що *рада бъ мама за пана, да панъ не бере*... Намъ здаетця, найкраще бъ було, коли бъ хто ставъ видавати для народу дешевий вістникъ на украінскій мові: изъ сёго бъ вийшла польза не тільки для селянъ, а й для всіхъ насъ; бо такимъ вістникомъ ми скорій усёго установили бъ чисту литературню и, разомъ, народню украінську мову.

Теперъ поведемо річъ о *доро́гахъ*. Звісно, що въ Полтаві грунтъ землі ґлеёватий, а черезъ те́—у весну, а особливе—осінню, по улицяхъ стоіть пекельна грязюка. Кому дово́дилось іхать въ грязь у Полтаву изъ-за Воркскли, черезъ Подилъ на го́ру, той, певно, набрався доброі чиховиці що и досі памьятуе. У самому городі есть-таки улиці, вимощені каменемъ. До 1860 року було мо́щенихъ улиць, здаетця,

шість; улиці лагодивъ нанятий Думою по *договору* Еврей Горштейнъ; та лагодивъ-то не дуже пильно: бувало, въ грязь, и на мощеній улиці ускочишъ такъ, що коли не колесо, то швирень лусне. Торішнёю весною, п. губернаторъ, зібравши городську громаду, сказавъ,—не хай би вона порадилась, якъ-би такъ лучче зробить, щобъ и улиці похожі були на улиці и щобъ хазяінамъ поменьшить мостову плату. Громада нарядила одъ себе виборнихъ,—людей чеснихъ и правдивихъ; виборні переміряли улиці и, зібравшись на раду, вищитали, що якъ будуть вони самі наймать роботниківъ лагодить улиці, то и хазяінамъ буде легше и улиці краще можна держать. И справді, теперь улиці тіжъ самі, що й були, та ізда по імъ и геть-то краща! От-такъ и у всякому громадському ділі—треба що бъ громада не здавалась на *наймитівъ*. Коли бъ ще наша громада нарядила одъ себе виборнихъ на повірку, якъ полиціянти у темні ночі світять по улицямъ лихтарі. Не дала бъ вона и тутъ маху! Ми знаемо, що й до сёго діла старші приглядувались, такъ одному жъ чоловікові не розірватьця; а лихтарі придумані для всеі громади и на громадські гроши; громада и повинна сама глядіть свое добро, а коли що найшла не такъ — объявить кому слідъ: — отъ и буде усе гараздъ! Ми чули що у насъ думають Городську Думу переробить по приміру петербурськоі. Нічого й говорить яка бъ одъ сёго була польза для всеі громади. Я ніякъ не візьму собі въ голову: чого такъ, що тільки изъ самихъ купцівъ та зъ міщанъ можна вибірати городського голову? Чому не можна настановить головою усякого розумного чоловіка, коли вінъ у городі мае свою оселю? И чого се такъ, що головами вибірають людей—аби багатихъ, а тамъ — нехай хоть жуки гудуть у голові, коли кишеня у его повна. Хіба жъ таки у кишені водитци розумъ? Хіба кишеня загляне уво всі народні нужді? Хіба вона ділитьця зъ бідцимъ? Ні, вона буде ділитьця та не съ тимъ, кому справді треба, а.... вона знае съ кимъ....

Покиль-то ще переобразують Думу, скажемъ слово о погоді. Ні одинъ полтавський дідъ зъ 1836 року не зазнае такоі зіми, якъ була остатня. За неділю до Роздва, якъ ставъ валить снігъ, якъ стали крепить морозы, да такі що градусівъ въ 30-ть, та такечки більшъ місяця крепили. Холодюча така була, що крий Боже! Глянешъ—було на двіръ, та заразъ и назадъ, бо на дворі що-дня

«Реве-стогне хуртовина,
Котить, верне полемъ»....

Черезъ такую холоднечу, топливо въ Полтавѣ дуже подорогшало: за сажінь дровъ платили карбованцівъ по 14, або й зъ половиною. Гіршъ усёго зіма далась у знаки́, тимъ, у котрихъ нема своіхъ хатъ. Плата за кватирі геть-то повизшала; проізжающі платили по гостиницямъ, за одну кімна́тку, по півтора карбованця въ сутки. А спиатешъ: чомъ такъ дорого? Кажуть: — топливо дороге. Не жаль би ще платить, колибъ хоть хату теплу одвели, а то́ — одинъ мій приятель росказувавъ, що у гостинниці вінъ підъ двома кожухами цілісеньку нічъ дрижаки івъ. Да таки и всі хазяіни́ полтавскі *не вміють* поцінно найма́ть кватиръ. Прійде, кажуть, Ильинскій ярмалокъ, ми свого не загубимъ. И справді, у ярмаркову по́ру зъ приізжого беруть якъ за рідного батька.

Хто бувавъ объ Иллі въ Полтаві, той знае чи правду я кажу. Правда, що у насъ хозяіна́мъ тільки и заробітку, що зъ кватиръ: ну, да все жъ таки, треба и честь знать....

Олександръ Переходовець.

Изъ Лубенъ (Полтавской губ.)

(*21 апрѣля, 1861 г.*).

Лубенская воскресная школа. Воскресная школа, объ открытіи которой мы хлопотали еще въ октябрѣ мѣсяцѣ 1860 года, наконецъ, послѣ многихъ препятствій и затрудненій, встрѣчаемыхъ добрымъ дѣломъ та́мъ, гдѣ еще не всѣ сознали его необходимость, открыта въ Лубнахъ 25 марта 1861 года при лубенскомъ уѣздномъ училищѣ.

Средства школы такъ ограниченны, что мы не имѣемъ возможности поощрить учащихся предоставленіемъ имъ на домъ учебныхъ пособій, между-тѣмъ-какъ число учащихся для Лубенскаго народонаселенія, не превышающаго 4000 душъ, очень достаточно; 25 марта явилось въ воскресную школу учащихся 72, а 26 марта—77 человѣкъ; изъ этого числа было 40—ничего незнающихъ, 26—знающихъ склады, а 11—умѣющихъ читать.

Не смотря на то, что учрежденіе воскресныхъ школъ одобрено и поощряемо правительствомъ и обществомъ, отсталые люди, во что́ бы то ни стало, не хотятъ уступить современному направленію образованія: такъ, 9 апрѣля, въ воскресной лубенской школѣ оказалась половина только учащихся, посѣтившихъ ее въ первый разъ, по той причинѣ, что неблагонамѣренные люди увѣрили многихъ учениковъ въ томъ, что за обученіе въ воскресной школѣ будутъ впослѣдствіи налагаемы на нихъ казенныя работы!.. Ученики, посѣтившіе воскресную школу 9 апрѣля, объявили, что именно по этой причинѣ не явились дѣти мѣщанина Костырки и работники портнаго Лейзера.

Преподаваніе въ школѣ раздѣлили между собою учители Лубенскаго уѣзднаго и духовнаго училища. Блюститель школы,—онъ же первый подалъ и мысль объ ея учрежденіи,—Денисъ Дмитріевичъ Тирютинъ, кромѣ главной своей обязанности принялъ участіе и въ преподаваніи. По предложенію Дениса Дмитріевича, занятія въ школѣ распредѣлены слѣдующимъ порядкомъ:

Школа раздѣляется на два класса: въ 1-мъ учатся, по группамъ, грамотѣ — ничего еще незнающіе, во 2-мъ — начинающіе и умѣющіе уже читать.

Во 2-мъ классѣ,	1	полчаса	опредѣляются	для	чтенія,
	2	»	»	»	ариѳметики,
	3	»	»	»	русскаго письма,
	4	»	»	»	вѣроученія.

Въ первые три полу-часа преподаватели занимаются по группамъ; 9 апрѣля на каждаго преподавателя приходилось по 2 и по 3 человѣка. Старшіе ученики уѣзднаго училища помогаютъ въ преподаваніи подъ наблюденіемъ преподавателей:

Въ 1-мъ классѣ,	1 часъ	опредѣляется	на обученіе грамотѣ,
	полчаса	»	изустному счисленію,
	полчаса	»	вѣроученію.

Такое распредѣленіе оказывается очень удобнымъ.

Намъ остается теперь просить «Основу» и другіе журналы—печатно пригласить всѣхъ сочувствующихъ доброму дѣлу — помочь намъ высылкою книгъ и другихъ учебныхъ пособій. Въ нашемъ народѣ, любознательности и потребности сознательнаго образованія—много; позвольте же надѣяться, что и наша школа не останется безъ отклика и участія.

Пособія для мужеской лубенской воскресной школы могутъ быть высылаемы или на имя блюстителя школы, Дениса Дмитріевича Тирютина, или на мое.

Распорядитель лубенской мужской воскресной школы,

Василій Шевичъ.

ЦЕНТРАЛЬНА НАУКОВА БІБЛІОТЕКА
16|62

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Ф—ну Га—з—ку, въ Ніжинъ. Ду́же Вамъ дя́куемъ за те́пле сло́во и за «Макси́ма Галу́зу.»

В—са—р—ну И—чу В—си—ву, въ Уфу. Вы совершенно правы; мы искренно благодарны Вамъ за совѣтъ; постараемся исполнить его по мѣрѣ возможности. Впрочемъ, намъ слѣдуетъ дорожить лишь тѣмъ сочувствіемъ, которое проявляется не подъ вліяніемъ мгновеннаго впечатлѣнія. Нашъ незабвенный поэтъ выше всего цѣнилъ искренность и постоянство.

М—д—у Г—л—чу Д—м—скому, въ Хоролъ. Гара́здъ гово́рите! Вашъ листъ и стихи́ прочита́ли ми ра́зъ и вдру́ге. Не забува́йте про насъ, а ми Вамъ щи́рою пра́вдою оддя́чимо.

Ал—д—у П—т—п—чу К—р—т—ку, въ Екатеринославъ. Постараемся исполнить Ваше желаніе; но просимъ немного обождать. Отвѣтимъ особымъ письмомъ.

М—х—лу М—чу Л—ч—ку, въ Ананьевъ. Всѣ Ваши посылки получены; мы чрезвычайно признательны Вамъ за нихъ. Насъ очень радуетъ Ваша неутомимость; отъ Вашего внимательнаго изученія мы ожидаемъ много полезнаго и весьма дорожимъ Вашимъ сотрудничествомъ.—Не забывайте писать къ намъ чаще обо всемъ, что̀ вокругъ Васъ происходитъ; мы съ удовольствіемъ читали «Степныя письма».

Ан—р—ю Г—р—чу М—др—къ, въ Козелецъ и *Вл—ру Шм—ч—ку, въ Кишиневъ.* Ваши письма, съ статьями, получены нами съ благодарностью. Просимъ обождать окончательнаго отвѣта до слѣдующей книжки.

П—ну Га—ку, въ Москву. Багато де́-объ-чі́мъ треба Вамъ одписа́ти, да чи то̀жъ ле́гко ві́льного ча́су діждатись? Найкра́ще, якъби́ Ви самі́ у на́шу ха́ту загля́нули.

М—х—лу С—пр—у, въ Воронежъ. Ваше желаніе и Вашъ

упрекъ вполнѣ справедливы; мы вѣримъ Вашему участію и отвѣчаемъ искреннею благодарностью. Мы давно сознаемъ замѣченный Вами недостатокъ, котораго никакъ не могли предвидѣть въ началѣ дѣла,— принимаемъ мѣры къ его устраненію, и надѣемся, что время, а можетъ быть и наше стараніе исправятъ его.

М—кс—му Ч—рн—у, въ Кіевъ. Безъ сомнѣнія, будетъ напечатано, — хотя не всегда вполнѣ, — все, что́ Вы сообщите; возраженія могутъ найти мѣсто въ «Основѣ», если они не противорѣчатъ существеннымъ убѣжденіямъ. Ваше возраженіе съ эпиграфомъ: «пра́вду ріжъ», тоже будетъ помѣщено, если Вы потрудитесь яснѣе высказать, развить, свои мысли. Надѣемся, «второе письмо», за которое искренно Вамъ благодарны, войдетъ въ VI книжку. Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ отъ Васъ извѣстій о многихъ явленіяхъ мѣстной общественной жизни.

Отчетъ о перевезеніи тѣла покойнаго Т. Гр. Шевченка на родину, отлагается по обстоятельствамъ, до слѣдующей книжки. Ожидаемъ нѣкоторыхъ свѣдѣній и представимъ свой отчетъ въ возможно-полномъ видѣ.

Послѣ Т. Гр. Шевченка здѣсь остались еще непроданными нѣкоторыя его гравюры, рисунки и рисовальныя принадлежности. Желающіе пріобрѣсти себѣ что́-либо изъ этихъ предметовъ, или узнать подробности, могутъ обращаться въ квартиру *Михаила Матвѣевича Лазаревскаго, домъ Воронина, въ 5-й линіи, противъ сада Академіи Художествъ.*

ОБЪЯСНЕНІЕ

НЕУДОБОПОНЯТНЫХЪ ЮЖНОРУССКИХЪ СЛОВЪ,

СОДЕРЖАЩИХСЯ ВЪ 5-Й КНИЖКѢ «ОСНОВЫ».

Бáйдики бить—проводить время въ праздности, бить баклуши.
Бáчитця—кажется, видится.
Бíдкатись — жаловаться на нужды, недостатки, неудачи.
Благýщий—умоляющій.
Бли́мать—слабо свѣтиться.
Блуди́ть—сбиться съ пути.
Бухи́кать—кашлять (густымъ кашлемъ).

Вáлява—куча, множество (снѣгу).
Вбивáтись—жалѣть, тосковать.
Вгамувáтись—уняться, успокоиться.
Вдоволня́ти—довольствовать, удовлетворять.
Видирáть — забирать, вытаскивать (изъ гнѣздъ и норъ дѣтенышей).
Видъ—лицо.
Витребéньковать — выдумывать, болтать.
Викликáти—вызывать.
Вогки́й—сырой, влажный.
Волочи́ть—боронить.

Га-га!—междометіе.
Гидкувáти—брезгать.
Гнучки́й—гибкій.
Годи́нникъ—часы.
Гóни—извѣстное разстояніе; гонями измѣряютъ вспаханное поле: «виоравъ гóней зó дві».
Грíмъ—громъ.
Грýдочка—комочекъ.
Грядъ—градъ.
Гýнуть—устремиться толпой; толкнуть сильно.
Гучни́й—звучный, громкій.

Дзиґáрі—часы.
Ди́хать—дышать.
Дýдлить—пить съ жадностью (дуть).

Забитнá (дорога)—занесенная (снѣгомъ дорога).
За-вітромъ—по теченію вѣтра.
Заволокти́—подернуть, затянуть.
Задріпана (одéжа) — съ запачканнымъ въ грязь подоломъ.
Зáйвий—лишній
Заморóчить—обмануть, затуманить.
Зáполочь—красныя бумажныя нитки, которыми вышиваютъ воротники и рукава рубашекъ, полотенца и другія вещи.
Захолóнуть—застыть.
Зашамотíть — зашумѣть платьемъ; зашелестѣть.
Зби́то—вытоптано.
Злякáтись—испугаться.
Змигáть—мигать.
Зоупини́ть—удержать, остановить.

И́стикъ — деревянная, заостренная, довольно большая палка, которую (*плугáтарь* (работникъ, управляющій сохою или плугомъ) во время оранія держитъ въ рукѣ и очищаетъ ею приставшую къ плугу или сохѣ землю.

Каламýтний—грязный, взболтанный (о водѣ и о другой жидкости).
Кé мини; кé сюди—подай мнѣ.
Клацъ-клацъ!—междометіе, выражающее щелканье зубами (о волкѣ).
Коверзувáти—своенравничать, вертѣть по своему.
Ковтáть—глотать.
Кози́рить (ушима) — настороживать (уши), прислушиваться.
Копá—шестьдесятъ сноповъ ржи или другаго хлѣба.
Кублó—гнѣздо.

Личко—(умен.)—лицо.

Лопъ-лопъ!—хлопъ-хлопъ! (междометіе звукоподражательное, означающее хлопанье птицъ крыльями).

Манія́—привидѣніе, призракъ, фантомъ.

Manя́чить — виднѣться издали въ неопредѣленныхъ формахъ.

Ме-ме!—междометіе, обозначающее блеяніе овецъ.

Млинъ—мельница.

Му́штра—солдатское ученье.

Наброі́ть — наколобродить, надѣлать безпорядку.

Навперéйми́—навстрѣчу (забѣжать кому, чтобъ задержать),

Навпро́шки — напрямикъ (о дорогѣ).

Нагибать—набрести, найти.

Нагодувáть—накормить.

Назо́рить—усмотрѣть, завидѣть.

Нарікáть — роптать, обвинять.

Настигнуть—догонять, поспѣвать, подоспѣть.

На́ський — домашній, доморощенный.

Не-подале́ць—неподалеку.

Незабу́тний—незабвенный.

Нес-та́къ—не такъ много, не столько какъ.

Несчу́тись—не замѣтить, не опомниться; слово это происходитъ отъ гл. чуть, слышать и всегда употребляется въ отрицательной формѣ.

Не́хворощъ — artemisia campestris, L., растеніе, изъ котораго дѣлаютъ вѣники.

Ні-що́—ничто́.

Обдимá (живітъ)—дуетъ (животъ).

Одягъ—одежда.

Ополо́нка—прорубь.

Осторонь—всторонѣ, поодаль.

Отъ-о́тъ—вотъ-вотъ.

Па́гонці—молодые побѣги, отростки.

Перелігъ—нива, вспаханная прошлый годъ.

Перенівечить — испортить, привесть что́ въ дурное состояніе. Слово это употребляется въ рѣчи не только о вещахъ, напр. изнівечить кожухъ (тулупъ), но и о человѣкѣ, напр. чоловікъ (мужъ) изнівечивъ жінку.

Перестрибну́ть — перепрыгнуть, перескочить.

Питáти—спрашивать.

Підводи́тьця—привставать.

Повертáтьця—ворочаться (съ бокуна-бокъ).

Позáторікъ—третьяго году.

Поли́нуть—полетѣть.

Поназбігáлись—сбѣжались, столпились.

Поско́ритьця — поторопиться, поспѣшить.

Помістъ—полъ.

Почимчику́вать — побрести, поплестись.

Почу́ть—слышать, почувствовать.

Притьмо́мъ—скоро, поспѣшно.

Провáлля — глубокій, обрывистый оврагъ, проваль.

Про́жогомъ—весьма быстро, стремительно, пронзительно.

Пручáтьця — высвобождаться, вырываться.

Пу́га—плеть.

Ралéць—приношеніе должностному лицу; пáну.

Розважáть — развлекать, успокоивать.

Рештувáть—снаряжать.

Ру́шить—тронуть, трогать; тронуться съ мѣста.

Сáвка—Савелій.

Секлéта—Сигклитикія.

Си́ла (вовківъ) — множество (волковъ).

Сібірний (ругат. слово) — заслуживающій Сибири.

Скорбо́та—скорбь.

Слези́на—слеза.

Слопéць—

Срібло—серебро.

Срібнохви́лий—Среброволный.

Ставо́къ—небольшой прудъ.

Стійло—стойло.

Стовпъ—столбъ.

Стопцёваний — истоптаный, выбитый.

Стрибáйчичокъ — Зáйчичокъ-стрибáйчичокъ — (умен.) пригунчикъ.

Торікъ—прошлый годъ.

То́рба—мѣшокъ.

Улягáть—налегать.

Унáдився—повадился.

Уни́шкнуть — утихнуть; присмирѣть.

Хвáбрий—храбрый, бойкій.

Хихи́кать—хихикать, смѣяться.

Хля́ga слякость.

Хо́ля—пѣга.

Хуgá —вьюга.

Ху́рія—мятель.

Хусти́ця—платочекъ.

Цькува́ти—травить (собаками).

Чепíга—одно изъ созвѣздій.

Черíдка — свиное стадо; уменьшительное слово отъ череда́ (стадо коровъ). Коровы и свиньи, возвращаясь съ поля, идутъ одна за другой, въ нѣкоторомъ порядкѣ или очереди; вѣроятно, оттого и слово череда́.

Чистобре́ха — тотъ, кто гладко вретъ.

Чми́шуть—чми́хать — сильно дышать (о волахъ, коровахъ).

Чо́р-зна-чого́—чортъ знаетъ чего.

Чуда́сія—диво, чудо.

Ша́та — одѣяніе; окладъ на образахъ.

Эге́!—эге-ге́!—да; э!

Яро́чокъ—небольшой оврагъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ И МУЗЫКАЛЬНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

О ВЫХОДѢ

ВТОРОЙ КНИЖКИ

БИБЛІОТЕКИ ДЛЯ ДѢТСКАГО ЧТЕНІЯ.

При 4-мъ нумерѣ «Русскаго Педагогическаго Вѣстника», вышла 2-я книжка *Библіотеки для Дѣтскаго Чтенія*. Содержаніе ея слѣдующее:

1) Бесѣды о природѣ. (Бесѣда вторая: общія свѣдѣнія изъ анатоміи и физіологіи, съ тремя рисунками.)

2) Географія въ разсказахъ.

3) Солнце, земля и луна.

4) Секундные часы, съ 15-тью рисунками.

5) Теплая вода. Изъ Бока.

6) Лошадь. Изъ Бюффона.

7) Смерть Шевченка.

8) Украинскій козакъ въ степи. Изъ поэмы «Марія» Мальчевскаго.

При этой книжкѣ приложены: портретъ Тараса Григорьевича Шевченка, гравированный на камнѣ, и 18-ть рисунковъ (къ статьямъ 1-ой и 4-ой), гравированныхъ на деревѣ.

Подписка на «Библіотеку для Дѣтскаго Чтенія» принимается: въ Петербургѣ — въ конторѣ журнала «Русскій Педагогическій Вѣстникъ», при книжномъ магазинѣ А. И. Давыдова, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Завѣтнова, а въ Москвѣ—въ книжномъ магазинѣ г. Свѣшникова.

Цѣна за годовое изданіе «Библіотеки», состоящее изъ шести книгъ, *6 рублей съ пересылкой и доставкой*, а для выписывающихъ ее вмѣстѣ съ «Русскимъ Педагогическимъ Вѣстникомъ»—*5 рублей*, или за «Русскій Педагогическій Вѣстникъ и Библіотеку для Дѣтскаго Чтенія» *13 рублей*. Можно получать каждую книжку отдѣльно по 1 руб.

Для воскресныхъ школъ уступается по слѣдующей цѣнѣ: за годовое изданіе «Библіотеки»—2 руб. съ пересылкой, а отдѣльно—первая книжка по 25 коп. сер., вторая книжка по 41 к. сереб.

Редакторъ и издатель **Александръ Григоровичъ**.